
Сара Уотерс
Маленький незнакомец
Сара Уотерс — автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову.
Daily Mail

Маленький незнакомец
Сара Уотерс

Аннотация
Сара Уотерс. Маленький незнакомец
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Заблудшая девушка. (Скандал, вдохновивший на роман)

Аннотация

Сара Уотерс — современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (Daily Mail) — трижды попадала в шорт-лист Букеровской премии, в том числе и с романом, предлагающимся вашему вниманию.

Эта история с привидениями, в которой слышны отголоски классических книг Диккенса и Эдгара По, Генри Джеймса и Ширли Джексон, Агаты Кристи и Дафны Дюморье, разворачивается в обветшалой усадьбе Хандредс-Холл, претерпевающей не лучшие времена: изысканный парк зарос, половина комнат законсервированы, гостей приходится принимать в цокольном этаже, и вообще быть аристократом невыгодно. Что до действующих лиц, то предоставим слово автору: «Стареющая миссис Айрес, пленница ускользающего былого стиля жизни, ее почти безнадежно незамужняя дочь и израненный на войне сын. Я снабдила их юной служанкой по имени Бетти и мягким другом — доктором Фарадеем, который запутается

в хитросплетениях их истории, набравшей жути и преобразившей его. В довершение я подселила к ним нечто вроде призрака…»

В 2018 году на экраны выходит экранизация «Маленького незнакомца», поставленная Леонардом Абрахамсоном («Комната», «Фрэнк», «Что сделал Ричард»), главные роли исполнили Донал Глисон, Рут Уилсон, Уилл Поултер, Шарлотта Рэмплинг.

Сара Уотерс
Маленький незнакомец

Моим родителям, Мэри и Рону, и сестре Деборе

1

Мне было десять лет, когда я впервые увидел Хандредс-Холл. Стояло послевоенное лето; Айресы еще были богаты и считались местной знатью. Отмечался День империи[1]; в шеренге поселковых ребят я отдавал скаутский салют миссис Айрес и полковнику, которые шли вдоль строя, вручая нам памятные медали; потом мы с родителями уселись за длинные столы (кажется, на южной лужайке) и пили чай. Миссис Айрес выглядела года на двадцать четыре, двадцать пять, муж ее казался немного старше, а их дочке Сьюзен было лет шесть. Наверное, они представляли собой очень красивую семью, но запомнились смутно. Гораздо ярче воспоминание о доме, поразившем меня своим видом настоящего особняка. Помнятся детали благородной старины: обветшалый красный кирпич, пузырчатые оконные стекла, объеденные непогодой угловые налични-

[1] Примечания: 1

День империи — национальный праздник, отмечавшийся с 1903 по 1958 г. в день рождения королевы Виктории (1819–1901) 24 мая. В 1958 г. его заменил День Содружества; с 1966 г. в первой половине июня отмечается официальный (не совпадающий с фактическим) День рождения монарха. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

ки. Все это лишало дом четких очертаний, делая его похожим на глыбу льда, слегка подтаявшую на солнце.

Разумеется, никаких экскурсий по дому не предполагалось. Двери и французские окна были открыты, но перегорожены лентой или тесьмой; если кому надо в туалет — пожалуйте в хозяйственный блок, где имелись уборные для конюхов и садовников. Однако у матери еще водились знакомцы среди слуг, и после чая, когда гости разбрелись по угодьям, через боковую дверь она тайком провела меня в дом, где мы немного пообщались с кухаркой и судомойками. Визит меня впечатлил необычайно. К кухне, расположенной в цокольном этаже, вел прохладный сводчатый коридор, чем-то напоминавший темницу в замке. По нему сновала уйма челяди с корзинками и подносами. Судомоек ждала гора посуды, и мать, закатав рукава, взялась им помогать. К моему восторгу, в награду за ее труды мне разрешили полакомиться желе и «финтифлюшками», которые вернулись с банкета нетронутыми. Меня усадили за дощатый стол и выдали из хозяйского сервиза ложку — тяжеленную штуковину потемневшего серебра, едва ли не больше моего рта.

Однако меня ждала еще бóльшая радость. Высо-

ко на стене сводчатого коридора висела коробка, полная всяких проводков и звоночков; когда один такой звонок затрезвонил, призывая наверх горничную, она взяла меня с собой, чтобы я заглянул за зеленую суконную штору, разделявшую парадную и служебную половины дома. Веди себя хорошо и тихонько жди меня здесь, сказала горничная. Ни в коем случае не суйся за штору — если полковник или хозяйка тебя заметят, выйдет скандал.

Вообще-то, я был послушный ребенок. Но за шторой расходились два вымощенных мрамором коридора, полные удивительных вещей, и потому, едва служанка бесшумно скрылась в одном проходе, я отважно шагнул в другой. Меня охватил изумительный трепет. Я говорю не о страхе от незаконного вторжения, но о восторге, который дом вызывал во мне каждой своей деталью: отполированным полом, потемневшим от времени деревом стульев и шкафов, фаской зеркала и его резной рамой. Меня потянуло к безупречно-белой стене, украшенной гипсовым бордюром в виде желудей и дубовых листьев. Подобное я видел лишь в церкви и оттого после секундного раздумья совершил поступок, который сейчас мне кажется чудовищным: я попытался отло-

мить один желудь; ничего не вышло, и тогда я поддел его перочинным ножом. Мной руководил не вандализм. Я не был злобным разрушителем. Просто, восхищаясь домом, я хотел обладать его кусочком… вернее, мне казалось, что именно мое восхищение, которым, наверное, не проникся бы заурядный мальчик, дает мне на это право. Думаю, я был подобен юноше, жаждущему обладать локоном девушки, в которую он внезапно и безудержно влюбился.

Наконец желудь отвалился, но не так аккуратно, как хотелось, — вылез кусок дранки, осыпалась побелка. Помню, я огорчился. Видимо, рассчитывал, что желудь мраморный.

Никто меня не застукал. Дело-то, как говорится, минутное. Сунув желудь в карман, я шмыгнул обратно за штору. Через минуту появилась горничная; она отвела меня вниз, и мы с матерью, распрощавшись с кухонным персоналом, отыскали в саду отца. Твердый кусочек гипса в моем кармане будоражил до тошноты. Я забеспокоился, что полковник Айрес, мужчина устрашающего вида, обнаружит ущерб и остановит праздник. Но гулянье беспрепятственно катилось до самых синеватых сумерек. Потом в толпе жителей Лидкота мы отправились в долгий пеший путь

домой; над тропками кружили летучие мыши, словно подвешенные на невидимых ниточках.

Разумеется, мать нашла желудь. Я беспрестанно вытаскивал его из кармана, и на серых фланелевых шортах остался меловой след. Поняв, что это за странная штучка, мать чуть не расплакалась. Она меня не отшлепала и ничего не сказала отцу — на конфликты ей не хватало духу. В глазах ее стояли слезы, а взгляд выражал недоумение и стыд. Я ждал, что сейчас она скажет: «Такой умный мальчик должен понимать, что делает».

В детстве мне постоянно это говорили. Родители, дядюшки, учителя — всякие взрослые, кто заботился о моем будущем. Их слова меня бесили, поскольку, с одной стороны, хотелось соответствовать репутации умника, а с другой — казалось чрезвычайно несправедливым, что мой ум, о котором я никого не просил, можно использовать как средство, чтобы меня прижучить.

Желудь был предан огню. Наутро в золе я нашел почерневший шишак. Все равно это был последний год величия Хандредс-Холла. Следующий День империи отмечался в большом доме другого семейства, а Хандредс потихоньку начал свой путь к упадку. Вскоре умерла маленькая Сьюзен, миссис Айрес и полковник стали меньше

появляться на публике. Рождение их двух других детей, Каролины и Родерика, я помню смутно, ибо тогда уже учился в лемингтонском колледже, мне хватало собственных горестей и забот. Мать умерла, когда мне сравнялось пятнадцать. Оказалось, все эти годы у нее один за другим случались выкидыши, и последний ее угробил. Отец дотянул до окончания моей учебы и возвращения в Лидкот дипломированным врачом. Чуть позже умер полковник Айрес — кажется, от аневризмы.

С его смертью Хандредс-Холл еще больше замкнулся от мира. Парковые ворота почти всегда были закрыты. Крепкий каменный забор был достаточно высок, чтобы служить преградой. Любопытно, что ни с одной точки в округе громадный особняк не просматривался. Отправляясь по вызову, иногда я проходил мимо ограды и думал о затаившемся за ней доме, вспоминая, каким он предстал передо мной в тот день 1919 года: великолепный кирпичный фасад, прохладные мраморные коридоры, полные удивительных вещей.

Когда я вновь посетил этот дом — почти через тридцать лет после первого визита и вскоре после окончания другой войны, — перемены с ним меня ошеломили. Оказался я там по чистой

случайности, ибо Айресы числились за моим напарником Дэвидом Грэмом, но тот был на срочном вызове, и заявка семейства перешла ко мне. Сердце мое захолонуло, едва я въехал в парк. Прежде к дому вела длинная аккуратная аллея из рододендрона и лавра, но теперь неухоженный парк зарос, и моей маленькой машине пришлось продираться сквозь кусты. Одолев заросли, я выехал на полоску грубого гравия прямо перед домом и, ударив по тормозам, изумленно застыл. Конечно, дом был меньше того роскошного особняка, что сохранила память, но к этому я был готов. Меня ужаснули следы распада. Мило обветшалые угловые наличники местами напрочь отвалились, и нечеткий георгианский абрис дома стал еще сомнительнее. Разросшийся плющ изгваздал фасад и увял, повиснув спутанными крысиными хвостами. Сквозь щели в потрескавшихся ступенях широкого парадного крыльца буйно лезли сорняки.

Я выбрался из машины, но медлил захлопнуть дверцу. Хоть большой и вроде крепкий, дом выглядел ненадежно. Встретить меня никто не вышел; чуть помешкав, по хрусткому гравию я прошел к крыльцу и опасливо поднялся по растрескавшимся каменным ступеням. Стоял

жаркий, совершенно безветренный летний день; я дернул костяную ручку звонка из потускневшей от старости меди и в нутре дома расслышал чистый, ясный перезвон. Следом раздался негромкий, но сердитый собачий лай.

Вскоре гавканье стихло, на долгую минуту наступила тишина. Потом справа послышалось неравномерное шарканье, и через мгновенье из-за угла дома появился Родерик, сын семейства Айрес. Он подозрительно на меня сощурился, но заметил мой саквояж. Вынув изо рта размякшую самокрутку, он спросил:

— Вы врач, да? Мы ждали доктора Грэма.

Сказано это было весьма приветливо, но чуть вяло, словно мой вид его уже утомил. Я спустился с крыльца и, представившись партнером Грэма, объяснил, что коллега на срочном вызове.

— Спасибо, что выбрались в воскресенье да еще в такую жуткую жару, — учтиво ответил хозяин. — Прошу сюда, так быстрее, чем через дом. Кстати, я Родерик Айрес.

Вообще-то, мы уже не раз встречались. Но он этого явно не помнил и на ходу небрежно сунул мне руку. Ощущение было странным: местами она казалась по-крокодильи шершавой, местами — необычно гладкой; я знал, что на фронте он по-

лучил ожоги рук и доброй части лица. Если б не рубцы, он был бы хорош собой: ростом выше меня и в свои двадцать четыре все еще по-мальчишески строен. Наряд его тоже был мальчишеский: рубашка-апаш, полотняные брюки, замызганные парусиновые туфли. Шел он неспешно и заметно хромал.

— Полагаю, вы знаете, зачем вас позвали? — спросил Родерик.

— Мне сказали, к одной из ваших служанок.

— К одной из? Мило! Бетти — наша единственная служанка. Кажется, у нее что-то с животом. — Он замялся. — Точно не скажу. Мы-то сами обычно обходимся без врачей. Простуды и мигрени переносим на ногах. Однако пренебрежение здоровьем слуг ныне считается тягчайшим преступлением, им следует уделять больше внимания, чем себе. Так что мы решили вызвать врача. Здесь осторожнее, пожалуйста.

Он показал на пятачок, где гравийная дорожка, бежавшая вдоль северной стены дома, обрывалась, сменяясь предательскими выбоинами и колдобинами. Я осторожно их обходил, любопытствуя глянуть на дом с другой стороны; увы, и там царило полное запустение. Сад превратился в крапивно-вьюнковую чащу. Из забитых водо-

стоков шел явный душок. Большинство окон в засохших потеках скрывались за ставнями, и только стеклянные двери, венчавшие обвитые вьюнком изящные каменные ступени, были открыты. За ними виднелась большая неприбранная комната: заваленный бумагами стол, край парчовой занавеси… Больше я увидеть не успел. Мы подошли к узкой боковой двери, и Родерик посторонился, пропуская меня вперед.

— Прошу, входите, — махнул он изрубцованной рукой. — Сестра внизу. Она проводит вас к Бетти и все расскажет.

Лишь позже, вспомнив о его искалеченной ноге, я сообразил: он не хотел, чтобы я видел, как он ковыляет по лестнице. А тогда я счел это бестактностью и молча прошел в дом. С улицы послышалось удаляющееся шарканье микропористых подошв.

Дальше я зашагал в одиночку, припоминая, что когда-то мы с матерью украдкой проникли в дом именно через эту узкую дверку. Я помнил голые каменные ступени, что вели в темный сводчатый коридор, так меня впечатливший. И вот снова огорчение. В памяти коридор выглядел как склеп или темница, а в жизни его блестящие оливковые стены напоминали полицейский

участок или пожарное депо; каменные плиты пола прикрывала циновка из кокосовой соломки, в ведре кисла швабра. Поскольку никто меня не встретил, я тихонько вошел в приоткрытую дверь, за которой виднелась кухня. И вновь разочарование: я очутился в большой унылой комнате с грубо выскобленными прилавками и разделочными столами. Лишь старый дощатый стол, тот самый, за которым я уплетал желе и «финтифлюшки», напомнил о моем тогдашнем восторге. И только он нес признаки хоть какой-то жизни: на столешнице возле миски с помутневшей водой и мокрым ножом высилась кучка немытых овощей, словно кто-то взялся за готовку, но отвлекся.

Я вернулся в коридор; видимо, скрипнул мой ботинок или зашуршала циновка, ибо вновь, на сей раз угрожающе близко, раздался злобный собачий лай, а через секунду в коридоре возник старый черный лабрадор, готовый меня атаковать. Приподняв саквояж, я замер, но собака неистовствовала, пока в коридоре не появилась молодая женщина.

— Ну все, дурило, будет, — спокойно сказала она. — Плут! Хватит!.. Пожалуйста, извините. — Женщина приблизилась, и я узнал в ней

Каролину, сестру Родерика. — Ведь знаешь, я терпеть не могу, когда ты беснуешься. Плут! — Она потянулась шлепнуть пса по заднице, и тот угомонился. — Ты балда. — Каролина ласково потрепала его за уши. — Вообще-то, он трогательный. Думает, всякий чужак хочет перерезать нам глотки или стянуть фамильное серебро. А нам не хватает духу его известить, что все серебро сгинуло… Мы ждали доктора Грэма. Вы доктор Фарадей? Кажется, мы толком не знакомы?

Она улыбнулась и протянула мне руку. Ее рукопожатие было крепче и сердечнее братниного.

Прежде я видел ее лишь издали — на улицах Уорика и Лемингтона или на праздниках. Каролина была на два-три года старше брата, и я часто слышал, как ее характеризуют «доброй душой», «записной вековухой» и «умницей»; иными словами, она являла собой весьма невзрачную, излишне рослую женщину с толстоватыми икрами и лодыжками. При надлежащем уходе ее русые волосы казались бы красивыми, но я никогда не видел их уложенными — вот и сейчас они паклей свисали на плечи, словно их вымыли хозяйственным мылом и забыли расчесать. Вдобавок я еще не встречал женщину, так безвкусно одетую. На ней были мальчиковые сандалии и

дурно сидевшее легкое платье, которое невыгодно подчеркивало ее широкие бедра и большую грудь. В профиль ее вытянутое лицо со светло-карими глазами над выпиравшими скулами казалось приплюснутым. Пожалуй, лишь рот был хорош: удивительно большой, красиво очерченный и подвижный.

Я объяснил, что Грэм на срочном вызове и потому их заявку передали мне. Каролина повторила слова брата:

— Спасибо, что потрудились приехать. Бетти у нас недавно, еще нет месяца. Ее родные живут за Саутгемом — слишком далеко, чтобы их дергать. Да еще, говорят, мать у нее непутевая… Вчера вечером Бетти пожаловалась на живот, утром лучше не стало, и мы решили не рисковать. Вы ее посмотрите? Она вон там.

Еще не договорив, Каролина зашагала на крепких ногах, и мы с псом двинулись следом. Наш путь лежал в комнату в самом конце коридора, где, вероятно, прежде жила экономка. Комната была меньше кухни, но, как и весь полуподвал, обладала каменным полом, высокими подслеповатыми окошками и стенами в казенной оливковой покраске. Обстановку составляли чисто выметенный узкий камин, обшарпанное

кресло, стол и шкаф, в который с глаз долой убиралась кровать-раскладушка. Сейчас в ней лежало существо, облаченное в исподнее, то ли ночную сорочку, такое маленькое и щуплое, что поначалу я принял его за ребенка, но затем разглядел в нем подростка-недомерка женского пола. Увидев меня, девочка попыталась приподняться, однако бессильно упала на подушку.

— Значит, ты Бетти? — сказал я, подсаживаясь на кровать. — Меня зовут доктор Фарадей. Мисс Айрес говорит, у тебя болит живот. Как ты себя чувствуешь?

— Ой, доктор, шибко плохо! — Ее просторечье резало ухо.

— Тебя тошнит?

Она помотала головой.

— Диарея? Знаешь, что это?

Бетти кивнула, потом опять помотала головой. Я открыл саквояж.

— Ладно. Давай-ка тебя осмотрим.

Она чуть приоткрыла детский рот, позволив пропихнуть в него термометр, но вздрогнула и замычала, когда я, оттянув горловину сорочки, приложил холодный стетоскоп к ее груди. Коль она из местных, мы могли встречаться и раньше, скажем на школьных прививках, но я ее не пом-

нил. Такие не запоминаются. Волосы блеклые, обкорнаны и на виске прихвачены заколкой. Лицо плоское, глаза серые, широко расставленные и, как почти у всех светлоглазых, бездонные. Щеки бледные, но чуть порозовели от смущения, когда я, осматривая живот, приподнял сорочку и явил на свет несвежие фланелевые панталоны.

Однако стоило мне коснуться живота выше пупка, как пациентка, охнув, вскрикнула и даже чуть ли не взвизгнула.

— Ничего, ничего, — успокоил я. — Где сильнее болит? Здесь?

— Ох! Повсюду!

— А как болит? Режет, ноет или печет?

— Ноет, а потом как зарежет! И еще печет! Ой! — Она снова вскрикнула и наконец-то широко открыла рот, в котором я увидел необложенный язык, чистую гортань и ряд мелких кривых зубов.

— Хорошо. — Я опустил сорочку и, помешкав, обернулся к хозяйке, в компании лабрадора беспокойно переминавшейся в дверях. — Мисс Айрес, вы не могли бы на минутку оставить нас вдвоем?

— Да, конечно. — От серьезности моего тона Каролина нахмурилась.

Толкнув пса, она вывела его в коридор. Когда дверь за ними закрылась, я убрал стетоскоп с термометром и защелкнул саквояж.

— Ну что, Бетти? — негромко сказал я, разглядывая бледную пациентку. — Возникла щекотливая ситуация. За дверью мисс Айрес, которая вся исхлопоталась, чтобы тебя вылечить, а вот он я, который вовсе здесь не нужен.

Служанка на меня уставилась, и тогда я выразился яснее:

— Думаешь, у меня нет других дел, кроме как в свой выходной пилить за пять миль от Лидкота ради того, чтобы валандаться со скверной девчонкой? Вот возьму и отправлю в Лемингтон, чтобы тебе вырезали аппендикс. Ты здорова.

Бетти залилась краской:

— Нет, доктор, я хвораю!

— Признаю, ты хорошая актриса. Здорово вскрикиваешь и мечешься. Но когда я хочу посмотреть спектакль, я иду в театр. Кто мне платить-то будет, а? Знаешь, мой визит недешев.

Упоминание денег ее испугало.

— Мне худо! — с неподдельной тревогой сказала она. — Взаправду! Вчерась меня тошнило. Шибко тошнило. И я подумала…

— Что неплохо бы денек поваляться в крова-

ти?

— Нет! Неправда ваша! Мне впрямь было паршиво! Просто я подумала… — Голос ее набух, серые глаза подернулись слезами. — Я подумала… — запинаясь, повторила она, — коль я так занедужила… может, лучше побыть дома. Пока не оправлюсь.

Бетти отвернулась и сморгнула. Набежавшие слезы двумя прямыми струйками скатились по ее детским щекам.

— Так в этом все дело? Тебе хочется домой, верно? — спросил я, а девочка закрыла руками лицо и расплакалась.

Врач видит много слез, подчас весьма трогательных. Дома меня ждала куча дел, и мне вовсе не улыбалось, чтобы меня попусту от них отрывали. Но девочка была такая молоденькая и жалкая; я дал ей выплакаться. Потом взял ее за плечо и твердо сказал:

— Ну все, будет. Рассказывай, что стряслось. Тебе здесь не нравится?

Из-под подушки Бетти достала мятый голубенький платок и высморкалась.

— Нет, не нравится.

— Почему? Работа очень тяжелая?

Девочка уныло дернула плечом:

— Работа нормальная.

— Ведь ты не одна все делаешь, правда?

Бетти помотала головой:

— Миссис Бэйзли работает до трех каждый день, кроме воскресенья. На ней стирка и готовка, на мне все остальное. Бывает, садовник заглянет. Мисс Каролина кое-что делает…

— Не так уж плохо.

Девочка не ответила, и я поднажал: по родителям соскучилась? Бетти скорчила рожицу. По мальчику? Она еще больше скривилась. Я взялся за саквояж и привстал:

— Ну, коль ты молчишь, я не смогу тебе помочь.

Лишь тогда она выговорила:

— Это все… дом!

— Дом? А что с ним?

— Ох, доктор, он какой-то не такой! Огроменный! Полдня идешь, пока до места доберешься. И тишина такая, что мурашки ползут. Днем-то еще ничего, когда работаешь и миссис Бэйзли рядом. А ночью я одна-одинешенька. Не слышно ни звука! Страшные сны снятся… Все бы ничего, если б не надо было ходить по черной лестнице. Там столько закоулков, не знаешь, чего тебя ждет… Когда-нибудь с перепугу я окочурюсь!

— В таком чудесном доме? Тебе повезло, что здесь живешь. Ты об этом подумай.

— Повезло! — хмыкнула Бетти. — Да все подружки говорят, я спятила, коль пошла в служанки. Смеются надо мной! Ни с кем не вижусь, никуда не хожу. Все мои кузины устроились на фабрику. И я б пошла, да папка не пустил! Не нравится ему. Мол, все фабричные девчонки оторвы. А мне надо годок здесь послужить, выучиться домашней работе и манерам. Целый год! Вот ей-же-ей, помру от страха. Либо со стыда. Видели б вы жуткое старое платье и чепец, какие мне велят носить! Ох, доктор, это нечестно!

Она скомкала промокший носовой платок и швырнула его на пол.

— Господи, из-за чего сыр-бор… — Я поднял платок. — Год быстро пролетит, вот увидишь. А как повзрослеешь, он мгновеньем покажется.

— Сейчас-то я не старуха!

— Сколько тебе?

— Четырнадцать. Но здесь чувствую себя как в девяносто!

Я рассмеялся:

— Ладно, не дури. Что ж нам делать-то? Я должен как-то отработать свой гонорар. Хочешь, я переговорю с хозяевами? Уверен, они не желают

тебе зла.

— Им нужно, чтоб я работала, и все.

— Может, мне связаться с твоими родителями?

— Умора! Мамаша шляется с мужиками, ей плевать, где я. Отец никудышный. Только и знает, что глотку драть. Целыми днями вопит и скандалит. Потом утихнет и ведет мать домой. И так каждый раз! Он потому и отдал меня в служанки, чтоб я не стала такой, как она.

— Тогда зачем тебе домой? Выходит, тут лучше.

— Я не хочу *домой*. Просто… сил моих нет.

Лицо ее потемнело в неприкрытом озлоблении. Теперь она казалась не ребенком, а кусачим зверенышем. Бетти заметила мой взгляд, и тень ее раздражения угасла. Ей снова было жалко себя — она всхлипнула и прикрыла опухшие глаза. Мы помолчали, я огляделся в этом тусклом подземелье. Бетти сказала правду: полная тишина как-то придавливала. Прохладный воздух был странно тяжел, — казалось, ты чувствуешь над собой дом и даже крапивно-сорнячный хаос сада.

Я подумал о матери. Наверное, она была моложе Бетти, когда нанялась в Хандредс-Холл.

— К сожалению, дорогуша, иногда мы вынуждены мириться с тем, что нам не по нраву, — сказал

я, вставая. — Такова жизнь, и снадобья от этого нет. Может, порешим так: ты весь день проведешь в постели, будем считать это каникулами. Я не скажу мисс Айрес о твоем притворстве, но пришлю тебе желудочную микстуру — посмотришь на пузырек и вспомнишь, как едва не лишилась аппендикса. И еще я непременно попрошу мисс Айрес сделать так, чтобы твоя жизнь здесь была чуть веселее. А ты дашь дому еще один шанс. Что скажешь?

Секунду Бетти сверлила меня своими серыми бездонными глазами, потом кивнула и печально прошептала:

— Спасибо, доктор.

Она отвернулась к стене, показав бледный загривок и маленькие острые лопатки.

Коридор был пуст, но пес услышал хлопнувшую дверь и вновь залаял; стуча когтями, он выкатился из кухни. На сей раз псина неистовствовала слабее, а вскоре успокоилась до того, что радостно позволила себя погладить и потрепать за уши. В дверях кухни возникла Каролина; пропуская полотенце меж пальцев, она вытирала руки, как заправская домохозяйка. За ее спиной я разглядел коробку с проводками и звоночками, по-прежнему висевшую на стене, — надменное устройство

для вызова слуг к царствующим особам.

— Все в порядке? — спросила Каролина, когда мы с псом направились к ней.

— Легкие желудочные колики, только и всего, — не мешкая ответил я. — Ничего серьезного, но ваше решение вызвать меня было абсолютно верным. Когда нелады с животом, лучше перестраховаться, особенно в такую погоду. Пару дней не очень ее нагружайте, а я пришлю микстуру. И вот что еще… — Я понизил голос. — Мне показалось, она сильно скучает по дому. Не замечали?

— Вроде нет, — нахмурилась Каролина. — Полагаю, через какое-то время она обвыкнется.

— Как я понимаю, ночью она здесь одна? Наверное, ей одиноко. Она сказала, что боится ходить по черной лестнице…

— Ах, так вот в чем дело! — Взгляд Каролины прояснился и стал насмешливым. — Я думала, она выше подобной чепухи. Казалась весьма разумной девицей, когда пришла наниматься. Этих деревенских никак не разберешь: то цыплятам головы запросто сворачивают, а то бьются в припадках. Скорее всего, насмотрелась дурацких фильмов. Наш дом тих, но в этом ничего странного.

— Вам виднее, — помолчав, сказал я. — Но мож-

но же как-то ободрить девочку?

Каролина сложила руки на груди:

— Может, сказки перед сном читать?

— Она совсем ребенок, мисс Айрес.

— Не бойтесь, мы ее не мучаем. Платим непосильное для себя жалованье. Ест она то же, что и мы. Ей-богу, во многом ей живется лучше, чем нам.

— Да, ваш брат говорил нечто подобное.

Реплика моя прозвучала холодно, и Каролина некрасиво вспыхнула: сначала покраснела шея, затем пошло пятнами суховатое лицо. Она отвела взгляд, словно пытаясь сдержать раздражение, и уже чуть мягче сказала:

— По правде, мы очень стараемся, чтобы Бетти здесь было хорошо. Понимаете, нам нельзя ее терять. Приходящая домработница делает, что может, но одной ей не справиться, а нанять служанку стало целой проблемой — автобус от нас далеко и все такое. Последняя горничная продержалась три дня. Это было еще в январе. До появления Бетти почти все я делала сама… Я рада, что с ней все в порядке. Очень.

Румянец постепенно сошел, но лицо ее обмякло, она выглядела усталой. За ее плечом виднелся кухонный стол с кучкой уже почищенных и

вымытых овощей. Я перевел взгляд на ее руки и впервые заметил, какие они натруженные: короткие обломанные ногти, покрасневшие костяшки. Мне вдруг стало жалко эти, в общем-то, красивые руки.

Наверное, она перехватила мой взгляд, потому что, неловко потоптавшись, скомкала полотенце и кинула его в кухню, где оно приземлилось подле грязного подноса.

— Давайте я провожу вас наверх, — сказала Каролина, словно завершая мой визит.

Мы молча поднялись по лестнице; сопя и хрюкая, под ногами путался пес. У двери черного хода мы столкнулись с Родериком.

— Тебя мать ищет — интересуется насчет чая, — сказал он. — Привет, Фарадей. Диагноз поставили?

Учитывая, что ему двадцать четыре, а мне почти сорок, этот «Фарадей» меня покоробил. Прежде чем я успел ответить, Каролина шагнула вперед и подхватила брата под руку.

— Доктор Фарадей считает нас извергами, — сказала она, хлопая ресницами. — Дескать, мы гоняем Бетти в дымоход и прочее.

— А что, это мысль! — чуть усмехнулся Родерик.

— С девочкой все в порядке, — доложил я. — Легкий гастрит.

— Ничего заразного?

— Определенно.

— Однако мы должны подавать ей завтрак в постель и целыми днями всячески баловать, — продолжила Каролина. — Какое счастье, что я умею готовить! Кстати… — Она взглянула на меня. — Не убегайте, доктор. Если нет срочных дел, выпейте с нами чаю.

— В самом деле, оставайтесь, — все так же вяло поддержал Родерик.

Приглашение Каролины звучало искренне. Наверное, она хотела загладить нашу стычку из-за Бетти. Отчасти по той же причине, но в основном из-за возможности посмотреть дом я согласился. Хозяева расступились, пропуская меня вперед. Одолев последние ступени, я очутился в небольшой уютной прихожей с аркой, занавешенной зеленым сукном, куда в 1919-м меня привела добрая горничная. Каролина поддерживала медленно поднимавшегося брата, но в конце лестницы оставила его и небрежно отдернула штору.

Коридоры выглядели сумрачными и неестественно голыми, но в остальном все было так, как

мне помнилось: дом раскрылся, точно веер, — взмыли потолки, каменные плиты сменились мраморным полом, казенная окраска стен уступила место шелку и лепнине. Тотчас я поискал взглядом бордюр, из которого некогда выломал желудь; глаза мои привыкли к сумраку, и я ужаснулся: казалось, после меня здесь побывала орда юных вандалов — местами лепнина целиком обвалилась, остатки же потрескались и выцвели. Да и вся стена выглядела не лучшим образом: немногие изящные картины и зеркала перемежались темными квадратами и прямоугольниками от снятых рам. Кое-где порванную муаровую обивку кто-то подлатал, заштопав, как носок.

Я ожидал сконфуженных извинений, но хозяева повели меня сквозь разруху, нимало не смутившись. Мы двинулись правым коридором, куда свет проникал лишь сквозь дверные проемы комнат, расположенных по одной стороне; поскольку многие двери были закрыты, даже в нынешний солнечный день проход полнился глубокими озерами тени. Шлепавший по ним черный лабрадор то исчезал, то вновь появлялся. Под прямым углом коридор свернул налево, и там наконец-то возник размытый клин солнечного света, падавшего из довольно широко

приоткрытой двери. Каролина поведала, что в этой комнате, издавна носящей имя «малой гостиной», они проводят большую часть своего времени.

Я уже понял, что в Хандредс-Холле термин «малый» весьма условен. Комната футов тридцати длиной и двадцати шириной имела несколько вычурный декор в виде лепнины на потолке, стенах и внушительном мраморном камине. Как и в коридоре, во многих местах бордюры потрескались, оббились, а то и вовсе рухнули. На взгорбившихся скрипучих половицах внахлест лежали ветхие дорожки. Продавленный диван был прикрыт клетчатыми пледами. У камина расположились два высоких кресла в потертой бархатной обивке, возле одного из них стояла цветастая ночная ваза с водой для собаки.

И все же в облике комнаты проглядывала неизбывная прелесть, словно увядшая красота на разрушенном временем лице. Здесь пахло летними цветами — душистым горошком, резедой, левкоем. Казалось, мягкий, чуть окрашенный свет пребывает в объятьях бледных стен и потолка.

Открытое французское окно выходило на еще одно изящное каменное крыльцо, спускавшееся

к лужайке с южной стороны дома. На террасе миссис Айрес только что скинула сандалии и вталкивала обтянутые чулками ступни в туфли. Она была в широкополой шляпе, которую поверху перехватывал светлый шелковый шарф, не туго завязанный под подбородком. Увидев мать, Родерик и Каролина рассмеялись.

— Мам, ты будто с картинки «На заре автомобилизма», — сказал Родерик.

— Точно! А еще похожа на пасечника! — подхватила Каролина. — Жалко, у нас нет ульев, был бы свой мед. Это доктор Фарадей из Лидкота, коллега доктора Грэма. Он закончил с Бетти, и я пригласила его на чай.

Скинув шарф на плечи, миссис Айрес сняла шляпу и протянула мне руку:

— Здравствуйте, доктор Фарадей. Наконец-то мы познакомились, очень приятно. Надеюсь, вы простите мой воскресный наряд — я садовничала… если наши дикие заросли можно назвать садом. Однако странно… — Тыльной стороной ладони она отвела со лба прядь. — В моем детстве воскресенье означало белые кружевные перчатки и лучшее платье, в котором ты сидишь на диване, боясь вздохнуть. Нынче же по воскресеньям ты работаешь мусорщиком и соот-

ветственно одет.

Ее скуластое сердцевидное лицо озарилось улыбкой, в красивых темных глазах промелькнул шаловливый огонек. Было трудно представить кого-нибудь менее похожего на мусорщика, чем эта холеная женщина в стареньком полотняном платье, над воротничком которого небрежно заколотые длинные волосы открывали изящную шею. Миссис Айрес перевалило хорошо за пятьдесят, но фигура ее сохранилась, а волосы остались такими же темными, как в тот день, когда она вручала мне памятную медаль и ей было меньше лет, чем сейчас ее дочери. То ли шарф, то ли великолепно подогнанное платье и движение стройных бедер под ним, но что-то придавало ей облик француженки, слегка противоречивший английскому виду ее белесых детей. Жестом она пригласила меня в кресло у камина и сама села напротив. Я обратил внимание на ее лакированные туфли, темно-коричневые с кремовой полоской, явно довоенной выделки; на мужской взгляд, они, как всякая хорошая женская обувь, были подобны хитроумной безделушке и смущали своей излишней вычурностью.

На столике возле кресла кучкой лежали старомодные крупные перстни, которые миссис Айрес

один за другим нанизала на пальцы. Шелковый шарф соскользнул на пол, и Родерик, неловко согнувшись, поднял его и обернул вокруг ее шеи.

— Наша мама как мальчик-с-пальчик, — сказал он. — Куда ни пойдет, повсюду оставляет за собой метки.

Миссис Айрес поправила шарф, в глазах ее вновь промелькнула озорная искра.

— Видите, как собственные дети меня обзывают? Чувствую, я окончу свои дни оголодавшей забытой старухой, которой никто не подаст даже стакана воды.

— Ах ты, бедняжка! Ну уж разок-другой косточку тебе подбросим, — зевнул Родерик, садясь на диван.

Неуклюжесть его движений бросалась в глаза. Заметив, что он сморщился и побледнел, я лишь теперь понял, насколько сильно его донимает искалеченная нога и как старательно он это скрывает.

Каролина отправилась готовить чай, забрав с собой пса. Миссис Айрес спросила о Бетти и была очень рада услышать, что с ней ничего серьезного.

— Мы доставили вам столько хлопот, — сказала она. — Наверное, вас ждут действительно

тяжелые больные.

— Я семейный врач и в основном имею дело с сыпью и порезами.

— Не скромничайте. Удивляюсь, почему об умелости врача надо судить по числу его тяжелых пациентов? Как раз все наоборот, если уж так.

— Любой врач любит иногда повозиться с трудным случаем, — улыбнулся я. — В войну я долго работал в военном госпитале в Регби. Скучаю по тем временам. — Я взглянул на Родерика, который, достав из кармана жестянку с табаком и бумагу, скручивал сигарету. — Мне доводилось заниматься массажем, электротерапией и прочим.

Родерик хмыкнул.

— Когда я разбился, мне хотели назначить что-то подобное. Все некогда, по дому дел полно.

— Жаль.

— Наверное, вы знаете, что Родерик служил в авиации? — спросила миссис Айрес.

— Да. Как я понимаю, бывали в переделках?

— Из-за этого так решили? — Родерик выставил изуродованное лицо. — Нет, в основном я летал на разведку, так что особо похвастать нечем. Както раз неудачно сгоняли к южному побережью — нас сбили. Второму пилоту, бедняге, не повезло

еще больше, ему и штурману. Я отделался вот этой красотой и размозженной коленкой.

— Сочувствую.

— Думаю, в своем госпитале вы видали кое-что похуже… Черт, какой я невежа! Желаете сигарету? Я смолю так часто, что уже сам этого не замечаю.

Взглянув на его кошмарную самокрутку (студентами мы называли ее «гробовой гвоздь»), я отказался. В моем кармане лежали приличные сигареты, но я не хотел оконфузить Родерика и просто покачал головой. К тому же мне показалось, что предложение закурить было лишь поводом для смены темы.

Видимо, миссис Айрес подумала о том же; она бросила на сына обеспокоенный взгляд и, улыбнувшись, обратилась ко мне:

— Война кажется такой далекой, правда? А всего-то два года прошло. Знаете, одно время у нас квартировали военные. После них в парке остались всякие странные штуки — колючая проволока, железяки, — и все заржавело, словно лежит уже целый век. Бог его знает, сколько еще проживем без войны. Я перестала слушать новости, слишком тревожно. Похоже, миром правят ученые и генералы, которые играют бомбами,

точно мальчишки.

Родерик чиркнул спичкой.

— Здесь мы в безопасности, — сказал он, зажав во рту сигарету, вспыхнувшую слишком близко к его обожженным губам. — У нас тут первобытный покой.

По мраморному полу коридора защелкали, точно костяшки счет, когти Плута, которым вторили шлепки сандалий Каролины. Пес носом открыл дверь, что, видимо, ему было привычно — косяк засалился от собачьей шерсти, а нижняя филенка прелестной старинной двери несла на себе следы когтей лабрадора или его предшественников.

Каролина вошла с подносом, на вид тяжелым. Родерик ухватился за подлокотник дивана, пытаясь встать и помочь ей, но я его опередил:

— Позвольте мне.

Взгляд Каролины выразил благодарность — не столько за себя, сколько за брата, — но она сказала:

— Ничего. Я же говорила, мне привычно.

— Ну, я хоть стол расчищу.

— Нет, я сама! Когда придет время зарабатывать на жизнь официанткой, я должна знать, как это делается… Плут, не суйся под ноги!

Она пристроила поднос на заваленный книга-

ми и бумагами стол, разлила и подала нам чай в чашках старинного тонкостенного фарфора. Я заметил, что те, у которых ручки были подклеены, достались ее родным. Затем мы получили тарелки с фруктовым кексом, нарезанным тончайшими ломтиками, что говорило о попытке выжать все возможное из его весьма скудного запаса.

— Вместо лепешек, джема и сливок или даже хорошего бисквита, — получив свою порцию, сказала миссис Айрес. — Я о вас сокрушаюсь, доктор Фарадей, мы-то никогда не были сладкоежками. И конечно… — глаза ее вновь озорно блеснули, — на столе молочных фермеров не стоит ждать масла. Весь ужас карточной системы в том, что она убила гостеприимство. Вот что жалко.

Она разломила кекс на кусочки, которые изящно обмакивала в чай без молока. Свой ломтик Каролина сложила пополам и съела в два приема. Отставив тарелку в сторону, Родерик докурил сигарету, потом лениво выковырнул из кекса изюм и цедру, а все остальное отдал собаке.

— Родди! — укорила его сестра.

Я думал, Каролина сожалеет о разбазаренной еде, но, как выяснилось, она была недовольна тем, что собаку балуют.

— Ах ты, негодяй! — сказала она, глядя псу в глаза. — Ведь знаешь, что клянчить нельзя! Ишь ты, косится! Видали, доктор Фарадей? Старый проныра!

Каролина скинула сандалию и босой ногой, загорелой и весьма волосатой, легонько пихнула пса под зад.

— Бедняга! — вежливо посочувствовал я Плуту, смотревшему обиженно.

— Не верьте ему. Он тот еще артист. Верно, эй? У-у, выжига!

Очередной легкий пинок перешел в грубоватую ласку. Сначала пес пытался противостоять толчкам, но затем с ошеломленным видом беспомощного старика повалился на пол и задрал лапы, выставив напоказ лысеющее брюхо. Нога Каролина заработала энергичнее.

Миссис Айрес покосилась на мохнатую голень дочери:

— Дорогая, ты бы надела чулки, а то доктор Фарадей сочтет нас дикарями.

— В чулках жарко, — засмеялась Каролина. — Было бы очень странно, если б врач никогда не видел голых ног!

Чуть погодя она все же убрала ногу и постаралась сесть приличнее. Разочарованный пес еще

полежал, задрав скрюченные конечности, затем перевернулся на живот и с чавканьем принялся грызть собственную лапу.

В жарком неподвижном воздухе плавал сизый табачный дым. Какая-то птичка в саду запустила отчетливую трель, к которой мы все прислушались. Я вновь окинул взглядом поблекшую прелесть комнаты и, повернувшись к окну, лишь теперь заметил открывавшийся из него удивительный вид. Ярдов тридцать-сорок заросшей лужайки, окаймленной цветниками, тянулись до кованой оградки, за которой начинались луг и парковое поле, раскинувшиеся на добрые три четверти мили. А дальше, за едва видневшимся каменным забором Хандредс-Холла, нескончаемой перспективой простирались пастбища, пашни и нивы, тающие цвета которых сливались с дымкой горизонта.

— Вам нравится вид, доктор Фарадей? — спросила миссис Айрес.

— Очень. Когда построили этот дом? Наверное, в тысяча семьсот двадцатом или тридцатом?

— Какой вы догадливый! Его закончили в тысяча семьсот тридцать третьем.

— Ага! Кажется, я понимаю замысел архитектора: темные коридоры выходят в большие и

светлые комнаты.

Миссис Айрес улыбнулась, а во взгляде Каролины вспыхнула радость.

— Мне тоже это очень нравится. Некоторым темные коридоры кажутся мрачноватыми… Но видели бы вы наш дом зимой! Хоть все окна кирпичами закладывай! В прошлом году два месяца мы кое-как перебивались в этой комнате. Притащили матрасы и спали здесь, точно бездомные бродяги. Трубы замерзли, генератор сломался, на крыше сосульки в три фута. Было страшно выходить из дома — того и гляди прибьет… А вы живете над своей амбулаторией, где прежде обитал доктор Гилл?

— Да. Поселился там как его младший партнер, да так и не съехал. Дом простенький, но пациенты к нему привыкли, и холостяку он вполне подходит.

— Доктор Гилл тот еще тип, правда? — Родерик сбил пепел с сигареты. — Мальчишкой раза два я у него бывал. Он показал мне огромную стеклянную банку, в которой держал пиявок. Напугал меня до смерти.

— Ты всего боялся, — вмешалась Каролина. — Такой был трусишка! Помнишь здоровенную девицу, что служила у нас кухаркой? Мама, ты ее

помнишь? Как же ее звали? Мэри, что ли? Ростом шесть футов два с половиной дюйма, а сестрица ее еще на полдюйма выше! Как-то папа велел ей примерить его ботинки. Он поспорил с мистером Маклеодом, что башмаки окажутся малы. И выиграл! А руки у нее были — это что-то! Белье она выжимала лучше всяких валиков. И вечно ледяные пальцы — точно сосиски из морозилки. Родди всегда плакал, когда я его пугала: мол, по ночам служанка пробирается к нему в спальню и греет руки под его одеялом.

— Ах ты, дрянь! — хмыкнул Родерик.

— Ну как же ее звали?

— Кажется, Мириам, — задумчиво сказала миссис Айрес. — Мириам Арнольд. А сестру ее — Марджери. Еще одна наша горничная, не такая крупная, вышла за парня, который служил у Тапли; они уехали из нашего графства и где-то устроились шофером и поварихой. От нас Мириам перешла к миссис Рэндалл, но там не приглянулась и прослужила всего месяц-другой. Не знаю, что с ней сталось.

— Может, пошла в душители? — предположил Родерик.

— Или поступила в цирк, — подхватила Каролина. — Ведь у нас служила девица, которая

сбежала с цирком?

— Она вышла за циркача, — сказала миссис Айрес, — чем разбила сердце матери и кузины Лавендер Хьюит, которая тоже была в него влюблена. Когда парочка сбежала, кузина отказалась от еды и чуть не умерла. По словам матери, ее спасли кролики. Девушка могла устоять перед любым блюдом, кроме тушеного кролика, приготовленного матушкой. Мы позволили ее отцу выловить в нашем парке всех кроликов, и они ее спасли…

История текла, Каролина и Родерик дополняли ее деталями. Выключенный из разговора, я разглядывал семейство и наконец-то уловил их сходство друг с другом, не только в наружности — длинные конечности, высокие скулы, — но также в жестах и речевой манере. Меня кольнуло раздражение, и шевельнувшееся в душе недоброе чувство к ним слегка подпортило удовольствие от пребывания в милой комнате. Наверное, во мне заговорил простолюдин. Ведь дом построили и содержали те самые люди, над которыми сейчас они потешаются, думал я. Через двести лет слуги лишили особняк своего труда и своей веры в него, и тогда он стал рушиться, словно карточный домик. Семейство же самозабвенно играет в

дворян, оставшись среди щербатой лепнины, до дыр протертых турецких ковров и подклеенного фарфора…

Миссис Айрес вспомнила еще кого-то из слуг.

— Ох, та была полная идиотка, — сказал Родерик.

— Вовсе нет, но и впрямь ужасно туповата, — спокойно возразила Каролина. — Как-то раз она спросила, что такое «пастель», и я ответила, мол, особый воск для натирки постели, а потом велела ей поработать над папиной кроватью. Вышел полный кошмар, и бедняжка получила жуткую взбучку.

Она смущенно тряхнула головой и рассмеялась, но, поймав мой неприязненный взгляд, постаралась загасить свое веселье.

— Мне стыдно, доктор Фарадей. Вижу, вы не одобряете мой поступок и абсолютно в том правы. Мы с Родом были сорванцами, но теперь стали гораздо лучше. Наверное, вы подумали о несчастной маленькой Бетти?

— Вовсе нет. — Я прихлебнул чай. — Знаете, я вспомнил свою мать.

— Почему? — В вопросе еще звучал отголосок веселья.

Наступило молчанье.

— Ну да, ведь здесь ваша мать служила няней, — сказала миссис Айрес. — Помнится, я о ней слышала. Когда это было? Вероятно, незадолго до моего появления.

Она говорила так мягко и ласково, что я устыдился своей резкости.

— Кажется, мать оставила службу году в семнадцатом, — уже спокойнее ответил я. — Здесь она познакомилась с отцом, он был посыльным бакалейщика. Этакая любовь с черного хода.

— Забавно, — промямлила Каролина.

— Не правда ли?

Родерик молча стряхнул пепел с сигареты.

— Погодите… — Миссис Айрес встала. — Кажется… если не ошибаюсь…

Из обрамленных семейных фотографий на столе она выбрала одну и, держа на отлете, пристально в нее вгляделась, но затем покачала головой.

— Без очков не вижу, — сказала она, передавая мне старинное фото в черепаховой рамке. — Возможно, тут есть ваша мать, доктор Фарадей.

На твердой коричневатой карточке был изображен южный фасад дома — я узнал высокое французское окно, растворенное, как сейчас, навстречу полуденному солнцу, и комнату, в

которой мы сидели. На лужайке перед домом расположилось все тогдашнее семейство Айрес, окруженное внушительным штатом прислуги. Экономка, дворецкий, ливрейный лакей, кухарки и садовники являли собой группу буднично одетых людей, которые не особо желали увековечиться и выглядели так, словно их оторвали от дел и согнали на полянку благодаря фотографу, запоздало осененному идеей общего фото. А вот члены семейства держались весьма непринужденно: в шезлонге восседала хозяйка дома — старая миссис Беатрис Айрес, бабушка Каролины и Родерика; положив одну руку ей на плечо, а другую небрежно сунув в карман мятых белых брюк, рядом стоял ее муж. У их ног чуть неуклюже развалился худенький пятнадцатилетний юноша, который потом станет полковником; на фото он был очень похож на Родерика. Возле него на клетчатом коврике расселись младшие сестры и братья.

Я вгляделся: самого маленького из них, извивающегося младенца, держала на руках светловолосая нянька. Когда «вылетела птичка», она откинула голову, оберегаясь от молотящих воздух ручонок, и потому вышла смазанной.

Каролина покинула диван и тоже склонилась

над фотографией.

— Это ваша мать? — тихо спросила она, заправляя за ухо мочалистую прядь.

— Возможно. Хотя… — Я растерянно хмыкнул, ибо за нечетко получившейся девушкой увидел другую служанку, тоже светловолосую, в таком же платье и чепце. — А может, эта… Не знаю.

— Ваша мать жива? Что, если показать ей фото?

Я покачал головой:

— Мои родители умерли. Мама скончалась, когда я учился в школе, отец — чуть позже, от сердечного приступа.

— Прощу прощения. — Каролина вернулась на диван.

— Ничего. Кажется, будто все случилось давно…

— Надеюсь, вашей матери здесь было хорошо, — сказала миссис Айрес. — Как вы считаете? Она что-нибудь говорила о нашем доме?

Я помолчал, вспоминая мамины рассказы о службе в Хандредс-Холле. Например, о том, как по утрам экономка проверяла ее ногти, или о том, как миссис Беатрис Айрес тайком приходила в комнату горничных и рылась в их баулах, досконально исследуя пожитки…

— Думаю, здесь мать нашла хороших подруг, — наконец ответил я.

— Рада это слышать. — Во взгляде миссис Айрес читалось удовольствие, если не облегчение. — Разумеется, слуги жили в своем мире. У них были свои развлечения, свои скандалы и забавы и даже свой рождественский ужин.

Ее слова всколыхнули во мне новые воспоминания. Я не отрывал глаз от фотографии; честно говоря, я был слегка ошеломлен тем, что неожиданное явление маминого лица (если это ее лицо) так меня разбередило. Наконец я положил фото на столик возле кресла. Мы заговорили о доме и саде, о том, что усадьба знавала лучшие времена.

То и дело я посматривал на фотографию и, вероятно, был заметно рассеян. Чаепитие закончилось. Выждав пару минут, я взглянул на часы и сказал, что должен идти.

— Мне будет приятно, если вы возьмете фотографию, доктор Фарадей, — мягко сказала миссис Айрес.

— Что вы! — испугался я. — Нет-нет, я не могу.

— Возьмите. Забирайте прямо с рамкой.

— Правда, берите, — прервала мои возражения Каролина. — Не забывайте: до выздоровления Бетти вся уборка на мне, и я ужасно рада, что

одной вещью для протирки будет меньше.

— Спасибо, вы так любезны… — Я покраснел и запинался. — Ей-богу, вы слишком добры…

Фотографию упаковали в старую оберточную бумагу, и я спрятал ее в саквояж. Потом распрощался с миссис Айрес и потрепал пса за теплые черные уши. Каролина хотела проводить меня к машине, но Родерик ее остановил:

— Не беспокойся, я провожу доктора.

Сморщившись от усилия, он встал с дивана. Каролина бросила на него озабоченный взгляд; поняв, что брат решительно настроен меня сопровождать, она промолчала и подала мне натруженную, но красивую руку:

— До свиданья, доктор Фарадей. Я очень рада, что нашлась эта фотография. Смотрите на нее и вспоминайте нас, ладно?

— Обещаю.

Коридорный сумрак заставил меня сощуриться. Следом за Родериком я свернул направо, миновал несколько закрытых комнат, но вскоре коридор стал светлее и шире, и мы вышли в вестибюль.

Я замедлил шаг и огляделся — прихожая была великолепна. Пол, в шахматном порядке выложенный розовым и кроваво-красным мрамором, своим отблеском окрашивал в багрянец светлые

деревянные панели стен. Но главной здесь была лестница красного дерева: отполированные перила змеились единой непрерывной линией в изящной угловатой спирали, которая поднималась на два этажа, образуя лестничный колодец в пятнадцать футов шириной и шестьдесят высотой, освещенный прохладным мягким светом из матового купола крыши. Я застыл, глядя вверх.

— Впечатляет, да? — сказал Родерик. — В затемнение ох и намучились мы с этим куполом.

Он потянул большую парадную дверь. Разбухшая и покоробившаяся створка с жутким скрежетом проехала по мраморному полу. На крыльце нас окатило жаркой волной.

— Черт, так и парит, — поморщился Родерик. — А вам еще ехать, не завидую… Что у вас за машина? «Руби». Как она вам?

Базовая модель «остина» ничем примечательным похвастать не могла, но, угадав в Родерике заядлого автомобилиста, я продемонстрировал ему свою малышку и даже открыл капот, чтобы он посмотрел, как установлен двигатель.

— Сельские дороги — сущее наказание, — сказал я, захлопывая крышку.

— Да уж. Приходится много ездить?

— В легкий день — пятнадцать-двадцать вызо-

вов, в тяжелый — свыше тридцати. В основном колесишь по округе, но еще есть парочка приватных пациентов в Банбери.

— Вы занятой человек.

— Иногда чересчур занятой.

— Да, сыпи и порезы… Ох, чуть не забыл! — Родерик полез в карман. — Сколько я вам должен за визит?

Памятуя о щедром подарке миссис Айрес, я хотел отказаться от денег, но он был неуступчив, и тогда я сказал, что пришлю счет.

— Послушайте, на вашем месте я бы брал, пока дают, — засмеялся Родерик. — Сколько обычно вы берете? Четыре шиллинга, больше? Ну же, говорите! Мы еще обходимся без благотворительности.

Я нехотя согласился на четыре шиллинга — за осмотр и микстуру. Родерик достал горсть мелочи и отсчитал мой гонорар. Ссыпая мне в ладонь нагретые в кармане монетки, он неловко переступил и сморщился, видимо опять потревожив искалеченную ногу. Я чуть было не сунулся с советом, но сдержался, не желая его смущать. Родерик сложил руки на груди — мол, все в порядке — и вяло махнул мне, когда я сел в машину и тронулся с места. В зеркало я видел, как он

мучительно взобрался на крыльцо, а затем исчез в темной утробе дома.

Аллея свернула в нестриженые кусты, на рытвинах машину подбрасывало, и мне стало не до особняка.

Как часто бывало по воскресеньям, ужинал я с Дэвидом Грэмом и его женой Анной. Срочный вызов Грэма оказался непростым, но завершился благополучно, и мы долго его обсуждали; лишь за яблочным пудингом я сказал, что вместо Дэвида съездил в Хандредс-Холл.

— Ух ты! — позавидовал он. — И как там? Я уж сто лет у них не был. Говорят, усадьба в разрухе и вконец засвинячена?

— Все так изменилось, что сердце кровью обливается. — Я описал состояние дома и сада. — Похоже, Родерик ни черта не смыслит в хозяйстве. Такое сложилось впечатление.

— Бедняга, — вздохнула Анна. — Он всегда был славным парнем. Можно лишь ему посочувствовать.

— Потому что весь изранен?

— Этому тоже, но больше тому, что человек выбит из колеи. Как все его ровесники, он слишком быстро стал взрослым. Сначала заботы об имении, потом война, а он пошел не в отца.

— Может, оно и к лучшему, — сказал я. — Полковник был та еще скотина, нет, что ли? Помню, мальчишкой я видел, как он вызверился на шофера, — дескать, машина испугала его лошадь. Потом соскочил с седла и врезал ногой по фаре.

— Да уж, он был с характером. — Грэм подцепил яблочную дольку. — Этакий сквайр старой закваски.

— В смысле, старый бузотер.

— Такая жизнь мне даром не нужна. Имение уже было убыточным, когда полковник его унаследовал. Поди, голову сломал, как вылезти из безденежья. В двадцатые он распродавал земли; помню, отец говорил: это что мертвому припарка. Болтали, долги после него остались астрономические! Как Айресы еще держатся на плаву, ума не приложу.

— А что там с ногой Родерика? Кажется, дело паршиво. Думаю, курс электротерапии ему помог бы… при условии, что он к себе подпустит. По-моему, они гордятся тем, что живут как семейство Бронте — претерпевают боль и все такое… Ничего, что я полез в твои дела?

— Да ради бога! — пожал плечами Грэм. — Говорю же, я так давно у них не был, что вряд ли считаюсь их врачом. Я помню его ногу: скверный

перелом, кость срослась неправильно. Да еще ожоги… — Он задумчиво отправил в рот ложку пудинга. — Когда Родерик вернулся, у него и с психикой было не все ладно.

Этого я не знал.

— Вот как? Наверное, ничего серьезного? Сейчас-то он вполне уравновешен.

— Для них это было достаточно серьезно, чтобы о том помалкивать. В подобных делах этакие семьи весьма щепетильны. По-моему, миссис Айрес даже сиделку не нанимала. Сама ухаживала за сыном, а в конце войны вызвала домой Каролину, которая успешно служила в каком-то женском подразделении то ли морфлота, то ли ВВС. Девушка чертовски умненькая.

Как все характеристики Каролины, какие я слышал от разных людей, в устах Грэма «умненькая» тоже было синонимом «некрасивой». Я не ответил, в молчании мы прикончили пудинг. Наплывали сумерки; Анна закрыла окно от мошкары, что плясала вокруг пламени свечи, освещавшей наш поздний ужин.

— Вы помните их первую дочку Сьюзен, которая умерла маленькой? — спросила Анна, вернувшись за стол. — Хорошенькая, вся в мать. Я была на ее дне рожденья, когда ей исполнилось

семь. Родители подарили ей серебряное кольцо с настоящим бриллиантом. Ой как мне хотелось такое же! А вскоре она умерла… Кажется, от кори или еще чего-то.

Грэм салфеткой вытер губы:

— По-моему, от дифтерии.

Анна сморщилась, припоминая:

— Верно! Так ужасно… Я помню похороны: маленький гроб, весь в цветах. Море цветов.

Оказалось, я тоже помнил эти похороны. Когда траурная процессия двигалась по Хай-стрит, мы с родителями стояли в толпе. Молодая миссис Айрес была вся в черном, будто новобрачная горя. Мать тихонько плакала, отец держал меня за плечо; моя новенькая необмятая школьная форма источала кисловатый запах.

Отчего-то я вдруг сильно приуныл. Анна и служанка убирали со стола, а мы с Грэмом заговорили о делах, и наш разговор меня еще больше расстроил. Дэвид был моложе, но гораздо успешнее: он стал практиковать, имея за спиной отца-врача и его деньги. Я же начинал кем-то вроде подручного доктора Гилла, которого Родерик изящно охарактеризовал «типом». Вообще-то, старикан был жуткий лодырь; прикидываясь моим покровителем, он постепенно продал мне свою

практику, но перед тем долгие годы платил сущие гроши. Перед войной Гилл вышел на пенсию и поживал себе в милом деревянно-кирпичном доме неподалеку от Стратфорда-на-Эйвоне. Я же лишь недавно стал получать хоть какой-то доход. Но тут замаячила система здравоохранения, грозившая покончить с частниками. Вскоре все мои небогатые пациенты смогут выбрать себе другого врача, чем нанесут непоправимый урон моему бюджету. Из-за этого по ночам я не мог уснуть.

— Я всех растеряю, — сказал я, устало потирая лицо.

— Не глупи, — возразил Грэм. — Поводов уйти от тебя не больше, чем расстаться со мной, Моррисоном и Сили.

— Моррисон не скупится на микстуры от кашля и желудочные порошки, а людям это нравится. Сили обходителен, умеет подъехать к дамам. Ты милый, симпатичный семьянин, что тоже очень привлекает. А меня не любят и никогда не любили. Я непонятный: не охотник, не играю в бридж, не увлекаюсь дартс и футболом. Я недостаточно благороден и для знати, и для работяг. Врача хотят боготворить, никому не надо, чтобы он был ровней.

— Ерунда! Все хотят одного: чтобы он знал свое

дело. А ты — бесспорный дока. Вот только чересчур въедливый. У тебя слишком много времени для самоедства. Женись, и все пройдет.

— Ну да! — рассмеялся я. — Себя-то еле содержу, какие там жена и дети!

Все это Грэм уже слышал, но терпеливо дал мне побурчать. Анна принесла нам кофе, и мы проговорили почти до одиннадцати. Я бы охотно еще посидел, однако распрощался, понимая, что супругам редко удается побыть вдвоем. До моего дома на другом краю поселка было всего десять минут ходу, но вечер стоял теплый и тихий, и я неспешно побрел кружным путем, остановившись лишь для того, чтобы закурить, скинуть пиджак и ослабить галстук.

Первый этаж моего дома занимали кабинет, смотровая и приемная; кухня с гостиной расположились этажом выше, а спальне досталась мансарда. Я не лукавил, сказав Каролине, что дом весьма прост. Мне вечно не хватало времени и денег, чтобы его подновить, а потому со дня моего поселения он не претерпел никаких изменений: все те же унылые горчичные стены, крашеные «в гребенку», все та же тесная неудобная кухня. Приходящая домработница миссис Раш убирала в комнатах и готовила еду. Почти все свободное

время я проводил внизу — готовил микстуры, читал и писал. Нынче я сразу прошел в кабинет — глянуть план на завтра и собрать саквояж — и лишь тогда вспомнил о фотографии, подаренной миссис Айрес. Сдернув оберточную бумагу, я всмотрелся в группу на лужайке. Личность светловолосой няньки по-прежнему вызывала сомнения, и я поднялся наверх, чтобы сравнить снимок с другими фотографиями. Из шкафа в спальне я достал старую жестяную коробку из-под печенья, набитую всякими бумагами и семейными реликвиями, которые собрали родители, отнес ее на кровать и стал просматривать содержимое.

В коробку я не заглядывал очень давно и уже забыл, что в ней находится. Как ни странно, многие чудные вещицы были связаны со мной: метрика, извещение о крестинах; в порыжелом конверте лежали два молочных зуба и локон младенческих волос, невероятно мягких и светлых. Колючая мешанина скаутских и спортивных значков, школьные табели и похвальные грамоты. Бумаги были собраны вперемежку: за порванной газетной вырезкой, извещавшей о моем окончании мединститута, шло письмо школьного директора, где он «горячо рекомендовал» меня

на стипендию. К своему изумлению, я нашел ту самую памятную медаль, которую в День империи вручила мне юная миссис Айрес. Аккуратно обернутая салфеткой, она тяжело шлепнулась в мою ладонь: цветная лента ничуть не засалилась, бронза лишь слегка потускнела.

А вот родительских вещиц оказалось удручающе мало. Видимо, было нечего оставить на память. Пара открыток военной поры с короткими ласковыми посланиями, изобилующими орфографическими ошибками, счастливая монетка на шнурке, букетик бумажных фиалок — и все. Я помнил, что были какие-то фотографии, но в коробке нашелся только один снимок с обломанными уголками. Фото размером с почтовую карточку было сделано на местной Мочальной ярмарке[2] и представляло моих родителей влюбленной парочкой, которая на фоне Альп миловалась в бельевой корзине, изображавшей

---

[2] Примечания: 2

Мочальная ярмарка — семисотлетняя английская традиция, до сей поры сохранившаяся в некоторых городах (Банбери, Стратфорд-на-Эйвоне, Уорик и других). Первоначально ярмарка была биржей по найму работников, которая ежегодно проводилась в октябре в День святого Михаила. Работники держали в руках символ своего ремесла, а те, кто не обладал специальными навыками, надевали шляпу из мочала — отсюда и название ярмарки. Нанятые работники прятали свои символы, украшали себя цветными лентами — знак, что они получили работу, — и отправлялись в съестные и питейные ряды гулять на задаток, выданный новым хозяином.

гондолу воздушного шара.

Поставив рядом ярмарочный и групповой снимки, я переводил взгляд с одного на другой. Ракурс, в котором была снята моя воздухоплавательная матушка в шляпке с печально поникшим пером, ничего не прояснил, и я оставил попытки найти ответ. Родительская фотография меня тоже разбередила, а заботливо сохраненные вырезки, фиксировавшие мои успехи, пронзили стыдом. Чтобы оплатить мое обучение, отец по уши залез в долги. Видимо, это подорвало его здоровье и отняло последние силы матери. А что в результате? Я обычный хороший врач. В иных условиях мог бы стать светилом. Но уже в начале карьеры я был обременен собственными долгами и за пятнадцать лет службы сельским эскулапом все еще не достиг приличных гонораров.

Я вовсе не брюзга. Моя занятость не оставляла времени для брюзжанья. Однако случались дни, когда накатывала мрачная безысходность и вся моя жизнь казалась никому не нужной, горькой и пустой, как гнилой орех. Вот и сейчас меня охватил приступ хандры. Я забыл свои скромные врачебные успехи и помнил одни лишь неудачи: ошибочные диагнозы, упущенные возможности, минуты трусости и разочарования. Всю войну

я неприметно проторчал в Уорике, а мои юные коллеги Грэм и Моррисон служили в Королевских военно-медицинских войсках. Пустой дом напомнил о девушке, в которую я, студент-медик, безоглядно влюбился. Она была из добропорядочной бирмингемской семьи, родители ее считали, что я ей не пара, и в результате возлюбленная меня бросила. После такого удара я разуверился в романтической любви и в своих немногочисленных интрижках был весьма равнодушен. При воспоминании о бесстрастных объятьях и прочей неодухотворенной механистичности меня окатило волной отвращения к себе и жалости к тем женщинам.

В мансарде было жарко и душно. Погасив лампу, я закурил и опрокинулся на кровать, усеянную реликвиями из коробки. В распахнутое окно с отдернутой шторой смотрела безлунная летняя ночь, полная тревожных шорохов и писков. Я пялился в темноту, и вдруг передо мной возникло странное видение Хандредс-Холла, прохладные благоуханные просторы которого вбирали свет, подобно вину в бокале. Я представил его обитателей, спавших в своих комнатах: Бетти, миссис Айрес, Каролина, Родерик…

Еще долго я смотрел в пустоту, забыв о тлею-

щей сигарете.

2

За ночь приступ хандры миновал, наутро я о нем едва помнил. Для нас с Грэмом началась короткая страдная пора, ибо жара всегда сопровождается разнообразием маленьких эпидемий, и скверная лихорадка уже совершала обход близлежащих поселков. Она скрутила и без того чахлого ребенка, к которому я наведывался по два-три раза на дню, пока ему не стало лучше. Денег это не прибавило, поскольку пациент был «льготник», что обязывало весь год за гроши лечить его самого, а также его братьев и сестер. Но я хорошо знал эту приятную семью и был искренне рад, когда мальчик пошел на поправку, да и родители выказали трогательную признательность.

В круговерти дел я не забыл отправить лекарство для Бетти, но больше не видел ни ее, ни Айресов. Проезжая мимо Хандредс-Холла, иногда я ловил себя на грустных мыслях о неухоженных угодьях за его оградой и несчастном заброшенном доме, безропотно соскальзывающем в разруху. Но вот лето, перевалив свой пик, пошло на убыль, а вместе с ним и мои воспоминания о визите к

семейству Айрес, уже казавшемся слегка нереальным, словно яркий неправдоподобный сон.

Однажды вечером в конце августа — то есть через месяц с лишним после вызова к Бетти — я ехал по окраине Лидкота и вдруг увидел большую черную собаку, рыскавшую на пыльной дороге. Было около половины восьмого, солнце еще стояло высоко, но небо уже розовело; я закончил вечерний прием и направлялся к пациенту в соседнем поселке. Услышав мою машину, пес вскинул седеющую морду и залаял; вот тогда я узнал в нем престарелого лабрадора Плута, а через секунду на теневой стороне дороги разглядел Каролину, простоволосую и голоногую. Она так глубоко забралась в ежевичную изгородь, что, если б не пес, я бы проехал мимо, не заметив ее. Каролина прикрикнула на пса и повернулась к машине, щурясь от блика ветрового стекла. На груди ее висела сумочка, а в руках она держала испятнанный носовой платок, похожий на узе-

лок Дика Уиттингтона[3]. Поравнявшись с ней, я притормозил и крикнул в окошко:

— Сбежали из дома, мисс Айрес?

Узнав меня, Каролина заулыбалась и стала выбираться из кустов, осторожно выпутывая цеплявшиеся за ветки волосы. Наконец она выскочила на пыльную обочину и, обмахнув подол все того же плохо сидевшего хлопчатого платья, сообщила:

— Мать послала в поселок, и вот, на обратном пути я не устояла. Гляньте…

Каролина аккуратно развязала узелок, и я увидел, что платок, показавшийся несвежим, на самом-то деле вымазан пурпурным соком — на подстилке из листьев лежала ежевика. Выбрав ягоду покрупнее, Каролина ее обдула и протянула мне. Я положил ежевику в рот — сок ее был теплый, будто кровь, и фантастически сладкий.

— Ну что, вкусно? — Каролина подала мне еще одну ягоду и сама угостилась. — Маленькими мы

---

[3] Примечания: 3

Дик Уиттингтон — герой английской сказки. Оказавшись в Лондоне без гроша в кармане, он чуть не умер с голода, но его взял в услужение богатый купец, в доме которого водились крысы и мыши. Дик купил кошку. Вскоре купец отправил корабль к берегам Африки. Слуги могли попытать счастья в торговых делах и тоже послать что-нибудь на продажу. Дик отдал кошку. В Африке ее выгодно продали маврам, страдавшим от засилья крыс. Дик разбогател, женился на дочке купца и стал мэром Лондона.

с братом паслись в этих кустах. Не знаю почему, но тут самая вкусная ежевика во всей округе. Даже в засуху ягоды спелые и сочные. Может, тут какой родник?

Она отерла струйку темного сока, скатившуюся из уголка рта, и притворно нахмурилась:

— Однако я разболтала семейный секрет Айресов. Наверное, придется вас убить, если не поклянетесь сохранить тайну.

— Клянусь!

— Честное слово?

— Честное! — рассмеялся я.

— Что ж, поверю, куда денешься. К тому же убийство врача — ужасный моветон, еще неприличнее стрельбы по альбатросам. И укокошить лекаря непросто — он сам знает все приемы.

Похоже, наша болтовня через окно машины доставляла ей удовольствие: она непринужденно откинула со лба волосы и покачалась на толстоватых ногах. Я выключил мотор, чтобы зря не жечь бензин. Машина облегченно смолкла; в тишине одуряющая знойность тягучего, словно патока, воздуха стала ощутимее. Приглушенные жарой и расстоянием, с полей доносились голоса фермеров и тарахтенье уборочной техники. В светлые августовские вечера крестьяне работали

допоздна.

Каролина закинула в рот очередную ягоду и лукаво сказала:

— Вы ничего не спросили о Бетти.

— Как раз хотел спросить. Как она? Больше не хворала?

— Ни капельки! Провела день в постели и выздоровела как по волшебству. С тех пор мы изо всех сил стараемся, чтобы ей было хорошо, и просили не ходить по черной лестнице, раз ей это не нравится. Родди достал ей радиоприемник, чем безмерно ее обрадовал. Кажется, в их доме было радио, но в очередном скандале его разбили. Теперь раз в неделю кто-нибудь из нас ездит в Лидкот подзаряжать батареи, но дело того стоит, раз она так счастлива… Признайтесь: вы прописали ей мел, да? Никакой хвори не было?

— Я не отвечу, — важно сказал я. — Узы врача и пациента и все такое. Не дай бог, обвините меня в преступной небрежности.

— Ха-ха! — печально улыбнулась она. — Можете быть спокойны — расходов на адвоката нам не потянуть…

Нашу беседу прервал отрывистый лай Плута, который рыскал в траве на обочине. С другой стороны живой изгороди послышалось заполошное

хлопанье крыльев, и пес ринулся в прогал меж кустами.

— За птицей погнался, старый дурак! — ахнула Каролина. — Прежде птицы были наши, а теперь им хозяин мистер Милтон. Ему не понравится, если Плут сцапает его куропатку. Плут! Плут! Назад! Ко мне, дурья башка!

Сунув мне узелок с ягодами, она бесстрашно кинулась в погоню, не думая о пауках и колючках, цеплявшихся за волосы. Через пару минут Каролина отыскала пса, и тот притрюхал к машине, светясь довольством: из разинутой пасти свешивался розовый язык. Вспомнив о пациенте, я извинился и включил зажигание.

— Возьмите ягод, — радушно сказала Каролина.

Она хотела отсыпать часть своей добычи, но я сообразил, что еду в сторону Хандредс-Холла, до которого добрых две-три мили, и предложил ее подвезти. Я не был уверен, нужна ли моя любезность, ибо на пыльном большаке Каролина смотрелась весьма гармонично, словно бродяга или цыганка. Казалось, девица тоже колеблется, но она лишь прикидывала маршрут.

— С удовольствием, — сказала Каролина, глянув на часы. — Если можно, подбросьте меня не

к парку, а к дороге на ферму. Брат сейчас там. Я не собиралась заезжать, но лишней паре рук там всегда рады.

— Готов услужить, — заверил я, открывая дверцу, чтобы впустить Плута.

Когда пес шумно умостился сзади, Каролина подняла спинку сиденья и плюхнулась рядом со мной. Крякнув под ее весом, машина чуть накренилась, и я вдруг устыдился, что она такая маленькая и старая. Но Каролине было все равно. Пристроив на коленях сумочку и узелок с ягодами, она удовлетворенно вздохнула, явно радуясь тому, что наконец-то сидит. Ее небритые ноги в мальчиковых сандалиях покрывала густая пыль, отчего волоски смахивали на ресницы, подведенные тушью.

Каролина вновь предложила ягоды, но я не хотел лишать ее урожая и, покачав головой, справился о здоровье матушки и брата.

— Мама чувствует себя хорошо, — ответила она, глотая ежевику. — Спасибо, что спросили. Она была очень рада познакомиться с вами. Ее весьма интересуют здешние обитатели. Сейчас мы почти нигде не бываем, и ей очень приятно, если кто-нибудь к нам заглянет… Дом сильно обветшал, из-за этого ей кажется, что она слегка

отрезана от жизни… Родди — как всегда: слишком много работает и очень мало ест… Нога его донимает.

— Да, я хотел об этом спросить.

— Род отмалчивается, но, подозреваю, она сильно его беспокоит… Говорит, некогда возиться. Полагаю, он имеет в виду, что на лечение нет денег.

Каролина уже второй раз упомянула их безденежье, но теперь печали в ее голосе не было, она просто констатировала факт.

— Неужели все так плохо? — На повороте я переключил скорость; Каролина молчала. — Ничего, что я спрашиваю?

— Нет-нет, просто думаю, как ответить… Если честно, дела обстоят препогано. В деталях не знаю, потому что Род сам ведет бухгалтерию и особо не распространяется. Говорит только, что выкрутимся. Мы скрываем от матери, насколько все огорчительно, но, полагаю, даже она понимает, что прежней жизни уже никогда не будет. Во-первых, мы потеряли слишком много земли. Только кое-какой доход от фермы позволяет сводить концы с концами. Мир переменился, правда? Вот отчего мы изо всех сил цепляемся за Бетти. Не передать, как мама воодушевилась,

получив возможность по-старомодному вызвать звонком служанку, а не самой переть в кухню за кувшином горячей воды и прочим. Такие вещи много значат. Понимаете, вплоть до войны мы держали прислугу.

Она говорила буднично, словно делилась с ровней. Затем помолчала и, смущенно поерзав, уже другим тоном сказала:

— Господи! Наверное, вы считаете нас пустышками. Извините.

— Вовсе нет, — ответил я.

Я понял, что она имела в виду, и от ее неприкрытого смущения лишь сам почувствовал неловкость. Дорога, по которой мы ехали, была мне памятна — мальчишкой я исходил ее вдоль и поперек, когда в такую же летнюю пору носил «обед», хлеб и сыр, дядьям, батрачившим в имении на уборке урожая. Уверен, им было бы приятно знать, что через тридцать лет я, дипломированный врач, проеду по этой дороге в собственной машине, а рядом будет сидеть сквайрова дочка. И тут вдруг я почувствовал всю фальшь своей нелепой кичливости: если б сейчас работяги-дядья меня видели, они бы посмеялись, распознав во мне обманщика.

Мы ехали молча, и мне было жаль нашей

исчезнувшей непринужденности, ибо дорога была хороша: благоухающие живые изгороди пестрели шиповником, красной валерианой и нежно-кремовым купырем. В прогалах меж кустами мелькали поля — одни уже щетинились стерней, в которой ковырялись грачи, другие желтели несжатой пшеницей с алыми прочерками маков.

Я притормозил, чтобы свернуть на ведущий к ферме проселок, но Каролина захотела выйти:

— Не беспокойтесь, дальше я пешком. Тут близко.

— Точно?

— Абсолютно.

— Ну, как угодно.

Она не виновата, что я ей надоел, подумал я, остановив машину. Каролина взялась за ручку, но замешкалась и, не глядя на меня, смущенно сказала:

— Огромное спасибо, что подвезли, доктор Фарадей. Извините за болтовню. Наверное, вы согласны с теми, кто видел наш дом в его нынешнем состоянии: только безумцы могут в нем обитать, пытаясь все сохранить как было. Надо бросить его… и все. Понимаете, мы сознаем, что нам повезло жить в этом доме. И мы вроде как

обязаны за ним приглядывать, дабы выполнить свою часть сделки. Хотя порой это кажется страшной обузой.

Она говорила очень искренне и просто, и я вдруг расслышал, как приятен ее голос, звучавший в теплой сумеречной тесноте машины; этот низкий и мелодичный голос красивой женщины меня ошеломил, но зато помог разобраться в сумятице собственных чувств.

— Я вовсе не считаю вас безумцами, мисс Айрес, и был бы рад хоть чем-то облегчить ваше бремя. Наверное, во мне говорит врач. К примеру, ваш брат. Если б я мог осмотреть его ногу…

— Вы очень добры, — покачала головой Каролина, — но у нас вправду нет денег на лечение.

— А если б врач отказался от платы?

— Это была бы неизмеримая любезность! Но вряд ли брат со мной согласится. В таких делах он проявляет глупую гордость.

— Если пойти окольным путем…

После визита к Айресам эта мысль мелькала на задворках сознания, а сейчас окончательно оформилась, пока я рассказывал об успехах электротерапии в лечении подобных мышечных травм. Обычно индукционные катушки использовали в специализированных палатах и только

в случае недавних повреждений — я же считал, что их можно применять гораздо шире.

— Однако надо убедить терапевтов, представить им доказательства, — сказал я. — Оборудование есть, а вот нужный пациент — не всегда. Если я проведу сеансы и напишу статью, то получится, что пациент оказал мне услугу. Тогда и речи нет о гонораре.

— Похоже, вырисовывается замечательный вариант, — прищурилась Каролина.

— Именно. Вашему брату даже не придется ходить ко мне на прием; аппарат очень компактный, я смогу приезжать к вам. Конечно, за результат не ручаюсь, но, если два-три месяца он будет получать еженедельные сеансы, возможно, ему станет значительно лучше… Что скажете?

— Скажу, это превосходно! — Казалось, восторг ее неподделен. — Но вы потратите время. Наверняка у вас есть дела поважнее.

— Случай вашего брата я считаю весьма важным. Что до времени, скажу честно: вряд ли подобная инициатива навредит моей репутации в окружной больнице.

Я сказал истинную правду, но, если уж быть до конца честным, следовало бы добавить, что еще я рассчитываю впечатлить местную знать: про-

слышав об успешном лечении Родерика Айреса, впервые за двадцать лет она, возможно, призадумается — а не послать ли за этим лекарем, пускай и нас попользует… Под шум мотора, гонявшего вхолостую, мы еще пару минут обсуждали нашу затею. Каролина все больше увлекалась и потом выпалила:

— А поехали на ферму прямо сейчас, и вы сами все скажете Родди!

Я глянул на часы:

— Знаете, я обещал заглянуть к пациенту.

— Ну пусть чуточку обождет! Пациенты, они терпеливые, оттого так и называются…[4] Ну всего пять минут, только чтоб Роду объяснить! Скажете ему все, что сказали мне!

Она стрекотала, точно взбудораженная школьница, отказать ей было невозможно.

— Ладно, — сказал я, съезжая на тряский проселок, который вскоре привел на мощенный булыжником двор.

Впереди высился фермерский дом в суровом викторианском стиле, слева виднелись хлев и сарай. Надо полагать, дойка уже подходила к концу — жалобно мыча, в хлеву переминалась

---

[4] Примечания: 4

Patient *(англ.)* — 1) пациент; 2) терпеливый.

лишь кучка буренок, а штук пятьдесят коров сгрудились в загоне на другой стороне двора.

Мы выбрались из машины и следом за Плутом стали пробираться через двор, что было весьма нелегко. Любая ферма не блещет чистотой, но тут грязь была невообразимая, а долгое сухое лето спекло взбаламученную копытами слякоть в нерушимые борозды. При ближайшем рассмотрении сарай оказался ветхим деревянным строением, в котором крепко шибало навозом и аммиаком и парило, как в теплице; никаких доильных аппаратов, только бадьи и табуретки. В двух стойлах фермер Макинс и его взрослый сын доили коров. В наших краях Макинс появился пару лет назад, но визуально я его знал: лет пятидесяти с хвостиком, этот обладатель худого, изможденного лица воплощал собой молочника, сражающегося с нуждой. В ответ на приветствие Каролины он кивнул, без особого интереса окинув меня взглядом; мы прошли дальше и, к моему удивлению, увидели Родерика. Я ожидал найти его в доме или на подворье, но нет: распаренный от усилий, он, подогнув длинные худые ноги и уткнувшись лбом в пропыленный коровий бок, наравне со всеми доил.

Увидев меня, Родерик сморгнул, видимо не

вполне довольный тем, что его застали за подобной работой, но умело скрыл досаду и неулыбчиво, но приветливо сказал:

— Извините, что не подаю руки. — Он глянул на сестру. — Ничего не случилось?

— Все хорошо. Просто доктор Фарадей хочет кое о чем с тобой поговорить.

— Я скоро… Тихо, дурища!

Потревоженная разговором корова переступила с ноги на ногу. Каролина потянула меня к выходу:

— Чужих они пугаются. А вот меня знают. Ничего, если я помогу?

— Конечно.

В хлеву, безбоязненно растолкав ожидавшую своей очереди скотину, она облачилась в резиновые сапоги и замызганный парусиновый фартук, после чего привела корову в стойло, соседствующее с тем, в котором трудился брат. Летнее платье избавляло ее от необходимости закатать рукава, но под колонкой она вымыла руки и сполоснула их дезинфицирующим раствором. Затем взяла цинковое ведро, уселась на табурет и, пихнув локтем корову — мол, встань как надо, — принялась доить. Согласуясь с проворным движением ее рук, в пустое ведро ударили молочные струи.

Чуть отступив вбок, под широким коровьим задом я разглядел ее мелькающие пальцы, которые тягали невероятно упругое бледное вымя.

Каролина расправилась с коровой и принялась за следующую, а Родерик все еще возился с одной. Наконец он отвел животное в хлев, перелил пенящееся молоко в ободранный металлический бак и, отирая руки о фартук, подошел ко мне.

— Чем могу служить? — спросил он, вскинув подбородок.

Чтобы не отрывать его от работы, я вкратце изложил свою идею, повернув дело так, словно прошу об услуге — помочь в весьма важном исследовании… Почему-то сейчас затея выглядела менее убедительной, чем в машине; Родерик недоверчиво хмурился и прервал меня, когда я заговорил об устройстве аппарата:

— К сожалению, у нас мало горючего, днем мы не запускаем генератор.

Он покачал головой, словно отвергая мою просьбу, но я заверил его, что машина работает на аккумуляторах. Каролина прислушивалась к нашей беседе и, закончив со второй коровой, поддержала меня доводами. Родерик беспокойно поглядывал на скотину, страдавшую в ожидании дойки; полагаю, он согласился лишь для того,

чтобы мы отвязались, и тотчас захромал к хлеву. Дату сеанса определила Каролина.

— Не волнуйтесь, я прослежу, чтобы он был дома, — шепнула она и добавила, словно ее только что осенило: — Рассчитайте так, чтобы остаться на чай, ладно? Наверняка мама захочет вас пригласить.

— Хорошо, — охотно согласился я. — Буду рад. Спасибо, мисс Айрес.

Каролина состроила обиженную рожицу:

— Пожалуйста, зовите меня по имени. Видит бог, официоз мне и так обеспечен на долгие годы… Но вас я буду называть «доктор», если не возражаете. Почему-то хочется, чтобы врач всегда был чуточку недосягаем.

Улыбнувшись, она подала мне теплую, пахнущую молоком руку; на фоне хлева мы были как два фермера, что рукопожатием скрепляют сделку.

Сговорились на ближайшее воскресенье; день снова выдался жарким — таким, когда зной томит, а грузное небо подернуто дымкой песчаной пыли. Краснокирпичный фасад Хандредс-Холла выглядел блеклым и странно иллюзорным, он обрел четкость, лишь когда машина выехала на гравийную дорожку: вновь стали видны преж-

ние и открылись новые детали упадка. Казалось, дом мучительно балансирует между недавней пригожестью и грядущим уродством.

Видимо, нынче Родерик меня поджидал. Едва я вылез из машины, как заскрежетала парадная дверь и он появился на растрескавшемся крыльце, хмуро глядя на мой саквояж и аккуратный деревянный футляр.

— Это и есть та штуковина? — спросил он. — Я думал, она больше. Похоже на коробку для сэндвичей.

— Аппарат мощнее, чем кажется.

— Ну, раз вы так говорите… Пойдемте в мою комнату.

Казалось, он уже крепко сожалеет, что согласился на эту затею. Родерик пропустил меня в вестибюль, и мы пошли сумрачным прохладным коридором, правым от лестницы.

— Боюсь, у меня небольшой кавардак, — сказал хозяин, открывая дверь последней комнаты.

Опустив поклажу, я удивленно огляделся. Родерик пригласил в «свою комнату», и я ожидал увидеть обычную спальню, но оказался в громадном зале (или показавшемся громадным, поскольку я еще не вполне привык к масштабам дома): стены в деревянных панелях, решетчатый

потолок, огромный мраморный камин в готическом стиле.

— Здесь была бильярдная. — Родерик заметил, что я ошеломлен. — Прадед устроил. Наверное, воображал себя этаким бароном. Но бильярдные причиндалы давно растеряли… Когда я вернулся с фронта, в смысле из госпиталя, лестницы были мне не под силу, и мать с сестрой надумали поселить меня здесь. Я так прижился, что обратно наверх уже не хочу. Тут и работаю.

— Понятно.

Я сообразил, что именно эту комнату мельком видел с террасы, когда был здесь в июле. Сейчас она еще больше казалась свалкой. Один угол занимала железная кровать, смахивавшая на прокрустово ложе, к ней присоседились туалетный столик, древний умывальник и зеркало. Возле готического камина расположилась пара довольно красивых старых кресел, кожаная обивка которых была сильно потерта и кое-где расползлась по швам. В комнате имелись два зашторенных окна: одно выходило на ступени террасы, задушенной вьюнком, а изящный силуэт другого портили вплотную придвинутые к нему письменный стол и винтовой стул. Вероятно, их так поставили, чтобы максимально

использовать дневной свет, однако блестящая столешница, сейчас почти скрытая за ворохом бумаг, гроссбухами, папками, справочниками, немытыми чашками и переполненными пепельницами, была своего рода магнитом, неодолимо притягивавшим взгляд из любой точки комнаты. Во всяком случае, Родерика явно тянуло к столу: разговаривая со мной, он рылся в бумажном хаосе. Выудив карандашный огрызок, он достал из кармана клочок бумаги, испещренный какими-то цифрами, и стал переписывать их в гроссбухи.

— Присядьте, пожалуйста, я сейчас, — бросил он через плечо. — Понимаете, я только что с фермы и, если сразу не запишу эти треклятые суммы, потом непременно забуду.

Прошла минута-другая, но писанина не заканчивалась, и тогда я решил приготовить аппарат к работе. Поставив футляр между обшарпанными креслами, я откинул защелки и достал машину. Мне уже не раз приходилось пользоваться этим весьма простым агрегатом — катушка, батареи, металлические пластины электродов, — однако все его клеммы и провода производили устрашающее впечатление. Оглянувшись, я увидел, что Родерик покинул свой стол и оторопело воззрился на аппарат.

— Экое чудище, — сказал он, теребя губу. — Хотите начать прямо сейчас?

Я отложил клубок проводов.

— Ну да, а чего тянуть? Но если вы против…

— Нет-нет, все в порядке. Раз уж вы здесь, приступим. Мне раздеться или как?

Достаточно закатать штанину выше колена, сказал я. Известие его обрадовало, но он явно сконфузился, когда, сняв парусиновую туфлю и многажды штопанный носок, задрал брючину.

— Ощущение, что я вступаю в масонскую ложу. — Родерик сложил руки на груди. — Никаких клятв не потребуется?

Я рассмеялся:

— Для начала просто сядьте и позвольте вас осмотреть. Это недолго.

Он опустился в кресло, а я присел перед ним на корточки и осторожно выпрямил его увечную ногу. Мышцы натянулись, Родерик болезненно крякнул.

— Потéрпите? — спросил я. — Я должен ее пошевелить, чтобы понять характер травмы.

Желтоватая кожа худой ноги казалась бескровной; на икре и внешней стороне голени в поросли жестких волосков виднелись гладкие розовые проплешины и рубцы. Бледное деформированное

колено, смахивавшее на диковинный корень, сгибалось с трудом. На неподатливой икре проступали узлы затвердевшей мышечной ткани. Голеностопный сустав, которому приходилось отдуваться за всю малоподвижную ногу, от чрезмерной нагрузки опух и воспалился.

— Дело хреново, да? — глухо спросил Родерик, глядя на мои манипуляции с голенью и ступней.

— Кровообращение нарушено, образовалось много спаек. Это плохо. Ничего, бывает хуже… Так больно?

— Ох! Зараза!

— А так?

Родерик дернулся:

— Черт! Хотите вовсе ее открутить?

Я осторожно вернул ногу в привычное для нее положение и помассировал икру, разогревая отвердевшую мышцу. Затем через марлевые прокладки, смоченные в солевом растворе, пластырем прикрепил пластины электродов к голени. Родерик заинтересованно наблюдал за моими действиями. Я завершил настройку аппарата, и он совсем по-мальчишечьи спросил:

— Конденсатор, да? Ага, понятно. А здесь, наверное, выключатель… Слушайте, а лицензия-то имеется? У меня уши не заискрят?

— Надеюсь, нет, — ответил я. — Хотя моя последняя пациентка теперь здорово экономит на перманенте.

Обманутый моим серьезным тоном, Родерик на секунду поверил, но затем впервые за сегодня, а может, и за все время посмотрел мне в глаза и наконец-то меня «разглядел». Улыбка разгладила его лицо, сделав рубцы почти незаметными. Он сразу стал похож на мать.

— Готовы? — спросил я.

Родерик скривился, окончательно превратившись в мальчишку:

— Наверное, да.

Я повернул выключатель. Родерик всхлипнул, нога его непроизвольно дернулась. Он засмеялся.

— Не больно? — забеспокоился я.

— Нет, просто покалывает… Теперь немного печет! Это нормально?

— Абсолютно. Скажете, когда начнет остывать, я подкручу.

Минут через пять-десять ощущение тепла стало неизменным, значит ток достиг своего пика. Предоставив аппарату самостоятельность, я сел во второе кресло. Родерик полез в карман за табаком и бумагой. Я не мог допустить, чтобы он

вновь скручивал кошмарный «гробовой гвоздь», и мы угостились сигаретами из моего портсигара, прикурив от моей зажигалки. Родерик глубоко затянулся, прикрыл глаза и откинул голову, показав худую шею.

— У вас усталый вид, — посочувствовал я.

Родерик тотчас выпрямился:

— Все нормально. Просто в шесть утра встал на дойку. Сейчас-то ничего, а вот зимой… Да еще этот Макинс, будь он неладен!

— А что такое?

— Жаловаться, конечно, грех, в эту чертову жару ему здорово досталось. — Родерик поерзал и нехотя продолжил: — Надои упали, трава сгорела, мы уже тратим корма, запасенные на зиму. Но Макинс требует массу всего невозможного, хотя сам не знает, откуда оно возьмется. Мол, это уже моя забота.

— Что, например? — спросил я.

— Ну вот, втемяшилось ему, что нужно устроить водопровод, — все так же неохотно ответил Родерик. — А заодно провести электричество. Говорит, даже если колодец опять наполнится, насос вот-вот сдохнет. Нужен новый. Кстати, и сарай ненадежен. Лучше бы его снести и поставить кирпичный. В таком сарае да с электродоилкой

мы получим качественное молоко, и доходы пойдут в гору. Заладил как попугай…

Он взял со столика латунную пепельницу, битком набитую окурками, похожими на опарышей. Я добавил в нее пепел своей сигареты.

— Пожалуй, насчет молока он прав.

— А то я не знаю! — хмыкнул Родерик. — Он прав во всем. Вся ферма на ладан дышит. Но что я могу поделать? Макинс пристает, почему я не выделю часть капитала. Наверное, вычитал в каком-нибудь журнале. Я ему честно ответил: капитала нет, выделять нечего. Он не верит. Думает, раз мы живем в огромном доме, значит сидим на грудах золота. Он не видит, как вечерами мы тыркаемся со свечами и керосиновыми лампами, потому что кончилось топливо для генератора. Он не видит, как сестра скоблит полы и холодной водой моет посуду… — Родерик кивнул на стол. — Я написал письма в банк, а заодно обратился за разрешением на строительство. Вчера в окружном совете говорил насчет водопровода и электричества. Меня не шибко обнадежили: уж больно мы на отшибе, заниматься этим невыгодно. Разумеется, все надо изложить на бумаге. Требуются земельные планы, отчеты топографов и бог знает что еще. Все это для того, чтобы бумаги

прошли через десять разных инстанций, прежде чем мне надлежащим образом откажут…

Если сначала он говорил почти через силу, то теперь словно завелся; глядя на его болезненно кривившееся обожженное лицо и суетливые жесты, я вспомнил слова Грэма о том, что после катастрофы у него отмечались «нелады с психикой». До сих пор мне казалось, что он держится весьма небрежно, но теперь я понял: за небрежностью скрыто совсем иное — усталость, или сдерживаемая тревога, или напряжение, столь сильное и постоянное, что приняло образ вялости.

Родерик заметил мой внимательный взгляд. Он смолк и, глубоко затянувшись, нарочито медленно выдохнул дым.

— Не давайте мне болтать, — уже другим тоном сказал он. — Иначе заговорю до смерти.

— Вовсе нет. Мне интересно.

Однако он явно вознамерился сменить тему, и минут десять мы говорили о всякой всячине. Изредка я проверял его ногу и спрашивал о самочувствии. «Все хорошо», — неизменно отвечал он, но лицо его стало пунцовым, что было знаком болезненных ощущений. Видимо, появился зуд — Родерик почесывал голень возле электродов.

Наконец я отключил аппарат, и он с явным облегчением яростно поскреб икру.

Кожа под пластинами вполне ожидаемо покраснела и казалась распаренной. Насухо вытерев голень, я присыпал ее тальком и пару минут массировал. Пациент мой беспокойно ерзал, что было понятно: одно дело, когда тебя врачует безликая машина, и совсем другое — теплые руки человека, сидящего перед тобой на корточках. Наконец я позволил ему встать; он молча обулся и спустил штанину. Потом сделал пару шагов по комнате:

— А знаете, неплохо! — В голосе его слышалось радостное удивление. — Ей-богу, неплохо!

Вот теперь я и сам понял, как сильно желал успешного результата.

— Пройдите еще, я посмотрю, — попросил я. — Да, двигаетесь явно свободнее. Только не переусердствуйте. Начало хорошее, но спешить нельзя. Мышцу держите в тепле. Полагаю, растирание у вас имеется?

Родерик неуверенно огляделся:

— Кажется, перед выпиской мне дали какой-то лосьон.

— Не важно. Я выпишу новый.

— Послушайте, я и так уже вас обеспокоил.

— Я же сказал: это вы оказываете мне услугу.

— Ну, раз так…

Я все предусмотрел: флакон был в моем саквояже. Пока Родерик изучал этикетку, я снял с электродов марлевые прокладки. Стук в дверь заставил меня слегка вздрогнуть, потому что шагов я не слышал: отделанные деревом стены создавали впечатление отгороженности, словно в каюте океанского лайнера, и даже два больших окна его не нарушали. После отклика Родерика дверь распахнулась, и ко мне тотчас зарысил Плут; следом, хоть и не так стремительно, появилась Каролина. Нынче она была в трикотажной блузке, небрежно заправленной за пояс бесформенной хлопчатой юбки.

— Ну как ты, Родди, пропекся?

— Хорошо прожарился.

— Ага, вот она какая, ваша машина! Ничего себе! Прямо штуковина от доктора Франкенштейна!

Я убрал аппарат в футляр; Каролина посмотрела на брата, который рассеянно сгибал и разгибал ногу. Его поза и выражение лица говорили о том, что ему стало легче, и Каролина одарила меня серьезным признательным взглядом, который отчего-то порадовал меня едва ли не больше

успешного сеанса. Будто смутившись своих чувств, она подняла с пола бумажный клочок и принялась добродушно журить брата за неопрятность:

— Вот была б еще машина, чтоб следить за порядком в комнатах!

Откупорив флакон, Родерик принюхался к растиранию.

— По-моему, у нас уже есть такая машина, — сказал он. — Называется «Бетти». Иначе за что мы ей платим?

— Не слушайте его, доктор. Он запретил бедняжке входить в его комнату.

— Да ее не выгонишь отсюда! Вечно все засунет так, что я не могу найти, а потом заявляет, будто ничего не трогала.

Родерика притягивал магнит стола, и он уже забыл про ногу; отставив флакон, он хмурился в потрепанную желтоватую папку, машинально нашаривая в кармане табак и бумагу.

Взгляд Каролины вновь стал серьезным.

— Бросил бы ты эту гадость! — Она провела рукой по дубовой панели. — Стены насквозь прокурил! Надо бы их навощить, или промаслить, или что-нибудь такое.

— Весь дом требует «чего-нибудь такого», — зев-

нул Родерик. — Если ты знаешь способ сделать «чего-нибудь» без «ничего» — в смысле, без денег, — валяй, милости просим… — Поймав мой взгляд, он попытался все обернуть в шутку: — К тому же в этой комнате человек обязан курить, правда, доктор Фарадей?

Он показал на решетчатый потолок цвета слоновой кости; сей оттенок я полагал данью времени, но теперь сообразил: неровную желтизну сотворили дымившие сигарами бильярдисты.

Родерик вновь занялся бумагами, и мы с Каролиной, поняв намек, вышли из комнаты. Вслед нам прозвучало невнятное обещание встретиться за чаем. Каролина покачала головой.

— Теперь надолго засел, — прошептала она, отойдя от двери. — Сколько раз говорила: давай помогу — не хочет… А нога-то и вправду лучше! Не знаю, как вас благодарить за вашу помощь.

— Он сам себе поможет, если будет делать нужные упражнения. Элементарный ежедневный массаж заметно скажется на мышце. Я дал ему растирание, проследите, чтобы он им пользовался, хорошо?

— Непременно. Думаю, вы заметили, как наплевательски он к себе относится? — Каролина приостановилась. — Что вы о нем скажете, толь-

ко честно?

— В целом он вполне здоров, — ответил я. — К тому же весьма обаятелен. Жаль только, что свою комнату превратил в контору.

— Да, я знаю. Отец управлял имением из библиотеки. Я не помню, чтобы на его столе, которым сейчас пользуется Родерик, когда-нибудь был бедлам, и ведь мы владели не одной, а четырьмя фермами. Вообразите, у нас был управляющий, мистер Маклеод. В войну ему пришлось уйти. У него имелся свой кабинет, вон там. Эта часть дома считалась, так сказать, мужской, здесь всегда было людно. Но сейчас, если б не комната Родерика, она стала бы нежилой.

Каролина говорила небрежно, но мне это было внове: казалось удивительным провести детство в доме, где свободных комнат столько, что некоторые можно закрыть и не вспоминать о них. Я поделился своими мыслями, и она снова грустно улыбнулась:

— Поверьте, это быстро приедается. Все эти комнаты начинаешь воспринимать как надоедливых бедных родственников: бросить нельзя, а с ними то и дело случаются всякие казусы, они хворают и требуют такой уймы денег, что проще сбагрить их в пансион. Конечно, жалко, потому

что среди них есть очень миленькие… Хотите, я проведу вас по дому? Только обещайте закрывать глаза на самый ужас. Экскурсия грошовая. Что скажете?

Предложение казалось вполне искренним, и я сказал, что охотно посмотрел бы дом, но ведь нас ждет миссис Айрес.

— О, в душе она истинная эдвардианская дама, — засмеялась Каролина. — Считает дикостью пить чай раньше четырех часов. Сколько сейчас? Полчетвертого? У нас масса времени. Начнем с парадного входа.

Щелчком она подозвала Плута, и тот затрусил по коридору.

— Вестибюль вы уже видели, — сказала Каролина, когда мы добрались до прихожей, и я дал рукам отдых от саквояжа и футляра. — Пол выложен каррарским мрамором в три дюйма толщиной, и оттого в нижних помещениях сводчатые потолки. Замучаешься натирать этот мрамор. Вот лестница, каких не много: благодаря открытой второй площадке в свое время она считалась инженерным чудом. Отец говорил, что нечто подобное возводят в универмагах, а бабушка никогда по ней не ходила — мол, кружится голова… Вон там у нас была дневная гостиная,

но туда я вас не поведу, там пусто и грязно. Пожалуйте сюда.

Каролина приоткрыла заставленное окно, впустив немного света, и полутемная комната, в которую мы вошли, оказалась симпатичной просторной библиотекой. Однако стеллажи в ней были укрыты чехлами, а мебели почти не осталось; из сетчатого ящика Каролина достала пару каких-то невероятно ценных книг, но было ясно, что комната утратила былую прелесть и смотреть здесь нечего. Посетовав, что из дымохода в камин насыпалась сажа, Каролина закрыла ставень и провела меня в следующую комнату — уже упомянутую контору имения, в которой тоже проглядывали готические мотивы, а стены были отделаны деревом, как и в соседствующей с ней обители Родерика. Миновав покои хозяина и зашторенную арку, что вела в цокольный этаж, мы заглянули в «раздевалку» — затхлую комнату, где были свалены грудой дождевики, порванные резиновые сапоги, теннисные ракетки и крокетные молотки. Когда семья держала конюшни, поведала Каролина, комната служила гардеробной, а ее уборная, изящно отделанная дельфтским фаянсом, более века была известна под именем «мужское и-го-го».

Щелчок пальцев вновь призвал Плута, и мы двинулись дальше.

— Не надоело? — спросила Каролина.

— Ничуть.

— Как из меня гид?

— Превосходный.

— Ой, сейчас будет одно место, где надо закрыть глаза… Вы смеетесь над нами? Так нечестно!

Пришлось объяснить, почему я улыбаюсь: Каролина просила не смотреть на бордюр, из которого когда-то давно я выломал желудь. Я осторожно поведал свою историю, хотя не был уверен в том, как ее воспримут. Глаза Каролины заинтригованно расширились.

— Надо же, как забавно! Мама вручила вам медаль? Точно королева Александра?[5] Интересно, помнит ли она об этом.

— Пожалуйста, не спрашивайте. Наверняка она не помнит одного из полсотни мальчишек с ободранными коленками.

— Но уже тогда вам понравился дом?

— Настолько, что захотелось его изуродовать.

— Я не корю вас за дурацкую лепнину, — мягко

---

[5] Примечания: 5

Королева Александра (1844–1925) — датская принцесса, ставшая королевой Великобритании (1901–1910) и императрицей Индии; с 1910 г. — вдовствующая королева.

сказала Каролина. — Она просто напрашивалась, чтобы ее обломали. Между нами говоря, мы с Родди закончили начатое вами… Как странно, правда? Вы видели наш дом, когда нас еще не было на свете.

— Верно, — согласился я, сраженный этой мыслью.

Покинув искореженный бордюр, мы продолжили экскурсию. Каролина обратила мое внимание на темные холсты в тяжелых золоченых рамах. Словно в американской киношной поделке, изображающей знатное семейство, они оказались «галереей предков».

— Ни художественной, ни какой другой ценности они не представляют, — сказала мой экскурсовод. — Все ценное уже продано вместе с хорошей мебелью. Но они забавные, если пренебречь дурным освещением. — Она показала на первый портрет: — Вот Уильям Барбер Айрес. Это он построил Хандредс-Холл. Добрый провинциал, как все Айресы, но большой скаред: сохранились письма архитектора, в которых тот сетует на невыплаченное жалованье и грозит поднять шум… Следующий — Мэтью Айрес, который отправился в Бостон с войском, а вернулся с позором и женой-американкой; спустя три месяца он

умер, и нам нравится считать, что это женушка его отравила… Вот Ральф Биллингтон Айрес, племянник Мэтью и заядлый игрок, который одно время владел вторым поместьем в Норфолке, но, словно повеса в романе Джорджетт Хейер[6], в одночасье спустил его в карты… А вот Кэтрин Айрес, его сноха и моя прабабка. Эта ирландка унаследовала скаковых лошадей и вернула семейное состояние. Говорят, бабуля никогда не приближалась к лошадям, чтобы их не испугать. Теперь ясно, в кого я пошла наружностью?

Каролина засмеялась, потому что и впрямь была слегка похожа на потрясающе некрасивую даму с портрета; я же с удивлением понял, что уже привык к ее мужиковатой неказистости, как и к рубцам Родерика. Я хотел вежливо возразить, но она отвернулась. Есть еще две комнаты, которые стоит показать, сказала Каролина, но лучше их оставить «на сладкое». Однако следующий объект осмотра — столовая, отделанная в мягком китайском стиле, — тоже впечатлял: обои ручной росписи, полированный стол, два золоченых канделябра с чашами на изогнутых подсвечниках. Затем мы вернулись к середине коридора, и

[6] Примечания: 6

Джорджетт Хейер (1902–1974) — английская писательница, автор детективных и исторических любовных романов.

Каролина, оставив меня на пороге, одна прошла в темную комнату, чтобы открыть ставни.

Коридор был сориентирован с севера на юг, и потому окна всех комнат смотрели на запад. В клинках яркого света, что сквозь щели в ставнях пронзали сумрак, угадывалось внушительных размеров помещение с зачехленной мебелью. Но вот скрипучие ставни разошлись, и представшее глазам зрелище заставило меня рассмеяться.

Убранство восьмиугольного зала, футов сорока в поперечнике, потрясало: ярко-желтые обои, зеленоватый узорчатый ковер, безупречно-белый мраморный камин и сверкающая позолотой хрустальная люстра в центре потолка, перегруженного лепниной.

— С ума сойти, да? — засмеялась Каролина.

— Невероятно! Такого никак не ожидаешь от столь сдержанного дома.

— Архитектор разрыдался бы, если б знал, что сотворят с его детищем. В двадцатых годах прошлого века эту комнату пристроил Ральф Биллингтон Айрес — наш шалопай, помните? Тогда у него еще водились деньги. Бог знает почему, но в те времена все просто свихнулись на желтом цвете. Обои подлинные, вот отчего мы так за них держимся. Но как видите, они к нам менее привя-

заны. — Каролина показала на бумажные языки, кое-где свесившиеся со стен. — К сожалению, генератор выключен, и я не могу показать вам люстру во всей ее красе. Поверьте, это что-то. Она тоже подлинная, но родители, поженившись, ее электрифицировали. В те дни они без конца устраивали приемы, и дом был еще достаточно авантажен, чтобы с ними справиться. Ковер разделен на дорожки. Для танцев их скатывали.

Приподняв чехлы, Каролина показала изящное низкое кресло в стиле ампир, горку и диван.

— А это что? — Меня заинтересовал странной формы предмет. — Пианино?

Каролина завернула край стеганого чехла:

— Фламандский клавесин, он еще старше дома. Случайно, не играете?

— Бог с вами!

— Я тоже. А жаль. Бедняга, стоит молчком.

Однако особой грусти в ее голосе не было; безучастно пробежав пальцами по резному корпусу инструмента, она захлопнула крышку и отошла к окну. Я последовал за ней. Как в комнате Родерика и малой гостиной, окно представляло собой застекленный выход на изящные каменные ступени, спускавшиеся к террасе. Вот только это крыльцо развалилось: верхняя ступень еще

кое-как держалась, остальные же рухнули на гравийную дорожку, и вид их говорил о том, что произошло это давно. Каролина невозмутимо распахнула оконные створки, и мы оказались на краю маленькой пропасти. Вдыхая ласковый благоуханный воздух, я разглядывал лужайку: наверное, некогда она была ухоженной, здесь играли в крокет. Теперь же газон зарос высокой травой и чертополохом, кое-где виднелись нарытые кротами холмики. Окаймлявшие его кусты сдались под натиском багряного нотофагуса — яркого красавца, бесконтрольно захватившего территорию. Здесь же высились два огромных неподстриженных карагача; я представил, как они укрывают лужайку глубокой тенью, стоит солнцу чуть приспуститься.

Справа виднелись хозяйственные постройки, гараж и пустая конюшня, над дверью которой висели большие белые часы.

— Без двадцати девять, — улыбнулся я, глядя на застывшие фигурные стрелки.

— Когда часы сломались, мы с Родди установили это время, — сказала Каролина и, видя мое недоумение, добавила: — В «Больших надеждах» часы мисс Хэвишем остановились на без двадцати девять. Тогда это казалось нам ужасно

забавным. Сейчас уже не так смешно… За конюшней старые сады, огороды и все такое.

Я видел только садовую ограду, сложенную из того же рыхлого красного кирпича, что и дом; сквозь арочный вход чуть просматривались гаревые дорожки, заросшие межи и какое-то деревце, похожее на айву или мушмулу. Любопытно было бы их увидеть, сказал я, обожаю огороды.

Каролина глянула на свои часы.

— Что ж, у нас есть еще почти десять минут, — решительно сказала она. — Так будет быстрее.

— Как — так?

— Ну, спрыгнуть. — Она ухватилась за раму и присела, готовясь к прыжку.

Я потянул ее в комнату:

— Ну уж нет! Для такого я слишком стар. Оставим до другого раза, хорошо?

— Думаете?

— Уверен.

— Ну ладно.

Похоже, она огорчилась. Видимо, наша экскурсия ее взбудоражила, а может, она просто демонстрировала свою молодость. Потоптавшись возле меня, Каролина еще раз обошла комнату, удостоверяясь, что мебель надлежаще укрыта, а под коврами нет чешуйниц и моли.

— До свиданья, бедный, покинутый зал, — вздохнула она, закрывая окно и ставни; в коридор мы выбрались чуть ли не ощупью.

— Я очень рад, что посмотрел дом, — сказал я, когда она заперла дверь. — Он прекрасен.

— Вы так думаете?

— Разве нет?

— В общем-то, недурная развалюха.

Сейчас ее манеры резвушки-пятиклассницы меня покоробили.

— Ладно, Каролина, будет вам.

Наверное, моя ворчливость и то, что я впервые обратился к ней по имени, ее смутили. Она снова некрасиво зарделась, веселость ее угасла. Каролина посмотрела мне в глаза и сказала, будто признаваясь:

— Вы правы, дом великолепен. Только он похож на прекрасное чудовище, которое беспрестанно требует кормежки деньгами и тяжким трудом. А если еще *они* смотрят тебе в спину, — она кивнула на галерею угрюмых портретов, — здешняя жизнь становится невыносимым бременем… Хуже всех Родерику, на нем особая ответственность хозяина. Понимаете, он не хочет кого-нибудь подвести.

Я отметил, как ловко она уходит от разговора

о себе.

— Разумеется, ваш брат делает все, что в его силах. И вы тоже, — сказал я, но меня прервал звон часов, четко и быстро отбивших четыре удара.

Взгляд Каролины прояснился, она коснулась моей руки:

— Идемте, мама ждет. Не забудьте, в экскурсию включены освежающие напитки.

Мы прошли к другому коридору, который привел нас в малую гостиную.

У письменного стола миссис Айрес смазывала клеем какую-то бумажку. Наше появление почему-то ее смутило, и тут я разглядел, что бумажка представляет собой непогашенную, но явно совершившую почтовое путешествие марку.

— Наверное, это не вполне законно, — сказала миссис Айрес, наклеивая марку на конверт, — но, бог свидетель, мы живем в разгул беззакония. Не выдадите меня, доктор Фарадей?

— Мало того, буду рад соучаствовать в преступлении. Если угодно, я доставлю ваше письмо на почту.

— Правда? Вы очень любезны. Нынче почтальоны ужасно неаккуратны. До войны Уиллс появлялся у наших дверей дважды в день. А нынешний почтальон стонет, что к нам далеко

добираться. Мы считаем удачей, когда он не оставляет почту в начале подъездной аллеи.

Миссис Айрес изящно повела унизанной кольцами рукой, приглашая меня в кресло у камина. Наряд ее был почти таким же, как в нашу первую встречу: на горле шелковый шарф, старенькое темное платье, слегка вычурные лакированные туфли, правда уже другие.

— Каролина рассказала, как вы помогаете Родерику. — Она одарила меня ласковым взглядом. — Я очень признательна вам за участие. Вы полагаете, лечение что-то изменит?

— Пока результат неплохой.

— Больше чем неплохой! — Каролина плюхнулась на диван. — Доктор Фарадей скромничает. Лечение очень помогает, мама.

— Чудесно! Вы же знаете, доктор, как много Родерик работает. Бедный мальчик. К сожалению, он не обладает отцовской хваткой, фермерским чутьем и прочим.

Мысленно я с ней согласился, но вслух вежливо возразил: нынче всем фермерам приходится туго, чутье уже не играет роли. Миссис Айрес не замедлила с ответом, в котором сквозила готовность чрезвычайно милого человека потрафить собеседнику:

— Да, вы правы. Полагаю, в этом вы разбираетесь гораздо лучше… Кажется, вы осматривали дом?

— Совершенно верно.

— Он вам понравился?

— Необычайно.

— Я рада. Конечно, сейчас это лишь тень былого. Но как не устают повторять мои дети, нам повезло, что мы вообще здесь удержались… Я убеждена, нет ничего красивее домов восемнадцатого века. Просвещенное столетие. Огромный викторианский дом, в котором я выросла, смотрелся бельмом на глазу пейзажа. Сейчас там римско-католический интернат, и монахини им очень довольны. Но я переживаю за бедных девочек. В нем столько мрачных коридоров и лестничных закутков. Считалось, в нашем доме живут привидения. Не думаю, что тогда они водились, а вот сейчас это вполне возможно. Там умер мой отец, который люто ненавидел католиков… Разумеется, вы слышали о переменах в Стэндише?

— Да, краем уха, от пациентов.

Семейство Рэндалл, владевшее соседним «большим домом» — елизаветинской усадьбой Стэндиш, — покинуло страну, чтобы начать новую

жизнь в Южной Африке. Два года дом пустовал, а недавно его купил лондонец по имени Питер Бейкер-Хайд, архитектор, работавший в Ковентри; Стэндиш привлек его своим «необычным шармом» деревенского убежища.

— Насколько я знаю, у него жена и дочь, два дорогих автомобиля, но нет лошадей и собак. Говорят, он отличился на фронте — в Италии проявил себя героем, что принесло хорошие дивиденды: похоже, в обновление дома вбухана куча денег.

Кисловатость моего тона объяснялась тем, что от нового достатка Стэндиша мне ничего не перепадало: на прошлой неделе я узнал, что мистер Бейкер-Хайд и его жена стали пациентами моего конкурента доктора Сили.

— Он же градостроитель, верно? — усмехнулась Каролина. — Значит, снесет усадьбу, чтобы выстроить роликовый каток. Или продаст американцам, которые разберут ее по камушку и увезут к себе, как Уорикский монастырь. Американец купит любую старую деревяшку, если ему сказать, что она из Арденнского леса или на нее чихнул Шекспир.

— Ты невероятно цинична! — укорила ее миссис Айрес. — По-моему, Бейкер-Хайды — оча-

ровательная семья. Нынче в графстве совсем мало истинно приличных людей, так что слава богу, если кто-то озаботился Стэндишем. Как вспомню, что сталось с другими знатными домами, я чувствую себя почти Робинзоном. Возьмите Амберслейд-Холл, куда отец полковника ездил на охоту, — теперь это чиновничья контора. Вудкот стоит пустой, Мериден-Холл, по-моему, тоже. Чарлкот и Кофтон нынче «общие»…

Серьезное и даже слегка унылое повествование перемежалось вздохами, сейчас она выглядела на свои пятьдесят с большим хвостиком. Потом миссис Айрес к чему-то прислушалась, и лицо ее выразило тревогу.

Видимо, она тоже уловила дребезжанье чашек, слышное в гулком коридоре. Схватившись за грудь, миссис Айрес в наигранном испуге прошептала:

— Вот вам явление того, что мой сын называет пляской смерти. Знаете, у Бетти талант бить посуду. Фарфора уже не осталось… — Дребезжанье стало громче, и миссис Айрес закрыла глаза. — Сердце не выдержит!.. Пожалуйста, осторожнее, Бетти!

— Я и так осторожна, мадам! — раздался возмущенный ответ, и через секунду в дверях возникла

пунцовая от напряжения девушка с большим подносом красного дерева.

Я вскочил, чтобы ей помочь, но Каролина меня опередила и, ловко перехватив поднос, внимательно его оглядела.

— Не пролито ни капли! Наверное, это в вашу честь, доктор. Бетти, ты узнаешь доктора Фарадея? Помнишь, как его волшебное снадобье расправилось с твоей хворью?

Бетти потупилась:

— Да, мисс.

— Как поживаешь, Бетти? — улыбнулся я.

— Спасибо, сэр, хорошо.

— Рад слышать. Ты и выглядишь хорошо, красиво.

Сказано это было без задней мысли, но служанка насупилась, словно заподозрив насмешку, и я вспомнил сетования на «жуткое платье и чепец», которые ей приказывали носить. Одеяние и впрямь было старомодно: белый передник, черное платье с накрахмаленными манжетами и воротником, от которых ее детские запястья и шея казались еще меньше, и чепец с вычурными оборками. В наших гостиных подобный наряд можно было видеть лишь до войны. Однако в здешнем изящно обветшалом антураже он смот-

релся вполне органично.

Сама Бетти тоже выглядела сносно: она деловито раздала нам чашки и тарелочки с кексом, словно уже хорошо освоила обязанности горничной, после чего изобразила нечто похожее на книксен.

— Спасибо, Бетти, пока все, — сказала миссис Айрес.

Служанка вышла; удаляясь, по коридору протопали ее скрипучие башмаки на толстой подошве.

— Да уж, прирожденной горничной ее не назовешь. — Каролина поставила на пол плошку с чаем для Плута.

— Дай срок, и она изменится, — снисходительно ответила миссис Айрес. — Моя двоюродная бабка говорила, что хороший дом подобен ракушке: служанки в него попадают песчинками, а через десяток лет превращаются в жемчужины.

Она адресовалась ко мне и дочери, явно упустив из виду, что некогда моя мать была такой же песчинкой. Думаю, и Каролина о том забыла. Удобно расположившись в креслах, обе пили чай, приготовленный Бетти, и ели кекс, который та неуклюже нарезала и подала. По звонку она заберет чашки с тарелками и отправится их мыть.

Однако я ничего не сказал, но тоже пил чай и ел кекс. Если дом и впрямь обволакивал Бетти тончайшими слоями своего очарования, видимо, то же самое он проделывал и со мной.

Как и предсказывала Каролина, брат ее не появился, и она сама проводила меня к машине.

— Вам в Лидкот? — спросила она, но я ответил, что хочу заглянуть к пациенту в соседнем поселке.

— Тогда лучше выехать через другие ворота — так быстрее, не придется объезжать. Правда, дорога столь же скверная, так что берегите покрышки. — Тут ее осенило. — Слушайте, вам же удобнее ездить через наш парк, да? В смысле, вы срежете путь, когда мотаетесь по вызовам.

— Да, пожалуй, так будет значительно короче, — сказал я, прикидывая свои маршруты.

— Тогда проезжайте здесь в любое время! Жаль, я не сообразила раньше. Ворота закрыты на проволоку — от бродяг, которые в войну к нам зачастили. Потом просто замотайте, там запора нет.

— Серьезно? А матушка и брат возражать не станут? Что ж, ловлю вас на слове, теперь ждите меня каждый день.

— Будем только рады, — улыбнулась Каролин-

на. — Правда, Плут?

Подбоченившись, она смотрела, как я разворачиваюсь, затем подозвала собаку и зашагала к дому.

Я медленно объехал особняк, высматривая выезд на другую дорогу, и в окне северного фасада случайно увидел Родерика. Меня он не заметил, я же его хорошо видел: подперев рукой щеку, он таращился в бумаги и справочники; вид у него был чрезвычайно измученный и растерянный.

3

Вскоре воскресные сеансы электротерапии с последующим чаепитием в обществе миссис Айрес и Каролины вошли в мой распорядок. Кроме того, теперь я часто проезжал через имение, сокращая путь от одного пациента к другому. Визитов к Айресам я с нетерпением ждал, ибо они были ярким контрастом к моему будничному существованию. Закрыв за собой парковые ворота, я ехал по заросшей аллее, и всякий раз меня охватывало легкое приятное возбуждение. Когда передо мной возникал растрескавшийся краснокирпичный дом, мне казалось, что повседневная жизнь отступает и я проскальзываю в некое странное редкостное царство.

Со временем я проникся приязнью и к самим Айресам. Чаще всего я виделся с Каролиной. Почти каждый день она гуляла в парке, и я нередко видел ее приметно рослую широкозадую фигуру, рядом с которой сквозь высокую траву продирался пес. Иногда я притормаживал, опускал стекло, и мы болтали, как в тот раз на дороге. Казалось, она вечно при деле, вечно несет какую-нибудь

сумку, корзину с ягодами-грибами или хворост на растопку. Она вполне могла сойти за фермерскую дочь. Теперь я все больше сочувствовал тому, что в жизни Каролины и ее брата так много забот и так мало радости. Однажды сосед, сына которого я выходил от скверного коклюша, презентовал мне пару банок меда со своей пасеки. Памятуя мечты Каролины о меде, высказанные в нашу первую встречу, одну я отдал ей. Пустячный подарок ее изумил и привел в восторг.

— Ой, ну зачем вы! Мам, смотри! — Она подняла банку, показывая, как светится на солнце мед.

— Берите, берите, много ли надо старому холостяку.

— Вы чрезмерно добры к нам, доктор Фарадей, — мягко, но чуть ли не с укоризной проговорила миссис Айрес.

Вообще-то, эти маленькие любезности были сущей мелочью, но семейство, жившее столь обособленно и непрочно, чрезвычайно остро воспринимало любые тычки фортуны, благодушные или злобные. Вот пример: в середине сентября, почти через месяц после начала сеансов, долгое лето наконец-то закончилось; пасмурный день, неоднократно разродившийся ливнями, сбил жару и на ферме оживил колодец. Впервые за

долгое время дойка прошла гладко; Род так лучился радостью, что за него было слегка неловко. После этого он весь просветлел, меньше торчал за бумагами, стал поговаривать о переустройстве фермы и нанял двух батраков для работы в поле. С переменой погоды заросшие лужайки вновь буйно зазеленели, и тогда разнорабочему Барретту велели пройтись по ним косой. Похорошевшие газоны стали похожи на только что постриженных овечек, придав усадьбе несуразно нарядный облик, яркостью превосходивший даже тот, что тридцать лет назад запечатлела моя детская память.

Тем временем чета Бейкер-Хайд полностью обустроилась в соседствующем поместье Стэндиш и стала чаще появляться на людях. В один из своих редких выездов в лемингтонские магазины миссис Айрес познакомилась с Дианой Бейкер-Хайд, не обманувшей ожиданий в плане очаровательности, и под впечатлением встречи стала подумывать о «маленьком приеме» в честь новых соседей.

Кажется, это было в конце сентября. За чаепитием после очередного сеанса миссис Айрес сообщила мне о своих планах. Мысль о чужаках в Хандредс-Холле меня слегка покоробила, что,

видимо, отразилось на моем лице.

— Знаете, раньше мы устраивали приемы два-три раза в год, — сказала миссис Айрес. — Даже в войну я умудрялась регулярно сочинять званые ужины для расквартированных у нас офицеров. Правда, тогда у нас было достаточно баллов[7]. Сейчас-то ужин нам не осилить. Однако у нас имеется Бетти. Когда есть служанка, все выглядит иначе; надеюсь, она справится с графином. Я предполагаю маленький фуршет человек на десять, не больше. Можно позвать Десмондов, Росситеров…

— Разумеется, вы тоже приглашены, доктор Фарадей, — вставила Каролина.

— Да-да, — поддержала миссис Айрес. — Непременно приходите.

Сказано это было тепло, но с крохотной заминкой, на которую я не мог сетовать, ибо, несмотря на регулярные визиты, вряд ли считался другом дома. Сделав приглашение, миссис Айрес отважно довела дело до конца. Я был свободен лишь воскресными вечерами, которые обычно проводил у Грэмов. Воскресенье вполне годится,

---

[7] Примечания: 7

Карточная система в Великобритании, введенная в начале Второй мировой войны и полностью отмененная в 1954 г., предусматривала набор баллов для покупки продуктов и вещей.

сказала миссис Айрес и тотчас достала свой ежедневник, чтобы прикинуть дату.

В тот раз на этом все и закончилось; в мой следующий визит о приеме речь не заходила, и я подумал, что идея себя изжила. Однако пару дней спустя в парке я встретил Каролину, которая без особого энтузиазма сообщила, что после оживленной переписки между ее матерью и Дианой Бейкер-Хайд датой приема установлено воскресенье через две недели.

— Похоже, вы не очень-то рады, — сказал я.

Каролина подняла воротник жакета, стянув его у подбородка.

— Просто смиряюсь с неизбежным, — вздохнула она. — Знаете, многим кажется, что мама витает в облаках, однако, если ей что приспичит, отговаривать бесполезно. Род сказал, что дом в его нынешнем состоянии годится для приемов, как одноногая Сара Бернар на роль Джульетты. И он прав. Наверное, я засяду в малой гостиной и проведу вечер в обществе Плута и радиоприемника. Мне это милее, чем расшаркиваться перед малознакомыми людьми, которые могут не очень-то понравиться.

Мне показалось, Каролина смущена и не вполне искренна; несмотря на ее ворчание, было ясно,

что до определенной степени она взбудоражена этим приемом. Следующие две недели Каролина самозабвенно вылизывала особняк — накрутив чалму, вместе с Бетти и миссис Бэйзли на карачках драила полы. Приходя в дом, я видел выбитые ковры, картины на прежде голых стенах и мебель, которую достали из чулана.

— Можно подумать, его величество нагрянет! — пожаловалась миссис Бэйзли, когда однажды я спустился в кухню приготовить соляной раствор для сеанса. Она вышла на работу в неурочный день. — Из-за чего суматоха-то? Вон, девчонка все руки себе стерла. Покажи, Бетти.

За столом Бетти чистила серебро; обрадованная вниманием, она с готовностью отложила тряпку и выставила ладони. За три месяца службы ее детские руки огрубели, покрылись цыпками. Я шутливо пожал ее палец:

— Ничего страшного. От работы в поле или на фабрике было бы то же самое. Хорошие трудовые руки, и только.

— Трудовые! — фыркнула миссис Бэйзли, после того как обиженная Бетти вновь взялась за чистку. — Это все от стекляшек на люстрах. Мисс Каролина совсем девчонку заездила, извиняюсь за выражение. Их же сымать надо, люстры-то.

Ране как было: мужики придут, сымут, увезут в Браммаджем[8] да там раствором-то отчистят. Чего мы пластаемся, когда даже не обед, а всего-то выпивка? И все за ради каких-то лондонцев.

Но подготовка шла своим чередом, и миссис Бэйзли, как я заметил, вкалывала наравне со всеми. В пору строгих ограничений даже маленькая приватная вечеринка вызвала интерес своей манкой новизной, устоять перед которой было трудно. С Бейкер-Хайдами я еще не встречался, но любопытствовал посмотреть на них, как и на Хандредс-Холл, принаряженный в духе былого величия. С удивлением и досадой я вдруг поймал себя на том, что слегка нервничаю. Я понимал, что должен соответствовать событию, но не знал, как это сделать. В пятницу означенного уик-энда я подстригся. В субботу попросил домработницу миссис Раш отыскать мой выходной наряд. В смокинге обосновалась моль, а сорочка местами так сносилась, что часть подола пришлось пустить на латки. То, что отразилось в мутном зеркале гардеробной дверцы, ничуть не воодушевляло, ибо вполне соответствовало призыву военного времени «перелицуй и заштопай». С недавних

[8] Примечания: 8
Браммаджем — Бирмингем в произношении местных жителей.

пор волосы мои стали редеть, и стрижка лишь подчеркнула залысины. Бессонная ночь у постели пациента одарила мешками под глазами. С ужасом я понял, что выгляжу как отец; вернее, он бы так выглядел, если б вдруг напялил вечерний наряд. Наверное, в робе и фартуке торговца я бы чувствовал себя уютнее.

Грэмы, слегка задетые тем, что наш совместный ужин я променял на вечеринку в Хандредс-Холле, просили заглянуть к ним, чтобы на дорожку выпить. Смущаясь, я возник на их пороге, и Дэвид, как я и ожидал, расхохотался, Анна же, добрая душа, прошлась щеткой по моему смокингу и перевязала мне галстук-бабочку.

— Вот теперь ты настоящий красавец, — сказала она. Так миловидные женщины льстят неказистым мужчинам.

— Фуфайку поддел? — спросил Дэвид. — Когда-то Моррисон побывал там вечером. Говорил, продрог до костей.

Как оно бывает, летняя жара сменилась чрезвычайно неустойчивой погодой, день выдался промозглым. На выезде из Лидкота зарядил нешуточный дождь, превративший пыльные дороги в потоки грязи. Прикрывшись пледом, я открыл ворота усадьбы, бегом вернулся в машину и, одолев

слякотную аллею, выехал на гравийную дорожку. В Хандредс-Холле так поздно я еще не бывал, и дом меня заворожил: казалось, его нечеткие контуры истекают в быстро темнеющее небо. Дождь уже лил как из ведра; я припустил к крыльцу и дернул дверной звонок. Никто не откликнулся. Шляпа потихоньку обвисала мне на уши. Дабы не утонуть, я толкнул незапертую дверь и вошел без приглашения.

Дом тотчас продемонстрировал свой фокус: я оказался в совершенно ином мире. За дверью глухо барабанил дождь, а в вестибюле под мягким электрическим светом матово сиял натертый мраморный пол. На подставках стояли вазы с поздними розами и темно-золотистыми хризантемами. Второй этаж тонул в сумраке, а третий вместе с лестницей скрывался в глубокой тени; стеклянный купол еще удерживал последние отблески вечернего света и казался огромным прозрачным диском, подвешенным во мраке. Стояла мертвая тишина. Я снял промокшую шляпу, стряхнул капли с пальто и прошел на середину сияющего вестибюля, где, задрав голову, с минуту разглядывал купол.

Левым коридором я добрался до малой гостиной, где никого не нашел, хотя там было тепло

и горел свет. Заметив яркую световую полосу из открытой двери зала, я направился дальше. Залаял Плут, услышавший мои шаги, и через секунду он уже скакал передо мной, предлагая поиграть. Следом донесся чуть напряженный голос Каролины:

— Это ты, Родди?

— Нет, всего лишь доктор Фарадей, — смутился я. — Ничего, что я вошел без спросу? Я слишком рано?

Послышался смех:

— Вовсе нет, это мы ужасно припозднились. Входите! Я не могу к вам выйти.

Каролина стояла на стремянке возле стены. Ослепленный ярким светом, я не сразу понял, что она делает. Зал произвел неслабое впечатление еще в тот раз, когда в нем царил полумрак, а мебель пряталась под чехлами, нынче же все изящные диваны и кресла были расчехлены, а люстра — вероятно, одна из тех, что наградили Бетти волдырями, — пылала, словно топка. Вместе с лампами поменьше свою лепту в иллюминацию вносили золоченые орнаменты и зеркала, но более всего — неувядаемо-яркие желтые стены.

— Ничего, скоро глаза привыкнут. — Каролина

заметила, что я щурюсь. — Пожалуйста, снимайте пальто и налейте себе выпить. Мама еще одевается, Род все решает какую-то проблему на ферме, а вот я почти закончила.

Теперь я понял, чем она занята: кнопками пришпиливает к стенам отставшие куски обоев. Я хотел помочь, но она уже воткнула последнюю кнопку; тогда я придержал стремянку и подал ей руку. Приподняв подол, Каролина осторожно спустилась. Она была в синем шифоновом платье, серебристых перчатках и туфлях; на виске волосы ее прихватывала заколка с фальшивыми бриллиантами. Честно говоря, старое платье ей совсем не шло. Низкий вырез открывал жилистую шею и выпирающие ключицы, лиф был слишком тесен для ее большой груди. Она слегка притемнила веки и подрумянила щеки; губы в красной помаде казались пугающе толстыми. Я подумал, насколько привлекательней и органичней она была бы с чистым лицом, в старой бесформенной юбке и трикотажной блузке. Впрочем, безжалостный свет подчеркивал и мои недостатки.

— Чудесно выглядите, — сказал я, помогая ей сойти со стремянки.

Ее нарумяненные щеки слегка потемнели. Не глядя на меня, Каролина заговорила с псом:

— И ведь он еще не выпил! Вообрази, какой красавицей я предстану через донышко стакана!

Она явно была не в своей тарелке, но я приписал это волнению из-за предстоящего вечера. В стене глухо крякнула невидимая проволока, когда Каролина дернула звонок, вызывая Бетти. Затем она подвела меня к буфету, где выстроились старинные хрустальные бокалы; по нынешним временам выбор напитков был впечатляющий: херес, джин, итальянский вермут, горькая настойка и лимонад. Моим вкладом стал ром, полбутылки которого я принес с собой. Мы налили себе по глотку, но тут явилась принаряженная Бетти: манжеты, воротничок и фартук сверкали ослепительной белизной, накрахмаленный оборчатый чепец походил на вафлю сливочного мороженого. На кухне она готовила сэндвичи, и вид ее был слегка встрепанный. Каролина велела убрать стремянку. Бетти неловко ее подхватила, но в спешке недооценила тяжесть лесенки и через пару шагов грохнула ее на пол.

Мы вздрогнули, пес залаял.

— Молчи, дурак! — прикрикнула Каролина, а затем рявкнула на служанку: — Ну что еще такое?

— Ничего! — Бетти тряхнула головой, пытаясь

поправить сползший на глаза чепец. — Она сама из рук выпрыгнула. У вас тут все пошаливает.

— Что за дурь!

— Никакая не дурь!

— Ладно, все хорошо, ничего не сломалось, — спокойно сказал я, помогая Бетти ловчее ухватить стремянку. — Удержишь?

Девочка ожгла Каролину злобным взглядом и молча потащила лестницу, на пороге едва не столкнувшись с миссис Айрес.

— Что за шум? — спросила та, входя в комнату. — Боже мой, вы уже здесь, доктор Фарадей! Какой вы нарядный! Воображаю, что вы о нас думаете!

Придав лицу светское выражение, она протянула мне руку. В темном шелковом платье миссис Айрес походила на элегантную вдовствующую француженку. Голову ее покрывала черная кружевная шаль наподобие мантильи, у горла застегнутая камеей.

— Какой резкий свет, не правда ли? — Миссис Айрес сощурилась на люстру. — Раньше он не казался таким ярким… или глаза были моложе… Каролина, ну-ка, покажись, дорогая.

После инцидента со стремянкой Каролина еще больше зажалась. Приняв позу манекена, она

сказала ломким неестественным голосом:

— Сойдет? Я знаю, что не отвечаю твоим высоким требованиям.

— Что за чепуха! Ты прекрасно выглядишь. — Тон миссис Айрес напомнил мне неискреннюю лесть Анны. — Только поддерни перчатки… вот так хорошо… Родерик не появлялся? Чего он канителится… Все утро ворчал, что смокинг стал широковат. Я говорю: радуйся, что он вообще есть… Благодарю вас, доктор Фарадей, мне, пожалуйста, херес. — Рассеянно улыбаясь, она взяла стакан. — Знаете, у нас так давно не было приемов, и я слегка нервничаю.

— Ничуть не заметно, — сказал я.

Она не слушала:

— Мне было бы спокойнее, если б мой сын был рядом. По-моему, иногда он забывает, кто здесь хозяин.

В том-то и дело, что он каждую секунду помнит об этом, подумал я и заметил, что Каролина явно думает о том же. Взгляд миссис Айрес беспокойно рыскал по комнате. Лишь пригубив херес, она отставила стакан и подошла к буфету, озабоченная тем, что бутылок выставлено слишком мало. Затем она проверила сигареты и одну за другой опробовала настольные зажигалки. Пыхнувший

дымом камин тоже дал повод для волнения: дымоход не прочищен, дрова сырые.

Однако времени на замену поленьев уже не осталось. В коридоре раздалось гулкое эхо голосов, и на пороге возникли первые настоящие гости: Билл и Хелен Десмонд, с которыми я был немного знаком, мистер и миссис Росситер, которых я знал лишь визуально, и пожилая вековуха мисс Дабни. Ради экономии горючего они приехали вместе, втиснувшись в машину Десмондов. Отдавая Бетти мокрые пальто и шляпы, все бранили погоду. Чепец служанки вновь сидел прямо; со вспышкой злости она, похоже, справилась. Поймав ее взгляд, я подмигнул. На секунду Бетти опешила, но затем расплылась в улыбке, по-детски уткнув подбородок в грудь.

В смокинге меня никто не узнал. Я не входил в круг общения отставного судьи Росситера и крупного землевладельца Десмонда. Первой меня разглядела Хелен Десмонд.

— Ой! — встревожилась она. — Надеюсь, никто не заболел?

— С чего вдруг? — удивилась миссис Айрес. — О нет! — Она издала светский смешок. — Нынче доктор наш гость. Полагаю, мистер и миссис Росситер знакомы с доктором Фарадеем? А вы,

мисс Дабни?

Так вышло, что пожилая девушка раза два становилась моей пациенткой. Она являла собой тип ипохондрика, на котором врач может весьма прилично заработать. Будучи «знатных кровей», мисс Дабни на лекарей смотрела свысока, и потому, вероятно, ей было странно видеть меня здесь да еще со стаканом в руке. Однако легкая суматоха, всегда возникающая с прибытием гостей, поглотила ее удивление: каждый высказывался о комнате, выбирал напиток и желал приласкать милягу Плута, обнюхивавшего незнакомые ноги.

Затем Каролина предложила сигареты, и внимание гостей переключилось на нее.

— Ох ты! Кто эта юная красавица? — отпустил тяжеловесный комплимент мистер Росситер.

— Боюсь, всего лишь известная вам дурнушка под слоем помады, — склонила голову Каролина.

— Что за чепуха, милочка! — Миссис Росситер взяла сигарету. — Вы очаровательны. Ваш отец был красавец, а вы вся в него. Полковник был бы рад тому, что зал по-прежнему великолепен, правда, Анджела? — обратилась она к миссис Айрес. — Он так любил вечеринки. Ах, какой он был танцор, какая осанка! Помню, однажды вы с ним танцевали в Уорике. Смотреть на вас было

наслаждением, вы порхали, точно пушинки. Молодежь не знает старых танцев, а современные… Пусть это выглядит старческим брюзжаньем, но современные танцы, на мой взгляд, вульгарны. Все скачут как буйнопомешанные. Ничего хорошего. Как вы считаете, доктор Фарадей?

Я отделался расплывчатым замечанием, и разговор, недолго покрутившись вокруг современной хореографии, вернулся к великолепным балам прошлых лет, о которых я мало что мог сказать.

— Кажется, это было в двадцать восьмом или двадцать девятом… — вспоминала мисс Дабни какое-то особенно блистательное событие, а передо мной возникли грустные картины моей тогдашней жизни: Бирмингем, вечно голодный студент-медик от усталости валится с ног в своей диккенсовской мансарде с протекающей крышей…

Залаял Плут. Каролина схватила его за ошейник, не давая выскочить в коридор, откуда донеслись голоса, и один, явно детский, спросил:

— Там собака?

Разговор в зале смолк; на пороге появились двое мужчин в пиджачных парах, красивая женщина в броском платье для коктейля и миленькая де-

вочка лет восьми-девяти.

Появление Джиллиан, дочери Бейкер-Хайдов, для всех стало сюрпризом, а вот о втором мужчине хозяев явно предуведомили; по крайней мере, миссис Айрес, в отличие от меня, о нем знала. Его представили как мистера Морли, младшего брата миссис Бейкер-Хайд.

— Я, видите ли, обычно провожу выходные с Питером и Дианой, а потому решил к ним пристегнуться, — говорил он, со всеми здороваясь за руку. — Неважное начало, Питер! — обратился он к зятю. — Тебя вышвырнут из графства, старина!

Подразумевалось, что они пришли в пиджаках, тогда как мистер Десмонд, мистер Росситер и я были в старомодных смокингах, а миссис Айрес и другие дамы — в длинных вечерних платьях. Однако вновь прибывшие гости охотно посмеялись над своей промашкой, и в результате дурно одетыми почувствовали себя все остальные. В супругах Бейкер-Хайд не было никакой чопорности. Напротив, в тот вечер они показались чрезвычайно милыми и учтивыми, правда какими-то уж очень рафинированными, и мне стало абсолютно ясно, почему кое-кто из местных считал, что они понятия не имеют о сельской жизни. Дочка переняла их манеру поведения и пыталась

на равных разговаривать со взрослыми, хотя была сущий ребенок. Например, ее рассмешили передник и чепец Бетти, а потом она устроила целый спектакль, якобы испугавшись Плута. Девочка получила лимонад, но капризно требовала вина, и отец капнул ей из своего стакана. Гости испуганно оцепенели, когда херес растворился в бокале ребенка.

Братец мистер Морли сразу вызвал мою неприязнь. Лет двадцати семи, прилизанный, в американских очках без оправы, он тотчас всем сообщил, что работает в лондонском рекламном агентстве, но уже сделал себе маленькое имя в киноиндустрии, «набрасывая скелеты». Он не снизошел до объяснений, что это за скелеты, и мистер Росситер, недослышав, принял его за еще одного врача, отчего возникла неловкость. Мистер Морли снисходительно посмеялся над недоразумением. Я заметил, как он, потягивая коктейль, окинул меня взглядом и тотчас перевел в разряд ничтожеств; в первые десять минут того же удостоилась и вся наша компания. Но миссис Айрес была настроена окутать его радушием хозяйки. Она познакомила Морли с супругами Десмонд и вернулась за ним, когда его вновь прибило к камину, у которого стояли мы с мистером

Росситером:

— Пожалуйста, присаживайтесь, господа. Прошу вас, мистер Морли.

Миссис Айрес взяла его под руку, словно раздумывая, куда бы усадить, а затем ненавязчиво подвела к просторному дивану, где сидели Каролина и миссис Росситер. Секунду поколебавшись, мистер Морли покорно вздохнул и занял место рядом с Каролиной. Та завозилась с ошейником Плута, но в этом было столько нарочитости, что мысленно я посочувствовал: бедняжка ищет повод для бегства. Затем Каролина выпрямилась и кокетливо поправила волосы — этот не свойственный ей жест говорил о том, что она невероятно смущена. Я перевел взгляд на мистера Морли, который тоже был весьма скован. Вспомнились затянувшиеся приготовления, нервозность Каролины… Я почувствовал себя грубо обманутым, потому что вдруг понял, с какой целью был затеян прием, чего от него ждала миссис Айрес и, наверное, сама Каролина.

Едва до меня дошло, как миссис Росситер встала с дивана.

— Пусть молодежь поболтает, — пробормотала она, одарив нас с мистером Росситером плутоватым старушечьим взглядом, и подала мне свой

пустой стакан. — Доктор Фарадей, будьте душкой, принесите капельку хереса.

Я поплелся к буфету. Наливая вино, в одном из многочисленных зеркал я увидел себя: в этом беспощадном свете я поистине выглядел лысеющим бакалейщиком.

— Огромное вам спасибо! — неумеренно возблагодарила меня миссис Росситер, но улыбалась рассеянно и смотрела в сторону, совсем как миссис Айрес, когда я оказал ей такую же услугу. Затем она вновь заговорила с мужем.

Не знаю, что послужило причиной — мое испорченное настроение или неотразимая лощеность Бейкер-Хайдов, — но едва начавшийся вечер утратил свой блеск. Даже зал как будто уменьшился, приняв новоявленную компанию. Новые соседи старательно им восхищались, нахваливая ампирные украшения, люстру, обои и потолок, особенно миссис Бейкер-Хайд, которая, восторженно ахая, медленно переходила от одного предмета к другому. Камин полыхал огнем, но все же в большом, давно не топленном зале было зябко, и гостья ежилась, потирая голые руки. В конце концов она переместилась ближе к очагу — мол, хочет получше рассмотреть изящные золоченые кресла. Узнав, что их гобеленовая

обивка ровесница зала, построенного в двадцатых годах прошлого века, миссис Бейкер-Хайд воскликнула:

— Так я и думала! Какое счастье, что она сохранилась! В Стэндише были прекрасные гобелены, но их подчистую сожрала моль. Пришлось выкинуть. Такая жалость!

— Действительно жаль. Гобелены изумительные, — сказала миссис Айрес.

— Вы их видели? — через плечо спросила миссис Бейкер-Хайд.

— Разумеется, — ответила миссис Айрес.

В былые дни они с полковником частенько наведывались в Стэндиш. Разок и мне довелось там побывать (вызвали к заболевшему слуге), и я догадывался, что сейчас миссис Айрес и другие гости вспоминают прелесть тамошних сумрачных комнат и коридоров, старинные ковры и гобелены, восхитительные резные панели, украшавшие буквально все стены… Но тут Питер Бейкер-Хайд поведал, что при ближайшем рассмотрении половина этих панелей оказалась пораженной жучком, их пришлось выкинуть.

— Жалко расставаться с вещами, но нельзя же держать их вечно, — сказала его жена, отметив наши пасмурные лица. — Мы сохранили, что

можно.

— Еще два-три года, и никакой ремонт уже не помог бы, — поддержал ее мистер Бейкер-Хайд. — Похоже, эти Рэндаллы считают, что исполняют свой долг перед отечеством, коли сидят сиднем, ничего не модернизируя. Я так скажу: если жилье не по карману, собирай манатки, а дом отдай под гостиницу или гольф-клуб. — Он любезно поклонился миссис Айрес. — Вот у вас тут все ладно, хоть, я слышал, вы продали большую часть угодий. И правильно! Мы собираемся сделать то же самое. Хотя парк нам нравится. Правда, котенок? — окликнул он дочку.

— У меня будет белый пони! — выкрикнула девочка. — Я выучусь на него запрыгивать!

— И я с тобой! — засмеялась миссис Бейкер-Хайд, погладив дочь по головке. Серебряные браслеты на ее запястьях звякнули, точно колокольчики. — Будем вместе учиться, да?

— Вы не ездите верхом? — спросила Хелен Десмонд.

— Нет, совсем не умею.

— Если не считать мотоцикла, — с дивана прогундосил мистер Морли. Не глядя на Каролину, он поднес зажигалку к ее сигарете. — У нашего приятеля есть этакий драндулет. Видели бы вы, как

Диана на нем рассекает! Что твоя валькирия!

— Тони, прекрати!

Оба засмеялись над чем-то, понятным лишь им. Каролина поправила в волосах заколку.

— Вы держите лошадей? — обратился к хозяйке Питер Бейкер-Хайд. — Похоже, тут у всех конюшни.

— Верховая езда мне не по возрасту, — покачала головой миссис Айрес. — Иногда Каролина арендует лошадь у старого Патмора из Лидкота, хотя его конюшня уже не то, что прежде. Когда был жив муж, мы держали собственных лошадей.

— Весьма славных, — вставил мистер Росситер.

— В войну они стали обузой, потом сына ранили, и мы это дело свернули… Знаете, Родерик служил в авиации.

— Вот как? Что ж, мы ему это простим, да, Тони? — улыбнулся мистер Бейкер-Хайд. — На чем он летал? «Москито»?[9] Здорово! Однажды приятель покатал меня на такой штуковине, так я из нее еле выбрался. Швыряло, точно рыбешку в консервной банке. А я вот плескался под Анцио, это мне больше по нраву. Говорят, он покалечил

---

[9] Примечания: 9

«Москито» — скоростной высотный истребитель-бомбардировщик британской фирмы «Де Хэвиленд», выпускался в 1940–1950 гг.

ногу? Сочувствую. Как он с этим справляется?

— Неплохо.

— Тут важно не терять чувство юмора… Я бы хотел с ним познакомиться.

— Конечно, он тоже будет рад. — Миссис Айрес озабоченно глянула на часы-браслет. — Мне страшно неудобно, что он вас не встретил. Беда с этой фермой, никогда не знаешь… — Она огляделась, и я уж решил, что сейчас мне дадут поручение. Однако приказ получила Бетти. — Пожалуйста, сбегай к мистеру Родерику — узнай, почему он задерживается. Скажи, мы его ждем.

Зардевшись от важности задачи, Бетти выскользнула из комнаты. Чуть погодя она сообщила, что хозяин одевается и вот-вот будет.

Время шло, но Родерик не появлялся. Мы еще выпили, расшалившаяся девочка опять громко требовала вина. Наверное, ребенок устал, сказал кто-то, и взбудоражен тем, что его так долго не отправляют спать. Миссис Бейкер-Хайд благосклонно погладила дочь по головке:

— Вообще-то, мы позволяем ей носиться, пока не рухнет. По-моему, бессмысленно укладывать детей засветло лишь потому, что так полагается. От этого и возникают всякие неврозы.

Пронзительным голосом пигалица подтверди-

ла, что не ложится спать раньше полуночи; мало того, после ужина она всегда получает бренди, да еще однажды выкурила полсигареты.

— Будет лучше, если здесь ты воздержишься от сигарет и бренди, — сказала миссис Росситер. — Доктор Фарадей вряд ли одобрит подобные привычки у детей.

С напускной строгостью я заверил, что никоим образом не одобрю.

— Я тоже, — тихо, но отчетливо сказала Каролина. — Хватит того, что маленькие паршивцы вечно захапают все апельсины…

Мистер Морли изумленно вытаращился, возникло неловкое молчание, которое было нарушено заявлением Джиллиан, что никто не удержит ее от сигарет, а если она захочет, так вообще станет курить сигары.

Бедная девочка. Моя мать не назвала бы ее милым ребенком. Впрочем, все были рады, что она среди нас: когда беседа зависала, девочка, подобно котенку, играющему с клубком пряжи, давала возможность улыбнуться и перевести на нее взгляд. Лишь миссис Айрес была рассеянна, она явно тревожилась о Родерике. Прошло пятнадцать минут, но он так и не появился, и тогда за ним вновь послали Бетти. Служанка очень

быстро вернулась и что-то прошептала на ухо миссис Айрес; мне показалось, она чем-то взволнована. Меня охомутала мисс Дабни, желавшая проконсультироваться по поводу одной из своих хворей; бросить ее было невежливо, иначе я бы отправился с миссис Айрес, которая, извинившись перед гостями, вышла из комнаты.

С ее уходом вечер засбоил, даже забавная девочка его не спасала. Кто-то сказал, что дождь все идет, и мы, прислушиваясь к его шороху, ухватились за возможность поговорить о погоде, сельских работах и состоянии почвы. Заметив патефон и шкафчик с пластинками, Диана Бейкер-Хайд предложила поставить музыку, но, перебрав конверты, отказалась от своей идеи, разочарованная репертуаром.

— Может, тогда пианино? — спросила она.

— Какое еще пианино, дурында! — усмехнулся ее брат. — Это спинет, верно?

Узнав, что, вообще-то, инструмент считается фламандским клавесином, миссис Бейкер-Хайд восхитилась:

— Неужели? Как здорово! А играть на нем можно, мисс Айрес? Или он слишком старый и хрупкий? Тони играет на любых пианино. Нечего кривиться, Тони, ведь играешь!

Не сказав ни слова и даже не взглянув на Каролину, братец приблизился к клавесину и ткнул клавишу. Совершенно расстроенный инструмент откликнулся необычным звуком; Морли пришел в восторг и, устроившись на табурете, разразился бешеным джазом. Каролина, в одиночестве сидевшая на диване, подергала нитку на пальце серебристой перчатки, затем порывисто встала и подбросила поленьев в дымивший камин.

Тут вернулась миссис Айрес. Она испуганно взглянула на мистера Морли за клавесином и покачала головой, отвечая на вопрос миссис Росситер и Хелен Десмонд о Родерике.

— К сожалению, ему нездоровится, — сказала она, прокручивая на пальце кольцо. — Он не сможет прийти и передает свои извинения.

— Какая жалость!

— Может, ему что-нибудь нужно? — спросила Каролина.

Я тоже хотел предложить свою помощь, но миссис Айрес ответила:

— Нет-нет, все в порядке. Я дала ему аспирин. Немного перетрудился на ферме, только и всего.

Она взяла свой стакан и подошла к миссис Бейкер-Хайд, которая проникновенно спросила:

— Видно, рана донимает?

Помешкав, миссис Айрес кивнула, и я понял: что-то неладно; уже довольно долго (во многом благодаря лечению) нога не доставляла Родерику серьезных неудобств. Затем мистер Росситер, окинув всех взглядом, произнес:

— Бедняга, в юности он был такой сорванец! Помните, как они с Майклом Мартином угнали учительскую машину?

Тема несколько оживила вечер: истории хватило на две минуты, но за ней тотчас последовала другая. Похоже, все лелеяли воспоминания о юном Родерике, а тяжелое ранение и бремя землевладельческих забот, которое ему так рано пришлось на себя взвалить, делали их еще острее. Но я опять не мог поддержать беседу, а гостей из Стэндиша она не особо увлекала: надев дежурные улыбки, супруги вежливо слушали, мистер Морли все терзал расстроенный клавесин. Потом Джиллиан громким шепотом известила, что хочет пи́сать, и миссис Бейкер-Хайд, перемолвившись с Каролиной, вывела дочь из комнаты. Глава семейства этим воспользовался, чтобы оторваться от общей группы и побродить по залу. Вскоре его маршрут пересекся с маршрутом Бетти, обносившей гостей анчоусными тостами. Направляясь к буфету за лимонадом для мисс Даб-

ни, я услышал, как мистер Бейкер-Хайд сказал:

— Привет! Да уж, нелегкая у тебя работа. Сначала принимаешь пальто, теперь разносишь сэндвичи. У вас есть дворецкий или еще кто-нибудь, чтобы тебе помочь?

Видимо, современный стиль допускал панибратскую болтовню со слугами. Но Бетти, натасканная в иных традициях, растерянно моргала, не зная, следует ли ей отвечать. Наконец она выговорила:

— Нет, сэр.

— Плохо дело! — засмеялся мистер Бейкер-Хайд. — На твоем месте я бы вступил в профсоюз. Знаешь, мне нравятся чудные шляпки. — Он щелкнул по оборке ее чепчика. — Представляю физиономию нашей горничной, если б мы заставили ее такое надеть.

Последняя фраза адресовалась скорее мне, поскольку мистер Бейкер-Хайд заметил мой взгляд. Опустив голову, Бетти с подносом двинулась дальше, а он подошел ко мне.

— Странное местечко, верно? — прошептал архитектор, глянув на гостей. — Не скрою, я был рад получить приглашение — хотелось посмотреть, что у них тут такое. А вы, стало быть, семейный врач? Дежурите возле сынка? Я и не знал, что

дела его так плохи.

— Они не так уж плохи, и я здесь не по службе, а гость, как и вы.

— Вот как? А я почему-то решил, что вас вызвали из-за парня… Похоже, ему крепко досталось — рубцы и все такое. Он что, нелюдим?

Насколько мне известно, сказал я, Родерик очень хотел быть на вечере, но, очевидно, перенапрягся на ферме. Мистер Бейкер-Хайд равнодушно кивнул. Оттянув манжет рубашки, он посмотрел на часы и подавил зевок:

— Думаю, пора уводить мою шайку домой — конечно, если удастся оторвать шурина от ненормальной бренчалки. — Он прищурился на мистера Морли. — Видали олуха? Ведь мы здесь из-за него. Моя благоверная надумала его оженить. Вся эта канитель состряпана, чтобы свести его с хозяйской дочкой. Я сразу смекнул, чем оно все обернется. Сам Тони рожей не вышел, но обожает смазливые мордашки…

Его абсолютно беззлобные ремарки были всего лишь данью мужскому трепу. Он не замечал взгляда Каролины, стоявшей у камина, и не ведал о причудливой акустике зала, в котором иногда шепот был слышнее крика. Мистер Бейкер-Хайд осушил свой стакан и кивнул жене с дочерью,

уже вернувшимся в комнату. Было ясно, что теперь он ждет удобной паузы в разговоре, чтобы распрощаться.

И вот тогда наступила одна из тех минут, какие потом еще не раз повторятся и о которых я всегда буду вспоминать с безграничным сожалением и чувством вины. Я бы мог запросто ускорить отбытие семейства, но сделал нечто обратное. Супруги Росситер, с кем за весь вечер я перекинулся лишь парой слов, только что закончили обзор юношеских подвигов Родерика; подавая мисс Дабни лимонад, я задал им какой-то нелепый вопрос, что-то вроде: «И как это воспринял полковник?» — чем спровоцировал очередную порцию долгих воспоминаний. Меня жгло бессмысленное ребяческое желание напакостить Бейкер-Хайду, и я злорадно отметил, как вытянулась его физиономия.

Господи, лучше бы я этого не делал, ибо с маленькой Джиллиан произошло несчастье.

С самого начала она весьма занудливо изображала, что боится Плута: всякий раз, как дружелюбный пес, слонявшийся по комнате, оказывался возле нее, девчонка наигранно пряталась за мамину юбку. Однако потом она сменила курс и стала сама приставать к собаке. Наверное,

музыкальные экзерсисы мистера Морли растревожили пса, и он спрятался за оконной шторой. Девочка достала его и там: сев на скамеечку, она опасливо гладила его по башке и приговаривала: «Хорошая собака… Ты очень хорошая собака… Ты храбрая собака…» — и прочую ерунду. Иногда из-за шторы торчала лишь ее попка, и мать, беспокоясь, что пес ее цапнет, предупредила:

— Джиллиан, осторожнее, дорогая!

Каролина тихонько фыркнула, ибо опасность была лишь в том, что нескончаемое сюсюканье и похлопывание по голове до смерти уморят благодушнейшего из псов. На пару с миссис Бейкер-Хайд она то и дело взглядывала на девочку и собаку; временами писклявый голосок привлекал внимание Хелен Десмонд, мисс Дабни или кого-нибудь из Росситеров. Я и сам посматривал в ту сторону. Пожалуй, лишь Бетти не пасла Джиллиан. Разнеся тосты, она встала у дверей и опустила взгляд долу, как учили. Но вот что странно: именно в ту секунду, когда все произошло, на девочку никто не смотрел.

Мы только услышали неистовый лай и перекрывший его пронзительный вскрик, который тотчас перешел в тихий булькающий вой (вся эта жуть и сейчас звучит в моей голове). Думаю,

бедный пес перепугался не меньше нашего: взбаламутив штору, он выскочил из-под окна, чем на мгновенье отвлек наше внимание. Потом кто-то из женщин, не помню кто, истошно вскрикнул, и чей-то голос — мистера Бейкер-Хайда или его шурина — завопил:

— Боже! Джиллиан!

Они бросились к окну, один из них зацепился за ковер и чуть не грохнулся. Звякнул разбившийся стакан — впопыхах кто-то поставил его на край каминной полки, и он свалился в очаг. Сгрудившиеся гости на секунду закрыли от меня Джиллиан, я видел только ее голенькую окровавленную руку и подумал (наверное, из-за разбившегося стакана), что лопнуло оконное стекло, которое порезало девочку и, возможно, собаку. Диана растолкала людей и, взглянув на дочь, завизжала. Вот тогда и я увидел всю картину: кровь шла не из руки, а из рваных лоскутьев, в которые превратились щека и губа девочки. Плут ее укусил.

Белый как мел, несчастный ребенок оцепенел от шока. Дрожащие пальца Питера растерянно метались возле лица девочки, не решаясь прикоснуться к ране. Не помню, как я оказался рядом с ним, — наверное, сработал профессиональный

инстинкт. Я помог Питеру уложить Джиллиан на диван; все совали свои носовые платки, кружевной вышитый платок Хелен Десмонд моментально стал алым. Я, как мог, старался остановить кровь, чтобы разглядеть повреждения, но это было непросто. Подобные раны, особенно у ребенка, всегда выглядят страшнее, чем они есть, однако я сразу понял, что укус скверный.

— Боже! — повторял Питер Бейкер-Хайд, хватая дочь за руки; Диана рыдала. Мы все перемазались кровью, ярко и страшно блестевшей под светом люстры. — Боже мой! Вы только гляньте!.. — Он растерянно чиркнул рукой по волосам. — Как это произошло? Почему никто… Господи, как это случилось?

— Теперь это не важно, — тихо сказал я. Зажимая платком рану, я спешно обдумывал план действий.

— Вы посмотрите…

— Она в шоке, но угрозы для жизни нет. Придется наложить швы, довольно много. И чем скорее, тем лучше.

— Швы? — дико посмотрел на меня Питер. Наверное, забыл, что я врач.

— В машине мой саквояж. Мистер Десмонд, вас не затруднит…

— Да, конечно, — пролепетал Билл Десмонд и выскочил из комнаты.

Я подозвал Бетти, которая вовсе не стремилась в первые ряды, а испуганно жалась сзади и была бледна, почти как Джиллиан. Я велел ей вскипятить чайник и принести в кухню одеяла и подушку. Диана неловко прижимала к лицу дочери скомканные платки, ее так колотило, что было слышно, как звякают браслеты. Я осторожно взял девочку на руки и даже сквозь одежду почувствовал, как сильно ее знобит. Темные глаза ее ничего не выражали, лоб был в испарине.

— Отнесем ее в кухню, — сказал я.

— Зачем? — вскинулся Питер.

— Понадобится вода.

Лишь теперь он понял.

— Вы что, хотите прямо здесь? Вы спятили! Надо в больницу… или амбулаторию… Где телефон?

— До ближайшей больницы девять миль, а до моей амбулатории не меньше пяти. Поверьте, с такой раной да в такую ночь не стоит трястись по дорогам. Чем скорее зашить, тем лучше. Девочка теряет кровь.

— Ради бога, не мешай ему, Питер! — Миссис Бейкер-Хайд опять заплакала.

— Верно, пусть доктор Фарадей сделает, что

нужно, — сказала миссис Айрес, коснувшись его руки.

Бейкер-Хайд отвернулся и грубо отдернул руку, но я был слишком занят девочкой, чтобы придать этому значение. Тогда же произошло еще кое-что, не задержавшее моего внимания, но позже, вспоминая это маленькое событие, я понял, что оно задало тон всем последующим. На пороге комнаты ждал Билл Десмонд, вернувшийся с моим саквояжем, его жена и миссис Айрес провожали меня встревоженными взглядами, а миссис Росситер и мисс Дабни растерянно выуживали из камина осколки стакана. По неосторожности вековуха довольно сильно порезалась, добавив свежих пятен на заляпанный кровью ковер. В спину мне дышал мистер Бейкер-Хайд, а за ним топал его шурин, который вдруг заметил Плута, сжавшегося под столом. Выругавшись, мистер Морли со всей силы пнул собаку, и та взвизгнула. Думаю, придурок сильно удивился, когда стрелой налетевшая Каролина его оттолкнула.

— Вы что?! — крикнула она. Я помню ее голос: напряженный, пронзительный и совсем чужой.

— Может, вы не заметили? — Мистер Морли одернул пиджак. — Ваша сволочная собака отгрызла моей племяннице пол-лица!

— Так не усугубляйте! — Присев на корточки, Каролина прижала к себе собаку. — Вы его пугаете!

— Я бы его еще не так испугал! Какого черта он у вас шляется, когда тут дети? Его на цепи надо держать!

— Он не тронет, если его не дразнить.

Мистер Морли шагнул к двери, но остановился:

— Это что еще за намеки?

— Вы можете не орать? — покачала головой Каролина.

— Что? Вы видели, что он натворил?

— Он домашний, он в жизни никого не укусил.

— Это бешеная тварь, которую надо пристрелить!

Стычка разгоралась, но я слышал ее лишь краем уха, занятый тем, чтобы не ушибить ребенка о косяк и благополучно миновать все углы на пути в подвал. На лестнице взвинченные голоса были чуть слышны. В кухне Бетти грела воду; она уже принесла одеяла и подушки и теперь, по моей указке, расчистила кухонный стол, застелив его оберточной бумагой. Я уложил девочку, укутал ее одеялами и проверил свои инструменты. Собираясь закатать рукава рубашки и вымыть руки,

я с удивлением увидел, что на мне смокинг, а не привычный твидовый пиджак. Поглощенный делом, я совсем забыл, где нахожусь.

Вообще-то, подобные несложные операции я делал довольно часто — в своей амбулатории или на дому у пациентов. Мне было чуть за двадцать, когда меня вызвали к молодому деревенскому парню, угодившему в молотилку. Вот на таком же кухонном столе я ампутировал раздробленную ногу — пришлось отнять до колена. Через несколько дней семья пригласила меня отужинать, и мы сидели за тем же столом, с которого уже отскоблили кровавые пятна. Парень сидел с нами, он был бледен, но с аппетитом уплетал пирог и шутил, что теперь сэкономит на сапожнике. Но то были крестьяне, привыкшие к тяготам, а вот Бейкер-Хайды, думаю, ужаснулись тому, что руки я оттирал овощным скребком, а иглу с кетгутом окунул в карболку. Да и сама необъятная кухня с ее викторианской утварью и каменным полом наверняка их угнетала. После непомерной иллюминации зала она казалась чрезвычайно мрачной. Пришлось послать мистера Бейкер-Хайда в буфетную за керосиновой лампой, которой он мне подсвечивал.

Будь девочка постарше, я бы заморозил рану

хлорэтилом. Но я опасался, что она станет дергаться, и дал ей легкий общий наркоз, после того как обмыл водой и промазал йодом ее лицо. Однако я знал, что боль она все же почувствует, а потому отправил миссис Бейкер-Хайд обратно в зал. Как я и ожидал, всю операцию девочка поскуливала, из глаз ее безостановочно струились слезы. Слава богу, артерии сшивать не пришлось, но рваная рана заставила попотеть — главной задачей было сделать так, чтобы шрам остался минимальный. Но я понимал, что даже при самой аккуратной штопке он будет весьма заметен. Отец сидел рядом и крепко держал дочь за руку, морщась всякий раз, когда иголка протыкала кожу; он не сводил глаз с моих пальцев, словно хотел взглядом предотвратить оплошность. Вскоре в кухне появился его шурин, багровый после стычки с Каролиной.

— Уроды! — бубнил он. — Сумасшедшая баба!

Морли увидел, чем я занят, и краска сбежала с его щек. Сев в сторонке, он закурил. Потом велел Бетти заварить чай и достать чашки, что стало его единственным разумным поступком за весь вечер.

Наверху все пытались успокоить миссис Бейкер-Хайд. В кухню заглянула миссис Айрес

— узнать, как у нас дела; то, что она увидела, ее расстроило. Питер Бейкер-Хайд к ней даже не повернулся.

Работа заняла почти час; закончив, я сказал, что девочку, пока она в забытьи, надо отвезти домой. Я поеду следом, но по дороге заскочу к себе за лекарствами и потом в Стэндише прослежу за ее состоянием. На мой взгляд, опасность заражения крови или инфекции была невелика, и я не стал лишний раз тревожить родителей.

Бетти побежала уведомить миссис Бейкер-Хайд, а Питер с шурином осторожно вынесли девочку наверх и уложили на заднем сиденье машины. Наркоз понемногу отходил, Джиллиан жалобно заплакала. Щадя родителей, я прикрыл ее лицо марлей — свежие швы на измазанном йодом лице выглядели жутковато.

В зале, куда я заглянул попрощаться, царило ошеломленное молчание, словно после бомбежки. Пятна крови на ковре и диване, по которым кто-то уже прошелся мокрой тряпкой, превратились в бурые разводы.

— Скверная история, — промолвил мистер Росситер.

— Бедный, бедный ребенок! — всхлипнула Хелен Десмонд. — Наверное, останется ужасный

шрам?.. Отчего так вышло? Ведь Плут вовсе не злой…

— Конечно не злой! — Напряженный голос Каролины по-прежнему казался неестественным и чужим.

Она сидела в стороне от других и гладила дрожащего пса. У нее самой сильно тряслись руки. На мертвенно-бледном лице горели пятна румян и помады, у виска болталась отстегнувшаяся заколка.

— Наверное, его что-то испугало, — сказал Билл Десмонд. — Может, что-нибудь почудилось. Я все пытаюсь вспомнить: в тот момент никто не вскрикнул, не дернулся?

— Мы тут ни при чем, — ответила Каролина. — Скорее всего, девочка его дразнила. Не удивлюсь…

Она смолкла, потому что в коридоре появился Питер Бейкер-Хайд. Он был в пальто и шляпе, на лбу его рдел алый мазок.

— Мы готовы, доктор, — глядя в сторону, тихо сказал Питер. Не знаю, заметил ли он Плута.

Миссис Айрес шагнула к нему:

— Пожалуйста, известите нас о самочувствии девочки.

Мистер Бейкер-Хайд нервно натянул автомо-

бильные перчатки и, не поднимая глаз, ответил:

— Хорошо, если вам угодно.

Миссис Айрес сделала еще шаг, слова ее звучали искренне и мягко:

— Мне очень жаль, что все это произошло… в моем доме.

Питер мазнул по ней взглядом:

— Мне тоже, миссис Айрес.

Следом за ним я вышел в темноту. Мотор, отсыревший под долгим дождем, завелся не сразу. Никто еще не знал, что эта ночь стала рубежом для начала мрачной зимы. Я развернул машину и пристроился за Бейкер-Хайдом; ухабистой аллеей он мучительно медленно пробирался к выезду из парка, но после того, как его шурин закрыл за нами ворота, придавил газ, и я тоже добавил ходу. Сквозь стекло с ползающими дворниками я вглядывался в яркие хвостовые огни его дорогой машины, которые словно плыли над темными извилистыми проселками Уорикшира.

4

От Бейкер-Хайдов я ушел около часа ночи, обещав завтра наведаться. С девяти до десяти я вел утренний прием и в Стэндише появился, когда на часах было почти одиннадцать. Первое, что я увидел, — заляпанный грязью малиновый «паккард» моего коллеги-соперника доктора Сили. В общем-то, он был врачом Бейкер-Хайдов, и те имели полное право его вызвать. Но всегда возникает неловкая ситуация, если пациент принял подобное решение, не уведомив о нем конкурирующих врачей. Кто-то вроде дворецкого или секретаря провел меня в дом, где я увидел Сили, выходившего из детской. На узкой лестнице шестнадцатого века этот рослый здоровяк казался еще крупнее. Он не меньше моего смутился, увидев меня с саквояжем в руке.

— Они позвонили рано утром, — сказал Сили, отведя меня в сторону. — Я приезжаю уже второй раз. — Он закурил сигарету. — Стало быть, вы были там, когда все произошло? Это большая удача, хотя девчушке крупно не повезло.

— Да уж. Как она вам? Как рана?

— Все хорошо. Я бы не сумел так чистенько залатать. Да еще на кухонном столе! Конечно, шрам останется жуткий. Весьма паршиво, особенно для аристократки. Родители хотят показать ее лондонским косметологам, но даже те вряд ли чем помогут. Хотя кто его знает? За последнее время пластические хирурги вдоволь напрактиковались. Сейчас ей нужен покой. Скоро придет сиделка, девочке же я назначил люминал, чтобы еще на день-другой ее оглушить. Ну а там поглядим.

Переговорив с хозяином, Сили кивнул и уехал. Все еще не оправившись от неловкости, я переминался в вестибюле, надеясь, что смогу осмотреть девочку. Однако отец ясно дал понять, что лучше ее не тревожить. Казалось, он искренне благодарен мне за содействие.

— Слава богу, что вчера вы там были! — сказал мистер Бейкер-Хайд, обеими руками пожимая мою ладонь.

Однако потом его рука переместилась на мое плечо и мягко, но решительно подтолкнула меня к выходу. Я понял, что бесповоротно отлучен от дела.

— Пожалуйста, пришлите счет, — попросил хозяин, провожая меня к машине.

Я сказал, что платы не возьму, и тогда он сунул мне в карман пару гиней. Потом обеспокоился тем, что за две поездки в Стэндиш я сжег много горючего, и велел садовнику принести канистру бензина. Этот щедрый жест оставил неприятный осадок — казалось, от меня хотят откупиться. Мы молча стояли под моросящим дождем, садовник заливал мой бак, а я сожалел о том, что не удалось напоследок осмотреть девочку. Это было бы лучше денег и бензина.

Уже садясь в машину, я вспомнил про Айресов и спросил, знают ли они, что девочке полегчало. Бейкер-Хайд набычился.

— Ах, эти! — дернул он подбородком. — Они еще услышат о нас. Не сомневайтесь, так мы дело не оставим.

В общем-то, я этого ожидал, но злость в его голосе меня ошеломила. Я выбрался из машины.

— То есть? Вы сообщили в полицию?

— Еще нет, но собираемся. Во всяком случае, потребуем, чтобы от собаки избавились.

— Помилуйте, Плут всего лишь старый глупый пес.

— И явно выжил из ума!

— Насколько я знаю, он совсем не кусачий.

— Для нас с женой это слабое утешение. Мы не

успокоимся, пока собака жива. — Бейкер-Хайд взглянул на верхние узкие окна со средником, одно из которых было открыто, и понизил голос: — Вы же понимаете, что жизнь нашей дочери исковеркана. Доктор Сили сказал, это чистая случайность, что обошлось без заражения крови. И все потому, что эти Айресы, черт-те кем себя возомнившие, не привязывают свирепую собаку! А если она укусит другого ребенка?

Я промолчал, но по моему лицу было видно, что я сомневаюсь в вероятности подобного случая.

— Я знаю, вы вроде как друг семьи, и не жду, что вы встанете на мою сторону, — продолжил Бейкер-Хайд. — Однако я вижу то, что ускользает от вас: как всякие аристократы, они считают, им все дозволено. Вполне возможно, собака натаскана против чужаков! Лучше бы они посмотрели на помойку, в которой живут. Они устарели, доктор. Честно говоря, я начинаю думать, что устарело и все это паскудное графство.

Я чуть было не сказал, что именно старомодность графства поначалу так ему глянулась. Вместо этого я попросил не вмешивать полицию, а прежде повидаться с миссис Айрес.

— Ладно, я съезжу к ним, когда буду уверен, что Джилли вне опасности, — ответил он. — Если

в них есть хоть капля уважения к людям, они избавятся от собаки еще до моего визита.

На утреннем обходе я навестил шесть-семь пациентов, но о происшествии в Хандредс-Холле никто не заговаривал; однако слухи у нас распространялись быстро, и к вечернему приему зловещий рассказ об увечье Джиллиан уже курсировал по лавкам и пивным. Больной, которого я посетил вечером, правдиво изложил инцидент во всех деталях, но только в его версии девочку зашил не я, а Сили. Этот пациент страдал застарелым плевритом, и я делал все возможное, чтобы хворь не превратилась во что-нибудь более грозное. Однако условия, в которых он жил — тесный сырой домишко с каменным полом, — были против него, к тому же он, как большинство рабочих, без меры вкалывал и так же пил.

— Говорят, куска щеки как не бывало, — между приступами кашля поведал работяга. — И нос почти откушен. Вот вам эти собаки. Я всегда говорил: любая собака может загрызть. Не важно, какой породы. Любая.

Вспомнив разговор с Бейкер-Хайдом, я спросил, следует ли избавиться от пса. Нет, без тени раздумий ответил работяга. Коль все собаки кусачи, чего ж наказывать тварь за то, что ей на роду

написано?

А как считают другие? Да все по-разному.

— Одни говорят, пса надо высечь, другие — пристрелить. Оно конечно, и семью следует взять в расчет.

— В смысле, Айресов?

— Нет, этих, хлебопеков[10]. — Работяга зашелся булькающим смехом.

— Но ведь хозяевам будет тяжело расстаться с собакой.

— Ничего, у них случались потери тяжельше. — Вновь закашлявшись, он сплюнул в холодный камин.

Его слова меня растревожили. И без того я весь день думал, какое настроение царит в Хандредс-Холле, а теперь, оказавшись поблизости, решил туда заглянуть.

Первый раз я явился без приглашения; опять лил сильный дождь, машину мою никто не слышал. Я дернул звонок и, не дожидаясь ответа, вошел в дом; меня встретил сам бедолага Плут: стуча когтями по мраморному полу, он вышел в вестибюль и вяло гавкнул. Наверное, пес чувствовал нависшую над ним беду: притихший

---

[10] Примечания: 10
Baker *(англ.)* — пекарь.

и подавленный, он был совсем не похож на себя. Плут напомнил мне одну давнюю больную — пожилую учительшу, которая впала в маразм и разгуливала по улицам в тапочках и ночной сорочке. На секунду возникла мысль: может, и он оскудел рассудком? В конце концов, что я о нем знаю? Но когда я присел на корточки и потрепал его за уши, он стал прежним: дружелюбно разинул пасть, высунув меж желтоватых зубов чистый розовый язык.

— Натворил ты дел, псина, — тихо сказал я. — Где ж были твои мозги, парень? А?

— Кто здесь? — раздался из глубины дома голос миссис Айрес.

В сумраке коридора замаячил ее силуэт: она была в своем обычном темном платье и черной кашемировой шали с узором пейсли.

— Доктор Фарадей? — удивилась она, запахнув шаль. Ее сердцевидное лицо напряглось. — Что-то случилось?

— Я волновался за вас, — выпрямляясь, просто сказал я.

— Правда? — Лицо ее разгладилось. — Как мило с вашей стороны. Идемте, вам надо согреться. Нынче зябко, да?

По правде, было не так уж холодно, однако на

пути в малую гостиную у меня создалось впечатление, что в доме, как и в погоде, что-то слегка, но определенно изменилось. Высокий коридор, где в летнюю жару веяло живительной прохладой и так легко дышалось, всего за два дождливых дня стал каким-то промозглым. В гостиной оконные шторы были задернуты, возле камина, в котором потрескивали хворост и еловые шишки, стояли кресла и диван, но они казались всего лишь островком света и тепла на неуютной шири потертого ковра в озерах тени. Видимо, одно кресло занимала миссис Айрес, в другом сидел Родерик, одетый в мешковатый летный свитер. Мы не встречались всего неделю, однако его нынешний вид меня обеспокоил. Он тоже недавно подстригся, и на фоне подголовника его лицо казалось ужасно худым. Увидев меня, он будто нахмурился и, помешкав, ухватился за подлокотники, собираясь встать и уступить мне место. Я махнул рукой, дескать, не надо, и прошел к дивану, где сидела Каролина. Плут улегся у моих ног, издав тот выразительный собачий вздох, что так удивительно похож на человечий.

Все молчали, никто даже не поздоровался. Каролина была скованна и угрюма; подобрав под себя ноги, она теребила шов на носке шерстяно-

го чулка. Родерик нервно скручивал сигарету. Миссис Айрес поправила на плечах шаль и, опустившись в кресло, сказала:

— Надеюсь, доктор Фарадей, вы понимаете, что мы напрочь выбиты из колеи. Вы были в Стэндише? Умоляю, как там девочка?

— Насколько я знаю, ей лучше, — ответил я и, заметив непонимающий взгляд, добавил: — Я ее не видел. Теперь ее врач Джим Сили. Утром он был там.

— Сили? — переспросила миссис Айрес. Ее презрительный тон меня удивил, но потом я вспомнил, что отец Сили был врачом маленькой Сьюзен, ее умершей дочери. — С тем же успехом можно было позвать цирюльника Крауча. Что он говорит?

— Ничего особенного. Состояние девочки стабильное. Родители хотят отвезти ее в Лондон, как только она окрепнет.

— Бедный, бедный ребенок. Весь день я о ней думаю. Знаете, я им звонила. Трижды, но к телефону подходит лишь горничная. Я хотела им что-нибудь послать — цветы или, может, подарок. Ведь таким людям деньги не предложишь… Помню, как-то очень давно пострадал один мальчик… Дэниел Хиббит… помнишь, Каролина? В

наших угодьях его лягнула лошадь, и с ним случилось что-то вроде паралича. Кажется, тогда мы все уладили. А вот сейчас прямо не знаешь…

Голос миссис Айрес угас. Рядом со мной заерзала Каролина, не оставлявшая в покое шов на чулке.

— Я не меньше других переживаю за девочку, — сказала она. — Но я бы точно так же переживала, если б она сунула руку под бельевой каток или обожглась о раскаленную плиту. Ведь это просто невезенье, да? Цветами и деньгами не поможешь. Ну что тут поделаешь?

Она уткнулась подбородком в грудь, голос ее звучал глухо.

— Боюсь, Бейкер-Хайды ждут каких-нибудь действий, — помолчав, заговорил я, но Каролина меня перебила:

— Таким людям ничего не докажешь. Знаете, что сказал этот шурин? Они не только содрали почти все панели, но хотят целиком снести стену южного крыла, чтобы устроить для друзей что-то вроде кинотеатра! Оставят портик, и все! Будет «дешевая киношка», как он выразился.

— Что ж, перемены неизбежны, — уклончиво ответила миссис Айрес. — Когда мы с твоим отцом поженились, мы многое поменяли в этом

доме. Очень жаль, что в Стэндише не сохранились гобелены. Вы их видели, доктор Фарадей? Агнес Рэндалл этого не пережила бы.

Я не ответил, и они с Каролиной еще минут пять мусолили эту тему; у меня возникло подозрение, что они, умышленно или безотчетно, уклоняются от более важного предмета. Наконец я сказал:

— Знаете, сейчас Бейкер-Хайды меньше всего думают о переделке дома, им хватает забот с Джиллиан.

Миссис Айрес страдальчески сморщилась:

— Боже мой, боже мой, если б они не привели с собой ребенка! Зачем они это сделали? Наверняка у них есть няня или гувернантка. Им это вполне по средствам.

— Видимо, гувернантка способствует развитию комплексов, — шевельнулась Каролина и, помолчав, раздраженно буркнула: — Теперь-то комплекс определенно будет.

Я был ошарашен.

— Каролина! — в ужасе воскликнула миссис Айрес.

К чести Каролины, она сама испугалась своих слов. Рот ее искривила нервная усмешка, она както дико на меня взглянула, но в глазах читалась мука. Каролина отвернулась. Я заметил, что на

лице ее ни следа косметики, — напротив, кожа казалась высохшей, а губы слегка припухли, словно их грубо оттерли фланелью.

Затягиваясь сигаретой, Родерик посмотрел на сестру. От каминного жара его лицо раскраснелось, и гладкие розовые следы ожогов казались дьявольскими отпечатками. Странно, он опять ничего не сказал. Видимо, никто из них не понимает, насколько серьезно настроены Бейкер-Хайды, подумал я. Похоже, семейство сомкнуло ряды и повернулось к проблеме спиной… Как в первый визит, во мне снова шевельнулась неприязнь к ним. Когда улеглось волнение, вызванное репликой Каролины, я прямо выложил все, что утром слышал от Питера Бейкер-Хайда.

Миссис Айрес молча выслушала и прижала ко лбу сомкнутые кулаки. В глазах Каролины прыгал ужас.

— Убить Плута?

— Мне очень жаль, Каролина. Разве можно их в этом винить? Наверное, вы ждали чего-то подобного.

По ее взгляду я понял, что так оно и было, но Каролина вспыхнула:

— Вовсе нет!

Уловив в ее голосе взбудораженность, Плут

встал. Он не сводил с нее встревоженных вопрошающих глаз, словно ждал слова или жеста, которые его успокоят. Каролина притянула его к себе.

— Чего они этим добьются? — сказала она. — Если б это чудодейственно отменило вчерашний вечер, я бы его отдала не задумываясь. Лучше бы он меня укусил, чтобы не переживать подобного! Но ведь они просто хотят его наказать… и нас тоже. Не верю, что это всерьез.

— К сожалению, всерьез. И насчет полиции тоже.

— Какой ужас! Кошмар! — Миссис Айрес заламывала руки. — По-вашему, что предпримет полиция?

— Полагаю, они отнесутся к делу серьезно, поскольку жалоба исходит от такого человека, как Бейкер-Хайд. К тому же история получила большую огласку. — Я решил втянуть в разговор Родерика. — Что скажете, Род?

Он смущенно поерзал в кресле и вяло ответил:

— Не знаю, что и думать. — Родерик прокашлялся. — У нас же есть разрешение на собаку? Наверное, оно пригодится.

— Конечно есть! — взвилась Каролина. — Но при чем тут разрешение? Речь не о злой собаке,

которая безнадзорно бегает по улице. Плут — домашний пес, которого довели до белого каления. Все, кто вчера здесь был, это подтвердят. Если Бейкер-Хайды этого не понимают… Ох, я больше не могу! Лучше бы они не покупали Стэндиш! А мы не устраивали этот проклятый вечер!

— Думаю, Бейкер-Хайды сокрушаются о том же, — сказал я. — Эта история по ним крепко саданула.

— Естественно, — вздохнула миссис Айрес. — Видно же, что ребенок сильно обезображен. Для любых родителей это трагедия.

Затем повисло молчание, и я машинально посмотрел на Родерика, который задумчиво уставился на свои руки; веки его подрагивали, он был какой-то странный. Собираясь что-то сказать, он поднял голову, но поперхнулся и снова откашлялся. Наконец он выговорил:

— Я жалею, что вчера меня не было с вами.

— Я тоже, Родди, — ответила его сестра.

Родерик ее будто не слышал:

— Не могу избавиться от чувства, что я в чем-то виноват.

— Всем так кажется, — сказал я. — Мне тоже.

Он бросил на меня равнодушный взгляд.

— Мы тут ни при чем, — вмешалась Кароли-

на. — Это все Шурин, дурачившийся с клавесином. И если б эти родители держали ребенка при себе… а лучше бы вообще его не приводили…

Вот так мы вернулись к тому, с чего начали, только на сей раз Каролина, миссис Айрес и я заново пересказали всю эту ужасную историю, каждый в своем, слегка разнившемся от других варианте. Иногда я поглядывал на Рода. Он снова закурил, но табак из плохо свернутой сигареты просыпался ему на колени; он беспокойно ерзал, словно его донимали наши голоса. Но лишь когда он вскочил, я понял, насколько ему нехорошо.

— Господи, сил моих нет слушать это в сотый раз! — сдавленно проговорил Родерик. — Извините, мама, доктор. Я пойду к себе. Я… прошу прощенья.

Его качнуло, и я приподнялся с дивана:

— Что с вами?

— Все хорошо. — Он поспешно выставил руку, словно удерживая меня на месте. — Не беспокойтесь, я прекрасно себя чувствую, ей-богу. — Родерик выдавил улыбку. — Небольшая слабость после вчерашних событий, только и всего. Я… попрошу Бетти принести мне какао. Хорошенько высплюсь, и все пройдет.

Каролина встала и подхватила его под руку.

— Я тебе не нужна, мама? — негромко спросила она. — Тогда я тоже распрощаюсь. — Пряча глаза, она повернулась ко мне. — Спасибо, что зашли, доктор Фарадей. Вы очень внимательны.

Теперь и мне пришлось встать:

— Жаль, что вести неважные. Но все же постарайтесь не волноваться.

— Я ничуть не волнуюсь. — Улыбка ее была такой же вымученной, как у брата. — Пусть говорят что угодно. Обидеть Плута я не позволю.

Родерик и Каролина вышли из гостиной; пес, ободренный спокойным голосом хозяйки, преданно потрусил следом.

Я посмотрел на миссис Айрес: сейчас она казалась невероятно усталой. Мы впервые остались наедине, и я подумал, что лучше мне уйти; тем более день получился длинным и я тоже устал.

Но она слабо махнула рукой:

— Пожалуйста, сядьте в кресло, а то мне приходится задирать голову.

Я подошел к камину.

— Боюсь, вся эта история вас ужасно потрясла, — сказал я, опускаясь в кресло.

— Да уж, — тотчас ответила миссис Айрес. — Всю ночь не сомкнула глаз и думала о бедном ребенке. Надо же, чтобы такое случилось именно

здесь! И потом…

В смятении она крутила кольца на пальцах, и мне захотелось взять ее за руку, чтобы успокоить.

— Понимаете, еще я очень беспокоюсь о Родерике, — с трудом выговорила миссис Айрес.

— Да, он явно не в себе. — Я посмотрел на дверь. — Неужели все это так сильно его расстроило?

— Вчера вы ничего не заметили?

— Вчера? — Разыгравшаяся здесь драма затмила другие события, но теперь я вспомнил. — Вы посылали за ним Бетти…

— Бедняжка, она перепугалась и прибежала за мной. Он был… такой странный.

— То есть? Ему нездоровилось?

— Не знаю, — замялась миссис Айрес. — Сказал, разболелась голова. Но выглядел он ужасно: полуодетый, весь в испарине и дрожал как осиновый лист.

Я пристально посмотрел на нее:

— Он был… пьян?

Спрашивать было неловко, но ничего другого в голову не пришло. Ничуть не смутившись, миссис Айрес покачала головой:

— Нет-нет, дело не в том, я уверена. Не знаю,

что произошло. Сначала он просил побыть с ним и схватил мою руку, точно маленький. А потом вдруг передумал и велел мне уйти. Чуть ли не вытолкал из комнаты. Я сказала Бетти, чтобы дала ему аспирин. В таком виде он не мог появиться перед гостями. Пришлось выдумать оправдание. Что еще мне оставалось?

— Надо было позвать меня.

— Я хотела, но он бы не позволил. Естественно, я думала о том, как это будет выглядеть. И еще боялась, что он появится в зале и устроит сцену. Сейчас я почти жалею, что он не пришел. Тогда бы бедная девочка…

Голос ее осекся. Повисло тягостное молчание, и я вновь вспомнил вчерашний вечер: лязг собачьих зубов, вскрик и булькающий вой. В то время с Родом творилось что-то неладное, и он не нашел в себе сил выйти из комнаты, хотя наверняка слышал поднявшуюся суматоху, когда я нес девочку в кухню, чтобы зашить ее щеку. Думать об этом было тяжело.

Я взялся за подлокотник:

— Может, я с ним поговорю?

— Не надо! — подалась вперед миссис Айрес. — Вряд ли он захочет.

— Что в этом плохого?

— Вы же видели, нынче он сам не свой: весь дерганый, подавлен. И так весь день. Я буквально умолила его посидеть с нами. Каролина не знает, в каком состоянии он был вчера. Думает, у него разыгралась мигрень и он улегся в постель. Наверное, ему стыдно. Я… ох, доктор, я все время вспоминаю, каким он вернулся из госпиталя!

Она опустила голову и вновь принялась вертеть кольца.

— Мы с вами об этом не говорили… — сказала она, пряча глаза. — Его тогдашний врач назвал это депрессией. Но мне казалось, дело не только в ней. Он то впадал в ярость, то куксился. Сквернословил. Я его просто не узнавала. И это мой сын! Так продолжалось очень долго. Я никого не приглашала в дом. Стыдилась его!

Пожалуй, ничего нового я не узнал. Летом Дэвид Грэм обмолвился о прежних «неладах с психикой», да и нынешнее поведение Родерика — работа на износ, внезапные приступы раздражительности — говорило о том, что проблема до конца не решена.

— Мне жаль Рода, — сказал я. — И жалко вас с Каролиной. Знаете, я много работал с ранеными…

Миссис Айрес меня перебила:

— Понимаю, ему еще повезло.

— Я не о том. Выздоровление — странная штука, у каждого оно идет по-своему. Ничего удивительного, что Родерик злится на свое увечье. Он же молодой крепкий парень. Случись такое со мной в его возрасте, я бы тоже злился. Так много получить от рождения, а затем так многого лишиться — здоровья, внешности и в определенном смысле свободы.

Мои слова ее не убедили.

— Дело не только в злости, — покачала она головой. — Война как будто его изменила, сделала совсем чужим. Он словно ненавидит себя и окружающих. Ох, как подумаю обо всех наших мальчиках и тех злодеяниях, что их просили совершить во имя мира…

— С этим покончено, — мягко сказал я. — Он еще молод, он поправится.

— Вы не видели его вчера вечером! Доктор, мне страшно. Если он опять заболеет, что с нами-то будет? Мы и так уже многого лишились. Дети пытаются скрыть от меня, насколько все плохо, но я же не глупая. Я знаю, что имение проживает свой капитал, и понимаю, что это означает… Но мы потеряли и другое: светский облик, друзей. Я вижу, что с каждым днем Каролина все больше

вянет и становится чудаковатой. Да, я затеяла этот вечер ради нее. И опять беда, как и во всем… Когда я умру, она останется ни с чем. А если еще и брата лишится… Но теперь эти люди грозят полицией! Я… просто не представляю, как я все это переживу!

До сих пор миссис Айрес говорила спокойно, однако на этих словах голос ее подскочил. Она закрыла рукой глаза, пряча от меня лицо.

Позже я понял, под каким бременем она жила долгие годы, успешно скрывая его за вуалью воспитанности и шарма: смерть ребенка, смерть мужа, тяготы войны, увечный сын, потеря имения… Но сейчас я был потрясен тем, что она потеряла самообладание и плачет. На секунду я остолбенел, а потом присел перед ней на корточки и, помешкав, взял ее за руку — легко, но твердо, как всякий врач. Она обхватила мои пальцы и постепенно успокоилась. Я подал ей свой платок, она смущенно промокнула глаза.

— Не дай бог, дети войдут! — Миссис Айрес встревоженно обернулась к двери. — Или Бетти! Нельзя, чтобы меня застали такой. Я никогда не видела мать в слезах, она презирала плакс. Пожалуйста, извините меня, доктор Фарадей. Все дело в том, что я почти не спала, а бессонница на

меня всегда плохо действует… Ну вот, выгляжу кошмарно. Будьте любезны, погасите эту лампу.

На столике возле ее кресла я выключил светильник, тихо звякнувший подвесками.

— Свет никогда не был вашим врагом, — сказал я. — Вы это знаете.

Она снова промокнула глаза и чуть удивленно взглянула на меня:

— Вот уж не думала, что вы так галантны, доктор.

Я почувствовал, что краснею, но миссис Айрес, не дав мне ответить, вздохнула:

— Мужчины обретают галантность, как женщины морщины. Мой муж был очень галантен. Хорошо, что он не видит, какой я стала. Его галантность подверглась бы суровому испытанию. Мне кажется, за прошлую зиму я постарела на десять лет. Видимо, нынешняя добавит еще десяток.

— И тогда вы будете выглядеть на все сорок, — сказал я.

Она от души рассмеялась, и я порадовался тому, как ожило ее лицо.

Потом мы еще поговорили о всякой всячине. Миссис Айрес попросила вина и сигарету.

Лишь перед тем, как уже распрощаться, я попы-

тался напомнить, зачем приходил, и обмолвился о Питере Бейкер-Хайде.

Миссис Айрес подняла руку, словно уже изнемогла от всей этой истории.

— Сегодня это имя слишком часто произносилось в моем доме, — сказала она. — Раз он хочет нам навредить, пусть попробует. Многого он не добьется, куда ему.

— Вы и впрямь так думаете?

— Я это знаю. Еще пару дней кошмар побушует, а потом сдуется. Вот увидите.

Она говорила уверенно, как ее дочь, и я оставил эту тему.

Однако они с Каролиной ошиблись. Кошмар не сдулся. На следующий день к ним приехал мистер Бейкер-Хайд; он сказал, что обратится в полицию, если семейство не ликвидирует собаку. Разговор между ним, Родериком и миссис Айрес длился полчаса; поначалу, рассказывала миссис Айрес, архитектор говорил вполне спокойно, и она надеялась, что ей удастся убедить его изменить свое решение.

— Никто не сожалеет о несчастье с вашей дочерью сильнее меня, мистер Бейкер-Хайд, — сказала миссис Айрес, стараясь, чтобы гость почувствовал ее неподдельную искренность. — Но убийством

Плута ничего не поправишь. Что касается повторения подобного случая с другим ребенком, вы же видите, как тихо мы здесь живем. У нас просто нет детей, которые дразнили бы собаку.

Наверное, не стоило так говорить; легко догадаться, что после этих слов Бейкер-Хайд заледенел. Хуже всего, что в эту минуту Каролина и Плут вернулись с прогулки. Я часто видел их в парке и представляю себе их облик: она, раскрасневшаяся и растрепанная, топает на крепких ногах, а он, весь перепачканный, лучится довольством, приоткрыв розовую пасть. Наверняка мистер Бейкер-Хайд тотчас подумал о своей несчастной дочери с обезображенным лицом, которая лежит в постели. Позже он поделился своими чувствами с доктором Сили, и тот передал мне его слова: если б в ту секунду у него оказался пистолет, он бы «собственноручно пристрелил пса, а заодно и всю сволочную семейку».

Беседа вмиг превратилась в базар, после чего визитер отбыл, выбрасывая гравий из-под колес. Подбоченившись, Каролина проводила взглядом его машину и, дрожа от злости, отправилась в сарай, где раскопала пару старых висячих замков и цепи, а затем накрепко замкнула ворота с обеих сторон парка.

Об этом я узнал от своей домработницы, которой все рассказала соседка — кузина Барретта, разнорабочего в Хандредс-Холле. По-прежнему историю весьма живо обсуждали в окрестных поселках; кое-кто сочувствовал Айресам, но большинство считали, что их упрямство в отношении Плута лишь ухудшает ситуацию. В пятницу я встретил Билла Десмонда, который склонялся к мысли, что семейство «поступит благопристойно» и пристрелит беднягу-пса, — мол, это лишь вопрос времени. Затем пару дней было тихо, и я уж начал думать, что все рассосалось. Однако в начале следующей недели моя кенилуортская пациентка спросила, «как там эта девчушка Бейкер-Хайд»; вопрос о девочке был задан походя, но голос больной звенел восхищением от того, что я «буквально спас ребенка». Изумленный, я поинтересовался, откуда ей это известно, и она вручила мне свежий номер «Ковентри уикли». В газете все излагалось подробнейшим образом. Репортеры раскопали историю в бирмингемской больнице, куда Бейкер-Хайды поместили дочку для дальнейшего лечения. Заметка сообщала, что девочка, подвергшаяся «зверскому нападению», быстро поправляется. Родители требовали уничтожить пса и уже прибегли к помощи адвокатов.

Комментария владельцев собаки — полковницы миссис Айрес, мистера Родерика Айреса и мисс Каролины Айрес — получить не удалось.

Насколько я знал, в Хандредс-Холле местных газет не читали, но в графстве они имели широкое хождение, и данная публикация меня весьма встревожила. Я позвонил Айресам и спросил, известно ли им о заметке; они ничего не знали, и по дороге домой я завез им газету. В мрачном молчании Родерик прочел статейку и передал газету сестре. Каролина пробежала текст, и впервые с начала этой катавасии уверенное выражение покинуло ее лицо, уступив место неприкрытому страху. Миссис Айрес откровенно запаниковала. В свое время газеты проявили интерес к раненому Родерику, и, видимо, с тех пор в ней жил болезненный ужас перед вторжением в их частную жизнь. Она проводила меня до машины, чтобы потолковать с глазу на глаз.

— Я хочу вам кое-что сказать, — проговорила она, накидывая шарф на голову. — Каролина и Родерик еще не знают. Утром мне позвонил инспектор Аллам; они с моим мужем служили в одном полку, и он хотел предупредить, что мистер Бейкер-Хайд готов выдвинуть обвинение. Инспектор сказал без обиняков: у нас почти ни-

каких шансов выиграть дело, в котором замешан ребенок. Я переговорила с мистером Хептоном (семейный адвокат Айресов), он тоже так считает. Дескать, речь может зайти не только о штрафе, но и возмещении морального ущерба… Просто не верится, что все так обернулось. Помимо всего прочего, на тяжбу нет денег! Я хотела подготовить Каролину к худшему, но она не слушает. Не понимаю ее. Сейчас она переживает сильнее, чем из-за ранения брата.

Я тоже этого не понимал, однако сказал:

— Видимо, Плут ей очень дорог.

— Он всем нам дорог! Но в конце концов, он собака, причем старая. Нельзя допустить, чтобы нас потащили в суд. Если не о себе, то о Родерике я должна подумать. Сын еще очень нездоров. Ему это совсем не нужно.

Миссис Айрес коснулась моей руки и посмотрела мне в глаза:

— Вы так много сделали для нас, доктор, и очень неловко вновь обременять вас просьбой. Но я не хочу вмешивать в наши неприятности Билла Десмонда или Раймонда Росситера. Если дело дойдет… в смысле, с Плутом… вы не могли бы нам помочь?

— То есть убить его? — угрюмо осведомился я.

Она кивнула.

— Родерик не справится, о Каролине и речи быть не может…

— Нет-нет!

— Не знаю, к кому еще обратиться. Если б полковник был жив…

— Хорошо, — неохотно сказал я, потому что ничего другого не оставалось. Потом, уже тверже, добавил: — Разумеется, я вам помогу.

Я накрыл ладонью ее руку, лежавшую на моем рукаве. Миссис Айрес вздохнула и благодарно опустила голову; лицо ее устало обмякло, обретя старческие черты. Она убрала свою руку.

— Вы думаете, Каролина согласится? — спросил я.

— Да, ради семьи, — просто ответила миссис Айрес. — Больше ничего не остается.

На сей раз она оказалась права. Вечером по телефону миссис Айрес сообщила, что инспектор Аллам переговорил с Бейкер-Хайдами и те, основательно поломавшись, обещали не подавать в суд, если собаку немедленно ликвидируют. В голосе ее слышалось безмерное облегчение, и я порадовался, что все уладилось, однако провел беспокойную ночь, думая о своем обещании и завтрашнем деле. Около трех часов я только-только

начал соскальзывать в сон, но меня потревожил дверной звонок. Человек из окрестного поселка просил помочь его жене, у которой были трудные роды. Я оделся, и мы поехали; у роженицы, беременной первым ребенком, плод шел неправильно, я провозился с ней до половины седьмого. Младенец появился со следами моих щипцов, но здоровый и крикливый. К семи часам мужу надо было на работу; оставив мать и дитя под приглядом повитухи, я подбросил его до фермы. Посвистывая, новоиспеченный отец отправился в поля, счастливый тем, что у него сын, тогда как жены братьев «плодят одних мокрощелок».

Я был рад за него и ощущал легкую эйфорию, какая всегда возникает после бессонной ночи, завершившейся благополучным разрешением. Но затем я вспомнил о деле, которое ждало меня в Хандредс-Холле, и возбуждение угасло. Домой возвращаться было бессмысленно; проселком, бежавшим через лесок, я проехал к знакомой опушке возле заросшего пруда. Летом это живописное местечко служило прибежищем влюбленных парочек. Я запоздало вспомнил, что в войну здесь же произошло самоубийство; темная вода и синеватые мокрые деревья навевали тоску. Я выключил мотор. Было зябко; я остал-

ся в машине и лишь опустил стекло, закурив сигарету. Раньше я видел здесь цапель и чомг, резвящихся в брачных играх, однако сейчас пруд был пуст. Какая-то птица на ветке свистнула, потом еще раз, но ответа не получила. Начал сеять дождик; невесть откуда взявшийся ветерок кидал в меня каплями. Я отщелкнул окурок и торопливо поднял стекло.

В паре миль отсюда на дороге был съезд, который вел к западным парковым воротам Хандредс-Холла. Дождавшись восьми часов, я завел мотор и отправился к Айресам.

Замок и цепь с ворот уже сняли, я въехал беспрепятственно. В парке было светлее, чем на проселке, но маячивший в рассветных сумерках дом выглядел огромным мрачным кубом. Я знал, что семейство встает рано, и дым из каминных труб это подтвердил. По гравию, хрустевшему под покрышками, я обогнул дом и увидел, что в окне возле парадной двери вспыхнул свет.

Бледная миссис Айрес открыла мне дверь, не дожидаясь звонка.

— Я не слишком рано? — спросил я.

Она покачала головой:

— Не имеет значения. Родерик уже на ферме, и вряд ли кто из нас этой ночью заснул. Судя по

вашему виду, вы тоже не спали. Надеюсь, никто не умер?

— Роды.

— Благополучные?

— Да, мать и ребенок живы… Где Каролина?

— Наверху, с Плутом. Думаю, она слышала, как вы подъехали.

— Вы ей сказали? Она знает, зачем я здесь?

— Знает.

— Как она это восприняла?

Миссис Айрес опять покачала головой, но ничего не сказала. Она проводила меня в малую гостиную, где в камине потрескивали занимавшиеся огнем поленья. Потом ушла и вернулась с подносом, на котором были чай, хлеб и холодный бекон. Пока я ел, она сидела рядом, но сама ни к чему не притронулась. Ее роль служанки лишь добавила мне неловкости. Покончив с завтраком, я не рассиживался, но взял свой саквояж и проследовал за миссис Айрес в вестибюль, а затем поднялся на второй этаж.

Она оставила меня возле спальни Каролины. Дверь была приотворена, но я все равно постучал и, не получив ответа, вошел в большую симпатичную комнату со стенами в светлых панелях и узкой кроватью под балдахином. Однако все в

ней заметно обветшало: полог выцвел, дорожки протерлись, сквозь облупившуюся белую краску проглядывали серые половицы. В комнате было два окна с подъемными рамами; возле одного из них на неком подобии оттоманки сидела Каролина, а Плут пристроился рядом, положив голову на ее колени. Когда я вошел, он радостно ощерился и застучал хвостом по полу. Каролина молча смотрела в окно.

— Явились ни свет ни заря, — наконец сказала она.

— Я был у пациентки. Лучше уж сейчас, чем дотянуть до того, что полиция пришлет своего человека. Вы же не хотите, чтобы это сделал посторонний?

Каролина взглянула на меня, вид у нее был скверный: бледная, нечесаная, опухшие глаза покраснели от слез и бессонницы.

— Почему все об этом говорят как о чем-то будничном и разумном?

— Полно, Каролина. Вы же понимаете: так надо.

— Лишь потому, что кто-то так сказал! Это все равно что… призыв на войну. С какой стати? Это не моя война.

— Та девочка…

— Можно было судиться и выиграть дело. Мистер Хептон говорил, есть шанс. Мать не дала даже попробовать.

— А судебные издержки? Подумайте хотя бы о них.

— Как-нибудь я бы нашла деньги.

— Тогда подумайте о том внимании, какое вы привлечете. Как это будет выглядеть? Пострадал ребенок, а вы пытаетесь себя обелить. Это сочтут неприличным.

Каролина раздраженно дернула головой:

— Да бог с ним, с этим вниманием! Это беспокоит только мать, она боится, что все узнают, какие мы нищие. Что до приличий… нынче это уже никого не волнует.

— Вашей семье пришлось многое вынести. Ваш брат…

— О да, мой брат! Давайте все о нем подумаем! Словно мы заняты чем-то другим… Ведь он мог воспротивиться. А он ничего не сделал, совсем ничего!

Прежде она лишь шутливо журила брата, и сейчас я даже опешил от ее ярости. Однако глаза ее еще больше покраснели, а голос дрожал — она понимала, что иного выхода нет. Каролина вновь отвернулась к окну. Помолчав, я мягко сказал:

— Крепитесь, Каролина. Мне очень жаль… Может, я займусь им?

— Господи! — Она закрыла глаза.

— Каролина, он старый.

— Разве от этого легче?

— Обещаю, он не будет мучиться.

Еще секунду она не двигалась, потом обмякла и глубоко вздохнула, словно изливая всю свою горечь.

— Забирайте. Раз все ушло, зачем ему оставаться. Я устала с этим бороться.

Голос ее был бесцветен, а я наконец-то понял, что неверно о ней судил: за ее упрямством скрывалась боль от многих иных утрат. Каролина гладила Плута по голове; пес догадался, что говорят о нем, и расслышал отчаяние в голосе хозяйки. Он посмотрел на нее доверчиво и встревоженно, а затем положил ей на колени передние лапы и потянулся мордой к ее лицу.

— Ты дуралей! — Каролина позволила себя лизнуть и отпихнула его. — Иди к доктору, не понимаешь, что ли?

— Мне… здесь? — спросил я.

— Нет, я не хочу этого видеть. Отведите его куда-нибудь. Иди, Плут. — Она грубовато подтолкнула пса, и тот свалился на пол. — Ну же,

глупая собака! — Пес мешкал. — Говорю же, тебя доктор зовет. Иди!

Напоследок взглянув на Каролину, Плут послушно подошел ко мне; я вывел его из комнаты и осторожно прикрыл за собой дверь. Мы спустились в кухню и прошли в буфетную, где я велел ему лечь на старый коврик. Плут удивился, потому что вход сюда ему был заказан, но он чувствовал неспокойную обстановку в доме и, видимо, догадывался, что сам тому причиной. Что творится в его голове? — подумал я. Вспоминает ли он тот вечер, понимает ли, что натворил, чувствует ли свою вину и угрызения совести? Я посмотрел ему в глаза, но прочел в них только удивление; потом я достал из саквояжа, что требовалось, и погладил пса по голове.

— Натворил ты дел, псина, — повторил я то, что однажды уже сказал ему. — Ну, ничего. Ты хорошая собака.

Бормоча всякую чепуху, я подхватил его под грудь; когда укол сработал, он обмяк на моей руке, и я почувствовал, как засбоило, а потом остановилось его сердце.

Миссис Айрес сказала, что Барретт похоронит пса; я накрыл его ковриком, вымыл руки и прошел в кухню, где увидел миссис Бэйзли. Она

только что пришла и надевала фартук. Узнав, зачем я здесь, служанка огорченно покачала головой:

— Вот жалость-то! Без этого старого прохвоста в доме будет как-то не так. Нет, ну надо же, доктор! Я ж его сызмальства знаю и голову даю на отсечение, что злости в нем как в божьей коровке. Да я б с ним внука спокойно оставила!

— Я бы тоже, если б он у меня был, — печально усмехнулся я.

Но передо мной был стол, напоминавший о том ужасном вечере. А еще в кухне была Бетти, которую я не заметил. Скрытая входной дверью, она складывала высушенные посудные полотенца. Девочка как-то странно дергалась, узенькие плечи ее тряслись, но я не сразу понял, что она плачет. Заметив мой взгляд, Бетти залилась в три ручья, а потом вдруг выговорила с изумившей меня яростью:

— Бедный старый пес! Все на него набросились, а он не виноват! Это нечестно!

Голос ее осекся; миссис Бэйзли ее обняла.

— Ну-ну-ну, — приговаривала она, неуклюже похлопывая Бетти по спине. — Видали, как мы расстроились, доктор? Прям не знаем, что к чему. Втемяшилось нам, будто… как и сказать-то… —

Служанка смущенно замялась. — Она думает, что беда-то с девчушкой не просто так случилась.

— Не просто так? Что это значит?

Бетти уткнулась в плечо миссис Бэйзли, но теперь подняла голову:

— А то, что в доме живет плохое, вот что! Оно творит зло!

На секунду я онемел, потом встряхнулся и растер лицо.

— Ох, Бетти!

— Это правда! Я его чую!

Девчонку слегка колотило, но ее округлившиеся серые глаза упорно смотрели то на меня, то на миссис Бэйзли. Как уже было прежде, мне показалось, что втайне она рада всей этой суете и вниманию к себе.

— Ладно, мы все устали и расстроены, — чуть раздраженно сказал я.

— Усталость тут ни при чем!

— Хватит! — оборвал я ее. — Сама понимаешь, это чистой воды глупость. Дом большой и пустынный, но пора уже к этому привыкнуть.

— Я привыкла! Дело не в том!

— Все это чепуха. Нет тут ничего плохого, никакой чертовщины. С бедной девочкой произошел несчастный случай, только и всего.

— Никакой не случай! Это плохое куснуло или… науськало Плута.

— Ты слышала чей-то шепот?

— Нет, — неохотно ответила Бетти.

— Я тоже не слышал. На вечере была толпа людей, но никто ничего не слышал. Миссис Бэйзли, вы замечали какие-нибудь признаки «плохого», о котором говорит Бетти?

— Нет, доктор, — покачала головой служанка. — Вовсе не видала ничего странного.

— Давно вы здесь служите?

— Да уж почти десять лет.

— Вот, пожалуйста. — Я взглянул на Бетти. — Убедилась?

— Ничего не убедилась! Если она его не видала, это не значит, что его нет. Может, оно тут… недавно.

— Господи ты боже мой! Ну все, довольно, утри глаза и будь хорошей девочкой. Не вздумай что-нибудь сказать миссис Айрес или мисс Каролине. Только этого им сейчас не хватало. Надо ценить их доброту. Помнишь, летом ты прихворнула и они сразу послали за мной?

Поняв намек, Бетти покраснела, но еще больше набычилась и прошептала:

— Здесь живет плохое! Живет!

Потом она вновь уткнулась в плечо миссис Бэйзли и горько заплакала.

5

Неудивительно, что жизнь в Хандредс-Холле сильно переменилась, став унылой и печальной; надо было привыкать к отсутствию Плута. Смеркалось по-осеннему рано, но и без того дом казался темным и безжизненным, потому что в нем уже не было добродушного пса, бродившего по комнатам. Наши с Родом еженедельные сеансы продолжались; я почти по-свойски входил в дом и порой ловил себя на том, что прислушиваюсь, не раздастся ли стук собачьих когтей по полу. Или же тень в углу покажется Плутом, и тогда кольнет боль мучительных воспоминаний.

Я поделился этим с миссис Айрес, и она сказала, что как-то в дождливый день стояла в вестибюле и отчетливо услышала наверху топотанье собачьих лап. Звук был настолько четким, что она боязливо поднялась на второй этаж и увидела: дождевые капли стучат по искореженной водосточной трубе. Нечто подобное происходило и с миссис Бэйзли. На днях она привычно наварила собачьей еды и поставила миску возле кухонной двери; через полчаса удивилась, что пес все не

идет, а потом расплакалась, вспомнив, что его больше нет.

— И вот чего странно, — рассказывала миссис Бэйзли. — Я ить почему это сделала — услыхала, как он спускается по лестнице. Вы ж помните, он кряхтел, точно старик. Вот, ей-богу, слыхала!

Что до Каролины — не знаю, часто ли ей мерещился стук его когтей или сам он в темном углу. Она велела Барретту выкопать могилу в той части парка, где под старинными мраморными надгробиями покоились прежние любимцы семьи. Потом совершила скорбный обход дома и выбросила все миски и подстилки, для удобства пса разложенные во многих комнатах. Однако меня тревожила основательность, с какой она закупоривала собственную печаль. В свой следующий визит после того злосчастного утра, когда я усыпил Плута, я счел непременным разыскать Каролину, чтобы снять горький осадок от нашего последнего разговора. Я справился о ее самочувствии, и она отрывисто ответила:

— Я здорова. — Голос ее был тускл. — Ведь все уже сделано, правда? Простите за грубость в прошлый раз. Я понимаю, вы не виноваты. Теперь все позади. Взгляните, вчера я нашла это в верхних комнатах… — Она показала какую-то

древнюю безделушку, завалявшуюся в комоде; о Плуте больше не говорила.

Я недостаточно хорошо ее знал, чтобы лезть с расспросами, но переговорил с ее матерью, которая была уверена, что дочь «сама оправится».

— Даже девочкой Каролина не выказывала своих чувств, — вздохнула миссис Айрес. — Она невероятно благоразумна. Вот почему я вызвала ее, когда Родерика ранили. Знаете, она проявила себя великолепной сиделкой… Вы слышали новость? Утром к нам заглянула миссис Росситер и сообщила, что Бейкер-Хайды уезжают. Они увозят девочку в Лондон, прислуга отчалит на следующей неделе. Бедный Стэндиш, опять его закроют и выставят на продажу. Думаю, все к лучшему. Представляете, если б кто-нибудь из нас столкнулся с этой семейкой в Лидкоте или Лемингтоне?

Новость утешала. Перспектива постоянных встреч с Бейкер-Хайдами грела меня не больше, чем миссис Айрес. Еще радовало, что местные газеты наконец-то потеряли интерес к этой истории. Правда, сплетни еще курсировали, да временами кто-нибудь из пациентов или коллег, знавших о моем небольшом участии в происшествии, пытался поднять эту тему, но я быстренько

ее сворачивал, и разговор угасал.

Однако Каролина меня тревожила. Проезжая через парк, иногда я видел ее, но теперь, когда рядом с ней не было Плута, она казалась ужасно одинокой. Если я останавливался, она охотно со мной болтала, все было почти как прежде. Выглядела она по-всегдашнему крепкой и здоровой. Вот только лицо иногда выдавало пережитое за последние недели, — казалось, оно стало еще грубее и некрасивее, словно вместе с собакой ушли остатки ее молодости и оптимизма.

Наступил ноябрь. Как-то на одном сеансе я спросил Родерика:

— Каролина делится с вами своими переживаниями?

Нахмурившись, он покачал головой:

— Она не очень-то к этому расположена.

— А вы не пробовали ее разговорить?

Родерик еще больше нахмурился:

— Наверное, попытаться можно, да как-то все времени нет.

— Нет времени на сестру? — хмыкнул я.

Он смолчал, а я с тревогой отметил, как потемнело его лицо. Родерик отвернулся, словно боясь о чем-то проговориться. Вообще-то, теперь он меня беспокоил не меньше Каролины. Понятно,

что для нее не прошла бесследно вся эта история с Бейкер-Хайдами, но меня удивляло, что она и его так подкосила. Дело не в том, что он с головой уходил в работу и был замкнут, — это тянулось уже давно. Было еще что-то; я чувствовал, его тяготит какой-то секрет или даже страх.

Я помнил, в каком состоянии мать застала его в вечер приема. Видимо, тогда-то все и началось. Несколько раз я пытался об этом заговорить, но он отмалчивался или менял тему. Может, надо было оставить его в покое. У меня своих забот хватало: холод принес с собой обычные простуды, вызовы шли один за другим. Но чутье мне подсказывало, что пускать дело на самотек нельзя, и, кроме того, я чувствовал себя в ответе за семейство, чего еще совсем недавно не было. И вот, приладив электроды, я запустил машину и прямиком выложил все свои тревоги.

Его отклик меня ошеломил.

— Стало быть, вот так маменька хранит секреты? — Родерик раздраженно заерзал в кресле. — Что ж, этого следовало ожидать. Что она вам наговорила? Мол, застала меня в панике?

— Вы ее встревожили.

— Господи! Просто не хотел появляться на дурацком приеме! Голова раскалывалась. Я выпил

и лег спать. Это преступление?

— Конечно нет. Только в ее изложении…

— Боже ты мой! Она преувеличивает! Вечно что-нибудь выдумает! А вот то, что творится под носом… Все, хватит. Если она считает, что я вот-вот свихнусь, бог с ней. Она не понимает. Никто не понимает. Если б вы только знали…

Он смолк. Опешив от его горячности, я спросил:

— Знали — что?

Было видно, что его подмывает рассказать, но, поборов себя, он ответил:

— Ничего.

Потом нагнулся и сдернул с ноги электроды:

— С этим тоже хватит. Я устал. Толку никакого.

Выскочившие из гнезд провода упали на пол. Родерик сбросил резинки и, не опуская штанину, босиком прошел к столу. На меня он не смотрел.

Предоставив ему дуться, я упаковал машину. На следующей неделе Родерик извинился; казалось, он совсем успокоился, и сеанс прошел гладко. Но к моему очередному визиту опять что-то произошло: переносицу его украшала ссадина, а скулу — здоровенный синяк.

— Не делайте такие глаза, — сказал Родерик. — Все утро сестра гонялась за мной, чтобы

приложить кусок сала и бог знает что еще.

Каролина была в его комнате — видимо, дожидалась меня; я подошел к Родерику и развернул его к свету:

— Что случилось?

— Полная глупость, даже неудобно рассказывать. — Он раздраженно высвободился из моих рук. — Ночью пошкандыбал в туалет, а какой-то дурак — то есть я — дверь в комнату оставил нараспашку, вот я и впечатался.

— Он грохнулся без чувств, — сказала Каролина. — И только благодаря Бетти не задохнулся или еще что.

— Ерунда! — буркнул Родерик. — Я сознания не терял.

— Ну да! Лежал как бревно, доктор. А перед тем так вскрикнул, что Бетти проснулась. Бедняжка решила, что нас грабят. Она прокралась наверх, увидела распростертого хозяина и, вот умница, помчалась ко мне. Когда я прибежала, он все еще был в отключке.

— Не слушайте ее, доктор, — нахмурился Родерик. — Она преувеличивает.

— Сам знаешь, что нет, — ответила Каролина. — Мы сбрызнули его водой, чтобы привести в чувство, так он вместо благодарности нас облаял

и потребовал оставить его в покое…

— Ладно, ты доказала, что я идиот. По-моему, я сам тебе в этом признался. Теперь можно закончить тему?

Тон его был резок. На секунду Каролина растерялась, но, справившись с собой, заговорила о чем-то другом. Родерик пребывал в угрюмом молчании, а затем впервые наотрез отказался от сеанса, повторив, что устал и толку нет.

— Но это неправда, Род! — изумилась его сестра.

— Кажется, нога моя, — капризно ответил он.

— Доктор Фарадей потратил столько сил…

— Если доктор желает выкладываться ради малознакомых людей, это его дело. Говорю тебе, я устал от всех этих щипков и растяжек! Или мои ноги инвентарь? Вот маленько подлатаем и еще попользуемся, ничего, что они сотрутся до культяшек. Так, что ли?

— Род! Что ты несешь!

— Ничего, — спокойно сказал я. — Если Род не хочет, не надо. Хозяин — барин.

Каролина будто не слышала:

— Но ваша статья…

— Она почти готова. По-моему, Род знает, что главный результат уже достигнут. Сейчас я лишь

поддерживаю функциональность мышцы.

Не желая разговаривать, Родерик отошел к столу. В конце концов мы с Каролиной отправились в малую гостиную, где вместе с миссис Айрес в подавленном молчании выпили чаю. Прежде чем уйти, я тихонько спустился к Бетти, которая подтвердила рассказ Каролины о ночных событиях. Она спала без задних ног, но ее разбудил крик, сказала девочка. Спросонья она решила, что ее зовет кто-то из семейства, и пошла наверх. Дверь в комнату Рода была распахнута, а сам он с окровавленным лицом лежал на полу. Он был так бледен и неподвижен, что казался мертвым; Бетти «чуть не заголосила», но собралась с духом и кинулась за Каролиной, вместе с которой они привели его в чувство. Род «бранился и говорил чудное».

— Что именно? — спросил я.

Припоминая, Бетти сморщилась:

— Какую-то чепуху. Околесицу. Словно под наркозом у дантиста.

Больше ничего она рассказать не могла, с тем я и ушел.

Однако несколько дней спустя, когда синяк еще не вполне сошел, но приобрел, по выражению Каролины, симпатичный «желтовато-зелененький»

оттенок, Род опять слегка пострадал. Видимо, он снова «пошкандыбал» в туалет и теперь на его пути возникла скамеечка, загадочно покинувшая свое обычное место, о которую он споткнулся, в результате чего упал и повредил кисть. Родерик пытался все это разыграть в лицах, а потом с напыщенным видом «благодушного старика» позволил перевязать его руку. Поведение его казалось странным — я-то видел, что растяжение довольно серьезное.

Позже я поговорил об этом с миссис Айрес. Она тотчас разволновалась и по-всегдашнему стала крутить свои старинные кольца:

— Как вы думаете, что происходит? Мне он ничего не говорит, сколько я ни билась. У него явно бессонница. Хотя сейчас мы все спим плохо… Но его ночные хождения! Это признак болезни, нет?

— Так вы полагаете, он вправду споткнулся?

— А что еще? Когда он лежит, нога его деревенеет.

— Да, это верно. Но откуда взялась скамеечка?

— У него жуткий беспорядок. Он всегда был неряхой.

— Разве Бетти не убирает в его комнате?

Миссис Айрес уловила мою озабоченность, и в глазах ее вспыхнула тревога.

— Неужели это не просто мигрени, а что-то серьезнее?

Я сам об этом думал. Накладывая повязку, я спросил Родерика о его головных болях, но он ответил, что, кроме синяка и ушиба, других хворей нет. Казалось, он говорит правду: вид у него был усталый, но глаза, цвет лица и поведение не выдавали какой-либо немочи. Лишь что-то неуловимое вроде душка или тени меня настораживало. Видя обеспокоенность миссис Айрес, я решил не волновать ее еще больше — я помнил ее слезы в тот вечер после приема. Возможно, мои опасения беспочвенны, сказал я, замяв тему, как это делал сам Род.

Но все же хотелось с кем-нибудь поделиться своими тревогами. Через два-три дня я нашел повод вновь заглянуть в Хандредс-Холл, чтобы поговорить с Каролиной.

Я отыскал ее в библиотеке. Сидя по-турецки на полу, она протирала ланолином кожаные переплеты книг. Работать ей приходилось в полутьме, поскольку отсыревшие ставни покоробились и она сумела приоткрыть лишь один из них. Как и прежде, стеллажи были затянуты белыми полотнищами, смахивавшими на саван. Каролина не удосужилась разжечь камин, в унылой комнате

было промозгло.

Казалось, ее приятно удивило мое появление в будний день.

— Посмотрите, какие великолепные издания, — сказала она, показывая темные книги, от ланолина влажно блестевшие, словно очищенные каштаны.

Я присел на табурет.

— Надо признаться, не очень-то я наработала, — сказала Каролина, листая страницы. — Читать гораздо интереснее. Сейчас наткнулась на Геррика, он забавный. Вот послушайте и скажите, что вам это напоминает. — Она раскрыла скрипнувшую обложку и прочла своим низким приятным голосом:

Есть будешь языки ягнят,
Пить — молоко их. Для услад
Орехи истолку вослед,
Возьму для масла первоцвет.
Твой стол — холмы, где смотрят вниз
И маргаритка, и нарцисс,
Во время пира сладость нот

Тебе малиновка споет[11].

— Сгодилось бы для тематической радиопередачи Министерства продовольствия, а? — взглянула на меня Каролина. — Весь набор, за исключением карточек. Интересно, каков на вкус толченый лесной орех?

— Полагаю, это месиво напоминает арахисовое масло.

— Ага, только еще противнее.

Мы улыбнулись. Каролина отложила Геррика и ровными сильными мазками принялась втирать воск в книгу, над которой трудилась перед моим приходом. Я сказал, что хотел бы поговорить о Родерике, и рука ее притормозила, а улыбка погасла.

— Наверное, все это для вас полная неожиданность… Я и сама хотела переговорить… Одно за другим…

Впервые она чуть обмолвилась о Плуте. Каролина опустила голову, ее набрякшие веки казались влажными и странно голыми.

— Род заладил, что с ним все в порядке, но я-то знаю, что нет, — сказала она. — Мама тоже это

---

[11] Примечания: 11

Роберт Геррик (1591–1674) — английский поэт, представитель группы «поэтов-кавалеров». Строфа из его стихотворения «К Филлис, люби меня и будь со мной» (перевод А. Лукьянова).

знает. Скажем, история с дверью: когда это он оставлял ее на ночь открытой? Пусть он отпирается, но он вправду бредил, когда очнулся. Наверное, его мучат кошмары. Всякие звуки мерещатся… — Каролина макнула пальцы в банку с ланолином. — Полагаю, он не рассказывал, как на прошлой неделе ночью влетел ко мне?

— К вам?

Я впервые об этом слышал.

Она кивнула и продолжила работу, изредка взглядывая на меня.

— Род меня разбудил. Не знаю, в котором часу, но была глубокая ночь. Я ничего понять не могла. Он ворвался ко мне и заорал, чтобы я прекратила двигать мебель, мол, я его уже с ума свела! Потом увидел, что я в постели, и позеленел — честное слово, стал желтовато-зелененький, в точности как его синяк. Вы же знаете, его комната почти прямо подо мной; так вот он заявил, что уже битый час слушает, как я что-то волохаю по полу. Он подумал, я решила переставить мебель! Конечно, ему это приснилось. Как всегда, в доме было тихо, словно в церкви. Самое ужасное, что сон показался ему реальнее яви. Еле-еле успокоился. В конце концов я уложила его с собой. Я-то уснула, а вот спал ли он, не знаю. Наверное, до самого утра глаз

не сомкнул, все чего-то ждал.

Я задумался:

— Что-нибудь вроде обмороков с ним не случалось?

— Обмороки?

— Может, это был какой-то… приступ?

— То есть припадок? Нет, ничего такого. В школе с одной девочкой случались припадки, это было ужасно. Я бы распознала.

— Приступы бывают разные. Можно понять: увечья, смятение, странное поведение…

— Не знаю, не знаю, — скептически покачала головой Каролина. — Вряд ли. С чего бы им взяться? Раньше-то ничего не было.

— Может, и было. Разве он скажет? Некоторые почему-то стыдятся эпилепсии.

Каролина нахмурилась и снова помотала головой:

— Нет, не думаю.

Отерев руки от ланолина, она завинтила крышку банки и встала. В прорези окна маячило быстро темнеющее небо, комната казалась еще промозглее и мрачнее.

— Господи, тут как в леднике! — Каролина подышала на пальцы. — Помогите мне, пожалуйста.

Вдвоем мы подняли поднос с обработанными книгами и пристроили его на стол. Каролина обмахнула подол и, не поднимая глаз, спросила:

— Не знаете, где сейчас Род?

— Когда я подъезжал, они с Барреттом шли к старому саду. А что? Думаете, надо с ним поговорить?

— Да нет, просто… Вы давно заглядывали в его комнату?

— Давно. Последнее время он к себе не приглашает.

— Меня тоже. На днях, когда его не было дома, я случайно к нему зашла и увидела кое-что… странное. Не знаю, подкрепит ли это вашу эпилептическую версию… Скорее, нет. Пойдемте, я вам покажу. Если Барретт в него вцепился, это надолго.

Идея меня не вдохновила.

— Пожалуй, не надо, Каролина. Роду это не понравится.

— Мы быстро. Я хочу, чтобы вы сами увидели… Прошу вас, идемте. Мне больше не с кем об этом поговорить.

Я сам явился по той же причине, а потому, видя ее тревогу, согласился. Мы вышли в вестибюль и тихо направились к комнате Рода.

Вечерело; миссис Бэйзли уже ушла домой, но, минуя зашторенную арку, мы услышали тихое бормотанье радиоприемника, означавшее, что Бетти в кухне. Глянув за штору, Каролина осторожно повернула ручку двери и сморщилась, когда замок щелкнул.

— Не подумайте, что я все время сюда шныряю, — прошептала она. — Если кто-нибудь войдет, я навру — мол, ищем книгу и все такое. Так что будьте готовы… Вот что я хотела вам показать.

Я почему-то думал, что Каролина подведет меня к заваленному бумагами столу, но она не двинулась с места и показала на дверь.

В стиле всей комнаты дверь была отделана дубовой панелью и, как почти все в доме, пребывала не в лучшем состоянии. Я представил ее новенькой, сияющей красноватым отливом, однако сейчас, хоть все еще импозантная, она потускнела, пошла темными полосами, а кое-где и потрескалась. Но филенка, на которую показала Каролина, несла на себе иную отметину. Примерно на уровне груди виднелось небольшое прожженное пятно — точно такое же осталось на половице нашего затрапезного домика, когда однажды во время глажки мать опустила на пол

утюг.

— Что это? — недоуменно спросил я.

— Вот вы и скажите.

Я вгляделся в пятно:

— Случайно подпалили свечой?

— Сначала я тоже так подумала — стол-то недалеко. В последнее время генератор пару раз отказывал, и я решила, что Род не нашел ничего лучше, как передвинуть сюда стол и зажечь свечу. Потом, наверное, уснул или задумался, а свечка прогорела и опалила дверь. Можете представить, как я разозлилась! Я попросила его не идиотничать и больше никогда так не делать.

— А он что?

— Сказал, что свечами не пользуется. Если нет электричества, он зажигает лампу. — Каролина показала на старую керосиновую лампу, стоявшую на бюро у противоположной стены. — Миссис Бэйзли это подтвердила. У нее большой запас свечей, но Род никогда их не брал. Он не знает, откуда взялось пятно. Не замечал его, пока я не показала. Вид у него был… похоже, он испугался.

Я потрогал отметину: гладкая, не мажется, ничем не пахнет. Казалось, она покрыта каким-то налетом или проступила изнутри дерева.

— Может, она здесь давно, а вы просто не замечали? — спросил я.

— Вряд ли, уж я бы заметила. Помните, на первом сеансе я стояла возле двери и бранила Рода — мол, все насквозь прокурил? Пятна не было, точно… Бетти и миссис Бэйзли тоже не знают, откуда оно появилось.

Услышав о Бетти, я призадумался:

— Бетти видела пятно?

— Да, я тайком показала. Она удивилась не меньше моего.

— Может, разыграла удивление? Что, если она сама напортачила, но побоялась признаться? Скажем, случайно подпалила лампой или неосторожно плеснула чистящим раствором?

— В нашем кухонном арсенале нет ничего крепче денатурата и жидкого мыла, — усмехнулась Каролина. — Кому уж знать, как не мне. Нет, Бетти норовистая, однако не врунья… Впрочем, это еще не все. Вчера Род ушел, и я решила еще разок здесь осмотреться. Ничего странного не заметила, пока не взглянула наверх…

Она запрокинула голову; я последовал ее примеру и тотчас увидел отметину на решетчатом потолке, пожелтевшем от табачного дыма. Небольшое бесформенное пятно в точности

повторяло то, что было на двери: словно кто-то поднес к потолку свечу или утюг, чтобы опалить, но не прожечь штукатурку.

Каролина наблюдала за мной.

— Хотелось бы знать, как даже самая косорукая горничная умудрится быть настолько неловкой, чтобы испятнать потолок в двенадцать футов высотой? — спросила она.

Я молча посмотрел на нее, затем прошел в комнату и встал под пятном.

— Точно такое же, как на двери? — сощурился я.

— Абсолютно. Я даже притащила стремянку, чтобы рассмотреть. Но тут уже полный кошмар — внизу-то ничего, кроме умывальника. Даже если предположить, что Род поставил лампу на раковину, все равно потолок слишком высоко… Вот так вот.

— Думаете, пятно прожжено? Может, какая-нибудь химическая реакция?

— Что это за реакция, от которой старинная дубовая панель и штукатурка сами по себе прогорают? Я уже не говорю вот об этом — гляньте…

Голова моя слегка кружилась, когда я проследовал за ней к камину, где возле ящика с растопкой стояла массивная старинная кушетка. Стоит ли

говорить, что на ее кожаной обивке виднелось точно такое же темное пятно.

— Ну, это уже чересчур, Каролина! Кто знает, как давно здесь эта отметина. Может, искра вылетела из камина… Возможно, и потолок испятнался бог знает когда… Разве заметишь?

— Может, вы и правы, — ответила она. — Очень хотелось бы. Но как быть с тем, что Род врезался именно в эту дверь и споткнулся об эту кушетку?

— Разве он о нее споткнулся? — Я-то полагал, что преградой стала изящная скамеечка для ног. — Господи, она же неподъемная! Как же она оказалась посреди комнаты?

— Именно это меня и интересует. И почему на ней пятно? Словно какая-то метка. Становится жутко.

— С Родериком говорили?

— Я показала ему отметины на двери и потолке, а на кушетке — нет. Он повел себя очень странно.

— То есть?

— Как-то заюлил, будто… виноват, — через силу выговорила Каролина, и я стал понимать ход ее тревожных мыслей.

— Думаете, он сам их наставил? — тихо спросил я.

— Не знаю! — тоскливо сказала она. — Может, во сне?.. Или в припадке, о котором вы говорили… Раз уж он врезался в дверь, которую сам открыл, и сковырнулся о кушетку, которую сам выволок на середину; раз уж он ворвался ко мне в три часа ночи, чтобы я прекратила двигать мебель, то, наверное, мог наляпать и пятна. — Оглянувшись, она понизила голос: — Но коли так, что еще он может натворить?

Помолчав, я спросил:

— Матери сказали?

— Нет, не хочу ее тревожить. И потом, что говорить-то? Подумаешь, странные пятна. Сама не знаю, почему я так завелась… Нет, вру — я знаю. — Она потупилась. — Потому что у нас уже были с ним проблемы. Вы о них знаете?

— Миссис Айрес кое-что рассказала. Сочувствую. Наверное, вам пришлось тяжело.

— Страшное было время, — кивнула Каролина. — Эти его жуткие шрамы, размозженная нога… казалось, он на всю жизнь останется калекой. И самое ужасное, он не старался выздороветь. Просто сидел здесь, о чем-то думал, беспрестанно курил и, по-моему, пил. Когда они разбились, погиб штурман. Наверное, Род винил себя. Хотя в этом никто не виноват… кроме немцев, ко-

нечно… Говорят, пилоты всегда очень тяжело переживают гибель экипажа. Тот мальчик был совсем юный — всего девятнадцать, моложе Рода. «Лучше бы погиб я», — говорил брат, тому парню было нужнее жить. Представляете, каково нам с мамой было это слышать?

— Представляю. А позже он такое говорил?

— Мне — нет. Насколько я знаю, маме тоже. Но она боится, что он снова заболеет. Может, из-за своих страхов мы все надумываем? Не знаю… Но что-то не так. С ним что-то происходит. Его будто сглазили. Он же никуда не ходит, даже на ферму. Только сидит здесь, мол, бумаги разбирает. Вон, посмотрите!

Письменный стол и тумбочка возле кресла были скрыты ворохом писем, жировок и толстых тетрадей.

— Он же тонет во все этой писанине! А помочь не разрешает! Мол, у него своя система, мне не понять. Разве это похоже на систему? Бетти — единственная, кому он позволяет сюда входить. Она хоть подметет и вытряхнет пепельницы… Я бы так хотела, чтоб он устроил себе отпуск, съездил бы куда-нибудь. Но нет — нельзя бросить хозяйство. Как будто его присутствие что-то меняет! Имение обречено, что бы он ни делал. —

Тяжело опустившись на меченую кушетку, Каролина кулаками подперла подбородок. — Иногда я думаю: бросил бы он все.

Сказано это было устало и буднично; она прикрыла глаза, и вновь я отметил странную голизну ее припухших век.

— Надеюсь, вы не всерьез, Каролина? — оторопел я. — Как вы переживете потерю Хандредс-Холла?

— К этому меня готовили с детства, — почти равнодушно ответила она. — В смысле, я его лишусь, как только Родерик женится. Новая миссис Айрес вряд ли захочет, чтобы золовка-вековуха и свекровь путались у нее под ногами. В том-то вся и глупость. Пока Родди рвет жилы, сводя концы с концами, пока он так измотан, что ему некогда искать жену, до тех пор мы с матерью останемся в доме. В то же время имение высасывает из нас все соки, так что лучше бы тут не оставаться…

Голос ее угас, я тоже молчал, и тишина в этой обособленной комнате стала тягостной. Снова взглянув на пятна, я вдруг понял, что они напоминают ожоги на руках и лице Родерика. Будто в ответ на горести и разочарования хозяина, а может, и всей семьи дом покрывался собственными рубцами несчастья. По телу поползли мурашки,

и я поежился, прочувствовав слова Каролины «становится жутко».

— Ну ладно. — Каролина встала. — Зря я вам рассказала. Это наша забота.

— До некоторой степени и моя.

— Вот как?

— Да, коль скоро я почти стал врачом Родерика.

— Но не стали же, — грустно улыбнулась Каролина. — Давеча вы сами сказали: хозяин — барин. Можно подавать это как угодно, но я-то знаю, что вы оказали ему услугу. Вы невероятно любезны, только не надо вам влезать в наши беды. Помните, что я сказала на экскурсии? Дом прожорлив. Он сжирает все наши силы и время. Сожрет и ваши, если позволите.

Я помолчал. Перед моим взором возник мой собственный домишко с его опрятными, непритязательными и совершенно безжизненными комнатами. Скоро я туда вернусь и сяду за холостяцкий ужин: холодное мясо, вареный картофель и полбутылки выдохшегося пива.

— Поверьте, я рад вам помочь, Каролина, — твердо сказал я.

— Правда?

— Да. Я тоже не понимаю, что здесь происхо-

дит, но хочу помочь вам разобраться. Рискну пообщаться с прожорливым домом. За меня не волнуйтесь, я, знаете ли, несъедобный.

— Спасибо. — Прикрыв глаза, Каролина широко улыбнулась.

Опасаясь, как бы Род нас не застукал, мы тихонько вернулись в библиотеку. Каролина убрала банку с ланолином, закрыла ставень, и мы, стараясь не поддаваться тревогам, пошли чаевничать с миссис Айрес.

Все последующие дни состояние Родерика не давало мне покоя, но потом — кажется, это произошло в начале очередной недели — вся головоломка сошлась. Или развалилась, это уж как посмотреть. Около пяти вечера я возвращался в Лидкот и на Хай-стрит вдруг увидел Рода. Прежде это не показалось бы чем-то особенным, поскольку он довольно часто наезжал в поселок по хозяйственным делам. Но от Каролины я знал, что теперь он почти не покидает усадьбу, и что-то в его облике молодого сквайра — пальто, твидовое кепи и кожаная сумка, переброшенная через грудь, — внушало тревогу: поднятый воротник, походка да и вся фигура, нахохлившаяся не только из-за зябкого ноябрьского ветерка. Когда я опустил стекло и через дорогу его окликнул,

Родерик вздрогнул; могу поклясться, на лице его промелькнул испуг затравленного человека.

Он медленно подошел к моей машине, и я спросил, что привело его в поселок. Оказалось, он приезжал повидаться с Морисом Баббом, крупным застройщиком. Совет графства недавно выкупил последний свободный клочок семейных угодий Айресов и намеревался возвести там жилой массив, а Бабб выступал подрядчиком. Надо было утрясти последние детали.

— Заставил явиться в его контору, как лавочника, — горько вздохнул Родерик. — Попробовал бы он так с отцом! Знает, что мне некуда деться.

Еще больше помрачнев, он запахнул отвороты пальто. Утешить его было нечем. Сказать по правде, новость о застройке меня порадовала, поскольку округа сильно нуждалась в жилье. Вспомнив о его ноге, я спросил:

— Неужто пришли пешком?

— Нет-нет, я на машине — Барретт спроворил немного бензина. — Родерик кивнул на потрепанный черно-кремовый «роллс-ройс» — отличительное авто Айресов, припаркованное чуть дальше. — Я боялся, она скапустится еще по дороге сюда. Это стало бы последней каплей. Но ничего, сдюжила.

Сейчас Родерик напоминал себя прежнего.

— Будем надеяться, она и домой вас доставит, — улыбнулся я. — Вы не торопитесь? Зайдемте ко мне, обогреетесь.

— Спасибо, нет, — тотчас ответил он.

— Что так?

Родерик отвел взгляд:

— Не хочу отрывать вас от дел.

— Пустяки! До вечернего приема еще почти час, об эту пору я всегда бью баклуши. Мы давно не виделись, идемте!

Ему явно не хотелось идти, однако я упорно, но мягко наседал, и в конце концов он согласился зайти «лишь на пять минут». Поставив машину, я встретил его у дверей своего дома. Верхние комнаты были нетоплены, и я провел гостя в смотровую, поставив для него стул возле древней чугунной печки, в которой еще теплились угольки. Я занялся растопкой, а Родерик, сняв кепи и сумку, расхаживал по комнате. На полке он увидел старинные инструменты и склянки, оставшиеся от доктора Гилла. Казалось, настроение его немного улучшилось.

— Вот та самая банка, что стала кошмаром моего детства, — усмехнулся он. — Может, никаких пиявок в ней не было?

— Скорее всего, были, — ответил я. — Пиявок, лакрицу и рыбий жир доктор Гилл считал панацеей. Снимайте пальто, я сейчас.

Из кабинета я принес бутылку и стаканы.

— Только не подумайте, что я взял моду пить средь бела дня, — сказал я. — Но вам явно надо взбодриться, а это всего лишь старый темный херес. Я держу его для женщин, узнавших о своей беременности: одни хотят отметить событие, других требуется вывести из шока.

Родерик улыбнулся, но почти сразу опять попасмурнел.

— Бабб меня уже угостил. Его-то из шока выводить незачем, уж поверьте! Сказал, надо сбрызнуть сделку, а то удачи не будет. Я чуть было не ответил, что ее и так нет, раз я продал землю. Вы не поверите, но деньги, что мы получили, уже почти все разошлись.

Однако он взял стакан и чокнулся со мной. Странно, рука его тряслась. Сделав быстрый глоток, Родерик принялся гонять херес в стакане, пытаясь скрыть дрожь. Я предложил ему сесть и отметил, как напряженно и неуверенно он опустился на стул. Он держался так, словно в нем перекатывались какие-то гирьки, в любую секунду грозившие нарушить его равновесие.

— Вид у вас измочаленный, Род, — мягко сказал я.

Забинтованной рукой он отер губы. Повязка уже запачкалась, на ладони сбившись в гармошку.

— Замотался со сделкой, — ответил Родерик.

— Не принимайте это близко к сердцу. В Англии найдется сотня землевладельцев, которые попали точно в такое же положение и делают то же самое, что и вы.

— Скорее уж, тысяча, — вяло возразил он. — Кого ни встречу из однокашников или однополчан, у всех та же история. Одни уже все прожили, другие вынуждены наниматься на работу. Родители совершенно издергались… Нынче открываю газету: епископ разглагольствует о «бесчестии немца». Почему никто не напишет о «позоре англичанина»? Обычного трудяги-британца, имущество и доходы которого еще с военной поры тают словно дым. В то время как хапуги вроде Бабба процветают, а никому не известные выскочки без роду-племени вроде сволочного Бейкер-Хайда…

Не закончив фразу, Родерик глотком допил херес и судорожно завертел в руках пустой стакан. Взгляд его стал невидящим, а у меня вновь

возникло тревожное впечатление, что в нем неприкаянно мечутся гирьки, заставляя терять равновесие.

Упоминание Бейкер-Хайда меня обеспокоило. Может, именно это его изводит? — подумал я. Похоже, богатенький герой-фронтовик, женатый на красавице, стал для него неким фетишем.

— Послушайте, Род, так нельзя, — подался я к нему. — Плюньте вы на этого Бейкер-Хайда и всякое такое. Думайте о том, что у вас есть, а не о том, чего нет. Поверьте, вам можно позавидовать.

Он как-то странно взглянул на меня:

— Позавидовать?

— Да. Взять хотя бы ваш дом. Я знаю, он отнимает много сил, но если беспрестанно об этом плакаться, жизнь вашей матери и сестры легче не станет, ей-богу! Не понимаю, что с вами творится последнее время. Если вы задумали…

— О господи! — вспылил Родерик. — Если вам так нравится этот проклятый дом, попробуйте сами с ним управиться! А я на вас полюбуюсь! Вы ни черта не знаете! Если я хоть на секунду перестану… — Он сглотнул, на его худом горле судорожно дернулся кадык.

— Что перестанете?

— Стеречь. Защищаться. А вам известно, что

в любую секунду вся эта хреновина может обрушиться, погребя под собой нас всех? Вы же ничего не понимаете! Никто! Вот что меня убивает!

Ухватившись за спинку стула, он приподнялся, но затем, словно передумав, тяжело плюхнулся обратно. Теперь его уже колотило — не знаю, от злости или волнения. Я отвернулся, чтобы дать ему время прийти в себя, и занялся плохо разгоравшейся печкой. Возясь с вьюшкой, я слышал, как ерзает на стуле Родерик. Потом он чертыхнулся, а ерзанье его стало уже просто неестественным. Я оглянулся: весь в испарине, побледневший, Родерик дрожал как в лихорадке.

Мелькнула мысль, что я был прав насчет эпилепсии — у него начался припадок.

Но Родерик закрыл рукой лицо и выкрикнул:

— Не смотрите на меня!

— Что?

— Не смотрите на меня! Отойдите!

Тут я понял: это не эпилепсия, а приступ жуткой паники, и мое соглядатайство ее лишь усугубляет. Я отошел к окну, занавешенному пыльным тюлем. Даже сейчас помню его горьковатый запах, от которого свербило в носу.

— Род… — позвал я.

— Не оборачивайтесь!

— Я не смотрю на вас. Гляжу на улицу. — За спиной я слышал частое, перемежающееся всхлипами дыхание и старался говорить как можно спокойнее. — Вижу свою машину. Н-да, ей срочно требуется мойка… А вон ваша… видок еще хуже… Вот миссис Уокер с сынишкой… Ага, Энид, служанка Десмондов… кажется, не в духе — шляпка-то набекрень… Вон мистер Крауч на крыльце вытряхивает скатерть… Теперь можно обернуться?

— Нет! Стойте там! Еще говорите!

— Хорошо, говорю… Забавно, как трудно говорить, когда тебя просят не останавливаться… Я-то больше привык слушать… Вы когда-нибудь задумывались над тем, как много приходится выслушивать человеку моей профессии? Порой мне кажется, что семейный врач сродни священнику. Люди доверяют нам свои тайны, потому что знают — мы не осудим. Нам привычно видеть подноготную человека… Кое-кому из врачей это не по нраву. Я знавал таких, кто, насмотревшись на людские немочи, стал презирать человечество. Многие врачи спиваются, вы даже не представляете, как их много. Но другие терпят. Мы понимаем, какое это наказание — жить. Просто жить, не говоря уже о том, что еще надо

воевать, управлять имением и фермой… Знаете, большинству удается как-то вырулить…

Я медленно обернулся. Родерик дико на меня взглянул, но промолчал. Весь как натянутая струна, он дышал носом, крепко сжав губы. В лице его не было ни кровинки. Даже следы ожогов побелели. Единственным цветным пятном был желтовато-зеленый фингал на скуле. Щеки его повлажнели от испарины или слез. Однако он уже миновал пик приступа и понемногу успокаивался. Я подал ему сигарету, которую он благодарно принял, но держал обеими руками, прикуривая от моей зажигалки.

После того как он сделал затяжку и прерывисто выдохнул дым, я тихо спросил:

— Что происходит, Род?

— Ничего. — Понурившись, он отер лицо. — Теперь все в порядке.

— В порядке? Да вы посмотрите на себя!

— Просто тяжело… за ним следить. Оно хочет меня сломать, вот и все. Я не поддамся. Оно это знает и жмет сильнее.

Он еще задыхался, но говорил размеренно, и это сочетание муки и рассудочности пугало. Я сел на свой стул и вновь тихо спросил:

— Что происходит? Я же вижу, что-то не так. Не

хотите сказать?

Родерик исподлобья взглянул на меня.

— Хочу, — жалобно проговорил он. — Но для вас будет лучше, если я не скажу.

— Почему?

— Можете… подцепить заразу.

— Заразу? Не забывайте, я каждый день имею дело с инфекцией.

— Не с такой.

— Да? Что же это?

Он опустил глаза:

— Это… мерзость.

Весь его вид выражал отвращение, но именно слова «зараза» и «мерзость» натолкнули на мысль, в чем, собственно, дело. Я был поражен, но вместе с тем от столь земной проблемы почувствовал громадное облегчение и едва не улыбнулся:

— Так в этом все дело? Господи, что ж вы раньше-то не обратились?

Родерик недоуменно посмотрел на меня, и тогда я выразился яснее, после чего он зашелся лающим смехом:

— Боже мой, если б все было так просто! — Он снова отер лицо. — Что касается моих симптомов… — Смех его угас. — Если рассказать, вы не

поверите.

— Все же попробуйте, — настаивал я.

— Говорю же, я бы хотел!

— Хорошо. Когда впервые появились эти симптомы?

— Когда? А как вы думаете? В тот вечер несчастного приема.

Так я и думал.

— Миссис Айрес сказала, у вас разболелась голова. С этого все началось?

— Ерунда, на головную боль я сослался, чтобы скрыть то, настоящее.

Я видел, что он борется с собой.

— Говорите, Род.

Он ухватился за нижнюю губу и прикусил пальцы.

— Если это выйдет наружу…

Я его не понял.

— Даю слово, никто ничего не узнает.

— Не вздумайте кому-то сказать! — встревожился Родерик. — Ни матери, ни сестре!

— Конечно, если вы не хотите.

— Помните, вы сказали, что вы сродни священнику? Исповедник должен хранить тайну. Обещайте!

— Обещаю, Род.

— Слово?

— Разумеется.

Отвернувшись, он подергал себя за губу и надолго замолчал; я уж подумал, что наш контакт потерян. Но потом он коротко затянулся сигаретой и передал мне пустой стакан:

— Ладно. Бог свидетель, я уже не могу держать это в себе. Только еще налейте, трезвому мне это не осилить.

Руки его все еще дрожали, сам бы он с бутылкой не управился; я плеснул в стакан добрую порцию, которую он залпом осушил, но попросил налить еще. Затем, медленно и запинаясь, он поведал о том, что произошло с ним в тот злосчастный вечер.

Я знал, что с самого начала он сомневался в целесообразности этого приема. Даже фамилия новых соседей ему не нравилась, и он не хотел разыгрывать из себя «хозяина дома», впервые за три года облачившись в дурацкий смокинг. Однако ради сестры и матери Родерик с этим смирился. В тот вечер его действительно задержала поломка на ферме: как уже давно предсказывал Макинс, насос был готов взорваться. Родерик понимал, что гости решат, будто он «просто отлынивает», но не мог оставить работников

без помощи. Благодаря армейским навыкам он разбирался в технике; вдвоем с сыном Макинса они подлатали и вновь запустили насос, провозившись почти до девяти часов. Когда через парк Родерик поспешал к черному ходу, Бейкер-Хайды и мистер Морли уже стояли на парадном крыльце. На ферме Родерик весь перемазался, но принимать ванну было уже некогда, и он решил, что сполоснется над своим умывальником. Звонком он вызвал Бетти, чтобы та принесла горячей воды, но служанка была занята с гостями в зале. Родерик подождал, еще раз позвонил, а затем сам отправился в кухню греть воду.

Вот тогда-то и произошла первая странность. Разложенный на кровати вечерний наряд ждал хозяина. Как многие отставники, Родерик был аккуратист и приготовил его еще с утра, лично пройдясь по нему щеткой. Торопливо умывшись, он натянул брюки и рубашку и хотел пристегнуть воротничок, но его не оказалось. Родерик посмотрел под смокингом, потом заглянул под кровать, затем облазал все возможные и невозможные уголки, но чертова деталь исчезла. Ситуация усугублялась тем, что это был последний из нештопаных и неперелицованных воротничков под смокинг, а потому Родерик не мог просто

подойти к шкафу и взять другой.

— Немыслимая дурь, верно? — уныло вздохнул он. — Даже тогда я понимал весь идиотизм своего положения. Конечно, мне не хотелось идти на этот треклятый прием, но вот извольте: я, так сказать, хозяин вечера, владелец Хандредс-Холла, заставляю всех ждать, потому что как последний дурак мечусь по комнате в поисках своего единственного приличного воротничка!

Тут появилась Бетти, посланная миссис Айрес. Родерик поделился с ней своим горем и спросил, не брала ли она воротничок, но служанка ответила, что видела его лишь утром, когда принесла выстиранное белье. Родерик взмолился о помощи, и Бетти еще раз осмотрела все уже проверенные им закутки, но ничего не нашла. Вся эта кутерьма довела его до того, что он, «кажется, довольно резко» приказал ей вернуться в зал. Родерик прекратил поиски и подошел к шкафу, надеясь как-нибудь соорудить стоячий воротничок из обычного. Знай он, что Бейкер-Хайды явились в повседневной одежде, он бы так не переживал. Но сейчас перед его взором маячило расстроенное лицо матери, увидевшей, что сын вышел к гостям «как неряха школяр».

Вот тут произошла еще бóльшая странность.

Копаясь в шкафном ящике, Родерик услышал всплеск, отчетливо прозвучавший в пустой комнате. Что-то плюхнулось в раковину умывальника. Родерик обернулся и не поверил своим глазам: в мыльной воде плавал пропавший воротничок.

Машинально Родерик кинулся к раковине и выудил чертову штуковину, пытаясь сообразить, как она там оказалась. Он точно помнил, что на умывальнике воротничка не было. И упасть ему было неоткуда — на стене рядом с раковиной не имелось никаких бра или крючков, даже если предположить, что кто-то станет вешать на них жестко накрахмаленный белый воротничок. Над умывальником тоже ничего не было, кроме «какого-то пятнышка» на решетчатом потолке.

На этом этапе Родерик слегка обалдел, но еще не испугался. С воротничка капала мыльная вода, однако он решил, что лучше мокрый воротничок, чем никакого вообще, и, кое-как подсушив, пристегнул его к сорочке, а затем перед зеркалом туалетного столика завязал бабочку. Теперь осталось лишь вставить запонки, смазать бриллиантином и расчесать волосы, и он будет готов. Родерик открыл шкатулку слоновой кости, в которой держал запонки, и увидел, что она пуста.

Это было настолько нелепо и так обескураживало, что он даже рассмеялся. Нынче он запонок не видел, но утром случайно задел шкатулку и отчетливо услышал, как они в ней загремели. Больше шкатулку он не трогал. Немыслимо, чтобы Бетти или миссис Бэйзли их куда-то переложили; мать или сестра их взять тоже не могли. Зачем? Тряхнув головой, Родерик оглядел комнату и обратился к «барабашке», «домовому» или кому-то другому, кто с ним играл: «Не хочешь, чтобы я шел на вечер? Знаешь, я сам не хочу, но, к сожалению, надо. Так что, пожалуйста, отдай мои сраные запонки!»

Он поставил шкатулку на ее обычное место возле гребня и щеток, а через секунду в зеркале туалетного столика увидел, как за его спиной мелькнуло что-то маленькое и темное — будто паучок свалился с потолка. Тотчас в фарфоровой раковине что-то звякнуло, и этот звук, в тишине показавшийся громоподобным, напугал его «чуть не до смерти». Осознавая полную нереальность ситуации, Родерик медленно подошел к умывальнику. На дне раковины лежали его запонки. Облицовка умывальника блестела капельками брызг, мутная вода еще слегка волновалась. Родерик посмотрел вверх: потолок был чист,

лишь ранее замеченное «пятно» еще больше потемнело.

Вот тут он понял: в комнате творится что-то неладное. Глаза и уши его не обманывали: он видел мелькнувшие запонки, слышал всплеск и звяканье. Но откуда же они упали? Родерик подтащил к умывальнику кресло и, осторожно на него взгромоздившись, осмотрел потолок. Кроме странного темного пятна, там ничего не было. Запонки словно материализовались из воздуха. Родерик грузно слез с кресла (заныла увечная нога) и вновь уставился в раковину. Вода, подернутая белесой пленкой, уже успокоилась; теперь надо было засучить рукав и выловить запонки, но он не мог на это решиться. И не знал, что делать вообще. От мысли о ярко освещенном зале, в котором со стаканами в руках ждали мать и сестра, Десмонды, Росситеры, Бейкер-Хайды, а кроме них еще я и Бетти, его прошиб пот. Он посмотрел на себя в круглое зеркало умывальника и увидел на лбу крупные бисерины, выползавшие из пор, «точно черви».

И вот тогда произошло нечто совершенно невообразимое. Родерик смотрел на свое взмокшее лицо и вдруг заметил, что зеркало будто вздрогнуло. Я помнил это старинное зеркало на

шарнирах: стекло с фаской крепилось в круглую медную раму, покоившуюся на фарфоровой подставке. Штуковина массивная — такая не свалится от толчка или сотрясения половиц. В мертвой тишине комнаты Род замер, а зеркало опять вздрогнуло, потом качнулось, а затем *по умывальнику стало к нему придвигаться*. Казалось, зеркало идет, вернее, оно будто бы только что обнаружило в себе способность ходить. Зеркало ковыляло дерганой спотыкающейся походкой, жутко скрежеща неглазурованным низом подставки по мраморному умывальнику.

— Ничего гаже я не видел. — Голос Рода дрогнул; он отер испарину, опять выступившую на лбу и верхней губе. — Самая мерзость была в том, что это происходило с таким обычным предметом. Если б вдруг в комнате объявилась какая-нибудь *тварь*… не знаю, мертвец там или призрак… она бы не так меня потрясла. Но *это*… было омерзительно… *неправильно*… Оно заставляло думать, что всякая заурядная вещь в любую секунду может выкинуть нечто подобное и сокрушить тебя. Одно это было скверно. Но то, что случилось потом…

Дальше было хуже. Охваченный тошнотворным ужасом от *неправильности* происходящего,

Род не спускал глаз с ковылявшего к нему зеркала. Казалось, оно ожило не само по себе, но подчиняется приказу какой-то неведомой слепой и безрассудной силы. Мелькнула мысль: если рукой загородить ему дорогу, оно упрямо через нее перелезет. Естественно, Род не стал совать руку, но даже попятился. Зеркало уже добралось к краю раковины, и он зачарованно ждал, что сейчас оно грохнется на пол. Их разделяло около ярда. Зеркало сделало шажок, потом другой, и его основание выступило над краем мраморного умывальника. Нащупывая опору, стекло потеряло равновесие и качнулось вперед. Род инстинктивно выкинул руку, чтобы удержать его от падения, но в то же мгновенье зеркало будто «собралось для прыжка» и кинулось на него. Он сумел увернуться, однако получил обжигающий удар в ухо. Послышался звон разбитого стекла и фарфора. Осколки безобидно рассыпались по ковру, словно результат чьей-то неловкости.

Именно в эту секунду вновь пришла Бетти. Она постучалась, в ответ Род что-то просипел. Смущенная странным голосом, служанка робко вошла в комнату и наткнулась на оцепеневшего хозяина, который уставился на осколки. Естественно, Бетти кинулась наводить порядок, но

увидела лицо Рода. Потом он не мог вспомнить, что тогда говорил, но, видимо, нес какую-то дичь, потому что Бетти опрометью выскочила из комнаты и понеслась в зал — тогда-то я и заметил, что она взволнованно шепчет на ухо миссис Айрес. Та немедленно отправилась к Родерику и сразу поняла, что дело неладно. Весь мокрый от пота, он дрожал, словно в лихорадке. Полагаю, вид его ничем не отличался от того, в каком он пребывал, рассказывая мне свою историю. Вначале Род едва не поддался детскому порыву ухватиться за мамину руку, но потом все же сообразил, что никоим образом нельзя втягивать мать в это безумие. Если прыгнувшее зеркало ожило не само по себе, но подчиняясь какой-то невероятной, целеустремленной и злобной силе, вовсе незачем подставлять под ее удар родного человека. Он путано объяснил, что перетрудился на ферме и теперь голова его просто раскалывается. Встревоженная явным нездоровьем сына, миссис Айрес хотела послать за мной, но Родерик не позволил, ибо им владело одно желание: как можно скорее выпроводить ее из комнаты. Десять минут, что они провели вместе, были самыми страшными в его жизни, сказал Род. Наверное, он выглядел сумасшедшим: пытался скрыть правду, но боялся

остаться один и заново пережить весь этот ужас. Он едва не разрыдался, но лишь тревога и отчаяние на лице матери дали ему силы удержаться от слез. Когда миссис Айрес и Бетти ушли, он сел на кровать, привалившись спиной к стене и обхватив руками колени. Увечная нога пульсировала болью, но это было к лучшему — боль помогала оставаться начеку. Ведь теперь надо *следить*. Следить за каждой вещью, закутком и тенью, неустанно обшаривая взглядом комнату. Он знал, что злобная сила, напавшая на него, еще здесь, она затаилась и выжидает.

— Это было самое страшное. Я понимал: вне всякой логики она беспричинно меня ненавидит. Она желала мне зла и была врагом, но не таким, какого видишь сквозь прицел, когда противник выравнивает машину, чтобы тебя сбить. В бою все сравнительно честно, логично и справедливо. Здесь же — только злоба и нечестность. Нельзя схватить пистолет, нож или кочергу, потому что они могут ожить в руке! Казалось, даже одеяло способно сорваться с кровати и задушить!

Минуло полчаса жуткого напряжения, «показавшихся вечностью», и Родерик изнемог. Он так заорал, что испугался собственного голоса: «Уйди! Ради бога, оставь меня!» Видимо, крик его

разрушил чары. Тотчас в комнате что-то изменилось, Родерик огляделся и понял: зловредная тварь сгинула.

— Не знаю, как я это почувствовал. Просто был уверен, что все предметы обычно безжизненны.

Напрочь обессилевший, он выпил «целый стакан» бренди и калачиком свернулся под одеялом. Как всегда, в его удаленной комнате было тихо. Взволнованные голоса и беготню, возникшие в доме, он либо не слышал, либо не придал им значения, потому что слишком устал. Он забылся тревожным сном, но через пару часов пришла Каролина, которая хотела его проведать и рассказать о несчастье с Джиллиан. Родерик ужаснулся: собака укусила девочку именно в тот миг, когда он велел злой твари убраться из его комнаты.

— Вы понимаете? — На его изрубцованном лице горели воспаленные глаза. — Во всем виноват я! Из трусости я выгнал зло, и оно нагадило другому человеку. Бедный ребенок! Если б я знал, я бы вытерпел что угодно, ей-богу… — Он отер рот и постарался говорить спокойнее: — Уверяю вас, теперь я всегда начеку. Готов к его приходу. Стерегу. Днем еще ничего, днем оно не появляется. Любит напасть исподтишка. Точно хитрый, злобный ребенок. Ставит мне ловушки. Открыло

дверь, чтобы я расквасил физиономию. Прячет мои бумаги и подсовывает всякое под ноги, чтобы я споткнулся и свернул себе шею! Ничего. Пусть делает что хочет. Пока оно в моей комнате, я могу его удержать. Сейчас это самое главное, понимаете? Не подпустить заразу к сестре и матери.

6

В моей практике много раз так случалось, что, осматривая пациента или изучая результаты анализов, я приходил к неотвратимому выводу: случай безнадежный. Хорошо помню молодую, недавно забеременевшую женщину, которая пришла ко мне по поводу легкой простуды; я прослушал ее и уловил слабые симптомы губительного туберкулеза. Или вот: у красивого одаренного юноши «что-то побаливало»; это «что-то» оказалось мышечной атрофией, которая через пять лет свела его в могилу. Наряду с растяжениями и сыпями семейный врач имеет дело с опухолями, метастазами и глаукомой, но с ними я так и не свыкся, всякий раз меня охватывает тягостное чувство бессилия и отчаяния.

Подобное отчаяние закралось в мою душу, пока я слушал невероятную историю Родерика. Не помню, сколько длился его рассказ; ежась от жутких деталей, он путано и сбивчиво говорил, я молча слушал. Когда он смолк, я оглядел свою тихую комнату: весь безопасный, привычный и ясный мир — печка, конторка, инструменты, склянки с

выцветшими ярлыками, надписанными старым Гиллом: «Наст. сциллы», «Йод. калия», — казался немного странным и каким-то скособоченным.

Род меня разглядывал. Он отер лицо и, скомкав платок, проговорил:

— Вы хотели знать. Я предупреждал, это мерзко.

— Очень хорошо, что рассказали, — откашлявшись, сказал я.

— Правда?

— Конечно. Жаль, вы не сделали этого раньше. Сердце кровью обливается оттого, что все это вы держали в себе.

— Пришлось. Ради семьи.

— Я понимаю.

— Вы не осуждаете меня из-за девочки? Богом клянусь, если б я знал…

— Нет-нет, никто вас в этом не винит… Если позволите, я бы хотел вас осмотреть.

— Что? Зачем?

— Ведь вы устали, не правда ли?

— Устал? Господи, я с ног валюсь! Ночью глаз не смыкаю — боюсь, что тогда оно вернется.

Я потянулся к саквояжу, и Родерик словно по команде стащил с себя свитер и рубашку. Зябко потирая плечи рукой в замаранной повязке, он

встал на каминный коврик; в майке и брюках он выглядел тощим ранимым парнишкой. Я его прослушал, измерил давление. Честно говоря, я лишь тянул время, потому что уже сделал вывод, к какому пришел бы всякий на моем месте. Рассказ его потряс меня до глубины души, и я хотел обдумать свои дальнейшие действия.

Краткий осмотр не выявил ничего, кроме недоедания и переутомления, что встречались у половины моих пациентов. Все еще раздумывая, я медленно убрал стетоскоп и тонометр в саквояж. Родерик застегивал рубашку.

— Ну что? — спросил он.

— Сами же сказали, вы изможденны. Переутомление может очень странно аукнуться.

— То есть? — нахмурился Род.

— Знаете, я крайне встревожен тем, что вы рассказали, а потому не стану притворяться и мямлить. Думаю, у вас психическое расстройство.

Раздраженно вздохнув, он отвернулся.

— Послушайте меня, Род. То, что вы пережили, не что иное, как нервный срыв. Это вполне обычный результат перенапряжения, в котором вы существуете с тех пор, как вернулись с фронта. Этот стресс в сочетании с военным шоком…

— Военный шок? — презрительно фыркнул Родерик.

— Да, отсроченный шок, весьма частое явление.

— Я знаю то, что знаю, — покачав головой, твердо сказал он. — А знаю я то, что видел.

— Вы знаете то, что вам *привиделось*. От усталости и перенапряжения.

— Да нет же! Как вы не понимаете! Господи, зря я рассказал. Вы же сами просили! Я не хотел, но вы меня заставили. А теперь делаете из меня какого-то психа!

— Вам нужно хорошенько выспаться.

— Говорю же, тогда оно вернется!

— Нет, Род. Поверьте, оно вернется, если вы не будете спать, потому что это галлюцинация…

— Ах так! Значит, галлюцинация?

— …Она подпитывается вашей усталостью. Я бы советовал вам на время уехать. Прямо сейчас устроить себе небольшой отпуск.

Он натягивал свитер, из горловины выглянуло его изумленное лицо.

— Уехать? Вы меня не слушали, что ли? Если я уеду, бог знает что может случиться… — Род торопливо пригладил волосы и взял пальто. — Я и так уж задержался. — Он глянул на часы. — А

все вы! Мне пора домой.

— Ну хоть возьмите люминал.

— Дурь? Считаете, поможет?

Я направился к шкафчику с лекарствами.

— Нет! Не надо! — выкрикнул Род. — В госпитале меня этим под завязку накачали. Больше не хочу. Не надо мне ваших таблеток, я их выброшу.

— Вдруг передумаете?

— Нет!

Я оставил таблетки на месте.

— Пожалуйста, выслушайте меня, Род. Если уж мне не удается уговорить вас уехать… Мой бирмингемский знакомый, очень хороший врач, держит клинику, которая специализируется на случаях, подобных вашему. Позвольте, я его приглашу побеседовать с вами? Он вас только выслушает. Больше ничего не надо, просто расскажите ему все, как рассказали мне.

Лицо Родерика отвердело.

— Мозгоправа сватаете? Психиатра, психолога или как там он у вас называется? Дело-то совсем не во мне. В доме. Неужели не понимаете? Тут нужен не врач, а скорее… — он подыскивал слово, — священник или кто-нибудь в этом роде. Если бы вы пережили то, что пережил я…

— Ну так давайте я поеду с вами! — воскликнул я. — Я побуду в вашей комнате и увижу, если оно появится!

Родерик задумался. Мне стало еще тревожнее от того, как он всерьез прикидывал возможность такого варианта. Наконец он покачал головой и холодно сказал:

— Нет, слишком рискованно. Не хочу его искушать. Ему это не понравится. — Он надел кепи. — Мне пора. Я жалею, что поделился с вами. Надо было предвидеть, что вы не поймете.

— Род, я не могу отпустить вас в таком состоянии. — Я искренне за него боялся. — Вспомните, что сейчас было. А если опять накатит эта ужасная паника?

— Не накатит. Просто вы застали меня врасплох. Не стоило к вам заходить. Я нужен дома.

— Ну хоть матери все расскажите. Или позвольте мне с ней поговорить.

— Нет! — вскинулся Родерик. Он уже шагнул к двери, но остановился и ожег меня взглядом, в котором полыхнула неподдельная злость. — Незачем ей об этом знать. Сестре тоже. Не смейте ничего говорить. Вы обещали. Вы дали слово, и я вам поверил. Вашему дружку-лекарю тоже ничего не говорите. По-вашему, я ополоумел? Ладно,

пусть так, если вам от этого легче. Вы боитесь взглянуть правде в глаза, но хоть соблюдайте приличия и не мешайте мне сходить с ума.

Он говорил твердо, спокойно и как-то нелепо рассудительно. Родерик перекинул сумку через плечо и запахнул пальто; лишь бледность и чуть воспаленные глаза напоминали о его странном помрачении, а так он опять выглядел обыкновенным молодым сквайром. Я понял, что не смогу его удержать. За дверью уже гомонили первые пациенты моего вечернего приема, и я вывел его черным ходом. На душе было скверно и муторно; сквозь пыльную тюлевую штору я смотрел, как он обогнул угол дома и торопливо захромал к своей машине.

Что я мог поделать? Было ясно, чудовищно ясно, что в последнее время Род пребывает во власти сильнейших галлюцинаций. Впрочем, чему удивляться, если вспомнить, сколько всяких забот на него свалилось? Видимо, напряжение и страхи достигли той степени, когда ему стало казаться, что против него восстали, как он выразился, «заурядные вещи». Пожалуй, ничего странного в том, что впервые галлюцинация посетила его именно в тот вечер, когда ему предстояло хозяйничать на приеме в честь успешного соседа. Примечатель-

но, думал я, что пиком кошмара стало *зеркало*, которое, прежде чем «пойти», отразило изуродованное лицо, а затем разлетелось в осколки. Все это было печально, но вполне объяснялось стрессом и нервным напряжением. Больше меня тревожило другое: Род безоговорочно уверовал в свою галлюцинацию, и она породила в нем якобы логичный страх, что мать и сестра «заразятся», если не стеречь чертовщину, обитающую в его комнате.

Вновь и вновь я возвращался к его состоянию. Даже на приеме больных я думал о Роде, с ужасом и отчаянием вспоминая его жуткую историю. Пожалуй, в моей практике еще не было случая, когда я пребывал в такой растерянности. Конечно, знакомство с Айресами мешало мне принять верное решение. Наверное, стоило передать этот случай другому врачу. Но можно ли считать это «случаем»? Род не обращался ко мне за медицинской помощью. Он даже подчеркнул, что вовсе не желал мне поверяться. Тут и речи не было об оплате врачебных услуг. Я не считал, что он представляет опасность для себя или окружающих. Вероятнее всего, помрачение будет медленно набирать силу и в конце концов сожрет его, — иными словами, он доведет себя до

полного психического распада.

Я стоял перед дилеммой: известить миссис Айрес и Каролину или нет? Я дал слово молчать и в шутку сравнил себя со священником, но всякий лекарь серьезно относится к врачебной тайне. Весь вечер я мучился, принимая то одно, то другое решение… Часов в десять я пошел к Грэмам, чтобы обсудить это дело. Последнее время я редко к ним заглядывал, и мой визит Дэвида удивил. Анна была наверху — хлопотала с прихворнувшим ребенком; мы с Дэвидом сели в гостиной, и я поведал всю историю.

Грэма она тоже обескуражила.

— Как же оно так вышло? Были хоть какие-то признаки?

— Я видел, что с ним не все ладно, но такого не предполагал.

— Что собираешься делать?

— Вот это я и пытаюсь решить. Даже точного диагноза нет.

Дэвид задумался:

— Эпилепсию допускаешь?

— Первое, о чем я подумал. Если так, кое-что прояснилось бы: аура вызывает слуховые и зрительные галлюцинации, затем припадок и потерю сил. Вроде бы все складывается, но, по-

моему, дело не только в этом.

— Как насчет микседемы?

— Думал и об этом. Но ведь ее не проглядишь. Никаких симптомов.

— Может, что-то препятствует мозговому кровообращению? Скажем, опухоль.

— Не дай бог! Хотя это возможно. Но опять же никаких признаков… Все-таки я склоняюсь к тому, что это чисто нервное…

— Тоже радости мало.

— Да, конечно. Его мать и сестра ничего не знают. Как думаешь, стоит им сказать? Вот что меня мучает.

Дэвид надул щеки.

— Ты лучше их знаешь, — покачал он головой. — Конечно, Родерик тебе спасибо не скажет. С другой стороны, этим можно спровоцировать кризис.

— Или окончательно потерять контакт.

— Да, опасность есть. Пожалуй, лучше выждать денек-другой.

— А тем временем ситуация в доме приблизится к хаосу, — мрачно сказал я.

— Ну, это уж не твоя забота, — невозмутимо ответил Дэвид.

Он и прежде об Айресах говорил бесстрастно,

но сейчас это меня слегка задело. Прикончив выпивку, я поблагодарил его за беседу и побрел домой; я выговорился, и мне стало чуть легче, но я так и не знал, что делать дальше. Я вошел в темную смотровую, где возле печки стояли два стула, и будто услышал запинающийся, полный отчаяния голос Родерика; давешняя история вновь обрушилась на меня всей своей тяжестью, и я понял, что просто обязан хотя бы намекнуть его близким, в каком состоянии он находится, и сделать это как можно скорее.

На другой день в полном унынии я отправился в Хандредс-Холл. Выходило, что моя задача состоит в том, чтобы предостеречь Айресов либо от их имени исполнить нечто малоприятное. При свете дня решимости моей поубавилось. Я опять вспомнил о данном слове и вел машину, если можно так выразиться, в корчах нежелания, очень надеясь, что в парке или доме не встречу самого Рода. С последнего визита прошло совсем немного времени, меня не ждали; миссис Айрес с Каролиной, которых я нашел в малой гостиной, от моего внезапного появления явно опешили.

— Вы не даете нам расслабиться, доктор! — Рукой без колец миссис Айрес закрыла лицо. — Я бы приоделась, если б знала, что вы заглянете. Что

мы предложим доктору к чаю, Каролина? Вроде бы у нас есть хлеб и маргарин. Вызови-ка Бетти.

Конечно, следовало их предуведомить о своем визите, но я боялся насторожить Родерика; кроме того, я уже привык запросто бывать в этом доме и не сообразил, что мой приход может быть некстати. Миссис Айрес держалась учтиво, но в голосе ее слышалось легкое недовольство; я еще не видел ее такой расстроенной. Казалось, я застал ее не только без макияжа и колец, но и без обаяния. Однако причина ее дурного расположения вскоре выяснилась: чтобы сесть на диван, мне пришлось отодвинуть в сторону какие-то покоробившиеся картонки. Оказалось, это футляры семейных фотоальбомов, которые Каролина раскопала в шкафу утренней гостиной; однако почти все фотографии погибли, разъеденные сыростью и плесенью.

— Это трагедия! — Миссис Айрес показала осыпающуюся страницу. — Здесь фотографии восьмидесятилетней давности, не только семейства полковника, но и моего, Синглтонов и Бруксов. Ведь я давно просила Каролину и Родерика найти эти фотографии и убедиться, что они целы. Я понятия не имела, что они в утренней гостиной, думала, они где-нибудь в мансарде.

Я взглянул на Каролину: позвонив Бетти, она вернулась в кресло и отстраненно перелистывала страницы книги.

— Боюсь, в мансарде они бы тоже не уцелели, — не поднимая глаз, спокойно сказала она. — В последнее время я туда поднималась лишь затем, чтобы посмотреть, откуда течет. Там стоят корзины с нашими детскими книжками, которые совершенно сгнили.

— Надо было сказать мне, Каролина.

— Наверняка я сказала, мама.

— Я знаю, у тебя и Родерика полно забот, но все это ужасно огорчительно. Вот взгляните, доктор. — Миссис Айрес протянула мне старинную «фотографическую карточку», на которой блеклое изображение едва проглядывало сквозь ржавые пятна. — Это отец полковника в молодости. По-моему, Родерик очень на него похож.

— Да, — рассеянно ответил я, выжидая случая, чтобы начать разговор. — Кстати, где он?

— Наверное, у себя. — Миссис Айрес перебирала фотографии. — Эта пропала… и эта… Вот эту я помню… Какой ужас, совершенно испорчена! Моя семья перед самой войной. Здесь все мои братья… можно разглядеть: Чарли, Лайонел, Мортимер, Фрэнк и сестра Сисси… Год назад я

вышла замуж и приехала с малышкой… Мы не знали, что уже никогда вместе не соберемся… Через полгода началась война, и два брата почти сразу погибли…

Сейчас в ее голосе слышалось неподдельное горе; Каролина подняла голову, мы переглянулись. Вошла Бетти, и ее отправили за чаем, которого я не хотел и на который не было времени, а миссис Айрес в печальной задумчивости перебирала мутные снимки. Я подумал о том, что ей пришлось пережить за последнее время, а теперь еще ее ждала моя ужасная новость. Без колец ее суетливые руки выглядели голыми и мосластыми. Я вдруг понял, что не смогу взвалить на нее еще одно бремя. Потом я вспомнил наш недельной давности разговор с Каролиной и решил, что будет лучше сначала поговорить только с ней. Какое-то время я безуспешно пытался вновь поймать ее взгляд, а потом встал якобы для того, чтобы помочь Бетти разнести чай. Чуть удивленно Каролина приняла от меня чашку, и я шепнул:

— Можем поговорить наедине?

Она слегка отпрянула, испугавшись то ли моих слов, то ли дыхания, коснувшегося ее щеки. Каролина посмотрела мне в глаза, перевела взгляд

на мать и кивнула. Я вернулся на диван; минут десять мы пили чай с тонкими ломтиками засохшего кекса.

Потом Каролина встрепенулась, будто что-то вспомнив:

— Давно хотела тебе сказать, мама, — я собрала кое-какие старые книги, чтобы отдать в Красный Крест. Может, вы отвезете их в Лидкот, доктор? Рода просить не хочу. Ничего, что я обременяю вас просьбой? Книги в библиотеке, уже упакованы.

Она говорила без тени смущения и даже не покраснела, а вот мое сердце колотилось. Миссис Айрес пробурчала, что вытерпит пару минут одиночества, и вновь занялась покоробившимися альбомами.

— Это недолго, — буднично сказала Каролина, глазами подав знак — мол, идем.

Коридором мы бесшумно прошли к библиотеке, где она открыла единственный податливый ставень. В комнату пролился тусклый свет, и стеллажи в саванах окружили нас, точно восставшие мертвецы. Я прошел к пятачку света, Каролина встала рядом.

— Что-то случилось? — серьезно спросила она. — С Родом?

— Да.

Вкратце я поведал то, что накануне услышал от ее брата. На лице ее рос испуг, но вместе с тем казалось, будто слова мои что-то прояснили и дали ей ключ к прежде неразрешимой мрачной головоломке. Она перебила меня лишь раз, когда я заговорил о пятне на потолке.

— Отметины! — Каролина схватила меня за руку. — Мы же их видели! Я знала, что в них какая-то странность! Вы думаете… это невозможно?..

Я удивился ее готовности поверить Родерику.

— Они могли взяться откуда угодно, — сказал я. — Может быть, Род сам их намалевал, подкрепляя свою галлюцинацию. Или наоборот — их появление в нем что-то сдвинуло.

— Да, конечно. — Она убрала руку. — Вы уверены, что все обстоит именно так? Значит, припадки, о которых вы говорили, тут ни при чем?

Я покачал головой:

— Уж лучше бы имело место физическое недомогание, его проще вылечить. Боюсь, в нашем случае речь идет о психическом расстройстве.

Мои слова ее ошеломили.

— Бедный, бедный Род! — после секундного замешательства охнула Каролина. — Какой ужас! Что же нам делать? Маме скажете?

— Я хотел, потому и приехал к вам. Но увидел

ее с этими фотографиями…

— Дело не только в них. Мама изменилась. Иногда она как будто прежняя, но бывает рассеянной и слезливой, беспрестанно вспоминает прошлое. Порой у них с Родом случаются стычки из-за фермы. Долги-то наверняка выросли. Любую критику он воспринимает как личную обиду и замыкается. Теперь ясно почему… Это ужасно! Он всерьез говорил о том кошмаре? Может, вы не так его поняли?

— Если бы! К сожалению, ошибки нет. Раз он не хочет моей помощи, остается надеяться, что его рассудок как-нибудь сам справится с помрачением. Теперь, когда Бейкер-Хайды покинули графство и вся кутерьма наконец-то улеглась, это вполне вероятно. Правда, сложности с фермой… Разумеется, я ничего не могу сделать, пока он так зациклен на том, что должен оберегать вас и мать.

— Может, мне с ним поговорить?..

— Попробуйте, хотя лучше вам не слышать того, что слышал я. Наверное, самое лучшее — просто не спускать с него глаз, нам обоим, и молиться, чтобы ему не стало хуже.

— А если станет?

— Я знаю, что сделал бы, случись это в другом

доме, в обычной семье: позвал Дэвида Грэма, и мы бы силком отправили его в психиатрическую лечебницу.

Каролина зажала рот:

— Но ведь до этого не дойдет, правда?

— Я все думаю о его увечьях. Сдается мне, он себя наказывает. Род явно винит себя в том, что происходит с домом, и, наверное, в гибели своего штурмана. Вероятно, он бессознательно желает себе зла. И в то же время взывает о помощи. Возможно, он верит в меня как врача и причиняет себе вред, надеясь на мое радикальное вмешательство…

Стоя в пятачке тусклого света из приотворенного ставня, мы говорили сдавленным шепотом, и тут за моей спиной что-то тихо щелкнуло. Казалось, звук исходит из густой тени. Я смолк. Мы испуганно обернулись к двери. Щелчок повторился, дверная ручка медленно повернулась. Полумрак и наше взвинченное состояние весьма способствовали тому, чтобы это показалось зловещим. Беззвучно ахнув, Каролина прижалась ко мне. Дверь медленно распахнулась, в проеме возник силуэт Родерика; в первую секунду мы облегченно вздохнули, но, разглядев выражение его лица, отпрянули друг от друга.

Полагаю, вид у нас был виноватый, что вполне соответствовало внутреннему ощущению.

— Я слышал, как вы подъехали, доктор, и ничуть не удивлен, — холодно сказал Родерик, а затем обратился к сестре: — Чего он тебе наговорил? Мол, я ненормальный, псих, или что? Наверное, и матери то же самое наболтал.

Я опередил Каролину с ответом:

— Вашей матери я пока ничего не сказал.

— Как вы любезны! — Он смотрел на сестру. — Знаешь, он дал слово, что никому не скажет. Теперь ясно, чего стоит докторское слово. По крайней мере, слово такого врача.

— Родди, мы за тебя тревожимся, — сказала Каролина, игнорируя его язвительность. — Ты сам знаешь, что ты не в себе. Пожалуйста, войди, не надо, чтобы мама или Бетти нас слышали.

Помешкав, Родерик вошел в комнату и привалился спиной к двери.

— Значит, ты тоже думаешь, что я свихнулся. — Голос его был бесцветен.

— Я думаю, тебе нужен отдых… перерыв, чтобы на время уехать.

— Уехать? И ты туда же! Почему все хотят меня сбагрить?

— Мы лишь хотим тебе помочь. Наверное, ты

болен, надо лечиться. У тебя вправду были… видения?

— Ну совсем как в госпитале! — Он раздраженно потупился. — Если вы собираетесь беспрестанно приглядывать за мной, хлопотать и нянькаться…

— Скажи, Род! Ты вправду веришь, что в доме… есть нечто, желающее тебе навредить?

Родерик помолчал и, взглянув на сестру, тихо спросил:

— А как ты думаешь?

К моему удивлению, Каролина отвела взгляд.

— Я… не знаю. Но я боюсь за тебя.

— Боишься? Так вам и надо бояться. Но не за меня. И не меня, если это вас тревожит. Как вы не понимаете? Только благодаря мне дом еще не развалился на куски.

— Я знаю, вы так считаете, Род, — сказал я. — Но если разрешите вам помочь…

— Значит, вот как вы понимаете помощь? Прямиком рванули к сестре, хотя сами *обещали*…

— Да, так я понимаю помощь. Я бессчетно прокручивал в голове нашу встречу и пришел к выводу, что вы не в состоянии сами себе помочь.

— Неужели не понимаете? Как можно не понимать после того, что я вчера рассказал? Я не *о*

себе думаю! Господи! Я слова доброго не слышал за свои труды ради семьи… и даже сейчас, когда гроблю себя… Может, плюнуть на все, хоть раз закрыть глаза, отвернуться… Вот тогда увидите, что выйдет!

Род сложил руки на груди и сгорбился, надувшись, точно школьник, который пытается оспорить плохой табель. Жуткая суть нашего разговора, мгновенье назад еще столь ощутимая, стала ускользать. Заметив огонек сомнения, мелькнувший в глазах Каролины, я шагнул к Родерику:

— Поймите, мы очень обеспокоены. Так не может продолжаться.

— Я не хочу об этом говорить, — твердо сказал он. — Это бессмысленно.

— Вы больны, Род. Нужно точно диагностировать болезнь, и тогда мы ее вылечим.

— Все мое нездоровье лишь от вас и вашей слежки! Если б вы оставили в покое меня и нашу семью… Но вы двое сговорились против меня. Вся эта болтовня насчет моей ноги и услуги больнице…

— Как тебе не стыдно! — воскликнула Каролина. — Доктор Фарадей оказал нам любезность!

— И сейчас оказывает?

— Род, прошу тебя.

— Кажется, я уже сказал: не хочу об этом говорить.

Родерик вышел из библиотеки. Он так хлопнул тяжелой старинной дверью, что из трещины в потолке заструилась пыль, а два чехла соскользнули с полок и заплесневелой грудой улеглись на полу.

Беспомощно переглянувшись, мы с Каролиной стали водружать на место упавшие полотнища.

— Что же нам делать? — спросила она, закрепив чехол. — Если он и впрямь так болен, но не хочет нашей помощи…

— Не знаю, — ответил я. — Ей-богу, не знаю. Остается лишь наблюдать за ним и пытаться вновь завоевать его доверие. Боюсь, это выпадет на вашу долю.

Каролина кивнула и, чуть помявшись, спросила:

— Может, вы все-таки ошиблись? Он выглядит… вполне разумным.

— Согласен. Но видели бы вы его вчера… Хотя и тогда он говорил связно. Поверьте, мне еще не приходилось видеть такого странного сочетания здравомыслия и бреда.

— А вы не думаете, что в его словах… есть доля

правды?

Я вновь удивился, что она допускает такую возможность.

— Мне очень жаль, Каролина. Невероятно тяжело, когда подобное случается с тем, кого любишь.

— Да, наверное, — промямлила она, сплетая пальцы.

Я заметил, что она дрожит.

— Вам холодно?

— Нет, — покачала она головой. — Страшно.

Я неуверенно взял ее руки, благодарно шевельнувшиеся в моих ладонях.

— Я не хотел вас пугать. Сожалею, что взвалил на вас это бремя. — Я огляделся. — В пасмурные дни дом чрезвычайно мрачен. Возможно, отчасти в этом причина нездоровья Рода. Если б он так себя не запустил! А теперь… Ох ты! Мне пора. — Расстроенный, я совсем забыл о времени. — Держитесь, ладно? И сразу дайте знать, если что-то изменится.

Она кивнула.

— Вы умница. — Я стиснул ее пальцы.

Еще на секунду задержавшись, ее руки выскользнули из моих ладоней. Мы вернулись в гостиную.

— Как вы долго! — сказала миссис Айрес. — Что

так грохнуло? Мы с Бетти подумали, крыша обвалилась.

Видимо, она задержала служанку, когда та пришла за подносом, или нарочно ее вызвала. Теперь они вместе разглядывали испорченные фотографии; миссис Айрес суетливо убрала со столика полудюжину снимков, представлявших Каролину и Родерика в младенчестве.

— Прости, мама, это я хлопнула дверью, — сказала Каролина. — Кажется, там насыпалась пыль. Бетти, надо подмести.

Служанка потупилась и сделала книксен:

— Слушаюсь, мисс.

Время поджимало, и я учтиво, но поспешно распрощался, стараясь взглядом выразить Каролине сочувствие и обещание поддержки. Минуя открытую дверь библиотеки, я увидел худенькую спину Бетти: присев на корточки, она вяло возила веником по протертому ковру, заметая пыль в совок. Вдруг вспомнилась ее странная вспышка в то утро, когда я усыпил Плута. Однако удивительно: заявление Бетти, что в доме водится «плохое», откликнулось галлюцинацией Родерика… Может, именно она заронила в него мысль о всякой чертовщине?.. Я тихо спросил, не говорила ли Бетти с хозяином. Нет, побожилась она.

— Вы ж сами не велели! Так я никому ни словечка.

— Даже в шутку?

— Никак!

Она говорила вполне искренно, однако в голосе ее слышалось легкое злорадство. Я вдруг вспомнил, что девчонка — недюжинная актриса, но так и не смог определить, что таится в ее непроницаемо-серых глазах: простодушие или хитрость?

— Точно ли? — переспросил я. — Ничего не говорила и не делала? Может, ради озорства что-нибудь переложила или спрятала?

— Ничегошеньки! Больно надо! В своем подземелье я и так трясусь как заячий хвост. Это не *мое* плохое, говорит миссис Бэйзли. Мол, ежели его не трогать, и оно меня не тронет.

Ничего другого я не добился. Бетти вновь принялась мести ковер. Потоптавшись возле нее, я покинул дом.

В последующую пару недель я неоднократно связывался с Каролиной. Ничего особенного не происходит, сообщала она: Род, как всегда, замкнут, но вполне адекватен. В очередной раз наведавшись в дом, я к нему постучался, однако он заявил, что со мной разговаривать не о чем и он просит оставить его в покое, после чего захлоп-

нул дверь перед моим носом. Иными словами, мое вмешательство возымело именно тот эффект, которого я больше всего боялся. Теперь уже не могло быть и речи о продолжении наших сеансов. Я сдал законченную статью и, не имея повода к визитам, стал бывать в Хандредс-Холле гораздо реже. Как ни странно, я сильно скучал по семейству и самому дому. Часто приходили мысли о бедной, обремененной воспоминаниями миссис Айрес и Каролине, которой надо справляться с очень непростой ситуацией. Я вспоминал наш разговор в библиотеке, когда она устало и неохотно убрала руку из моих ладоней.

Подошел декабрь, наступила зима. В округе началась сезонная вспышка гриппа. Два моих пожилых пациента умерли, у других возникли серьезные осложнения. Грэм тоже свалился; часть его больных принял наш заместитель Уайз, остальные перешли мне, работы было невпроворот. В первых числах месяца я оказался на ферме Хандредс-Холла, где грипп уложил жену и дочь Макинса, что, естественно, сказалось на надоях. Сам Макинс угрюмо бурчал, что бросит все, к чертовой матери. Дескать, мистер Айрес на ферму носа не кажет, последний раз появился недели четыре назад, чтобы собрать арендную плату.

— Вот он вам фермер-аристократ, — горько вздыхал Макинс. — В вёдро ему все хорошо, все прекрасно. А чуть ненастье, так он валяется, задравши ноги.

Он ворчал и ворчал, но у меня не было времени его слушать. Я даже не успевал заглянуть в особняк, как бывало прежде. Однако его слова меня встревожили, и вечером я позвонил в Хандредс-Холл. Голос миссис Айрес показался грустным.

— О, доктор Фарадей! Как приятно вас слышать, — сказала она. — К нам уже давно никто не заходил. С этой погодой никакого сладу. В доме так неуютно.

— Как поживаете? — спросил я. — Что Каролина, Род?

— Спасибо… хорошо.

— Я разговаривал с Макинсом…

На линии трещало.

— Вы непременно должны нас повидать! — перекрикивала помехи миссис Айрес. — Хорошо? Приглашаю вас на обед! Настоящий старомодный обед! Придете?

Весьма охотно, крикнул я в ответ. Разговаривать было невозможно. Между треками мы условились о встрече через два-три дня.

За это время погода лишь ухудшилась. Вет-

реным промозглым вечером, безлунным и беззвездным, я вновь подъехал к Хандредс-Холлу. Не знаю, тьма и сырость тому виной или я успел позабыть, насколько обветшал дом, но уже в вестибюле он поразил своей угрюмостью. Лампочки настенных светильников кое-где перегорели, и лестница будто уходила во тьму, совсем как в вечер приема, но теперь это почему-то угнетало, — казалось, сквозь щели в кирпичных стенах в дом пробралось ненастье, все окутав затхлой дымкой. Вдобавок было нестерпимо холодно. Древние радиаторы урчали и постукивали, но их тепло мгновенно растворялось в воздухе. По мраморным плитам коридора я прошел к малой гостиной, где в креслах у камина сидело все семейство. Наряд его был весьма эксцентричен: плечи Каролины украшала короткая облезлая накидка из котика, миссис Айрес, в платье плотного шелка и черной мантилье, куталась в две разномастные цветастые шали, не сочетавшиеся с изумрудным ожерельем и кольцами; из-под смокинга Родерика выглядывала нездорового цвета вязаная жилетка, а руки его прятались в перчатках с обрезанными пальцами.

— Вы уж простите нас, доктор, — встретила меня миссис Айрес. — Мне стыдно за наш кош-

марный вид.

Но сказано это было беспечно, из чего я заключил, что никто из них не понимает, как нелепо они выглядят. Видимо, их чудной наряд, как и ветхость дома, мог отметить лишь сторонний взгляд.

Особенно внимательно я пригляделся к Роду, чей вид весьма обескураживал. Его мать и сестра поднялись мне навстречу, он же подчеркнуто откинулся в кресле. Руку он все-таки подал, но вяло, ничего не сказал и не взглянул на меня, давая понять, что лишь ради матери уступает правилам хорошего тона. К этому я был готов. Меня встревожило другое. В корне изменилось его поведение. Если раньше он держался собранно и напряженно, как человек, готовый противостоять несчастью, то теперь он *размяк*, словно ему было наплевать, произойдет оно или нет. Пока мы трое обсуждали местные новости и сплетни, пытаясь поддержать светский разговор, он молчал и только исподлобья за нами наблюдал. Встал он лишь затем, чтобы наполнить свой стакан джином и вермутом. Судя по тому, как он привычно управлялся с бутылками, смешивая крепкий коктейль, пил он постоянно.

Смотреть на него было тяжело. Вскоре Бетти из-

вестила, что «кушать подано», все зашевелились, и я успел шепнуть Каролине:

— Все в порядке?

Глянув на мать и брата, она помотала головой. В коридоре Каролина подтянула воротник накидки, зябко ежась от холода, исходившего от мраморного пола.

Накрыто было в столовой, где во исполнение обещанного миссис Айрес «настоящего старомодного обеда» Бетти старательно сервировала стол китайским фарфором, под стать восточным обоям, и старинным серебром. Из окон тянуло сквозняком, от которого тревожно металось пламя свечей в золоченых канделябрах. Мы с Каролиной сели напротив друг друга, миссис Айрес в торце стола. Родерик занял хозяйское место — вероятно, на этом старинном стуле некогда сидел его отец — и тотчас налил себе вина; когда Бетти, переставив бутылку на другой край стола, подошла к нему с супницей, он закрыл рукой тарелку и дурашливо произнес:

— «Не желаю есть бульон! Уберите! К черту!

Вон!»[12] Бетти, ты знаешь, что произошло с этим капризулей из стишка?

— Нет, сэр, — растерялась служанка.

— «Нет, зэр», — передразнил ее Родерик. — Он сгорел в пожаре.

— Вовсе нет! — Каролина пыталась улыбнуться. — Упрямец истаял. Что грозит и тебе, если не побережешься. Впрочем, нам-то что за дело?.. Поешь суп.

— Я же сказал, «не желаю есть бульон!» — тем же дурашливым голосом ответил Родерик. — А вот бутылку верни, Бетти. Спасибо.

Дрожащей рукой он вновь налил себе доверху. Горлышко бутылки звякало о край старинного бокала, который вместе с фарфором и серебром достали из запасников. Улыбка Каролины угасла; она смотрела на брата с нескрываемым раздражением, и меня слегка испугала искра отвращения, мелькнувшая в ее глазах. Всю трапезу Каролина оставалась мрачной, что было досадно, поскольку

---

[12] Примечания: 12

Строчка из шуточного стихотворения-страшилки «История про Августа, который не хотел есть суп» Генриха Гофмана (1809–1894). Крепыш Август отказался от супа; на другой день он сильно побледнел, но снова отказался. На третий день он захворал, но суп не ел. На четвертый лень он исхудал как нитка и весил не больше кусочка сахара, но продолжал упрямиться. На пятый день Август умер. Серия стихов-страшилок детского врача Генриха Гофмана объединена в сборник «Штрувельпетер» (Лохматый Петер — немецкий аналог русского Степки-растрепки).

при свечах она выглядела недурно: ее грубоватое лицо казалось мягче, пелерина скрыла острые ключицы и плечи.

В неярком освещении похорошела и миссис Айрес, которая поддерживала наш незатейливый разговор, начатый в гостиной. Родерику она ничего не сказала, и поначалу я отнес это на счет ее хороших манер, — мол, она сконфужена поведением сына и пытается его завуалировать. Но потом, различив в ее голосе легкую злинку, я вспомнил слова Каролины о том, что между матерью и сыном «случаются стычки». Впервые за все время я пожалел о своем визите и с нетерпением ждал окончания обеда. Мы с домом ничем не заслужили такого отношения, думал я.

Разговор свернул на моего гриппозного пациента — давнего арендатора Айресов, жившего в четверти мили от западных ворот Хандредс-Холла. Как удобно, что к нему можно проехать через парк, сказал я, для меня это большое облегчение.

Миссис Айрес согласилась, но загадочно добавила:

— Надеюсь, так оно будет и впредь.

— А что может помешать? — удивился я.

Миссис Айрес выразительно посмотрела на сына, призывая его к разговору, но тот молча

пялился в бокал, и она, промокнув губы льняной салфеткой, ответила:

— К сожалению, сегодня Родерик сообщил неприятную новость. Похоже, вскоре нам придется продать еще часть земли.

— Вот как? — Я взглянул на Рода. — Я думал, все уже продано. Кто нынешний покупатель?

— Опять совет графства, — сказала миссис Айрес, поскольку Родерик молчал. — Застройщик Морис Бабб, как и прежде. Они хотят построить еще двадцать четыре дома. Представляете? Я думала, это запрещено правилами, которые запрещают все на свете. Но выходит, правительство только радо выдать разрешение тем, кто намерен уродовать имения и парки, чтобы на три акра впихнуть двадцать четыре семьи. Значит, разломают ограду, чтобы проложить трубы, и все такое…

— Почему разломают? — не понял я.

— Род предложил пахотную землю, но совет ее не захотел, — негромко сказала Каролина. — Они согласны лишь на Ужовый луг, что в западной части имения. Наконец-то они определились насчет электричества и водопровода: специально для Хандредс-Холла проводить не будут, а вот для новостройки — пожалуйста. Возможно, мы

наберем денег, чтобы сделать отводы к ферме.

На мгновенье я онемел. Ужовый луг, прозванный так маленькими Каролиной и Родериком, лежал в трех четвертях мили от дома, он был частью парка. Летом его скрывала листва, но сейчас сквозь оголившиеся деревья он просматривался из всех юго-западных окон, мерцая зеленовато-серебряным отблеском, точно взъерошенный бархат. Меня очень встревожило, что Родерик всерьез намерен с ним расстаться.

— Это невозможно, — сказал я. — Нельзя разрушать парк. Наверняка есть другой вариант.

Вновь ответила миссис Айрес:

— Разве что продать дом и парк целиком, но даже Родерик считает это немыслимым, и так уже много отдано, чтобы здесь удержаться. Мы поставим условием огородить стройку, — по крайней мере, она не будет мозолить глаза.

Наконец заговорил Родерик:

— Да, ограда нужна, чтобы всякая шваль не лезла. — Язык его заплетался. — Хотя вряд ли ее это сдержит. Ночами чернь будет карабкаться по стенам дома, зажав в зубах сабли. Каролина, держи пистолет под подушкой!

— Это же не пираты, олух, — пробурчала Каролина, не отрывая глаз от тарелки.

— Не знаю, не знаю. Может, они только и мечтают о том, чтобы вздернуть нас на рее, и ждут лишь отмашки Эттли[13]. Полагаю, он даст сигнал. Неужели не понимаешь, что простолюдины ненавидят таких, как мы?

— Перестань, Родерик, — встревожилась миссис Айрес. — Никто не питает к нам дурных чувств. Тем более в Уорикшире.

— Именно что в Уорикшире! Вот в Глостершире в душе все феодалы и вассалы. А здешний народец всегда был смекалист. Вспомни Гражданскую войну: тут стояли за Кромвеля. И сейчас держат нос по ветру. Я бы их понял, если б они надумали отсечь нам головы! Ведь для собственного спасения мы палец о палец не ударили. Взгляни на Каролину и меня: призовые телка и бычок. — Он неуклюже взмахнул рукой. — Но ни черта не делаем, чтобы умножить поголовье. Всякий решит, что мы изо всех сил стараемся себя извести.

— Род!

Я видел, как исказилось лицо Каролины.

— Что? — Он повернулся ко мне. — Вам-то надо радоваться. Вы же из пиратской кодлы. Иначе вас бы сюда не пригласили. В нашем нынешнем виде

---

[13] Примечания: 13

Клемент Ричард Эттли (1883–1967) — английский государственный деятель, в 1945–1951 гг. премьер-министр Великобритании.

матушка стесняется предстать перед подлинными друзьями. Дотумкали?

Я покраснел, но больше от злости; чтобы не доставлять ему радости, я не выказал уязвленности, но вперил в него взгляд, желая его «пересмотреть». Тактика сработала: Родерик моргнул, в лице его промелькнуло смущение и что-то похожее на отчаяние, как у мальчишки-хвастуна, который в глубине души обескуражен собственной бравадой.

Опустив голову, Каролина ковырялась в своей тарелке. Миссис Айрес помолчала, а затем, сложив нож и вилку, что-то спросила о моем пациенте, словно разговор наш не прерывался. Голос ее был ровен, она держалась спокойно и на сына не смотрела. Казалось, она отсекла его от нашего общества и погрузила во тьму, одну за другой задув стоявшие перед ним свечи.

Обед был окончательно испорчен. На десерт подали пирог из консервированной подкисшей ежевики и порошковые сливки. Промозглая зябкая комната, вой ветра в камине, скудное угощение, не сравнимое с довоенным, и наше скверное настроение не располагали к долгому застолью. Миссис Айрес велела подать кофе в малую гостиную, и мы, отложив салфетки, встали

из-за стола.

У дверей Родерик пробурчал:

— Уверен, вы не станете возражать, если я вас покину. Надо посмотреть одну бумагу.

— Полагаю, курительную? — Каролина вышла в коридор и открыла дверь гостиной, пропуская мать.

Родерик сморгнул, и мне вновь показалось, что он сам бы рад вырваться из силков дурного расположения духа. Он угрюмо захромал к своей комнате, а меня окатило волной сердитой жалости — казалось жестоким бросать его одного. Но я вошел в гостиную, где миссис Айрес и Каролина подкладывали дрова в камин.

— Я должна извиниться за своего сына, доктор. — Миссис Айрес села в кресло и приложила руку к виску, будто унимая боль. — Он вел себя возмутительно. Неужели он не понимает, как огорчает нас? Если вдобавок ко всему он начнет пить, я велю Бетти прятать вино. За столом его отец никогда не напивался… Надеюсь, вы знаете, что очень желанны в нашем доме. Пожалуйста, сядьте вот сюда, напротив меня.

Я присел. Бетти подала кофе, и мы еще поговорили о продаже земли. Я вновь предложил подумать о другом варианте, подчеркнув, что

стройка губительно скажется на жизни в Хандредс-Холле. Но все уже было оговорено, и мои собеседницы явно смирились с неизбежным. Даже Каролина была странно безучастна. Тогда я решил еще раз поговорить с Родериком. К тому же мне не давало покоя, что он, одинокий и несчастный, сидит в своей комнате. Допив кофе, я сказал, что загляну к нему — узнаю, не нужна ли какая помощь.

Как я и предполагал, никаких дел у него не было, он сидел в темноте, разбавленной огнем камина. Я не постучался, чтобы лишить его возможности спровадить меня.

— Я знал, что вы придете, — угрюмо сказал Родерик, обернувшись к двери.

— Не помешаю?

— Разве не видите, я чертовски занят… Нет, свет не зажигайте! Голова болит… — Он поставил стакан. — Лучше я подброшу дровишек. Жуткая холодрыга.

Достав из ящика пару поленьев, он неловко закинул их в камин; взметнулись искры, на пол просыпались угольки. Сырые дрова пригасили пламя, на пару минут в комнате стало еще темнее. Я ощупью пробрался к камину и сел в кресло. Огонь уже приплясывал на новых трескучих

поленьях, и теперь я хорошо видел Родерика, который развалился в кресле, вытянув ноги. Он по-прежнему был в смокинге, вязаной жилетке и обрезанных перчатках, но распустил галстук и отстегнул запонку воротничка, отчего тот скособочился, точно у пьяного в комической пьесе.

С тех пор как Родерик поведал свою фантастическую историю, я не бывал у него и теперь поймал себя на том, что беспокойно озираюсь. За границей огненного света комнату скрывала густая, почти непроглядная шевелящаяся тень, но все же я рассмотрел кровать со сбитым одеялом, туалетный столик и мраморный умывальник. Зеркала, подле которого прежде лежали бритва, мыло и помазок, не было.

Родерик завозился с бумагой и табаком, свертывая сигарету. Даже в неверном свете очага было видно, как побурело и опухло его испитое лицо. Я заговорил о продаже земли, искренне стараясь его переубедить, но он отвернулся и даже не слушал. В конце концов я оставил эту тему.

— Скверно выглядите, Род, — сказал я, откинувшись в кресле.

— Надеюсь, это не медицинское заключение, — усмехнулся он. — Нам его не осилить.

— Что вы с собой делаете! Посмотрите на себя.

Имение разваливается, а вы хлещете джин, вермут, вино и… — Я кивнул на стакан среди вороха бумаг. — Что там? Опять джин?

Родерик тихо выругался:

— Ну и что? Парню уж и кирнуть нельзя?

— Парню в вашем положении — нет.

— Каком положении? Хозяина поместья?

— Да, если вам угодно.

Родерик лизнул край свернутой сигареты.

— Вы совсем как моя мать, — скривился он.

— Она бы ужаснулась, увидев вас сейчас.

— Сделайте одолжение, старина, не говорите ей, ладно? — Родерик подпалил свернутую жгутом газету и от нее прикурил. — Впрочем, ей уже поздновато разыгрывать из себя заботливую мать семейства. Она припозднилась на двадцать четыре года, если быть точным. А в случае с Каролиной — на двадцать шесть.

— Не валяйте дурака, она вас очень любит.

— Ну уж кому знать, как не вам.

— Да, я знаю от нее.

— Конечно, вы с ней друзья не разлей вода. И что она вам наговорила? Как сильно я ее *огорчил*? Знаете, она так и не простила мне, что я позволил себя сбить да еще охромел. Жизнь сестры и моя для нее сплошное огорчение. Думаю, мы ее

расстроили одним фактом своего рождения.

Я не ответил, и он помолчал, глядя в огонь. Потом снова заговорил, уже легко и буднично:

— Вы знаете, что в детстве я сбегал из школы?

— Нет, — нехотя сказал я, слегка опешив от смены темы.

— Представьте себе. Историю замяли, но срывался я дважды. В первый раз далеко не ушел, мне было лет восемь-девять. Потом я был постарше, лет тринадцати. Просто вышел из школы, никто меня не остановил. Из гостиничного бара я позвонил Моррису, отцовскому шоферу. Мы с ним дружили. Он приехал, купил мне сэндвич и стакан лимонада. Мы сели за столик и поговорили… Я все продумал. Брат Морриса держал гараж, а у меня было пятьдесят фунтов; я хотел вступить в долю и стать механиком. Знаете, я вправду разбирался в моторах.

Родерик затянулся сигаретой.

— Моррис был очень чуток. Он сказал: «Что ж, мастер Родерик, — у него был чудовищный бирмингемский выговор, — наверное, из вас выйдет отличный механик, и брат мой почел бы за честь быть вашим пайщиком. Только, пожалуй, родители ваши шибко расстроятся, вы же наследник имения и все такое». Моррис хотел отвезти меня

в школу, но я заартачился. Тогда он отвез меня домой и сдал кухарке, а та втихаря отвела меня к матери. Они полагали, мать позаботится обо мне и замолвит словечко перед отцом, как поступают матери в кино и постановках. Но не тут-то было: мать лишь сказала, что я чрезвычайно ее *огорчил*, и отправила самостоятельно объясняться с отцом. Естественно, папаша взбеленился и на глазах у дворни меня выпорол. — Родерик усмехнулся. — А я сбежал из школы лишь потому, что один мальчишка меня сек! Хью Нэш, сволочной парень. Дразнился «бебешка Айрес». Но даже он сек меня, когда никто не видел…

Родерик смолк, забыв о тлевшей сигарете. Потом глухо проговорил:

— Нэш служил во флоте и был убит в Малайе. Знаете, я почувствовал облегчение, когда узнал о его смерти. Я уже летал, но ощущение было такое, словно кто-то из одноклассников сообщил, что родители перевели Нэша в другую школу… Наверное, бедняга Моррис тоже умер. Интересно, как там его брат. — Голос его огрубел. — Жалко, я не стал совладельцем гаража. Я был бы в сто раз счастливее, чем сейчас, когда все силы вбухиваю в это проклятое имение. За каким чертом я это делаю? *Ради семьи*, скажете вы с вашей удиви-

тельной прозорливостью. Вы вправду считаете, что такую семью стоит спасать? Посмотрите на мою сестру! Дом высосал из нее все соки, а теперь тянет их из меня. Вот что он творит. Он хочет нас всех угробить. Ладно, пока я сопротивляюсь, однако надолго ли меня хватит? А когда со мной будет покончено…

— Полно вам, Род, — сказал я, потому что голос его взвился, а сам он беспокойно заерзал.

Увидев, что сигарета погасла, Родерик прикурил от нового газетного жгута и швырнул его в огонь, но он, ударившись о решетку, упал на ковер. Я поднял горящую бумагу и кинул ее в камин. Потом, видя состояние своего собеседника, прикрыл очаг сетчатой шторкой, какая бывает в некоторых каминах, чтобы не обожглись дети.

Родерик откинулся в кресле, воинственно сложив руки на груди. Затем, пару раз пыхнув сигаретой, он стал оглядывать комнату; на исхудавшем бледном лице его темные глаза казались огромными. Я понял, что́ он выглядывает, и мне аж поплохело. До сих пор он вел себя дерзко и неприятно, но был вполне разумен и о галлюцинациях не поминал. Теперь же я видел, что ничего не изменилось. Рассудок его был помрачен. Наверное, выпивкой он придавал себе храбрости, а

вся его грубость была от отчаяния.

— Нынче будут фокусы, — проговорил он, оглядывая комнату. — Я это чувствую. У меня появился нюх. Теперь я точно флюгер, что подрагивает от перемены ветра.

В голосе его звучала скорбь, но я не смог определить, сколько в этом наигрыша, а сколько искренности. Удержаться было невозможно, и я проследил за его взглядом. Я вновь увидел умывальник, а потом тоже запрокинул голову и посмотрел на потолок. В темноте я разглядел то необычное пятно, а потом… Сердце мое ухнуло, когда в ярде от него я увидел другое пятно, точно такое же. Кажется, чуть дальше было еще одно. Я взглянул на стену, возле которой стояла кровать, и там увидел пятно. Или почудилось? Точно не скажу, может, играла тень. Взгляд мой заметался по комнате, но теперь казалось, что вся она испещрена загадочными пятнами. Вдруг возникла мысль, что оставлять здесь Рода не то что на ночь, но даже на час нельзя. Оторвав взгляд от тьмы, я подался вперед и настойчиво сказал:

— Род, прошу вас, поедемте со мной в Лидкот.

— Зачем?

— Полагаю, там вам безопасней.

— Я не могу уехать. Я же сказал, ветер меня-

ется…

— Хватит болтать!

Родерик моргнул, словно вдруг что-то понял, и почти смущенно сказал:

— Вы боитесь.

— Род, послушайте…

— Чувствуете, да? Вы почувствовали и испугались. А ведь не верили мне. Весь этот треп о «нервном срыве, военном шоке»… Теперь вы испуганы больше меня!

Я понял, что и впрямь боюсь, но не того, о чем он бормотал, а чего-то смутного и ужасного. Я попытался схватить его за руку:

— Ради бога! Вам грозит опасность!

Родерик отпрянул и вдруг — видимо, алкоголь дал о себе знать — впал в ярость.

— Подите к черту! — заорал он, оттолкнув меня. — Прочь руки! Не хер указывать, как мне себя вести! Только это и знаете! То цедите советы, а то хватаете меня своими вонючими лапами! А если не хватаете, то пялитесь, пялитесь на меня своими погаными зенками! Да кто вы, на хер, такой? Какого черта сюда приперлись? Надо ж так исхитриться влезть в семью! Вы не наш! Вы никто!

Он грохнул стаканом о стол, расплескав джин

на бумаги.

— Я зову Бетти, она вас проводит, — нелепо закончил Родерик.

Неловко потянувшись к стене, он принялся дергать ручку звонка, который откликнулся лихорадочным звяканьем, глухо донесшимся из подвального этажа. Заполошный звон напомнил о колоколе, каким поселковые бойцы противовоздушной обороны извещали о налете, и добавил уже вроде бы изжитой тревоги к сумбуру чувств, вызванных его словами.

Я открыл дверь как раз в ту секунду, когда к ней подбежала запыхавшаяся, испуганная Бетти.

— Все в порядке, — сказал я, загораживая вход в комнату. — Ошибочный вызов. Возвращайся к себе.

— Доктор Фарадей уходит! — крикнул Родерик. — Его ждут пациенты. Какая жалость! Проводи доктора в вестибюль и захвати его пальто и шляпу.

Мы с Бетти смотрели друг на друга, но что я мог поделать? Совсем недавно я сам напомнил Роду, что он «глава дома», взрослый человек, хозяин имения и прислуги.

— Хорошо, — выдавил я.

Пропуская меня, Бетти посторонилась и поспе-

шила за моими вещами.

Я так разволновался, что перед дверью гостиной минуту постоял, пытаясь прийти в себя. Мне так и не удалось до конца справиться с собой, и я боялся, что лицо выдаст мое состояние. Однако мой приход никого не впечатлил. Каролина сидела с книгой на коленях, миссис Айрес посапывала в кресле у камина. Я никогда не видел ее спящей и потому еще больше оторопел. Услышав мои шаги, она проснулась и вскинула на меня испуганный бессмысленный взгляд ошалелой со сна старухи. Шаль, которой она укрыла ноги, соскользнула на пол. Я ее поднял и подал хозяйке, уже успевшей вернуться в привычный облик.

— Как там Родерик? — спросила миссис Айрес.

— Если честно, не очень, — помешкав, ответил я. — Не знаю, что и сказать. Каролина, потом загляните к нему, ладно?

— Только если он не пьян. Надоело уже.

— Пьян? — В голосе миссис Айрес слышалось легкое презрение. — Слава богу, его бабушка до этого не дожила… Я имею в виду мать полковника. Она всегда говорила: нет хуже зрелища, чем нетрезвый мужчина. Пожалуй, я с ней соглашусь. Что касается предков с моей стороны… кажется, они вообще были трезвенники. Да, в этом я почти

уверена.

— Тем не менее перед сном проведайте его. — Я сверлил Каролину взглядом. — Просто убедитесь, что все в порядке.

Наконец она поняла мой намек и кивнула, устало прикрыв глаза. Я немного успокоился, но сидеть у камина и вести пустопорожние разговоры было выше моих сил. Поблагодарив за обед, я распрощался. В вестибюле меня ждала Бетти с моим пальто и шляпой. Увидев ее, я вспомнил слова Рода: «Да кто вы такой? Вы никто!»

Дрянная погода лишь усугубила мое скверное настроение. Во мне клокотали злость и обида, я рывками переключал скорость и гнал так, что на повороте едва не слетел в кювет. Чтобы успокоиться, я до глубокой ночи разбирал счета и бумаги, но и потом ворочался в постели, едва ли не мечтая о вызове к больному, который отвлек бы меня от мучительных мыслей.

Однако никто не пришел; я зажег свет и налил себе выпить. Взгляд мой упал на фотографию в красивой черепаховой рамке, которую вместе с памятной медалью я держал на прикроватном столике. Я взял ее и всмотрелся в мамино лицо. Потом перевел взгляд на дом и вновь подумал о его обитателях. Удалось ли им забыться сном в

своих темных зябких комнатах? Миссис Айрес подарила мне эту фотографию в июле, а сейчас начало декабря. Как же это вышло? За столь короткое время моя жизнь так переплелась с жизнью семейства, что я напрочь выбит из колеи…

Спиртное пригасило злость, и я наконец уснул. Спал я плохо. Но пока я сражался с мрачными кошмарами, в Хандредс-Холле произошло нечто ужасное.

7

Собранная из кусочков история выглядела так.

После моего ухода миссис Айрес и Каролина еще с час оставались в гостиной. Из-за моего намека Каролина чувствовала себя неуютно и в конце концов пошла проведать брата. Род был вдребезги пьян: раззявив рот, в обнимку с пустой бутылкой джина он развалился в кресле. Первым желанием раздосадованной Каролины было повернуться и уйти, оставив его «томиться в собственном соку», но в глазах Родерика промелькнуло нечто, напомнившее его прежнего. На секунду Каролину захлестнуло чувство полной безнадежности. Она опустилась на колени и прижала ко лбу его руку.

— Что с тобой, Родди? — тихо сказала Каролина. — Я тебя не узнаю. Мне тебя не хватает. Что произошло?

Он погладил ее по щеке, но ответить не смог или не захотел. Собравшись с силами, она решила уложить его в постель. Понимая, что ему надо сходить в туалет, Каролина вздернула его на ноги и довела до «мужского и-го-го». Когда брат,

которого мотало от стенки к стенке, вернулся, она сняла с него ботинки, воротничок и брюки. Каролина не смущалась, ибо привыкла его раздевать, когда ухаживала за ним после госпиталя. Едва коснувшись головой подушки, Родерик захрапел, источая жуткий перегар. Он лежал навзничь, и Каролина, вспомнив санитарную подготовку, попыталась перевернуть его на бок, чтобы, не дай бог, не захлебнулся рвотой. Однако пьяный братец упирался, и она, разозлившись, оставила его как есть.

Удостоверившись, что он хорошо укрыт, Каролина подошла к камину и, отведя сетчатую шторку, подбросила поленьев. Шторку вернула на место и проверила, что в пепельницах не осталось тлеющих сигарет, а все лампы и свечи погашены — в этом она абсолютно уверена. Затем около получаса они с матерью сидели в гостиной. По комнатам разошлись задолго до полуночи; в постели Каролина минут десять-пятнадцать читала, а затем почти сразу уснула.

Глубокой ночью — как потом выяснилось, около половины четвертого — ее разбудил тихий, но отчетливый звон разбившегося стекла; звук донесся снизу, то есть из комнаты Родерика. Встревоженная, она села в кровати. Брат коло-

бродит по дому, решила Каролина, сейчас, чего доброго, попрется наверх и обеспокоит мать. Распаляя себя, чтобы всыпать ему по первое число, Каролина нехотя накинула халат, но тут ей пришло в голову, что нашумел вовсе не брат, а злоумышленник, который пытается проникнуть в дом. Наверное, она вспомнила треп о пиратах с саблями в зубах. Каролина подкралась к окну и, оттянув штору, выглянула на улицу. Золотистое зарево, скачущее по саду, и запах дыма сообщили: дом горит.

Пожар — вечный кошмар большого дома. В Хандредс-Холле пару раз загоралась кухня, но с огнем довольно легко справлялись. В войну миссис Айрес жила в постоянном страхе перед налетами, а посему на каждом этаже были приготовлены ведра с песком и водой, шланги и ручные помпы, которые, к счастью, ни разу не понадобились. Нынче помпы убрали, огнетушителей так и не завели, и только на стене подвального коридора рядком висели выцветшие от старости, прохудившиеся кожаные ведра, которые представляли собой скорее украшение, нежели пожарный инвентарь. Поразительно, что Каролина все это знала, однако не запаниковала, увидев пляшущие языки оранжевого зарева. Потом она

говорила, что на мгновенье почувствовала нечто вроде *возбуждения*. Мелькнула мысль: если дом сгорит дотла, все проблемы будут решены. Огонь грозил отнять все, чему было отдано столько сил, — отдраенные полы и панели, бессчетно перемытые стаканы и тарелки, — однако угроза не вызвала негодования, но лишь желание все отдать в вакханальной капитуляции.

Потом Каролина вспомнила о брате. Схватив каминный коврик и одеяло, она бросилась к лестнице, истошными криками будя мать. В вестибюле дымом пахло сильнее, а в коридоре от загустевшего воздуха щипало глаза. Через раздевалку Каролина влетела в мужскую уборную, кинула коврик и одеяло в раковину с водой и принялась безостановочно дергать ручку звонка (я вспомнил, как в своей комнате это делал Родерик). Схватив мокрые покрывала, она выскочила в коридор, где столкнулась с перепуганной босой Бетти в ночной рубашке.

— Неси воду! — крикнула Каролина. — Горим! Чуешь? Тащи простыни, одеяла! Скорей!

С мокрым свертком в охапке она рванула к комнате Родерика. Еще за дверью Каролина стала кашлять и задыхаться, а в комнате, полной густого едкого дыма, ей вспомнилась газовая камера,

где во времена ее военной службы устраивали тренировки. Тогда их учили пользоваться респиратором, но сейчас она могла лишь зарыться лицом в мокрые тряпки. Жар был уже нестерпим. Казалось, огонь полыхает повсюду; мелькнула отчаянная мысль: поздно, надо уходить. Каролина обернулась и чуть не завизжала от страха — огонь подкрался вплотную. Лихорадочно молотя одеялом по огненным языкам, она металась от одного жаркого озерца к другому, а потом разглядела мать и Бетти, которые тоже лупцевали пламя. Чуть рассеявшийся дым подплыл к потолку, и на кровати она увидела заходившегося кашлем Родерика, который, похоже, только что очнулся. На окне полыхали две парчовые шторы, две другие уже догорали — с карниза сыпались черные лохмотья. Пробившись к окну, Каролина распахнула створки.

В этом месте ее рассказа я вздрогнул — резкий приток воздуха мог необратимо раздуть пожар. По счастью, ночь стояла сырая и безветренная, а огонь уже подрастерял свою мощь. Каролина помогла брату выбраться на крыльцо и вернулась в комнату, где дыма стало меньше, но все напоминало маленький ад: невообразимый жар, тысячи дьявольских огоньков, черные хлопья,

порхающие в воздухе, и злобные языки пламени, пытающиеся лизнуть руки и лицо.

Миссис Айрес, растрепанная, в грязной ночной сорочке, кашляла, хватая ртом воздух, Бетти таскала кастрюли с водой. Обгорелые остатки ковра, одеял и бумаги, перемешанные с золой, превратились в хлюпавшую под ногами черную слякоть.

Втроем они еще долго бродили по комнате, хотя в этом уже не было необходимости. Однако женщины помнили, как вроде бы потушенный очажок через пару минут вновь занимался, и теперь, перестраховываясь, что только можно заливали водой, а кочергой и каминными щипцами раскидывали тлевшие угольки, прихлопывая искры. Они одурели от дыма, глаза их слезились, промывая светлые дорожки на закопченных щеках, их била дрожь, ставшая откликом на пережитое, а также холод, с поразительной быстротой выстудивший жаркую комнату, едва залили последний огонек.

Вцепившись в раму, Родерик застыл у открытого окна, точно парализованный. Видимо, он был еще слишком пьян, а пламя и удушливый дым напомнили ему войну. Он переводил безумный взгляд с матери на сестру, гасивших искры, но не

двигался с места и лишь потом в кухне, где его, укутав одеялом, усадили за стол, начал постигать, как близко подошла к ним беда.

— Видишь, что произошло, Каро? — Родерик схватил сестрину руку. — Понимаешь, чего оно хотело? Господи, оно хитрее, чем я думал! Если б ты не проснулась… и не пришла…

— О чем это он? — опешила миссис Айрес, испуганная поведением сына. — Каролина, что он говорит?

— Так… ничего. — Каролина все прекрасно поняла, но хотела оградить мать от кошмара. — Он еще пьяный. Родди, перестань.

Но Родерик стал «как сумасшедший»: закрыл ладонями глаза, схватился за голову, а потом в ужасе смотрел на пальцы, измазанные бриллиантином, который от копоти и жара превратился в подобие смолы, и маниакально отирал их о выпачканный сажей пластрон рубашки, насквозь промокшей под дождем. Закашлявшись, он начал задыхаться и впал в панику.

— Прости! — хрипел он, протягивая к Каролине дрожащие руки. От него несло перегаром, глаза на закопченном лице налились кровью. Потом хватался за мать. — Мама, прости!

После испытания пожаром это было выше че-

ловеческих сил. Объятая ужасом, миссис Айрес крикнула:

— Замолчи! — Голос ее сорвался. — Ради бога, замолчи!

Сквозь слезы Родерик еще что-то бубнил, и Каролина отвесила ему крепкую пощечину. Ладонь ее ожгло болью, и лишь тогда она уразумела, что сделала; зажав рукой рот, Каролина испуганно вздрогнула, словно сама получила удар. Род резко смолк и закрыл руками лицо. Миссис Айрес всхлипывала.

— Наверное, мы все слегка обезумели… — выговорила Каролина. — Немного тронулись умом… Бетти, ты здесь?

Исполосованная сажей, точно тигренок, бледная служанка вышла вперед.

— С тобой все хорошо?

Бетти кивнула, не сводя с Каролины распахнутых глаз.

— Не обожглась, не поранилась?

— Нет, мисс.

Она ответила шепотом, но от ее голоса Каролина немного успокоилась.

— Умничка. Ты очень хорошая и смелая. Не обращай внимания на мистера Родерика. Он… не в себе. Мы все немного ошалели. Есть горячая

вода? Пожалуйста, согрей побольше — на чай и помыться. Прежде чем идти в ванную, самую грязь смоем тут. Мама, присядь.

Миссис Айрес выглядела пришибленно. Укутав мать одеялом, Каролина посадила ее на стул. Она и сама вдруг ощутила жуткую слабость, будто перед тем ворочала неподъемный груз; подтянув к себе соседний стул, Каролина тяжело плюхнулась рядом с матерью.

Некоторое время в кухне стояла тишина, нарушали которую лишь гул пламени в плите, вздохи закипавшей воды и звяканье посуды под руками Бетти. Потом служанка тихонько окликнула миссис Айрес и, подведя ее к раковине, вымыла ей руки, лицо и ступни. Затем она так же помогла Каролине и неуверенно взглянула на Рода. Тот уже несколько успокоился и, сообразив, чего от него хотят, сам подковылял к раковине. Двигался он как сомнамбула и тупо смотрел перед собой, пока Бетти отмывала его руки и лицо. Его затвердевшая шевелюра упорно сопротивлялась воде, и тогда служанка прошлась по ней гребнем, вычесав на подстеленную газету крошки спекшегося с копотью бриллиантина. Закончив процедуру, Бетти положила скомканную газету на подставку для посуды, а грязную воду слила в раковину.

Родерик взглядом отыскал сестру, и в глазах его Каролина прочла смесь невыносимого страха и смятения. Она отвернулась и подошла к матери.

Вот тогда-то и произошло нечто весьма странное. Краем глаза она уловила какое-то легкое движение — Родерик поднес руку к лицу, словно хотел откусить заусенец или почесать щеку, а Бетти шагнула к ведру, чтобы бросить в него мокрое полотенце. Вдруг служанка ахнула, и Каролина, оглянувшись, за плечом брата увидела огонь.

— Родди! — испуганно крикнула она.

Глянув назад, Родерик метнулся в сторону. На деревянной подставке горела газета, в которую Бетти вычесала спекшиеся в его волосах крошки. И вот теперь бумажный комок необъяснимо воспламенился.

Разумеется, костерок этот был сущий пустяк по сравнению с тем маленьким адом, который обуздали в комнате. Каролина мгновенно сбила его в раковину. Огонь взвился, но тотчас сник; черный комок, истончившийся, как паутина, еще секунду сохранял свою форму, а затем рассыпался в прах. Но с чего он вдруг загорелся? Миссис Айрес и Каролина беспомощно переглянулись.

— Ты что-нибудь видела? — спросили они Бетти.

— Нет, мисс! — испуганно вытаращилась служанка. — Ничегошеньки! За мистером Родериком вдруг как вспыхнет!

Казалось, она ошеломлена не меньше других. После обсуждения был сделан неуверенный вывод: какая-то золинка в волосах Родерика еще не вполне остыла, вот она-то и подожгла сухую газету. Естественно, все обеспокоились и стали нервно оглядываться — нет ли еще где подобного сюрприза. Больше всех перепугался Родерик. Когда миссис Айрес предложила еще раз переворошить золу в комнате, он закричал, чтобы его не оставляли одного. Ему страшно! Он «не смог это удержать»! Опасаясь нового приступа паники, женщины взяли его с собой. В комнате его усадили на уцелевший стул; подтянув ноги, Родерик зажал рукой рот и испуганно озирался, а миссис Айрес, Каролина и Бетти устало бродили по пожарищу. Все было холодно, мертво и грязно. Уже перед рассветом они разошлись по своим комнатам.

Пару часов спустя очнулся и я, истомленный кошмарами, но в благодатном неведении о ночной катастрофе, едва не поглотившей Хандредс-Холл. Лишь вечером я узнал о пожаре от своего пациента, которого, в свою очередь, изве-

стил лавочник, утром побывавший в особняке. Вначале я просто не поверил: казалось невероятным, что Айресы пережили такое несчастье и не послали мне весточку. Но потом другой человек упомянул происшествие как нечто уже всем известное. Все еще сомневаясь, я телефонировал миссис Айрес, и она, к моему изумлению, все подтвердила. Голос ее был измученный и хриплый, а я проклинал себя, что не позвонил раньше, когда еще мог к ним поехать, — с недавних пор раз в неделю по вечерам я дежурил в окружной больнице, и вот именно нынче было мое дежурство. Миссис Айрес заверила меня, что с ними все хорошо, но они очень устали. Пожар их «немного испугал» — так она выразилась, и, возможно, поэтому инцидент представлялся мне как относительно несущественный. Я очень хорошо помнил, в каком состоянии оставил Рода: он расплескивал джин, не заметил, что уронил на ковер горящую газету. Наверное, потом не загасил сигарету… Однако я знал, что даже от маленького пожара бывает много дыма, а последствия угара ярче всего проявляются на второй-третий день. Я переживал за семейство и оттого провел еще одну беспокойную ночь.

Назавтра, закончив утренний обход, я приехал

в Хандредс-Холл, и мои опасения подтвердились. В физическом плане меньше всего пострадали Бетти и Родерик. В разгар пожара девушка то и дело выбегала за водой, а распластавшийся на кровати Родерик дышал неглубоко, тогда как вся гуща дыма собралась под потолком. А вот миссис Айрес угара хлебнула изрядно — теперь она задыхалась и так ослабела, что почти не покидала своей комнаты. Каролина, у которой опухло горло, тоже выглядела скверно: опаленные волосы, лицо и руки в красных точках от искр. Она открыла мне парадную дверь, и я, опешив от ее вида, тотчас поставил саквояж на крыльцо и взял ее за плечи, чтобы хорошенько осмотреть ее лицо.

— Боже мой! — ахнул я.

Каролина смущенно мигнула и улыбнулась, но в глазах ее блеснули слезы.

— Я похожа на беднягу Гая Фокса[14], у которого в последнюю минуту все сорвалось…

Она закашлялась, и я поспешно сказал:

— Идемте в дом, не стойте на холоде.

Вскоре кашель унялся, Каролина отерла рот и

---

[14] Примечания: 14

Гай Фокс (1570–1606) — наиболее активный участник неудавшегося Порохового заговора (5 ноября 1605 г.) против короля Якова I и парламента; ему было поручено зажечь фитиль, ведущий к набитому порохом помещению под Палатой лордов. До сих пор в годовщину заговора сжигают его чучело.

глаза. Следом за ней я вошел в дом и оторопело прикрыл дверь, пораженный сильным запахом гари и видом вестибюля, настолько густо испещренного следами копоти и сажи, что, казалось, стены его затянуты траурными покровами.

— Гадко, да? — хрипло спросила Каролина, проследив за моим взглядом. — Боюсь, дальше только хуже. Идемте, сами увидите. — Она повела меня правым коридором. — Не знаю почему, но дом насквозь пропах до самого чердака. Не вытирайте ноги, это бессмысленно. Осторожнее, не запачкайтесь о стены, сажа такая липучая.

На пути к комнате Рода я увидел достаточно, чтобы подготовиться к царившему в ней разору, но все равно ошеломленно застыл на пороге. Увидев меня, миссис Бэйзли, которая вместе с Бетти отмывала стены, мрачно кивнула:

— Вот и я так же обомлела, доктор, когда вчерась сюда заглянула. Сейчас-то еще ничего, а то ить грязи было по щиколотку, да, Бетти?

Почти всю мебель вынесли и беспорядочной кучей свалили на террасе; ковер скатали и убрали, а пол застелили старыми газетами, однако от пропитавшихся водой досок бумага размякла, превратившись в приправленную сажей серую кашу. Стены были в мокрых разводах, деревян-

ные панели обуглились, а печально известный решетчатый потолок стал идеально-черным, навеки скрыв таинственные пятна.

— Невероятно, — выговорил я. — Если б знать… но я даже представить не мог…

Я не договорил, поскольку от моего знания или незнания ничего не менялось, помочь я бы ничем не смог. Однако мне было крайне тревожно оттого, что столь серьезная беда случилась в мое отсутствие.

— Весь дом мог сгореть. Подумать страшно! Род был здесь, в самом пекле? Как он?

Каролина странно посмотрела на меня и оглянулась на миссис Бэйзли.

— Все хорошо, но тоже надышался дымом. Почти все его вещи погибли — вон, видите: кресло совсем обгорело, и конторка, и стол…

Я посмотрел в окно: ящики и ножки стола не пострадали, но столешница почернела и покоробилась, будто на ней разводили костер. Теперь я понял, отчего в комнате так много пепла.

— Бумаги сгорели?

— Наверное, в секунду, — устало кивнула Каролина. — Они ж сухие…

— Что-нибудь уцелело?

— Почти ничего. Я даже не знаю, что за бумаги

там были. Думаю, планы имения и дома, всякие чертежи, копии сделок и договоров, письма, счета, отцовские записи… — Она осипла и закашлялась.

— Ужасно, ужасно жаль. — Взгляд мой натыкался на все новые приметы катастрофы: обугливший холст в раме, почерневшие абажуры и подвески светильников. — Такая славная комната. Что вы собираетесь с ней делать? Восстановите? Если заменить обгоревшие панели и побелить потолок…

Каролина пожала плечами:

— Мама считает, ее надо вычистить и закрыть. На ремонт нет денег.

— А страховка?

Каролина опять посмотрела на миссис Бэйзли и Бетти — служанки щетками шумно драили стены.

— Род не платил взносы. Мы только сейчас узнали.

— Не платил?

— Уже давно. Вроде как экономил. — Каролина прикрыла глаза и покачала головой. Потом кивнула на французское окно. — Давайте выйдем на минутку.

Мы вышли на крыльцо, и я оглядел изуродо-

ванную мебель: кожаная обивка кресла сгорела, его пружины и прокладка из конского волоса, торчавшие наружу, казались нездоровым нутром невероятного анатомического муляжа. Зрелище угнетало. Дождь перестал, но было зябко, Каролину знобило. Я предложил вернуться в тепло, где я мог бы осмотреть ее и всех других пострадавших. Чуть помешкав, она отвела меня подальше от окна и хотела что-то сказать, но закашлялась, морщась от боли в опухшем горле.

— Вчера вы звонили… — Каролина посмотрела мне в глаза. — Мать что-нибудь говорила о причине пожара?

— Нет, лишь сказала, что он возник в комнате Рода, когда все уже легли. Потом вы его обнаружили и погасили. Я подумал, пьяный Род куролесил и не затушил сигарету.

— Сначала мы тоже так решили.

Меня удивило это «сначала».

— Род что-нибудь помнит? — осторожно спросил я.

— Совсем ничего.

— Наверное, он отключился… и что потом? Проснулся, подошел к камину и поджег газету, чтобы прикурить?

Болезненно сглотнув, Каролина с усилием про-

говорила:

— Не знаю, что и думать. Вы обратили внимание на камин?

Я взглянул через окно: очаг был закрыт сетчатой шторкой.

— Вот так все и было, когда я ушла, уложив Рода, — сказала Каролина. — Но когда я прибежала ночью, в камине огня не было. Зато горело в других местах. Не в одном, понимаете? Полыхало в пяти-шести точках.

— Неужели? — Я был потрясен. — Просто чудо, что никто из вас серьезно не обгорел!

— Я не об этом… На службе у нас была пожарная подготовка. Нам рассказывали, как распространяется огонь. Понимаете, он ползет, но не скачет. А в комнате были разрозненные возгорания, как от зажигалок или чего-то в этом роде. Гляньте на кресло: похоже, пламя возникло прямо на сиденье, ножки-то целы. Со столом и конторкой то же самое. А шторы? — Каролина потрогала обгоревшие парчовые занавеси, перекинутые через спинку погубленного кресла. — Видите, они загорелись с середины. Как это возможно? А стены по бокам окна всего лишь опалены. Все так, будто… — Она оглянулась на комнату, боясь, что ее услышат служанки. — Одно дело, если по

неосторожности Род уронил сигарету или свечку. Но здесь все так, будто комнату подпалили. В смысле, нарочно.

Я опешил:

— Вы хотите сказать, что Род…

— Не знаю, — перебила меня Каролина. — Просто не знаю. Но я думаю о том, что Род говорил в вашей амбулатории. И отметины, которые мы видели в его комнате… ведь это были прожоги. Верно? Тогда все это обретает ужасный смысл. И вот еще одно…

Каролина поведала о странной неурядице в кухне, когда за спиной Рода вспыхнула скомканная газета. Тогда все списали на неостывшую золинку. Но потом Каролина еще раз осмотрела место происшествия и на кухонной полке обнаружила коробок спичек. Сомнительно, но все же вероятно, что Родерик, улучив момент, пытался себя поджечь.

Я не вытерпел:

— Не хочу сомневаться в ваших словах, но вы пережили сильное потрясение. Неудивительно, что вам всюду мерещится огонь.

— Думаете, вспыхнувшая газета нам померещилась? Всем четверым?

— Ну…

— Уверяю, нам не привиделось. Огонь был настоящий. И если Родди не поджигал, тогда… кто? Вот что меня больше всего пугает. Вот почему лучше, чтобы это сделал Род.

Я не вполне понимал, к чему она клонит, но Каролина явно была очень напугана.

— Послушайте, давайте успокоимся, — сказал я. — Нет никаких оснований считать пожар чем-то иным, кроме как несчастным случаем, верно?

— Точно не знаю. Посмотрим, что скажет полиция. Вчера к нам приходил мясник. Он учуял запах гари и поперся к окнам, прежде чем я успела его остановить. Знаете, в войну он был пожарным, служил в Ковентри. Я что-то наплела насчет масляного обогревателя, но дядька все высматривал и высматривал. По его лицу было видно, что он мне не поверил.

— Ваше предположение чудовищно! — тихо сказал я. — Неужели Род мог хладнокровно…

— Я знаю! Знаю, это ужасно! Я не говорю, что он это сделал умышленно. Невозможно, чтобы он хотел кому-то навредить. Все что угодно, только не это. Но ведь так бывает… — она горестно сморщилась, — человек делает зло, не ведая, что творит.

Я не ответил и вновь посмотрел на погибшую

мебель: кресло, конторка и стол с обуглившейся столешницей, за которым я так часто видел Рода близким к отчаянию. Вспомнилось, как незадолго до пожара он проклинал отца, мать и само имение. «Нынче будут фокусы», — загадочно сказал он, и я, проследив за его взглядом, увидел — ведь так? — что вся комната испещрена — буквально кишит! — зловещими черными отметинами.

— Ох, Каролина! — Я отер лицо. — Как же это скверно! Я чувствую себя виноватым.

— Почему?

— Нельзя было оставлять его одного! Я подвел его и вас всех… Где он сейчас? Что он говорит?

Взгляд ее опять стал чудным.

— Он наверху, в своей прежней комнате. Знаете, толку от него не добьешься… Он просто в жутком состоянии. На Бетти можно положиться, но мы не хотим, чтобы миссис Бэйзли его видела. Не надо, чтобы его вообще кто-нибудь видел. Вчера звонили Росситеры, но я их отвадила, а то вдруг он что-нибудь выкинет. Это не шок, но… что-то другое. Мать отобрала у него сигареты и прочее. Она… — веки ее дрогнули, щеки чуть покраснели, — его заперла.

— Заперла? — Я подумал, что ослышался.

— Она тоже размышляла над пожаром и пона-

чалу решила, что это несчастный случай. Мы все так считали. Но Род так себя вел, что мать поняла: тут что-то другое. Пришлось рассказать ей, как странно горела комната. Теперь мать боится, что он еще чего-нибудь натворит.

Каролина закашлялась, кашель все не стихал; конечно, она разволновалась и слишком долго разговаривала на холоде. Вид у нее был совершенно разбитый и больной.

Я отвел ее в малую гостиную и там осмотрел. Затем поднялся к ее матери и брату.

Сначала я зашел к миссис Айрес. Укутанная в шали и блузы, она сидела в подушках; распущенные волосы превращали ее лицо в бледную сморщенную мордочку. Мой приход ее явно обрадовал.

— Вот, извольте, доктор Фарадей: новое несчастье, — просипела она. — Я начинаю думать, что над нашей семьей висит какое-то проклятье. Но за что? Не постигаю. Кого мы прогневили? Может, вы знаете?

Она спросила почти всерьез. Присев на стул, я начал ее осматривать.

— Да уж, вы с лихвой испили из чаши горестей, — сказал я. — Всей душой вам сочувствую.

Закашлявшись, миссис Айрес согнулась по-

полам, а затем вновь откинулась в подушки, не спуская с меня взгляда.

— Вы видели комнату Родерика?

Я приложил стетоскоп к ее груди:

— Секундочку… да, видел.

— Обратили внимание на стол и кресло?

— Помолчите минутку, пожалуйста.

Я нагнул ее, чтобы прослушать спину. Потом убрал стетоскоп и, чувствуя на себе ее взгляд, ответил:

— Да.

— И что скажете?

— Не знаю…

— Полагаю, знаете. Ох, доктор, вот уж не думала дожить до того, что стану бояться собственного сына! Без конца представляю, что могло случиться. Только закрою глаза — вижу огонь.

Голос ее осекся, она согнулась в новом, еще более злом приступе кашля, с которым все не могла справиться. Я придержал ее за плечи, затем подал воды и чистый носовой платок. Отерев глаза и рот, она откинулась в подушки, раскрасневшаяся и измученная.

— Вам нельзя много говорить.

— Я не могу молчать! — покачала она головой. — Кроме вас и Каролины, поговорить мне не

с кем, а с ней мы это обсудили уже по десятому разу. То, что она рассказала, уму непостижимо! Я ушам своим не верила! Мол, Родерик почти обезумел, комната его и прежде горела, и вы видели отметины.

Я поерзал.

— Да, кое-что она показала.

— И никто из вас не пришел ко мне?

— Не хотели тревожить. По возможности, пытались вас уберечь. Конечно, если б я мог предположить, что его состояние приведет к чему-то подобному…

— Вы говорите «состояние», — горестно сморщилась миссис Айрес. — Стало быть, вы знали, что он болен.

— Я знал, что он нездоров. Честно говоря, очень нездоров. Но я дал ему слово.

— Наверное, он поведал вам небылицу, что в доме обитает нечто, желающее ему зла? Верно? — Заметив, что я колеблюсь, она искательно добавила: — Прошу вас, доктор, будьте со мной откровенны.

— Да, это правда. Извините меня.

Я все рассказал: о приступе паники, за которой последовала невероятная страшная история, и о том, что с тех пор Род на меня ополчился, и об

угрозе, проскальзывавшей в его речах…

Миссис Айрес слушала, безотчетно ухватившись за мою руку. Волнистые ногти с грязной каемкой сажи выдавали ее возраст. Красные точки на ладонях, оставленные искрами, казались эхом рубцов ее сына. По мере моего рассказа пальцы ее все крепче впивались в мою руку, а взгляд выражал полное смятение.

— Бедный мой мальчик! — воскликнула она, когда я закончил. — Я и подумать не могла! Я знала, что он не так силен, как его отец, но не могла предположить, что рассудок его не выдержит! Неужели… — Миссис Айрес схватилась за грудь. — Неужели он вправду так настроен против дома и меня?

— Теперь вы понимаете, почему я не решался вам рассказать? Он не помнил себя и вряд ли сознавал, что говорит.

Казалось, она меня не слышит:

— Неужели он вправду так нас ненавидит? Значит, в этом причина всего?

— Нет-нет, всему виной переутомление…

— Переутомление? — непонимающе взглянула миссис Айрес.

— Заботы о доме и ферме. Последствия военной службы и катастрофы… Кто знает, что стало при-

чиной, но разве это важно?

Похоже, я говорил впустую. Сжав мои пальцы, она страдальчески спросила:

— Скажите, доктор, в том есть моя вина?

Меня обескуражила непередаваемая мука, слышная в ее голосе.

— Разумеется, нет, — ответил я.

— Но я его мать! Это его дом! То, что произошло, неестественно, неправильно. Значит, в чем-то я его подвела. Да? Если допустить, что нечто… — она отняла руку и опустила взгляд, словно устыдившись, — притупило мою любовь к нему, когда он был маленьким. Некая тень беды, горя. — Голос ее померк. — Наверное, вы знаете, что до рождения Каролины и Родерика у меня был еще ребенок. Дочка Сьюзен.

— Да, — кивнул я. — Сочувствую вам.

Она качнула головой, словно принимая соболезнование, но вместе с тем отметая его как что-то, не имеющее отношения к ее горю.

— По-настоящему я любила только ее, — буднично сказала миссис Айрес. — Вам это странно? Я и сама не могла предположить, что влюблюсь в своего ребенка. Но мы были как влюбленная пара. Когда ее не стало, мне долго казалось, что я сама умерла. Может, так оно и было… Все во-

круг говорили, что лучший способ оправиться от потери ребенка — как можно скорее завести другого. Об этом твердили мать, свекровь, тетки, сестра… Родилась Каролина, и они запели иное: конечно, девочка будет напоминать тебе о той, кого ты лишилась, так что давай еще разок, постарайся, чтобы получился мальчик, матери обожают сыновей… Но вот появился Родерик, и они опять сменили пластинку: что еще с тобой? Люди нашего круга не распускают нюни. У тебя чудесный дом, муж уцелел на войне, двое здоровых ребятишек. Если все это не делает тебя счастливой, тогда просто перестань плакаться…

Она опять закашлялась. Когда приступ миновал и она отерла глаза, я сказал:

— Трудно вам было.

— Детям еще труднее.

— Не надо так. Любовь не взвесишь и не измеришь.

— Наверное, вы правы. И все же… поверьте, доктор, я люблю своих детей. Но иногда эта любовь чуть теплилась, потому что во мне самой чуть теплилась жизнь… Думаю, Каролину это не ранило, а вот Родерик всегда был очень чувствительным. Может быть, он возненавидел меня за фальшь, которую угадал во мне?

Я вспомнил позавчерашний разговор с Родериком и его слова о том, что они с сестрой огорчили мать «одним фактом своего рождения». Однако лицо миссис Айрес выражало неподдельную муку, а я и так уже слишком много сказал. Какой смысл огорошить ее еще и этим?

— Вы все напридумали, потому что больны и устали, — твердо сказал я, взяв ее за руку. — Одно огорчение тянет за собой ворох других, только и всего.

Ей хотелось в это поверить.

— Вы вправду так думаете?

— Я это знаю. Не надо копаться в прошлом. Сейчас нам важно не *почему* Род заболел, а *как* его вылечить.

— Но если болезнь зашла далеко? Вдруг он неизлечим?

— Вовсе нет. Вы говорите так, будто он обречен! При надлежащем уходе…

Миссис Айрес опять закашлялась.

— Здесь мы не сможем обеспечить ему уход, — покачала она головой. — У нас с Каролиной просто нет сил. Это мы уже проходили.

— Может, нанять сиделку?

— Вряд ли сиделка с ним справится.

— Ну что вы, ей-богу…

Миссис Айрес виновато прятала глаза.

— Каролина говорила, вы обмолвились о больнице.

— Да, — не сразу ответил я. — Поначалу казалось, я смогу уговорить его лечь в клинику. Я думал об одной частной лечебнице, которая специализируется на подобных душевных расстройствах.

— Душевное расстройство… — повторила миссис Айрес.

— Пусть термин вас не пугает, им обозначают самые разные состояния. Клиника весьма приличная, находится в Бирмингеме. Однако не дешевая. Боюсь, инвалидная пенсия Рода не потянет оплату счетов. Пожалуй, вариант надежной сиделки все-таки лучше…

— Мне страшно, доктор Фарадей, а сиделка лишь усилит мой страх. Что, если Родерик опять устроит пожар? Возможно, в следующий раз ему удастся сжечь дом дотла или убить… себя, сестру, меня или кого-нибудь из слуг! Об этом вы подумали? Вообразите последствия! Расследование, полиция, газетчики — на этот раз они возьмутся всерьез, злосчастная история с Плутом покажется пустяком. И что будет с Родом? Сейчас все знают, что он пострадал в случайном пожаре. Если

убрать его с глаз долой, это будет выглядеть так, словно он уехал лечиться, подальше от нашей зимы. Вы не согласны? Я спрашиваю вас не только как врача, но и как нашего друга. Прошу вас, помогите. Вы были так добры к нам.

Она говорила резонно. Я прекрасно понимал, что и так уже затянул с проблемой, которая едва не привела к плачевным результатам. Конечно, вреда не будет, если Родерик на время покинет имение, с самого начала я был за это. Но одно дело — уговорить его лечь в клинику, и совсем другое — запихнуть туда силой.

— Что ж, это возможный вариант, — сказал я. — Естественно, я приглашу второго врача и заручусь его мнением. Однако слишком спешить нельзя. Как ни ужасно происшествие, есть шанс, что оно вытряхнет его из помрачения. И все-таки я не могу поверить…

— Вы его не видели, — прошептала миссис Айрес, не дав мне договорить. Взгляд ее был так же странен, как взгляд Каролины.

— Нет, еще не видел, — помолчав, сказал я.

— Пожалуйста, сходите к нему. А потом скажете мне, что вы об этом думаете… Одну секунду.

Жестом попросив обождать, она что-то достала из ящика тумбочки. Ключ.

Я нехотя протянул руку.

Комната, куда поместили Родерика, прежде была его спальней; видимо, здесь он ночевал во время школьных каникул и коротких побывок с военной службы. Она располагалась на той же площадке, что и спальня миссис Айрес, от которой ее отделяла только старая гардеробная. Было жутко представить, что Родерик безвылазно сидит в комнате, но не менее жутко было постучать в дверь, громко его окликнуть и, не получив ответа, заскрежетать в скважине ключом, словно тюремщик. Я сам не знал, чего следует ожидать. Попытка вырваться на свободу меня бы не удивила. Открыв дверь, я съежился, готовый к потоку брани и оскорблений.

То, что я увидел, оказалось гораздо хуже. Шторы на окнах были неплотно задернуты, в комнате стоял полумрак. Я не сразу разглядел Родерика: в мальчиковой полосатой пижаме и старом синем халате, он замер на кровати и вовсе не собирался бросаться к открывшейся двери. Руку, собранную в вялый кулак, он держал возле рта и большим пальцем теребил нижнюю губу. Даже издали и в темноте было заметно, как плохо он выглядит: сальное лицо в следах сажи отливало желтоватой бледностью, опухшие глаза воспалились, немы-

тые волосы слиплись. Из-за рубцов отросшая щетина торчала пучками, бескровный рот ввалился. Меня поразил запах: несло гарью, потом и гнилым дыханием. В это амбре вносил свою лепту ночной горшок под кроватью, которым недавно воспользовались.

Родерик не сводил с меня взгляда, но не ответил, когда я с ним заговорил. Я присел на кровать и раскрыл саквояж; осторожно раздвинув края халата и пижамы, я приложил к его груди стетоскоп, и тогда он нарушил молчание:

— Вы его слышите?

Голос его лишь слегка отдавал хрипотцой. Я потянул Родерика к себе и приложил стетоскоп к его спине:

— Слышу — что?

Он прошелестел мне в ухо:

— Сами знаете.

— Я знаю одно: вы, ваша матушка и сестра прошлой ночью вдосталь наглотались дыма. Хочу убедиться, что это вас не угробит.

— Угробит? О нет! Ему это ни к чему. Этого оно уже не хочет.

— Помолчите минутку, ладно?

Я передвинул мембрану. Сердце его бухало, дыхание было жестким, однако в легких шумы

или всхлипы не прослушивались; я прислонил его к подушке и запахнул на нем одежду. Он не сопротивлялся, но глядел в сторону и тотчас вновь принялся теребить губу.

— Пожар всех очень напугал, Род, — сказал я. — Никто не знает, отчего он возник. Вы что-нибудь помните? Можете рассказать?

Казалось, он не слушает.

— Род?

Родерик перевел на меня взгляд и раздраженно скривился:

— Я уже всем сказал: ничего не помню. Были вы, потом пришла Бетти, а затем Каролина меня уложила. Кажется, мне что-то снилось.

— Что?

Он все теребил губу:

— Просто сон. Не помню. Какая разница?

— Может, вам приснилось, что вы встаете, закуриваете сигарету или зажигаете свечу?

Рука его замерла, взгляд стал недоверчивым.

— Вы что, пытаетесь выдать это за несчастный случай?

— Еще не знаю.

— После всего, что я вам рассказал! — Родерик возбужденно заерзал. — Даже Каролина понимает, что это не случайность! Она сказала, горело в

разных местах. И те отметины воспламенились, только не разгорелись.

— Точно мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем.

— Я знаю! Знал еще вечером. Я же вам сказал: будут фокусы. Почему вы бросили меня одного? Неужели не поняли, что самому мне не справиться?

— Род, пожалуйста…

Он уже дергался, словно в белой горячке, видеть это было ужасно. Родерик вцепился в мою руку:

— А если б Каролина опоздала? — Глаза его пылали. — Сгорел бы весь дом! Сестра, мать, Бетти…

— Тихо, Род, успокойтесь.

— Успокоиться? Я же их чуть не убил!

— Не валяйте дурака!

— Что, все так говорят, да?

— Никто ничего не говорит.

— Так оно и есть, неужто не понимаете? — Он дергал меня за рукав. — Я полагал, что смогу удержать заразу. Но я слишком слаб. Зараза пробыла во мне слишком долго. Она меня изменяет, уподобляет себе. Я думал, что оберегаю мать и Каролину, но все это время она подбиралась к ним *через меня*. Это было… Что вы делаете?

Высвободившись из его хватки, я нагнулся к

саквояжу и достал тюбик с таблетками.

— Нет! — вскрикнул Родерик, выбив его из моей руки. — Нельзя! Как вы не понимаете! Хотите ему помочь, что ли? Да? Мне нельзя спать!

Вся эта ахинея, удар по руке и безумный вид Родерика меня напугали, но я беспокойно вгляделся в его опухшие глаза:

— Вы не спали с позапрошлой ночи?

Я взял его запястье — пульс скакал как бешеный. Родерик вырвал руку:

— Как я могу спать? И так уж натворил дел.

— Вам надо поспать, Род.

— Нельзя! И вы бы не спали, если б знали, какое оно! Прошлой ночью… — он опасливо оглянулся и заговорил тише, — я услышал шум. Вначале подумал, что-то скребется за дверью, хочет проникнуть в комнату. Но затем понял: оно скребется *во мне*, пытаясь выйти *наружу*. Понимаете, оно выжидает. Очень хорошо, что меня заперли, но если я усну…

Он не договорил и только многозначительно на меня посмотрел. Затем подтянул колени к груди и вновь затеребил губу. Я собрал рассыпавшиеся по полу таблетки; руки мои дрожали, ибо наконец-то я понял, как глубоко он нырнул в помрачение. Я выпрямился и беспомощно посмотрел на Роде-

рика, а потом окинул взглядом комнату, полную душераздирающих примет веселого очаровательного мальчика, каким он некогда был: полка с приключенческими книжками, призы и модели самолетов, карты с пометками, сделанными нетвердой детской рукой… Кто мог предвидеть такой распад? Почему это произошло? Наверное, его мать права: никаким переутомлением или заботами этого не объяснить. В нем укоренилось еще что-то, чего я не мог разгадать.

Я посмотрел Родерику в глаза и отвернулся, признавая свое поражение.

— К сожалению, я должен вас оставить, — сказал я. — Попросить Каролину, чтобы посидела с вами?

Он затряс головой:

— Ни в коем случае!

— Могу я для вас что-нибудь сделать?

Родерик задумался, а потом вежливо и смущенно произнес, словно мальчик, что некогда здесь обитал:

— Пожалуйста, дайте сигарету. Мне не разрешают курить, когда я один. Но если я покурю при вас, то ничего страшного, правда?

Я дал ему сигарету и чиркнул спичкой — сам бы он с ней не справился; когда я высек огонь, он

зажмурился и рукой прикрыл лицо. Посапывая, он курил, а я сидел рядом. Потом он отдал мне окурок.

— Спички не забыли? — встревожился Родерик.

Он успокоился лишь после того, как я потряс коробком и нарочито медленно опустил его в карман. Потом он захотел проводить меня к двери, чтобы проверить, хорошо ли я ее запер. Сначала я вынес его ночной горшок, и Родерик настоял, чтобы дверь была заперта даже на время этой короткой отлучки. Пока меня не было, он беспокойно топтался за дверью. Прежде чем уйти, я взял его за руку, но, похоже, всякая задержка его тяготила: пальцы его были вялы, взгляд беспокойно рыскал по сторонам. Захлопнув дверь, я шумно провернул ключ в скважине, чтобы избавить его от сомнений. На площадке я оглянулся: ручка шевельнулась, изнутри дверь подергали — Родерик удостоверился, что ему не выйти. Еще пару раз шевельнувшись, ручка замерла. Вся эта сцена произвела невероятно гнетущее впечатление.

Ключ я вернул миссис Айрес. Она видела, насколько я потрясен и расстроен. Мы помолчали, а затем угрюмо обсудили, что нужно сделать для

отправки Родерика в лечебницу.

В общем-то, все было просто. Я позвал Дэвида Грэма, который подтвердил, что Род нуждается в специализированной медицинской помощи, а в воскресенье из Бирмингема приехал заведующий клиникой доктор Уоррен — лично осмотреть пациента и оформить нужные бумаги. После пожара прошло четыре дня, и все это время Род не спал, яростно сопротивляясь моим попыткам дать ему снотворное, а потому находился в почти истерическом состоянии, которое ошеломило даже Уоррена. Я не знал, как Родерик воспримет известие, что, по сути, мы собираемся отправить его в сумасшедший дом, но, к моему громадному облегчению (правда, смешанному с беспокойством), он как-то жалко этому обрадовался. Цепляясь за руку Уоррена, он повторял:

— Вы за мной присмотрите, да? Тогда ничто из меня не выберется. Даже если ему удастся, я буду ни при чем, верно? Если что-нибудь случится, если кто-то пострадает…

Миссис Айрес все это слышала. Она была еще очень слаба и задыхалась, но встала с постели, чтобы встретить доктора Уоррена. Видя, как она расстроена этим безумным лепетом, я отвел ее в малую гостиную, где ждала Каролина. Вскоре к

нам присоединился доктор Уоррен.

— Грустное зрелище, — покачал он головой. — Все это весьма печально. В истории болезни сказано, что после ранения его лечили от депрессии, но тогда и намека не было на столь серьезное психическое расстройство. Чем оно вызвано? Какая-то утрата? Еще один шок?

В письме к нему я довольно подробно изложил ситуацию. Однако в глубине души мы оба знали: что-то упущено. Молодой и в общем здоровый человек не может беспричинно так быстро деградировать. Уоррен еще раз выслушал рассказ о галлюцинациях, приступах паники и странных отметинах на стенах. Я напомнил о многочисленных заботах землевладельца и хозяина имения.

— Возможно, мы никогда не докопаемся до истинной причины, — резюмировал Уоррен. — Полагаю, вы, как лечащий врач, готовы передать его под мое попечение?

Я подтвердил.

— И вы, миссис Айрес, тоже хотите, чтобы ваш сын перешел в мое ведение?

Она кивнула.

— В таком случае будет лучше забрать его прямо сейчас, хоть я и не собирался этого делать. Я думал, лишь осмотрю его, а через пару дней

вернусь с ассистентами. Но мой шофер крепкий парень, а вы, полагаю, согласитесь, что пребывание здесь Родерику вряд ли на пользу. Кажется, он вполне готов уехать.

Мы с Уорреном занялись оформлением бумаг, а миссис Айрес и Каролина поднялись к Роду, чтобы собрать его вещи. По лестнице он спускался, точно древний старик. Его облачили в костюм и твидовое пальто, но он так исхудал и усох, что одежда казалась на три размера больше. Хромота его была столь же заметной, как полгода назад, и я с горечью подумал о времени, убитом на сеансы. Каролина неудачно его побрила — на подбородке виднелись порезы. Глаза его бегали, дрожащие руки тянулись ко рту.

— Мама сказала, я поеду с доктором Уорреном. Это правда? — спросил он меня.

Я кивнул и подвел его к окну, чтобы он взглянул на припаркованный у дома черный «хамберснайп» — красивый лимузин, возле которого покуривал шофер. Родерик по-мальчишески заинтересовался автомобилем и даже стал расспрашивать доктора Уоррена о двигателе. Выглядел Родерик вполне разумным, и на какую-то секунду я усомнился в целесообразности нашей печальной затеи.

Но было поздно: бумаги подписаны, доктор Уоррен готов ехать. Когда стали прощаться, Родерик занервничал. Он ласково обнял сестру и даже подал мне руку, но от поцелуя матери глаза его вновь забегали.

— А где Бетти? — спросил Родерик. — Наверное, с ней тоже надо проститься?

Он так разволновался, что Каролина поспешила на кухню. Смущенная Бетти предстала перед хозяином. Родерик коротко ей кивнул:

— Я ненадолго уезжаю, так что тебе одной заботой меньше. Но ты убирай в моей комнате, ладно?

Бетти моргнула и, покосившись на миссис Айрес, ответила:

— Хорошо, мистер Родерик.

— Умница. — В попытке подмигнуть глаз его дернулся. Родерик похлопал себя по карманам, и я сообразил, что он ищет монету.

— Ступай, Бетти, — сгладила нелепость миссис Айрес.

С видимым облегчением служанка шмыгнула в дверь, а Родерик, все еще шаривший по карманам, проводил ее хмурым взглядом. Боясь, что он еще больше разволнуется, мы с Уорреном препроводили его к машине.

Родерик безропотно сел на заднее сиденье. Я пожал руку Уоррену и вернулся на крыльцо к миссис Айрес и Каролине. Скрипнув колесами по гравию, черный лимузин скрылся из виду.

Как я уже сказал, все было сделано в воскресенье, в отсутствие миссис Бэйзли. Не знаю, насколько она была в курсе дела благодаря своим догадкам или сведениям Бетти. Миссис Айрес сказала ей, что Родерик «погостит у друзей», и я поддерживал эту версию, если кто-нибудь о нем справлялся. Я всем говорил, что после осмотра рекомендовал ему взять отпуск для поправки легких, и одновременно, противореча себе, старался преуменьшить последствия пожара. Чтобы не привлекать к Айресам излишнего внимания, даже Росситерам и Десмондам, добрым знакомцам семейства, я скармливал мешанину из вранья и полуправды, надеясь увести их от истины. Вообще-то, я не лгун, и постоянная готовность к опровержению слухов порой утомляла. Мне хватало других дел: забавно, однако сеансы с Родом отчасти увенчались успехом, ибо после моей статьи мне предложили членство в больничном комитете, что налагало дополнительные обязанности. Впрочем, я был рад своей загруженности, отвлекавшей от мыслей о Родерике.

Раз в неделю мы с миссис Айрес и Каролиной навещали его в бирмингемской клинике. Поездки наши были весьма скорбны, что в немалой степени объяснялось расположением лечебницы на окраине города, сильно пострадавшего от бомбежек. В Лидкоте не было руин и разбитых дорог, и потому выпотрошенные дома с пустыми глазницами окон, призраками маячившие в вечном городском тумане, нас неизменно угнетали. Однако визиты портило и другое: Родерик был раздражен и замкнут; казалось, он стыдится наших прогулок по зимнему оголившемуся саду и чаепитий в комнате, полной людей с потухшим или безумным взглядом. Вначале он еще спрашивал об имении и ферме, но потом словно потерял интерес к делам Хандредс-Холла. Как могли, мы поддерживали разговор на нейтральные поселковые темы, но из его реплик было ясно, что он весьма смутно представляет, о чем идет речь. Как-то раз он спросил о Плуте.

— Ты же знаешь, Плут умер, — испуганно сказала Каролина.

Родерик сощурился, будто вспоминая, и промямлил:

— Ах да! Верно, была какая-то неприятность. Стало быть, пес помер? Бедняга.

Казалось, он провел в лечебнице долгие годы, — так замутнены и неповоротливы были его мысли. Наш третий визит совпал с кануном Рождества, когда пациенты в нелепых картонных коронах разгуливали по больничным коридорам, украшенным блеклыми бумажными цепочками и гирляндами. Вялый Родерик выглядел еще более смурным, и я только обрадовался предложению ассистента Уоррена выслушать отчет о ходе лечения.

— В целом дела его не так уж плохи, — сказал врач. Моложе Уоррена, он производил несколько легкомысленное впечатление. — Во всяком случае, от галлюцинаций он почти избавился. Мы исхитрились накачать его бромидом лития — это помогло, спит он гораздо лучше. К сожалению, его случай далеко не единичен; полагаю, вы заметили — у нас куча пациентов того же возраста: алкоголики, невротики и те, кто считает себя «контуженным»… На мой взгляд, все это часть одной проблемы — последствий войны, которые в зависимости от личностного типа проявляются по-разному. Будь Род из другой семьи, он бы стал игроком, или бабником, или… самоубийцей. Он все еще просит на ночь его запирать, однако, надеюсь, это мы собьем. Прогресс не особо заметен,

но… — врач замялся, — потому-то я и пригласил вас на разговор: думается, именно ваши визиты препятствуют улучшению. Он все еще убежден, что его семье грозит опасность, которую он должен держать под контролем, и это его изнуряет. Когда ничто не напоминает ему о доме, он совсем иной, гораздо живее. Мое мнение разделяют и сиделки, которые за ним наблюдают.

Из окна врачебного кабинета я видел больничный двор: съежившись от холода, миссис Айрес и Каролина шли к моей машине.

— Его матери и сестре эти посещения тоже даются нелегко, — сказал я. — Если угодно, я отговорю их от визитов и буду приезжать один.

Врач подвинул ко мне сигаретницу:

— Если честно, лучше вам всем воздержаться от посещений. Вы слишком ярко напоминаете ему о прошлом. А надо позаботиться о его будущем.

— Право же… — Рука моя зависла над сигаретницей. — Ведь я его врач. Кроме того, мы добрые приятели.

— Понимаете, Род очень просил, чтобы на какое-то время вы все оставили его в покое. Извините.

Сигарету я так и не взял. Распрощавшись с врачом, я отвез домой миссис Айрес и Каролину.

В последующие недели мы регулярно писали Родерику, изредка получая вялые ответы, которые ничуть не вдохновляли на визит. Комнату с обуглившимися стенами и закопченным потолком заперли. По ночам миссис Айрес часто просыпалась от удушливого кашля, требовавшего лекарства или ингалятора, и потому Бетти переселили в бывшую спальню Рода, расположенную на той же площадке.

— Гораздо удобнее, когда она рядом, — одышливо говорила миссис Айрес. — Ей-богу, девочка это заслужила! Она так добра и была верна нам во всех наших бедах. В подвале ей слишком одиноко.

Что и говорить, Бетти была в восторге от новоселья. Но вот меня ее переезд слегка обеспокоил, а потом, когда я заглянул в ее новое жилье, даже очень расстроил. Авиационные карты, призы и приключенческие книжки исчезли, уступив место жалким пожиткам, которые неузнаваемо изменили комнату: нижние юбки и штопаные чулки, дешевый гребень, россыпь шпилек и сентиментальные открытки на стенах. Вся северная часть особняка, некогда называвшаяся мужской половиной, практически стала нежилой. Омертвелые комнаты напоминали парализованные

конечности. Вскоре уже казалось, что Род никогда здесь не жил, — он сгинул еще бесследнее, чем бедняга Плут.

8

Все понимали, что с отсутствием Родерика Хандредс-Холл вступает в свою новую фазу. В бытовом плане перемены дали о себе знать почти сразу: больничные счета нанесли ощутимый удар по хлипкой финансовой базе имения, потребовав еще более жесткого режима экономии. Теперь генератор почти все время молчал, зимними вечерами дом погружался в кромешную тьму. На столике в прихожей для меня оставляли старый латунный фонарь, и, пока я брел по коридору, пропахшие гарью стены то выплясывали в кружок желтоватого света, то вновь ныряли в тень. В малой гостиной миссис Айрес и Каролина при свечах и керосиновых лампах читали, занимались шитьем или слушали радио. Тусклое освещение заставляло щуриться, но все равно комната казалась сияющим островком в море чернильной тьмы. Вызванная звонком, Бетти освещала себе путь свечой в старомодном подсвечнике, тараща глаза, словно персонаж детского стишка.

Меня поразило, что все они с удивительной

стойкостью приняли новые условия жизни. С лампами и свечами Бетти была знакома с детства. Казалось, она привыкла и к дому, словно все драматические события способствовали ее утверждению в его укладе, хоть они же вытряхнули из него Родерика. Каролина уверяла, что любит потемки — мол, при постройке дома электричества не предполагалось, и вот наконец-то они живут как должно. Но я понимал, что́ скрыто за этой бравадой, их скудное существование меня очень тревожило. В разгар болезни Рода мои визиты в Хандредс-Холл резко сократились, но теперь я стал бывать здесь раз, а то и два в неделю, частенько принося гостинцы в виде продуктов или угля, которые якобы получил в дар от пациентов. Приближалось Рождество — день, в который мне, холостяку, всегда было слегка неуютно. В прежние годы я встречал его в семье бывшего коллеги, жившего в Банбери, и нынче мы сговорились быть вместе. Но миссис Айрес обронила как нечто само собой разумеющееся, что ждет меня на праздничный ужин. Растроганный, я извинился перед приятелем и разделил с Айресами их скромную трапезу. Ужин был накрыт за большим столом красного дерева в продуваемой сквозняком столовой, но обслу-

живали мы себя сами, поскольку Бетти на сутки отпустили к родным.

Однако отсутствие Родерика имело еще один результат. Полагаю, мы все припомнили нашу последнюю совместную трапезу, состоявшуюся незадолго до пожара и омраченную неприятным поведением Рода. Иными словами, каждый из нас виновато почувствовал облегчение от того, что нынче источника неприятности нет. Безусловно, мать и сестра сильно скучали по Родерику. Дом, в котором обитали три тихие женщины, временами казался невероятно безжизненным. Но вместе с тем из него исчезла напряженность. Что касается ведения дел, то в этом, как некогда предсказывала Каролина, отсутствие Рода почти никак не сказалось. Управленческая рутина ковыляла сама по себе и даже, надо сказать, меньше спотыкалась. Каролина обратилась к банкирам и маклерам с просьбой восстановить утраченные в огне документы, после чего истинное финансовое положение семьи открылось во всей его неприглядности. Между Каролиной и матерью состоялся откровенный разговор, после которого и был включен жесткий режим экономии. Каролина безжалостно прошерстила дом на предмет того, что можно продать, и вскоре картины, книги и

мебель, которые до недавнего времени сентиментально сохранялись, перешли к бирмингемским торгашам. Наверное, самым решительным ее шагом стало продолжение переговоров с советом графства о продаже части парка. Сделка состоялась под Новый год, а всего через два-три дня я уже видел в парке застройщика Бабба, который вместе с парой топографов колышками размечал площадку под строительство. Вскоре начались земляные работы — спешно рыли траншеи для первых фундаментов и коммуникаций. За ночь разобрали часть ограды, и теперь с дороги был виден дом, сквозь брешь казавшийся еще обособленнее и беззащитнее.

Впечатление Каролины было сходным.

— Мы чувствуем себя раздетыми, — пожаловалась она, когда я заглянул к ним в середине января. — Это похоже на нескончаемый страшный сон, в котором голой разгуливаешь по улицам. Но мы сами так решили, ничего не поделаешь. Утром пришло письмо от доктора Уоррена — улучшений нет; по-моему, Роду стало хуже. Одному богу известно, когда он вернется. Денег от сделки хватит, чтобы прожить зиму. Весной к ферме подведут воду. Макинс говорит, тогда все изменится.

Мы сидели в малой гостиной, поджидая миссис Айрес. Каролина потерла лицо, пятами ладоней придавив глаза.

— Не знаю… все так неопределенно. Да еще это! — Она беспомощно кивнула на письменный стол под ворохом бумаг. — Канцелярщина удушает, точно плющ, ей-богу! Совет графства требует, чтобы каждая бумага сопровождалась двумя копиями. Мне уже сны снятся в трех экземплярах!

— Вы прямо как ваш брат, — остерег я ее.

— Не говорите так! — испугалась Каролина. — Бедный Родди, теперь мне ясно, почему дела его сожрали. Это словно в азартной игре: думаешь, что на следующей ставке непременно повезет. Знаете что? — Она завернула обшлаг свитера и протянула мне руку. — Пожалуйста, ущипните меня, если я опять заговорю как Родерик.

Я ласково пожал ее запястье, которое и ущипнуть-то было не за что — веснушчатая рука так исхудала, что походила на мальчишечью, а красивой формы ладонь казалась еще крупнее и, как ни странно, женственнее. Встретив мой взгляд, Каролина улыбнулась и мягко потянула к себе руку, в которой чувствовалась каждая косточка, а меня нежданно окатило волной нежности. Я ухватил ее за кончики пальцев и серьезно

сказал:

— Осторожнее, ладно? Не увлекайтесь. Или разрешите вам помогать.

Каролина смущенно высвободила пальцы и сложила руки на груди:

— Вы и так уже очень помогли. По правде, я не представляю, как бы мы без вас справились со всем, что было. Вам известны все наши тайны. Вам и Бетти. Забавно! Хотя работа врача в том и состоит, чтобы узнавать чужие секреты. Отчасти в том же и работа служанки.

— Надеюсь, я ваш друг, а не только врач.

— Конечно друг, — машинально ответила Каролина и, помолчав, повторила, уже гораздо теплее и с большей убежденностью: — Вы друг. Бог его знает, зачем это вам, ибо мы для вас всего лишь обуза. Будто вам мало пациентов. Вы не устали от обуз?

— Я люблю все свои обузы, — чуть улыбнулся я.

— Ну да, с ними вы при деле.

— Одни определенно хороши для дела, другие я люблю просто так. О них я забочусь. Я за вас переживаю.

Я слегка выделил слово «вас», и Каролина рассмеялась, но взгляд ее стал испуганным:

— Господи, зачем? Я в полном порядке. Я всегда в порядке. Это мой пунктик, вы не знали?

— Хм. Вы бы меня убедили, если б при этом не выглядели такой усталой. Почему бы вам…

— Что? — наклонила голову Каролина.

Я уже давно хотел ей это предложить, да все не было подходящей минуты.

— Почему бы вам опять не завести собаку? — выпалил я.

Мгновенно лицо ее стало замкнутым, она отвернулась:

— Не хочу.

— В понедельник я был на ферме Гороховый Холм, — не унимался я. — Там ощенилась сука, красавица-ретривер.

Каролина набычилась, и тогда я мягко добавил:

— Никто не скажет, что вы предаете Плута.

— Не в том дело. — Она покачала головой. — Это… небезопасно.

— Для кого? — вытаращился я. — Для вас? Или миссис Айрес? То, что случилось с девочкой, не должно…

— Вы не поняли, — сказала Каролина и неохотно добавила: — Небезопасно для собаки.

— Что?!

— Наверное, я выгляжу глупо… — она смотрела в сторону, — но иногда меня одолевают мысли о том, что брат говорил про дом. Мы сплавили Родди в клинику, верно? Избавились от него, потому что это легче, чем прислушаться к его словам. Последнее время я его почти ненавидела. Что, если он так сильно заболел именно от нашей глухоты и ненависти? Что, если…

Нервничая, Каролина натянула обшлага вязаного свитера на ладони, высунув большие пальцы в просвет между петлями.

— Иногда мне кажется, что дом и впрямь изменился, — тихо сказала она. — Не знаю, то ли я его иначе воспринимаю, то ли он меня, или же… — Каролина взглянула на меня, и голос ее дрогнул: — Наверное, вы считаете меня чокнутой.

— Я никогда не считал вас чокнутой, — помолчав, ответил я. — Вполне понятно, что дом и ферма в их нынешнем состоянии наводят тоску.

— Тоска, — повторила Каролина, шевеля высунутыми пальцами. — Думаете, в этом все дело?

— Уверен. Наступит весна, вернется Родерик, имение встанет на ноги, и настроение ваше изменится. Вот увидите.

— Вы думаете, нам стоит… держаться за име-

ние?

Вопрос меня ошеломил.

— Конечно! А вы так не думаете?

Она не ответила, а через секунду в гостиную вошла ее мать, и разговор наш оборвался. Мы помогли миссис Айрес усесться в кресло. Покашливая, она взяла меня за руку:

— Благодарю вас, мне хорошо. Правда-правда. С часик я полежала, а потом решила, что это глупо, если в груди хлюпает, как в утином садке.

Она откашлялась в платок и отерла заслезившиеся глаза. Плечи ее были укрыты шалями, а голова — кружевной мантильей. Изящная и бледная, миссис Айрес походила на чахлый цветок в футляре; волнения последнего времени ее состарили, а слабые легкие, хлебнувшие дыма, не устояли перед бронхитом. Даже недолгое путешествие по выстуженному дому ее утомило. Кашель ее стих, но одышка осталась.

— Как поживаете, доктор? — спросила миссис Айрес. — Каролина сказала вам о письме доктора Уоррена? — Поджав губы, она покачала головой. — К сожалению, новости неутешительные.

— Сочувствую вам.

Немного поговорив о Родерике, мы вернулись к другой животрепещущей, но безрадостной теме

— строительству. Вскоре миссис Айрес охрипла и замолчала; мы с Каролиной пытались поддерживать разговор, а она, огорченная собственной немотой, беспокойно перебирала руками в кольцах. Потом, не дослушав, миссис Айрес подобрала свои шали и прошла к письменному столу, где стала рыться в бумагах.

— Что ты ищешь, мама? — взглянула на нее Каролина.

Будто не слыша, миссис Айрес рассматривала конверт.

— Совет шлет горы всякой чепухи! — Голос ее был непрочен, как паутина. — А правительство разглагольствует о нехватке бумаги!

— Да, писанина утомляет. Что тебе нужно?

— Ищу последнее письмо твоей тетушки Сисси. Хочу показать его доктору.

— Там письма нет. — Каролина встала. — Я его убрала. Садись, я принесу.

Из конторки она достала письмо и передала его матери. Та направилась к креслу, следом за ней волочилась соскользнувшая с плеча шаль с узловатой бахромой. Прежде чем развернуть письмо, миссис Айрес долго устраивалась в кресле. Потом обнаружила, что куда-то запропастились ее очки.

— О господи! — прошептала миссис Айрес, закрыв глаза. — Только этого не хватало!

Она шарила взглядом вокруг себя, к поискам присоединились и мы с Каролиной.

— Где последний раз ты их видела? — Каролина заглянула под диванную подушку.

— Здесь, это совершенно точно. Я держала очки в руке, когда утром Бетти принесла письмо от доктора Уоррена. Может, ты куда-нибудь их переложила?

— Я их не видела, — нахмурилась Каролина.

— Значит, кто-нибудь другой переложил. Простите, доктор, я понимаю, как мы вам надоели.

Добрых пять минут мы безуспешно перетряхивали бумаги, открывали ящики и заглядывали под стулья. Наконец Каролина вызвала Бетти и велела ей посмотреть в спальне, хотя миссис Айрес говорила, что не надо зря гонять девочку, ибо она прекрасно помнит, что последний раз надевала очки именно здесь, в малой гостиной.

Бетти почти сразу вернулась и виновато подала хозяйке очки, которые нашла в спальне на подушке. Секунду миссис Айрес на них смотрела, а затем брезгливо покачала головой.

— Вот что значит старость, Бетти, — сказала она, забирая очки.

Каролина засмеялась, но смех ее казался слегка наигранным.

— Глупости, мама!

— Да что уж там. Не удивлюсь, если кончу, как моя двоюродная бабка Додо. Она так часто теряла вещи, что сын преподнес ей индийскую мартышку, к спине которой приторочил корзинку; тетка складывала туда ножницы, наперстки и прочее и водила обезьяну на ленточке.

— Что ж, если пожелаешь, раздобудем тебе мартышку.

— Нет, нынче это невозможно. — Миссис Айрес надела очки. — Какое-нибудь общество выступит с запретом, либо мистер Ганди выразит протест. Может, в Индии обезьяны имеют право голоса… Спасибо, Бетти.

Одышка ее прошла, голос окреп. Она тряхнула листком, разворачивая письмо, отыскала и вслух прочла один абзац. Речь в нем шла о совете, который ее сестра получила от парламентария-консерватора, весьма обеспокоенного разбазариванием старых имений. Вообще-то, ничего нового мы не узнали: нынешнее правительство грозило землевладельцам штрафами и ограничениями, а потому до следующих выборов им лучше «не дергаться и затянуть пояса».

— Хорошо, если есть пояса, но как быть тем, у кого нет пряжки? — сказала Каролина, когда миссис Айрес закончила. — Было бы славно превратить имение в сонное царство и ждать прихода к власти доблестных консерваторов. Но если мы будем сидеть сложа руки еще хотя бы год, нам крышка. Я почти жалею, что совет не купил больше земли. Еще бы с полсотни коттеджей, и мы бы почти расплатились с долгами…

Унылая беседа продолжалась до появления Бетти с чаем, после чего мы погрузились в молчание и собственные мысли. Миссис Айрес тяжело вздыхала, временами откашливаясь в платок. Каролина поглядывала на письменный стол — вероятно, раздумывала о гибнущем имении. Согревая пальцы о тонкий фарфор чашки, я бродил взглядом по комнате и вдруг поймал себя на том, что почему-то вспоминаю свой первый визит в Хандредс-Холл. Бедняга Плут лежит на полу, точно беспомощный старик, а Каролина ногой почесывает ему мохнатое брюхо. Родерик лениво нагибается за упавшим шарфом миссис Айрес. *Наша мама как мальчик-с-пальчик. Куда ни пойдет, повсюду оставляет за собой метки…* Теперь нет ни его, ни Плута. Французское окно было распахнуто, а сейчас закрыто от непогоды

и понизу заколочено щитом — не так дует, но и света меньше. Чувствовался кисловатый запах гари, лепнину на стенах изгваздал налет сажи. Еще пахло мокрой шерстью — на древней раме Каролина развесила промокшую под дождем одежду, которая теперь сохла перед камином. Невозможно представить, чтобы полгода назад миссис Айрес позволила превратить гостиную в прачечную. Но тогда из сада вошла красивая смуглая женщина в вычурных туфлях, а сейчас я видел старуху, которая кашляла и вздыхала, кутаясь в разномастные шали.

Каролина озабоченно смотрела на мать и, похоже, думала о том же. Заметив мой взгляд, она смущенно мигнула.

— Какие мы все нынче угрюмые! — Каролина отставила пустую чашку и подошла к окну. Зябко обхватив себя, она посмотрела на низкое серое небо. — Слава богу, дождь кончается. Уже что-то. Пока не стемнело, загляну на стройку… Я почти каждый день туда хожу, — добавила она, поймав мой удивленный взгляд. — Сверяю ход работ с графиком, который дал Бабб. Теперь мы с ним большие друзья.

— По-моему, вы хотели, чтобы стройку огородили, — сказал я.

— Да, сначала хотели, но она чем-то завораживает. Что-то вроде гадкой раны — не можешь удержаться, чтобы не заглянуть под бинт. — С сушилки Каролина сняла свое пальто, берет и шарф; одеваясь, она мимоходом предложила: — Если угодно и есть время, идемте со мной.

Время-то имелось, поскольку в тот день вызовов было мало, однако накануне я лег поздно, а встал рано, и теперь возраст давал о себе знать. Мысль о том, чтобы в холоде шлепать по грязи, отнюдь не прельщала. К тому же было бы невежливо бросить миссис Айрес. Но та, заметив мою неуверенность, сказала:

— Идите-идите, доктор. Мне интересно мужское мнение о работах.

После этого я уже не мог отказаться. Каролина позвонила Бетти, и служанка принесла мою верхнюю одежду. Мы подбросили поленьев в камин и удостоверились, что у миссис Айрес есть все необходимое. Чтобы сэкономить время, на улицу мы вышли прямо из гостиной, перебравшись через щит у французского окна, спустились по каменным ступеням и зашагали через южную лужайку. Сырая трава, цеплявшаяся за ботинки, тотчас вымочила манжеты моих брюк и притемнила чулки Каролины. Потом началась самая мокредь;

неуклюже взявшись за руки, мы пошли на цыпочках и разъединились уже на сухой гравийной тропке, что бежала вдоль садовой ограды.

Приходилось сражаться с плотным, словно бархатный занавес, ветром, но шли мы резво, в заданном Каролиной темпе. Явно радуясь тому, что вырвалась из дома, она по-мужски размашисто вышагивала на своих длинных толстоватых ногах. Руки она глубоко засунула в карманы пальто, отчего борта его натянулись, подчеркивая выпуклости бедер и груди. От колючего ветра щеки ее порозовели, а волосы, неумело спрятанные под весьма уродливый вязаный берет, развевались спутанными прядями. В отличие от матери Каролина быстро оправилась от последствий угара, а потому ничуть не задыхалась. Сейчас на лице ее не осталось и следа недавней усталости, оно лучилось энергией и здоровьем, и я с долей восхищения подумал о том, что она не может быть нездоровой, как красивая женщина не может быть непривлекательной.

Ее радость от ходьбы оказалась заразительной. Я разогрелся и стал получать удовольствие от бодрящих шлепков холодного ветра. Из окна машины парк казался единообразной мешаниной зелени, но пешая прогулка одарила открытиями:

кое-где сквозь спутанную траву храбро проглядывали подснежники, на земляных проплешинах пробивались тугие бутончики крокусов, изголодавшихся по воздуху и солнцу. Вдалеке маячили пролом в ограде и слякотная полоса, где копошились шесть-семь фигур с тачками и лопатами. Мы подошли ближе, и тогда я понял истинный размах стройки. Чудесный Ужовый луг погиб безвозвратно. Лишенный дерна и выровненный, участок в сотню ярдов длиной уже был разделен столбами, канавами и начатой кладкой на строительные секции.

Мы подступили к траншее, в которую рабочие заливали раствор, и я увидел, что фундамент новостройки бутят кусками бурых камней из разломанной ограды.

— Какая жалость! — огорченно вздохнул я.

— Да, это ужасно, — тихо ответила Каролина. — Я понимаю, людям нужно жилье и все такое. Но у меня ощущение, будто Хандредс-Холл пережевывают, а потом отхаркнут.

Голос ее дрогнул. В дальнем конце стройки мы увидели Мориса Бабба, который через открытое окно своей машины разговаривал с прорабом. Заметив нас, он неспешно выбрался из автомобиля и направился к нам. Морису Баббу, хвастливому,

но смекалистому коротышке с бочкообразной грудью, перевалило за пятьдесят, он был хороший делец. Как и я, родом из трудового сословия, он сам выбился в люди и не упускал случая отметить, что сделал это без всяких покровителей. Здороваясь с Каролиной, Бабб приподнял шляпу, а мне протянул руку. Несмотря на холод, его толстые кургузые пальцы были теплы и упруги, как недоваренные сардельки.

— Я знал, что вы объявитесь, мисс Айрес, — приветливо сказал он. — Рабочие сомневались — мол, да куда в такой-то дождь, а я говорю: мисс Айрес не из тех, кого испугаешь непогодой. И вот она вы. Держите нас под присмотром, да? Знаете, доктор, мисс Айрес распекает моего прораба.

— Охотно верю, — улыбнулся я.

Каролина чуть зарделась. Отбросив с лица выбившиеся пряди, она слегка приврала:

— Доктор Фарадей интересовался, как идут работы, вот я и повела его глянуть.

— Что ж, буду рад показать! — ответил Бабб. — Особенно медику. На прошлой неделе к нам заглядывал санитарный инспектор мистер Уилсон. Сказал, отличное место в смысле воздуха и для отвода стоков; думаю, вы с ним согласитесь. Видите, как у нас все распланировано?

Тут шесть домов и за поворотом дороги еще шесть. — Пухлой ручонкой он ткнул в сторону проселка. — Дом на две семьи, с общей стеной. Обратите внимание, кладка из красного кирпича, под стать особняку. — Бабб показал на грубо штампованные малиновые кирпичи. — Будет этакое именьице! Пожалуйте за мной, я проведу вас по площадке. Осторожнее, мисс Айрес, не споткнитесь о веревки.

Он протянул куцепалую руку Каролине, которая в помощи не нуждалась, ибо на полголовы была выше его, однако вежливо позволила перевести себя через траншею. Бабб подвел нас к участку с уже готовым фундаментом и еще раз поведал, как расположатся дома, а затем, увлекшись, пригласил нас внутрь бетонного квадрата и стал рассказывать о будущих помещениях: вот тут будет «зала», там современная электрифицированная кухня с газовой плитой, а здесь туалет с ванной… Размером площадка не превышала боксерский ринг, но оказалось, что уже отбоя нет от желающих попасть в список новоселов. Предлагают деньги, сообщил Бабб, а также «сигареты и мясо в неограниченном количестве», если он «замолвит словечко».

— Это не ко мне, говорю я. Обращайтесь, гово-

рю, в муниципалитет. Между нами, — зашептал Бабб, — обращаться туда можно до посинения. Список составлен еще полгода назад. В него попал мой племянник Дуги с женой, надеюсь, дело не сорвется. Видели бы вы, мисс Айрес, как сейчас они ютятся в Саутгеме: в двух комнатушках вместе с женихой мамашей. Мочи нет. А вот такой домик им в самый раз. Позади разобьют садик, проложат дорожку, обнесут оградкой. Из Лидкота сюда пустят автобус, вы слыхали, доктор? Тот, что ходит по Барн-Бридж-роуд. Кажется, с июня откроют маршрут.

Он бы так и балаболил, но его окликнул прораб; извинившись, Бабб вновь сунул мне свои сардельки и отбыл. Каролина отправилась понаблюдать за рабочими, а я, оставшись в бетонном квадрате, подошел к воображаемому кухонному окну, которое выходило на парк и особняк. Сквозь голые деревья дом хорошо просматривался; я прикинул, что еще лучше он будет виден со второго этажа. Ясно, что хлипкие сетчатые изгороди на задах домиков не сдержат ребятню двадцати четырех семей от визитов в парк…

На краю стройки я отыскал Каролину, и мы немного поболтали с бетонщиком, за работой которого она наблюдала. Вообще-то, я его хорошо

знал — сын маминых дальних родственников, он доводился мне кем-то вроде кузена. В окружной школе, где имелось всего два класса, мы сидели за одной партой и были очень дружны. Затем я поступил в лемингтонский колледж, и дружба наша увяла; одно время бывший приятель и его старший брат Годди сильно мне досаждали — с горстями камушков караулили меня, когда вечером на велике я возвращался с учебы. Но это было давно. Кузен дважды был женат. Первая жена и ребенок умерли, а два его взрослых сына от второго брака недавно перебрались в Ковентри. Каролина спросила, как у них дела, и на смачном уорикширском наречии (невероятно, что когда-то и я так изъяснялся) знакомец поведал, что оба устроились на фабрику, где, кстати говоря, получают больше двадцати фунтов в неделю. Я бы сам не отказался от такого жалованья; думаю, Айресы эту сумму растягивали на месяц. Однако, разговаривая с Каролиной, кузен снял шапку, а на меня поглядывал смущенно и попрощался неловким кивком. Я понимал, что даже сейчас ему чудно называть меня «доктор», а уж обратиться ко мне по имени или «сэр» язык и вовсе не повернется.

— Пока, Том. — Я старался быть непринужденным.

— Увидимся, Притчетт, — с искренней теплотой сказала Каролина. — Было приятно с вами поболтать. Я рада, что у ваших мальчиков все так хорошо.

Сам не знаю почему, я вдруг пожалел, что на ней этот нелепый берет. Мы пошли обратно к дому; я чувствовал, что Притчетт смотрит нам вслед и, наверное, переглядывается с напарником.

В задумчивом молчании мы возвращались по собственным темным следам, оставленным в мокрой траве. Наконец Каролина заговорила:

— Бабб тот еще тип, правда? — В голосе ее была напускная веселость, но взгляда моего она избегала. — Как славно, что построят эти дома. Вот уж радость для ваших неимущих пациентов.

— Да, радость, — ответил я. — Никаких сырых полов и низких потолков. Хороший туалет. Раздельные комнаты для мальчиков и девочек.

— Нормальный жизненный старт для детей и все такое. Как здорово, что Дуги Бабб избавится от ужасной тещи… Ох, доктор… — Наконец Каролина взглянула на меня, а потом печально посмотрела на стройку. — Уж лучше переехать в такую кирпичную коробку с залой и современной кухней, чем жить в нашем старом хлеву. — Она подняла прутик и принялась стегать им по тра-

ве. — А что такое современная кухня?

— Без ниш и закутков.

— Значит, безликая. Что плохого в нишах и закутках? Кому они мешают?

— Иногда их слишком много. — Я вспомнил убогие жилища моих пациентов и, помолчав, задумчиво добавил: — Моя мать порадовалась бы такому домику. Если б я был другим, может, они бы с отцом и сейчас в нем жили.

— То есть? — взглянула на меня Каролина.

Я вкратце поведал, как родители надрывались, чтобы я закончил колледж и мединститут: по уши влезли в долги, на всем экономили, отец работал сверхурочно, а мать бралась за шитье и стирку, хотя еле могла переложить мокрое белье из чана в бадью.

Я полнился горечью, но остановиться не мог.

— Родители отдали все, чтобы я стал врачом, а я так и не понял, что мать больна. На мое обучение они угрохали целое состояние, а я узнал лишь то, что у меня неправильный выговор, плохая одежда и застольные манеры — все не так. Я начал стыдиться родителей. Друзей никогда к себе не приводил. Однажды отец с матерью приехали на окончание учебного года, когда мне вручали премию за научную работу. Помню физиономии

однокурсников, мне этого хватило. Больше я родителей не приглашал. Лет в семнадцать при клиентах я назвал отца дураком…

Я не договорил. Мягко, насколько позволил бушевавший ветер, Каролина сказала:

— Наверное, они вами очень гордились.

Я пожал плечами:

— Может быть. Но гордость не возмещает счастья. Им бы жилось лучше, если б я был таким, как мои кузены, вон как Том Притчетт. Наверное, и мне бы лучше жилось.

Нахмурившись, Каролина стегнула траву.

— Все это время мне казалось, что вы нас чуть-чуть ненавидите, — глядя в сторону, сказала она.

— Ненавижу? — изумился я.

— Да, из-за ваших родителей. Но теперь мне кажется… вы ненавидите себя.

Я не ответил, повисло неловкое молчание. Смеркалось, и мы прибавили шагу. Выбирая места посуше, мы вышли к зарослям, где садовую ограду сменял древний покосившийся заборчик. Не забор, а какой-то подзаборник, сострил я. Сравнение Каролину насмешило, развеяв нашу угрюмость. Перебравшись через заросшую канаву, мы оказались на заболоченном пятачке, который вновь одолели на цыпочках. Мои ботин-

ки на гладкой подошве были не приспособлены для подобных трюков, и раз я так оскользнулся, что чуть не сел на шпагат. От смеха Каролина зарделась, теперь ее щеки просто полыхали румянцем.

Чтобы не наследить на крыльце, мы направились к черному ходу. День был пасмурный, но, приближаясь к темному дому, мы словно входили в тень, — казалось, вздыбившиеся стены со слепыми окнами вбирают в себя последние крохи вечернего света. Каролина вытерла ноги о коврик, и я с огорчением отметил, что на лице ее вновь проступает усталость — кожа под глазами чуть сморщилась, будто кипяченое молоко, подернутое пенкой.

— Дни еще такие короткие, — вздохнула она, оглядывая дом. — Не люблю эту пору, а вы? Все тяготы кажутся еще тяжелее. Как жаль, что нет Родерика. Вдвоем с матерью… — Она потупилась. — Нет, мама милая, она не виновата, что хворает. Но иногда кажется, что день ото дня она глупеет, а мне не всегда хватает терпения. С Родом было весело. Смеялись над всякой чепухой. В смысле, пока он не заболел.

— Ничего, скоро он вернется, — тихо сказал я.

— Вы вправду так думаете? Хорошо бы с ним

повидаться. Ну что же это, он больной и совсем один! Мы ничего не знаем, как он там. Думаете, не надо к нему ехать?

— Можем съездить, если хотите. Я готов вас отвезти. Но по-моему, сам Род не проявлял желания увидеться?

Каролина огорченно помотала головой:

— Доктор Уоррен говорит, ему нравится уединение.

— Что ж, врачу виднее.

— Наверное…

— Давайте немного подождем. Я же говорю: скоро придет весна и все изменится, вот увидите.

Она энергично кивнула, желая мне верить. Потом еще раз шаркнула ногами по коврику и, тяжело вздохнув, направилась в холодный мрачный дом, где ее ждала мать.

В последующие дни, готовясь к больничному балу, я ловил себя на том, что вспоминаю этот тяжелый вздох. Благотворительный бал, проводившийся ежегодно, серьезно воспринимала одна молодежь, но и зрелые врачи охотно его посещали вместе с женами и взрослыми детьми. Местные доктора бывали на нем по очереди: нынче был черед мой и Грэма, а наш заместитель Фрэнк Уайз и доктор Моррисон, партнер Сили,

оставались на вызовах. Как холостяк, я был вправе привести пару гостей и еще задолго до вечера планировал пригласить миссис Айрес. Из-за ее нездоровья идея отпала, но мне пришло в голову, что, возможно, Каролина захочет стать моей спутницей хотя бы ради того, чтобы на вечерок покинуть Хандредс-Холл. Конечно, я допускал, что приглашение на «мероприятие», сделанное в последнюю минуту, ее отпугнет, а потому колебался, стоит ли все затевать. Однако я упустил из виду ее ироничность.

— Докторские танцульки! — обрадовалась Каролина, когда я наконец ей позвонил. — С удовольствием пойду.

— Точно? Вечеринка забавная. Скорее, это бал сиделок, а не врачей. Женщин всегда значительно больше.

— Не сомневаюсь! Поди, все красные, взволнованные — ну как же, слиняли с дежурства! Совсем как служивые молодки на военно-морских вечерах. А старшая сестра напьется и уступит хирургам? Скажите — да!

— Угомонитесь, — ответил я. — Иначе не будет сюрприза.

Она засмеялась; даже сквозь телефонные помехи в голосе ее слышалась неподдельная радость,

и я мысленно себя похвалил. Не знаю, держала ли она что в уме, когда согласилась стать моей спутницей. Наверное, было бы странно, если б молодая незамужняя женщина не рассчитывала встретить на бале одинокого мужчину. Но если подобные мысли ее посещали, она их умело скрывала. Видимо, унизительный опыт с мистером Морли научил ее осторожности. Она вела себя так, будто мы с ней пожилая пара, которая станет наблюдать за резвящейся молодежью. Когда в вечер бала я за ней заехал, она выглядела весьма неброско: оливковое платье, оставлявшее открытыми шею и руки, распущенные не подвитые волосы, грубоватое лицо почти без косметики.

Миссис Айрес была явно недовольна тем, что весь вечер проведет в одиночестве. Она сидела в малой гостиной, устроив на коленях поднос со старыми письмами мужа, которые раскладывала в аккуратные стопки.

Мне было неловко оставлять ее одну.

— Ничего, что мы ее покинули? — спросил я Каролину, заводя мотор.

— Ничего, есть Бетти, готовая сидеть с ней часами. Представляете, они играют в настольные игры! Как-то мы разбирали вещи, и мама наткнулась на старые доски. Теперь сражается с Бетти в

шашки и уголки.

— Миссис Айрес и Бетти?

— Чудно́, правда? С нами мать никогда не играла, а сейчас обе так увлеклись… Ставки у них по полпенни, мама нарочно поддается. На Рождество Бетти ездила домой, но вряд ли это ее порадовало… Бедняжка… Неудивительно, что своей кошмарной матери она предпочитает мою. А мама умеет нравиться людям…

Каролина зевнула и плотнее запахнула пальто. До Лемингтона было минут тридцать езды; убаюканные гулом мотора и ровным ходом машины по зимнему проселку, мы погрузились в дружелюбное молчание.

Но оба встрепенулись, въехав на территорию больницы, полную машин и людей. Бал устроили в актовом зале — просторной комнате с паркетным полом, из которой вынесли столы и скамьи; нынче резкий верхний свет был погашен, но горели симпатичные гирлянды из цветных лампочек и флажков, протянутые через потолочные балки. Когда мы вошли в зал, средней руки оркестр наигрывал инструментальную пьеску, и несколько легких на подъем пар уже кружили по скользкому полу, щедро присыпанному мелом. Гости за столами, расставленными по периметру

зала, еще собирались с духом, чтобы присоединиться к танцующим.

Длинное сооружение на козлах представляло собой бар, к которому мы направились, но меня окликнули коллеги — Бланд и Рикетт, хирург и местный терапевт. Я представил их Каролине, завязалась обычная в таких случаях легкая беседа. Оба держали в руках бумажные стаканчики; заметив, что я поглядываю на бар, Рикетт сказал:

— Жаждете хлороформного пунша? Не обольщайтесь названием, по вкусу это выдохшийся лимонад. Одну секунду, вот кто нам нужен!

Потеснив Каролину, он ухватил за рукав человека, разносившего напитки, и что-то зашептал ему на ухо. Бланд пояснил, что это «их секретный агент». Через минуту разносчик появился с четырьмя стаканчиками, до краев полными розоватой жидкостью, которую черпали из пуншевых чаш, но, как скоро выяснилось, крепко сдобренной бренди.

— Другое дело! — причмокнул Рикетт, облизывая губы. — Как вам, мисс… — Он забыл имя Каролины.

Бренди был ядреный, а пунш подслащен сахарином. Когда Бланд с Рикеттом отошли, я спросил Каролину:

— Осилите эту дрянь?

— Да уж не вылью! — засмеялась она. — Бренди левый?

— Наверное.

— Потрясающе!

— Надеюсь, глоток левого бренди нам не повредит.

Я приобнял Каролину за талию и увлек в сторону, чтобы ее не толкал народ, снующий к бару и обратно. Зал наполнялся.

Мы высматривали свободный столик, но меня снова окликнули — на сей раз врач, писавший отзыв на мою статью об успешном лечении Родерика. Было нельзя не подойти к нему, и он минут пятнадцать выспрашивал мое мнение по какому-то терапевтическому случаю, не особо обращая внимание на Каролину, которая оглядывала зал и застенчиво прихлебывала из стаканчика. Иногда она посматривала на меня, словно я открылся ей в новом свете.

— Вы тут фигура! — сказала она, когда мой собеседник наконец ушел.

— Да уж! — Я отхлебнул пунша. — Уверяю вас, я ноль без палочки.

— Вот и славно, будем двумя нолями. Этот бал — хорошее отвлечение от дома. А то, куда ни пой-

ду, всюду ловлю на себе жалостливые взгляды: «Вон бедняжка мисс Айрес из Хандредс-Холла…» Ух ты, смотрите! Сиделки прибыли огромной стаей, все как я говорила! Точно раскрасневшиеся гусыни! Знаете, когда началась война, я хотела стать сиделкой. Все вокруг твердили, что я просто создана для такой работы, и меня это оттолкнуло. Уж больно сомнительный комплимент. Вот почему я пошла на флот. А кончила сиделкой Родди.

Расслышав в ее голосе тоскливую нотку, я спросил:

— Скучаете по службе?

— Поначалу ужасно скучала, — кивнула Каролина. — Знаете, я была хорошим служакой. Стыдно в таком признаваться, да? Но мне нравилась вся эта морская кутерьма. Нравился установленный порядок. Все расписано: только такие чулки, только такие туфли, только такая прическа. В конце войны я хотела остаться на службе, отправиться в Италию или Сингапур. Но вот вернулась в Хандредс-Холл…

Какая-то торопливая парочка ее толкнула, и она расплескала выпивку. Слизнув с края стаканчика капли, Каролина замолчала. Музыка стала громче и оживленнее, в оркестре появился певец. Народ пробивался к танцплощадке, нас

окончательно затолкали.

— Не будем тут стоять! — Я перекрикивал музыку. — Может, вам с кем-нибудь потанцевать? Вон мистер Эндрюс, больничный хирург…

Каролина коснулась моей руки:

— Ой, пока больше ни с кем меня не знакомьте. Особенно с хирургом. Всякий раз, как он на меня посмотрит, мне будет казаться, что он прикидывает, где бы меня разрезать. Кроме того, мужчины не любят танцевать с высокими женщинами. Может, я с вами потанцую?

— Конечно, если хотите.

Осушив стаканчики, мы протолкались к танцплощадке. Несколько секунд нам было неловко, пока мы вставали в танцевальную позу, пытаясь преодолеть неизбежную скованность и вписаться в негостеприимную толчею.

— Терпеть этого не могу, — пробормотала Каролина. — Будто вскакиваешь на эскалатор.

— А вы закройте глаза.

Я повел ее в квикстепе. Попихавшись с соседями, пару раз ощутив их локти и каблуки, мы поймали ритм толпы и внедрились в центр площадки.

Каролина открыла глаза и опешила:

— Как же мы назад-то выберемся?

— Пока об этом не думайте.

— Придется ждать медленного танца… А вы хорошо танцуете.

— Вы тоже.

— Похоже, вы удивлены? Я всегда любила танцевать. На фронте отплясывала как бешеная. Там это было самое лучшее. В юности я танцевала с отцом. Он был высокий, и потому не имело значения, что я такая дылда. Он учил меня танцевать. Род был бестолковый. Говорил, я веду его, точно парень. Я не веду вас?

— Ничуть.

— Я не слишком много болтаю? Знаю, некоторые мужчины этого не любят. Наверное, разговоры сбивают их с такта.

— Можете говорить сколько угодно, — ответил я.

По правде, мне было приятно, что она в столь хорошем настроении, так расслаблена и податлива в моих руках. Я держал ее чуть на отлете, но от толчков танцующей публики нас то и дело прижимало друг к другу, и я чувствовал ее упругую грудь и литые бедра. При поворотах ее крепкая спина напрягалась под моими растопыренными пальцами. От расплескавшегося пунша рука ее была липкой, дыхание слегка отдавало бренди. Я

понял, что она чуть-чуть пьяна. Наверное, я и сам немного опьянел. Внезапно меня окатило волной искренней приязни к ней, и я улыбнулся.

— Что это вы ухмыляетесь? — откинув голову, спросила Каролина. — Прямо как танцор на конкурсе. Вам номер на спину не пришлепнули?

Она шутливо заглянула за мое плечо, и я вновь ощутил ее грудь.

— Вон доктор Сили! — прошептала Каролина. — Разверните меня и посмотрите на его бабочку и бутоньерку!

Сделав пируэт, я увидел своего громоздкого коллегу, танцевавшего с женой: бабочка в горошек, в петлице мясистая орхидея. Где только он ее раздобыл? На лоб его падала прядь чрезмерно намасленных волос.

— Мнит себя Оскаром Уайльдом, — сказал я.

— Кем? — Смех Каролины откликнулся в моих ладонях. — Куда ему! Девчонками мы прозвали его «осьминог». Вечно старался кого-нибудь из нас подвезти. Всегда казалось, что кроме лап, которые он держит на руле, у него по меньшей мере еще одна… Уведите меня, чтобы он нас не заметил. А то потом сплетен не оберемся. Рулите на край площадки…

— Слушайте, кто кого ведет? Я начинаю пони-

мать Родерика.

— Танцуйте на край! — опять засмеялась Каролина. — Затем пойдем по кругу, и вы про всех мне расскажете: кто больше других угробил пациентов, кто спит с медсестрами и прочие непотребства.

Мы танцевали еще под две-три песни, за это время я поведал о наиболее выдающихся больничных личностях, немного посплетничав; потом заиграли вальс, и толпа танцующих рассосалась. Мы пошли к бару за новой порцией пунша. В зале становилось жарко. Я увидел Дэвида Грэма и Анну, которые только что приехали и теперь пробирались к бару. Последний раз Каролина виделась с Дэвидом, когда я пригласил его для освидетельствования Родерика.

— Сюда идет Грэм, — тихо, насколько позволяла гремевшая музыка, сказал я. — Ничего, если вы встретитесь?

Не оглядываясь, Каролина мотнула головой:

— Ничего. Я предполагала, что он будет здесь.

Легкая неловкость, возникшая при встрече с Грэмами, вскоре растаяла. Они привели гостей: средних лет стратфордскую чету и их замужнюю дочь, которая оказалась давней приятельницей Каролины. Ахая и смеясь, девицы расцелова-

лись.

— Мы уже сто лет знакомы, еще с войны, — пояснила Каролина.

Миловидная блондинка Бренда показалась мне весьма жизнелюбивой. Я был рад за Каролину, но вместе с тем чуть взгрустнул, ибо появление стратфордских гостей словно провело черту между взрослыми и молодежью. Бренда и Каролина в сторонке покуривали, а затем под руку направились в дамскую комнату.

К их возвращению я был полностью во власти компании Грэмов, которая отыскала столик вдали от громыхавшего оркестра и выставила пару бутылок алжирского вина. Девушкам подали стаканчики, предложили стулья, но они не сели, а все поглядывали на танцплощадку. Прихлебывая вино, в такт музыке Бренда нетерпеливо покачивала бедрами. Оркестр вновь играл что-то быстрое, девушкам хотелось танцевать.

— Вы не обидитесь? — виновато спросила Каролина. — Бренда хочет познакомить меня с приятелями.

— Танцуйте, танцуйте, — ответил я.

— Я недолго, обещаю.

— Приятно видеть Каролину веселой, — сказал Грэм, когда девушки ушли.

— Да, — кивнул я.

— Часто с ней видишься?

— Заглядываю к ним, когда есть время.

— Ну да. — Казалось, Грэм ожидал услышать что-то еще. Помолчав, он доверительно спросил: — Насколько я знаю, братцу не лучше?

Я пересказал последнее сообщение доктора Уоррена, затем мы поговорили о наших пациентах, а потом стратфордец затеял дискуссию о грядущей системе здравоохранения. Как большинство терапевтов, он был категорически против нее, Дэвид яростно ее поддерживал, а я по-прежнему пребывал в мрачном убеждении, что она положит конец моей карьере. Затянувшееся обсуждение было довольно горячим. Временами я поглядывал на танцплощадку, а Каролина с Брендой то и дело подбегали глотнуть вина.

— Все хорошо? — спрашивал я, беззвучно артикулируя из-за плеча Грэма, а в следующий раз окликал: — Ничего, что я вас покинул?

— Не переживайте, — улыбалась Каролина.

Вечер продолжался, и я спросил Анну:

— Думаешь, Каролина не обидится? Как-то нехорошо, что я ее бросил.

Анна глянула на мужа и что-то ответила, но музыка заглушила ее слова. Я расслышал что-то

вроде «нам не привыкать» или «пора привыкать» и решил, что она меня не поняла. Видя мое недоумение, Анна рассмеялась:

— Бренда за ней присмотрит, не волнуйся. Все в порядке.

В половине двенадцатого кто-то схватил микрофон и объявил «Пол Джонс»[15]. К танцплощадке хлынула волна гостей, увлекшая и нас с Грэмом. Машинально поискав взглядом Каролину, я увидел ее в женском круге на другой половине зала и уже не терял из виду, рассчитывая при смене музыки встать с ней в пару. Но перед каждой сменой партнера нас уносило в разные стороны. Разбухший от сиделок женский круг был больше мужского; спотыкаясь о ноги соседок, Каролина улыбалась и раз скорчила рожицу: «Кошмар!» Когда мы снова пролетели мимо друг друга, она рассмеялась. Прядки распущенных волос липли к ее взмокшему лицу. Наконец при очередной смене она оказалась от меня в двух шагах, и я стал вежливо, но решительно к ней пробиваться, однако меня опередил какой-то огромный раз-

---

[15] Примечания: 15

«Пол Джонс» — общий танец с переменой музыки (вальс, фокстрот и другие) и партнера. Основное правило — нельзя отказываться от приглашения, цель — потанцевать с наибольшим числом партнеров. В центре зала оставляют пятачок для «потерявшихся» — танцоров, не нашедших себе пару.

горяченный мужик, в котором я не сразу узнал Джима Сили. Вообще-то, он имел полное право ее пригласить, но Каролина послала мне взгляд, полный комического ужаса, когда Сили ее облапил и повел в медленном фокстроте, прижав подбородок к ее уху.

Моей партнершей стала молоденькая сиделка; когда этот танец закончился и вновь возникла толчея, я ушел с площадки. Взяв стаканчик водянистого пунша, я выбрался из толпы и стал наблюдать за танцорами. Каролина избавилась от Сили, теперь ее партнером был менее дородный юноша в роговых очках. Сили тоже променял танцплощадку на бар. Залпом опрокинув стаканчик пунша, он собрался закурить, но заметил мой взгляд и подошел ко мне, протягивая портсигар.

— На этих вечерах я чувствую себя стариком, — сказал он, поднося мне зажигалку. — Сиделки чертовски молоденькие, правда? Я тут поплясал с одной цыпочкой, так на вид она не старше моей дочки, которой двенадцать. Вот уж раздолье для старого развратника… — Сили назвал старшего хирурга, чье имя пару лет назад фигурировало в небольшом скандале. — Танцуем мы, и я спрашиваю, как ей в нашей округе, а она отвечает, мол, похоже на место, куда в сороковом году ее

эвакуировали. Какой уж тут романчик. Лучше старый добрый вальс, чем эти скачки в кругах. Надеюсь, самбы-румбы сейчас закончатся. Вот тогда с божьей помощью…

Платком он промокнул лицо и отер багровую шею, просунув тот за воротничок рубашки. Бабочка его съехала набок, орхидея пропала — из петлицы торчал лишь толстый зеленый черенок с мутной капелькой на сломе. От Сили, разгоряченного выпивкой и танцами, полыхало жаром, словно от печки, и стоять с ним рядом в духоте зала было неприятно, но я не мог уйти раньше, чем выкурю предложенную им сигарету. Еще пару минут толстяк отирался, пыхтел и бубнил, а потом смолк, разглядывая скачущие пары.

Не сразу отыскав Каролину, я подумал, что она ушла с площадки, но потом увидел ее все с тем же очкариком и уже не спускал с нее глаз. «Пол Джонс» закончился, оркестр играл что-то спокойное, но всеобщее веселье еще не вполне угасло. Лицо Каролины блестело испариной, волосы растрепались, шея и плечи пошли красными пятнами, туфли и чулки были измазаны мелом. Ей идет быть такой, подумал я. Вопреки заурядной внешности и скромному платью она казалась совсем юной, словно молодость ее,

подстегнутая танцами и весельем, проглянула вместе с румянцем.

Закончив танец, они с очкариком начали следующий, и только тут, услышав реплику Сили, я понял, что он тоже за ними наблюдает.

— Каролина недурно выглядит, — сказал он.

Я отошел к соседнему столу загасить сигарету.

— Спору нет, — поддакнул я, вернувшись.

— Она прекрасно танцует. В курсе насчет своих бедер и знает, что с ними делать. Большинство англичанок танцуют на полусогнутых. — Лицо Сили приняло мечтательное выражение. — Полагаю, вы видели ее верхом? В ней что-то есть. Жаль, наружность подгуляла. Думаю, вас это… — он сделал последнюю затяжку, — не оттолкнет.

Я решил, что ослышался, но по его лицу понял: именно это он и сказал.

Сили скривил губы, выдувая дым в сторону, но увидел мою вытянувшуюся физиономию и рассмеялся, выпустив его сизым клубом:

— Полно вам! Ни для кого не секрет, сколько времени вы у них проводите. Открою вам: идут споры, на кого вы положили глаз — на дочку или мать.

В его устах все это звучало превосходной шуткой; он словно подзуживал меня на дерзкую

шалость, как старшеклассник, аплодирующий первашу, который отважился подглядывать за наставницей.

— Какая грандиозная забава для вас! — холодно сказал я.

— Не будьте таким! — вновь рассмеялся Сили. — Вы же знаете, что такое провинциальная жизнь. Ничуть не лучше больничной. Мы тут словно узники, что счастливы любому развлечению. Лично я не понимаю, чего вы тянете. Уж поверьте, миссис Айрес в свое время была красавицей. Однако на вашем месте я бы выбрал Каролину — по той простой причине, что у нее впереди много сладких годков.

Сейчас я вспоминаю его слова, поразившие меня своей наглостью, и удивляюсь, почему я позволил их произнести, почему не врезал ему по пьяной раскрасневшейся морде. Однако больше всего меня поразила звучавшая в них снисходительность. Я понимал, что меня выставляют болваном, но если б я ударил Сили, то лишь доставил бы ему радость, подтвердив, что в основе своей я тот, кем он меня считает, — неотесанная деревенщина. И потому я напряженно молчал; я желал, чтобы он заткнулся, но не знал, как это сделать. Видя мое смятение, Сили подтолкнул

меня локтем:

— Заставил вас призадуматься, а? Нынче же делайте свой ход, старина. — Он кивнул на танцплощадку. — Пока этот очкастый хмырь вас не опередил. Что ж, дорога до Хандредс-Холла темная и длинная.

Наконец я очнулся.

— Кажется, идет ваша жена, — сказал я, глядя за его плечо.

Сили захлопал глазами и обернулся, а я стал пробираться к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Пока я неуклюже тыркался сквозь путаницу столов и стульев, меня окликнула стратфордская чета, — увидев мое перекошенное лицо, супруги решили, что я не могу отыскать наш столик. Оба так обрадовались моему появлению (жена терапевта ходила с палкой и танцевать не могла), что у меня не хватило духу уйти, до конца вечера я сидел с ними. Не помню, о чем мы говорили. Я был ошарашен тем, что сказал Сили, мысли путались, я не мог разобраться в собственных чувствах.

Сейчас уже казалось невероятным, что я привел Каролину, не думая о том, как это будет выглядеть. Наверное, я привык, что мы общаемся в уединении Хандредс-Холла; пару раз во

мне шевельнулось какое-то чувство к ней, но с мужчиной такое случается, когда рядом женщина, — точно так же готовы вспыхнуть спички в коробке. Но выходит, все это время за нами наблюдали, о нас судачили, потирая руки… Казалось, меня одурачили, выставили на посмешище. Стыдно признаться, но мое смятение отчасти объяснялось довольно просто: как мужчина, я был уязвлен тем, что меня подозревают в ухаживании за девушкой, слывущей уродиной. Когда я поймал себя на этом, мне стало еще гаже. Вместе с тем во мне взыграла гордость: почему, позвольте узнать, я не могу привести на вечер Каролину Айрес, если мне так хочется? Почему я не могу танцевать с дочкой сквайра, если она сама того желает? Какого черта?

Вдобавок к этому сумбуру во мне вдруг заговорило невесть откуда взявшееся собственническое чувство к Каролине. Вспомнилась ухмылка Сили, когда он наблюдал за ней на танцплощадке. *В курсе насчет своих бедер и знает, что с ними делать… Полагаю, вы видели ее верхом?..* Все-таки надо было ему врезать, злобно подумал я. Если б сейчас он это повторил, я бы определенно съездил ему по морде. Я даже оглядел зал — возникла безумная идея разыскать Сили… Но его не

было ни среди танцующих, ни среди зрителей. Каролины с очкариком тоже было не видно. Я забеспокоился. Я поддерживал вежливую беседу со стратфордцами, курил и прихлебывал вино, но взгляд мой рыскал по залу. Танцы уже казались полной дурью, а танцоры суетливыми психами. Хотелось одного: чтобы Каролина вышла из этой дерганой распаренной толпы, надела пальто и я смог отвезти ее домой.

Наконец в начале второго, когда оркестр смолк и зажегся верхний свет, они с Брендой появились у нашего столика — обе разгоряченные танцами, в потеках туши и помады. Зевая, Каролина оттянула лиф платья, липнувшего к потному телу; в пройму выглянули край бюстгальтера и подмышка — затененная впадина с легкой щетинкой в катышках талька. Я с нетерпением ждал ее возвращения, но теперь, встретив ее улыбку, ощутил нечто похожее на злость и отвернулся. Я сухо сказал, что пойду в гардероб за одеждой, а Каролина с Брендой вновь отправились в дамскую комнату. Когда они, позевывая, вернулись, я с облегчением отметил, что Каролина причесалась, подкрасила губы и попудрилась, придав лицу надлежащий вид.

— Господи, ну и страшилищем я выглядела! —

Надев поданное мною пальто, она подняла взгляд к гирляндам с блеклыми флажками, которые вырезали еще ко Дню победы. — Примерно как этот зал. Свет убивает все очарование, правда? Но все равно уходить не хочется… В туалете плачет девушка. Наверное, какой-нибудь врач-скотина разбил ее сердце.

Избегая ее взгляда, я кивнул на ее расстегнутое пальто:

— Застегнитесь, на улице холодно. Шарф есть?

— Забыла.

— Ну хоть воротник поднимите.

Придерживая лацканы у горла, Каролина подхватила меня под руку, чего мне вовсе не хотелось. Пока мы прощались с Грэмами, стратфордской четой и жизнелюбивой блондинкой Брендой, я чувствовал себя чрезвычайно неловко: казалось, их взгляды полны игривости, ибо они понимают, что, по выражению Сили, «дорога до Хандредс-Холла темная и длинная». Потом я вспомнил смех Анны Грэм и ее странную реплику — мол, Каролине «пора привыкать», словно той вскоре предстояло стать докторской женой, — и еще больше зажался. Когда мы распрощались и пошли к выходу, я исхитрился пропустить Каролину вперед, дабы не вести ее под руку.

На улице было скользко, дул пронизывающий ветер, и она опять за меня ухватилась.

— Говорил же, замерзнете, — буркнул я.

— Либо замерзнуть, либо сломать ногу — не забывайте, я на каблуках. Ой, держите меня! — засмеялась Каролина. Она поскользнулась и, ухватившись за меня обеими руками, крепче прильнула.

Ее поведение меня коробило. В начале вечера она выпила бренди, затем пару стаканчиков вина, и я был рад (так мне казалось), что она выпускает пар. Но если в наших первых танцах ее чуть хмельная раскованность была неподдельной, то потом ее взбалмошность выглядела слегка вымученной. «Как жаль, что надо уезжать!» — повторила она, но как-то излишне оживленно. Казалось, она ждет от вечера чего-то большего и прилагает все усилия, чтоб получить сполна. Пока мы шли, она еще раз поскользнулась — не знаю, взаправду или нарочно; в машине я укрыл ее пледом, но она неудержимо тряслась, зубы ее стучали, будто игральные кости в стакане. Печки в машине не имелось, и потому я запасся грелкой и термосом с горячей водой. Заправив грелку, я передал ее Каролине, и она благодарно сунула ее под пальто. Но едва я завел мотор, как

она опустила стекло и высунулась наружу, хотя ее еще трясло.

— Что вы делаете, скажите на милость?

— Любуюсь звездами. Они так сияют.

— Ради бога, любуйтесь через стекло. Вы простудитесь.

— Вы прямо как доктор! — засмеялась Каролина.

— А вы прямо как глупая девчонка, хотя вы совсем не такая! — Я потянул ее за рукав. — Сядьте нормально и закройте окно.

С неожиданной покорностью она подчинилась, удивленная или напуганная ноткой раздражения в моем голосе. Я сам себе удивился, потому что Каролина ничем не провинилась. Виноват был паскудник Сили, которого я безнаказанно отпустил.

В молчании мы выехали с территории больницы; вскоре шум, сопровождавший разъезд гостей, — гудки клаксонов, прощальные оклики, звонки велосипедов — остался позади, на дороге стало спокойнее. Укутанная в плед Каролина понемногу согрелась и чуть расслабилась. Мое раздражение тоже слегка угасло.

Миновав окраину Лемингтона, мы выехали на темный проселок. За городом было морознее;

под светом фар кусты на обочинах, искрившиеся инеем, расступались, а затем вновь ныряли во тьму, смыкаясь, точно вода, вспененная носом корабля. Каролина смотрела вперед.

— Дорога завораживает. — Она потерла глаза. — Вам это не мешает?

— Я привык.

Мой ответ ее будто ошеломил.

— Ну да, конечно. — Она меня разглядывала. — Мчитесь сквозь ночь, пациенты прислушиваются к шуму вашей машины и высматривают свет ее фар. Как они рады вашему приезду! Если б сейчас мы неслись к постели больного, нас бы ждали с огромным нетерпением. Раньше я об этом не задумывалась. Вам не страшно?

Я переключил скорость.

— Почему я должен бояться?

— Ну, такая ответственность.

— Я уже сказал, я — ноль. Чаще всего меня даже не замечают. Люди видят врача. И саквояж. Он главный. Это мне сказал старый доктор Гилл. Когда я выпустился, отец подарил мне великолепный кожаный саквояж. Доктор Гилл взглянул на него и сказал, что с такой штуковиной я ничего не добьюсь, никто мне не доверится. Он дал мне свой старый потертый баульчик. Я долго им

пользовался.

— Но ведь вас ждут, вы желанны и необходимы. — Каролина будто не слушала меня. — Наверное, вам это нравится. Так?

Я глянул на нее:

— Что — так?

— Вам нравится, что ночью вы всегда кому-нибудь нужны?

Я промолчал. Похоже, она и не ждала ответа. Я еще четче уловил в ней какую-то фальшь, словно в сумрачной тесноте машины она пыталась предстать иным человеком — кем-то сродни Бренде. Каролина помолчала, а потом замурлыкала мелодию. Я узнал песню, под которую она танцевала с очкариком, и настроение мое вновь упало. Порывшись в сумочке, Каролина достала пачку сигарет.

— У вас есть такая штучка, чтобы прикурить? — спросила она, шаря по приборной доске. — Ладно, ничего, у меня где-то были спички… Вам зажечь?

— Не надо, передайте коробок.

— Нет, я сама. Тогда будет как в кино.

Чиркнула спичка; краем глаза я видел озаренные пламенем лицо и руки Каролины. В губах она держала две сигареты; обе прикурила и одну вставила мне в рот. Прикосновение холодных

пальцев и тычок сигареты с привкусом помады были неприятны; тотчас вынув сигарету изо рта, я оставил ее дымиться в руке, лежавшей на руле.

Мы молча курили. Каролина придвинулась к дверце и стала рисовать узоры на стекле, затуманенном ее дыханием.

— Знаете, эта Бренда мне совсем не по душе, — вдруг сказала она.

— Правда? Вот бы не подумал. Вы кинулись друг к другу, как воссоединившиеся сестры.

— Ох, женские штучки.

— Да, мне часто приходила мысль, как утомительно быть женщиной.

— Совершенно верно, если быть ею в полном смысле слова. Вот почему я редко себя этим утруждаю. Знаете, как мы с ней познакомились?

— С Брендой? Я думал, на военной службе.

— Нет, еще раньше. Месяца полтора мы были дружинницами. Мы с ней совсем разные, но от скуки разговорились. Бренда встречалась с парнем, в смысле спала, и как раз узнала, что беременна. Она решила избавиться от ребенка и искала кого-нибудь, кто сходил бы с ней в аптеку. Я согласилась. Мы поехали в Бирмингем, где нас никто не знал. Аптекарь оказался дотошным возбужденным старикашкой, какого я себе и

представляла. Я даже не знаю, хорошо это или плохо, если человек полностью соответствует твоим ожиданиям… Кстати, пилюли сработали.

— Позвольте усомниться. — Я переключил скорость. — Подобная дребедень почти никогда не помогает.

— Да ну? — удивилась Каролина. — Значит, просто совпадение?

— Просто совпадение.

— Стало быть, подружке Бренде повезло. Надо же! Хотя она из тех, кого удача не обходит вниманием: то улыбнется, то скорчит рожу. Есть такие, не замечали? — Каролина затянулась сигаретой. — Про вас спрашивала.

— Что? Кто спрашивал?

— Бренда. Подумала, вы мой отчим. Я сказала, мол, нет, и тогда она опять на вас так противно прищурилась и говорит: «Значит, твой папашка». Вот как у нее мозги работают.

Пропади ты пропадом! — мысленно ругнулся я. Похоже, так мозги работали у всех, все находили это чрезвычайно забавным.

— Надеюсь, вы ее одернули? — спросил я. Каролина молча выводила узоры на стекле. — Да?

— Ради смеха на минутку я оставила ее в заблуждении. Наверное, она тоже вспомнила

Бирмингем. Сказала, вся прелесть отношений с медиком в том, что не боишься залететь. Дорогая, говорю, кому ты рассказываешь! Я четырежды подворачивала лодыжку. Он был душка!

Каролина затянулась и уныло проговорила:

— Да нет, шучу. Я сказала правду: вы друг семьи и любезно пригласили меня на вечер. Думаю, после этого я упала в ее глазах.

— Похоже, она чрезвычайно гадкая девица.

— Какой вы сухарь! — засмеялась Каролина. — Почти все девицы так болтают… в смысле, друг с другом. Господи, я ног не чувствую!

Пытаясь согреться, она заерзала, потом сбросила туфли, подтянула к себе ноги и подоткнула под колени пальто; обтянутые чулками ступни Каролина устроила в проеме между нашими сиденьями и, не выпуская сигарету, принялась растирать пальцы.

Так продолжалось минуты две, потом она загасила сигарету в пепельнице и, подышав на руки, ухватила себя за щиколотки. Затем притихла, опустила голову на грудь и вроде бы задремала. На обледеневшем повороте машина заскользила, я ударил по тормозам и почти остановился; если б Каролина и впрямь уснула, сей маневр ее бы пробудил, но она не шелохнулась. Чуть позже

я затормозил на перекрестке и взглянул на нее. Глаза ее были закрыты; в потемках она казалась собранием угловатых фрагментов: квадратное насупленное лицо, резко очерченный рот, треугольник открытой шеи, мощные икры, крупные бледные кисти.

Но вот она открыла глаза, и фрагменты пошевелились. В зрачках ее отражался блик дороги, искрившейся под светом фар.

— Когда в первый раз вы меня подвезли, мы ели ежевику, — сказала Каролина. Разудалость ее исчезла, она говорила тихо, почти грустно. — Помните?

Включив скорость, я тронулся с места.

— Конечно помню.

Я чувствовал на себе ее взгляд. Потом она отвернулась к окну:

— Где мы?

— На дороге к Хандредс-Холлу.

— Уже так близко?

— Наверное, вы устали.

— Нет, вовсе нет!

— Танцы и молодые кавалеры вас не утомили?

— Танцы меня пробудили, а вот некоторые кавалеры и впрямь чуть не усыпили, — все так же тихо ответила она.

Я открыл рот, но ничего не сказал. Потом все же выговорил:

— А тот юноша в очках?

— Вы его заметили? — пытливо взглянула Каролина. — Он хуже всех. Как его, Алан или Алек… Сказал, что работает в больничной лаборатории, и все туману напускал, — мол, это так сложно и важно. Врет, наверное. Живет «в городе, с папой и мамой». Вот что я узнала. В танце он не может разговаривать. Да и танцевать не умеет.

Она прижалась щекой к сиденью, а во мне опять всколыхнулись сумбурные чувства.

— Бедняжка Алан или Алек! — съязвил я.

Каролина не уловила моего сарказма. Она снова уткнулась подбородком в грудь, слова ее звучали глухо:

— По правде, мне понравилось танцевать лишь с вами.

Я не ответил, и она продолжила:

— Я бы еще выпила капельку левого бренди. Вы не возите с собой фляжку?

Каролина зашарила в бардачке, где валялись всякие бумаги, гаечные ключи и пустые сигаретные пачки.

— Пожалуйста, не надо, — сказал я.

— Почему? Там что-нибудь секретное? Ничего

же нет. — Она перегнулась к заднему сиденью, и грелка, выскользнув из-под ее пальто, шлепнулась на пол. Каролина оживилась. — Наверное, в саквояже что-то есть.

— Не дурите.

— Что-то должно быть.

— Хлорэтил вас устроит?

— От него я усну, да? Но мне это не нужно. Спать я могу и дома. Господи, не хочу домой! Пожалуйста, отвезите меня куда-нибудь!

Она заерзала, точно ребенок; то ли от ерзанья, то ли от дорожной тряски нога ее одолела проем между сиденьями и уперлась в мое бедро.

— Вас ждет мать, — забеспокоился я.

— Ох, ей все равно! Она уже улеглась, а Бетти караулит. Кроме того, она знает, что я под вашим благородным присмотром и все такое. Не важно, когда мы вернемся.

— Вы шутите? — взглянул я. — Третий час, а в девять у меня прием.

— Давайте выйдем, прогуляемся.

— Вы же в туфлях!

— Я не хочу домой, вот и все. Разве нельзя куда-нибудь поехать, чтобы посидеть, покурить?

— Куда поехать?

— Куда-нибудь. Наверняка вы знаете такое

место.

— Не дурите, — повторил я, но довольно вяло, ибо перед моим взором, не спрашивая позволения, тотчас возник образ темного пруда в окаймлении камышей, который будто затаился на задворках сознания и только ждал ее слов. Я видел гладкую, усеянную звездами воду и хрусткую заиндевевшую траву, чувствовал покой и тишину заповедного места. До съезда к нему оставалась всего пара миль.

Наверное, она почувствовала во мне перемену, потому что перестала ерзать и затихла в напряженном молчании. Дорога пошла в горку, потом сделала поворот и нырнула под уклон; через минуту появился съезд. По-моему, до последней секунды я сам не знал, сверну к нему или нет. Потом я резко затормозил и, выжав сцепление, торопливо сменил передачу. Каролину мотнуло, она уперлась рукой в бардачок. Для нее поворот был еще неожиданней, чем для меня. Ноги ее скользнули вперед, и на секунду я почувствовал их под ляжкой, куда они забрались, точно крепкие и целеустремленные норные зверьки. Когда машина выровнялась, она подтянула ноги и пятками уперлась в скрипнувшее кожей сиденье.

Она вправду хотела где-нибудь посидеть и

выкурить сигарету? А я, подумав об этом месте, отчего-то забыл, что уже два часа ночи? Я выключил мотор; в тусклом свете фар не было видно ни пруда, ни тростниковой каймы, ни травы. Казалось, мы нигде. Лишь тишина была именно той, что возникла в моем воображении: неимоверно глубокая, она будто усиливала всякий нарушавший ее звук, и я отчетливо слышал, как Каролина дышит и сглатывает, размыкая слипшиеся губы. С минуту мы сидели не шелохнувшись: я вцепился в баранку, Каролина уперлась рукой в бардачок, словно опасаясь ухабов.

Потом я повернулся к ней. В темноте я не мог четко разглядеть ее лицо, но живо представил себе некрасивое сочетание сильных родовых черт. В голове прозвучал голос Сили: *в ней что-то есть*… Ведь я это чувствовал, правда? Чувствовал в нашу первую встречу, когда босой ногой она почесывала брюхо Плута, и потом еще сотни раз, когда цеплял взглядом ее крутые бедра, большую грудь и размашистую походку. Однако (тогда было стыдно в этом признаться, а сейчас стыдно вспоминать) во мне шевелилось еще какое-то темное тревожное чувство сродни неприязни. Разница в возрасте тут ни при чем. Об этом я даже не думал. То, что в ней привлекало, одновремен-

но и отталкивало. Словно я желал ее вопреки себе… Я опять вспомнил Сили. Все мои терзания он счел бы чепухой. Сили бы просто ее поцеловал. Много раз я представлял, как целую ее. Дразняще приоткрытые прохладные губы, за которыми таится удивительный жар. Я проникаю во влажное темное ущелье, чувствуя его вкус. Сили бы это сделал.

Но я не Сили. Я уже сто лет не целовался и бог знает когда последний раз обнимал женщину, охваченный полудохлой страстью. На миг я запаниковал. Вдруг я разучился? А рядом Каролина, тоже неуверенная, но молодая, живая, напряженная, ждущая… Наконец я снял руку с баранки и осторожно опустил на ее ногу. Пальцы ее шевельнулись, как от щекотки, но других откликов не было. Через шесть-семь ударов сердца рука моя по скользкому чулку взобралась на подъем ступни, одолела костяшку и съехала во впадину лодыжки. Не встретив отпора, она потихоньку двинулась выше, пробравшись в теплую и чуть влажную расселину под коленкой. Я развернулся к Каролине; другая моя рука хотела взяться за ее плечо, чтобы притянуть ко мне, но в темноте угодила под борт пальто и встретилась с выпуклостью груди. По-моему, Каролина вздрогнула,

когда мои пальцы скользнули по ее платью. Было слышно, как она опять сглотнула, а потом вздохнула, разлепив губы.

Я неловко расстегнул три перламутровые пуговки на платье, под которым обнаружилась скользкая застиранная штуковина с мягкой кружевной отделкой, а за ней очень простой и жесткий эластичный лифчик, какие я часто видел на своих пациентках. От воспоминаний о далеко не эротичных сценах в смотровой мое спотыкающееся вожделение почти увяло. Но тут Каролина шевельнулась или вздохнула, отчего грудь ее легла в мою ладонь, и я сосредоточился не на грубом лифчике, а на скрытой в нем теплой тугой плоти, увенчанной шишечкой, твердой, словно кончики ее красивых пальцев. Желание мое получило недостающую подпитку, и я подался вперед, уронив с головы шляпу. Моя левая рука забросила ее ногу мне на плечо, другая ее нога, теплая и тяжелая, сама легла на мои колени. Я ткнулся лицом в ее грудь, а затем потянулся к ее губам. Я хотел лишь поцеловать, но как-то неуклюже на нее взгромоздился. Каролина рванулась, подбородком ударив меня в макушку. Она задергалась, но я не сразу распознал в этом попытку высвободить ноги.

— Простите… — Она уже вырывалась. — Простите… Не могу…

Наверное, я опять не сразу понял, о чем она, или же причина в том, что дело зашло слишком далеко, но меня вдруг обуяло дикое желание, чтобы все случилось, и я вцепился в ее бедра. Меня удивила ярость, с какой она отбивалась. Возникла настоящая борьба. Затем она вслепую саданула ногой, точнехонько угодив мне в челюсть.

Слегка оглушенный, я отвалился к дверце. В темноте я не видел Каролину, но по скрипу сиденья догадался, что она спустила ноги, оправила подол и лихорадочно застегивается, словно охваченная паникой. Потом она закуталась в плед, отодвинулась от меня, насколько позволяла теснота машины, прижалась лбом к стеклу и замерла. Я не знал, что теперь делать. Неуверенно я коснулся ее руки. Каролина вздрогнула, но позволила погладить свою безжизненную руку, хотя это было все равно что гладить плед или сиденье.

— Господи боже мой! Я думал, вы этого хотите, — тоскливо сказал я.

— Я тоже так думала, — помолчав, ответила она.

Больше ничего не сказала. Напрочь сконфу-

женный, я убрал руку и нашарил на полу свою шляпу. Все было жутко нелепо, даже то, что окна запотели. Чтобы хоть чем-то перебить чувство дикой неловкости, я опустил стекло. Ночной воздух ворвался в машину, словно поток ледяной воды, и я понял, что Каролине холодно.

— Отвезти вас домой? — спросил я.

Она не ответила, но я завел мотор, грубо нарушивший тишину, и медленно развернулся.

Каролина ожила, когда мы уже ехали вдоль парковой ограды Хандредс-Холла. Не глядя на меня, она встряхнулась, поправила волосы и надела туфли. Я вылез из машины, чтобы открыть ворота; Каролина сбросила плед и села прямо, готовая к выходу. Осторожно проехав по обледенелой подъездной аллее, я свернул на гравийную дорожку. Свет фар мазнул по темным окнам, откликнувшимся мягким бликом сродни масляной пленке на воде. Я выключил мотор, и махина особняка будто шагнула к нам, грозно маяча на фоне усыпанного звездами неба.

Я потянулся к ручке, чтобы выйти и открыть дверцу Каролине, но она поспешно меня остановила:

— Не надо, я сама. Не хочу вас задерживать.

В ее абсолютно трезвом голосе не слышалось

ни девчачьей капризности, ни огорчения. В нем была легкая усталость, и только.

— Ладно, я отсюда прослежу, что вы благополучно вошли в дом.

— Здесь я не войду, — покачала головой Каролина. — Родди нет, и мать хочет, чтобы на ночь парадную дверь запирали. Пройду черным ходом, ключ я взяла.

— В таком случае я непременно вас провожу.

Мы выбрались из машины, в неловком молчании прошли мимо заставленных окон библиотеки и свернули к террасе с северной стороны дома. Было так темно, что мы шли по наитию. Случайно соприкоснувшись руками, мы тотчас расступались, но после очередного шага вслепую нас опять прибивало друг к другу. В какой-то миг наши пальцы на секунду сцепились, и Каролина отдернула руку, точно ошпаренная, а я сморщился, вспомнив кошмарную борьбу в машине. Стало душно, будто в темноте под одеялом. Мы вновь свернули за угол, и там даже звезды пропали, скрытые вязами. Я чиркнул зажигалкой, спрятав ее в ладони, Каролина с ключом наготове шла следом.

Открыв дверь, она вдруг задержалась на пороге, словно в нерешительности. В доме виднелась

тускло освещенная лестница, но после того, как я погасил зажигалку, на мгновенье мы еще больше ослепли. Когда глаза мои освоились с темнотой, я увидел, что Каролина повернулась ко мне, но смотрит под ноги.

— Я вела себя глупо, — тихо проговорила она. — Спасибо за прекрасный вечер. Мне понравилось, как мы танцевали.

Каролина взглянула на меня, будто желая что-то добавить, но тут лестница осветилась ярче, и она поспешно сказала:

— Бетти спускается. Надо идти.

Каролина весьма сдержанно чмокнула меня в щеку, но затем соприкоснулись краешки наших губ, и она, зажмурившись, неловко пригнула мою голову. На миг мы слились в поцелуе, я ощутил охвативший ее трепет. Потом она отпрянула.

Каролина вошла в дом, будто скользнув из ночной прорехи, которую тотчас заделала. Лязгнул ключ в замке, по голым каменным ступеням простучали каблуки. Теперь, когда ее не было рядом, она стала еще желаннее, я просто ее хотел. В полном раздрызге я привалился к двери, заклиная Каролину вернуться. Она не вернулась. Я выждал минуту, потом еще одну, а затем сквозь непроглядную темень побрел к своей машине.

9

Больше недели мы не виделись — я замотался с делами. Честно говоря, я был рад этой отсрочке, ибо получил возможность разобраться в своих чувствах и оправиться от конфузной промашки. Ничего такого не было, говорил я себе, во всем виноваты выпивка, темнота и легкая ошалелость от танцев. В понедельник, встретив Грэма, я не преминул обмолвиться, что в машине Каролина уснула и до самого дома спала как сурок, а затем сменил тему. Вроде бы я уже говорил, что по натуре я не лгун. На примере своих пациентов я слишком часто видел, к каким осложнениям приводит вранье. Но сейчас казалось, будет лучше раз и навсегда положить конец всяким домыслам насчет меня и Каролины — о ней я заботился не меньше, чем о себе. Я очень надеялся встретить Сили и напрямик потребовать, чтобы он пресек всяческие слухи о моих шашнях с одной или обеими Айрес. Потом я уже начал сомневаться, что подобные слухи вообще имели место. Может, это был всего лишь пьяный треп? Скорее всего, решил я и, встретившись с Сили, о бале не упо-

минал. Он тоже.

Однако всю эту хлопотную неделю я часто думал о Каролине. Заморозки сменились оттепелью, но я знал, что дождь не удержит ее от прогулки, и, срезая путь через имение, выглядывал ее в парке. Я высматривал ее и на подъездах к Лидкоту, ловя себя на том, что огорчен ее отсутствием. Но если появлялась возможность заскочить в Хандредс-Холл, я ею не пользовался… К своему удивлению, я понял, что побаиваюсь нашей встречи. Не раз я брался за телефонную трубку, но затем опускал ее, так и не позвонив. Вскоре дальнейшая проволочка стала казаться неестественной. Миссис Айрес могла счесть странным, что я так долго у них не появляюсь. Чтобы ненароком не пробудить в ней подозрений, чего я уже опасался, я наконец отправился в Хандредс-Холл.

Я приехал в среду днем, воспользовавшись окном в вызовах. В доме никого не было, кроме Бетти, которая под аккомпанемент радио, оравшего на кухне, весело драила медную посуду. Она сообщила, что Каролина с матерью где-то в саду, и после недолгих поисков я их обнаружил. Они совершали неспешный обход лужаек, обозревая запущенные клумбы, вдобавок пострадавшие от

проливных дождей. Миссис Айрес, укутанная от непогоды, выглядела гораздо лучше, чем в мой последний визит. Она первой меня заметила и, улыбаясь, пошла мне навстречу. Каролина, будто смутившись, склонилась за веточкой с лоснящимися бурыми листьями. Когда она выпрямилась, во взгляде ее не было ни тени смущения, и первым делом она спросила:

— Ну как вы, оклемались после танцев? Всю прошлую неделю ноги мои отваливались. Видела бы ты, мама, как мы с доктором зажигали! Ведь мы молодцы, правда?

Она вновь была дочкой сквайра и говорила легко, неспешно и спокойно.

— Да… — промямлил я, глядя в сторону; смотреть на нее не было сил, ибо во мне что-то ухнуло, и только сейчас я понял, что́ она для меня значит.

Стало ясно, что все мои опасливые рассуждения последних дней были ширмой, притворством, порожденным моей взбудораженной душой. Каролина разбередила меня, взбаламутила наши чувства, и мысль о том, что она способна их скрыть (как, скажем, скрыла тоску по Плуту), была невыносима.

Миссис Айрес направилась к очередной клум-

бе, я предложил ей руку, а Каролина подхватила ее с другой стороны. Наша троица неспешно вышагивала по лужайке, Каролина то и дело останавливалась, чтобы выдернуть побитое ливнем растение или прикопать то, которое еще могло выжить. По-моему, на меня она вообще не смотрела. Взгляд ее был устремлен вдаль либо вниз, и я видел лишь ее плосковатый профиль, частично или полностью перекрытый головой миссис Айрес. Помнится, обе не смолкая говорили о саде. В дождь обвалилась изгородь, и теперь они обсуждали, стоит ли ее восстанавливать. Треснула древняя садовая ваза, и большой куст розмарина требовал пересадки. Пару таких ваз из Италии привезли прадед и прабабка полковника. Как я считаю, нельзя ли склеить? Мы стояли перед жалкой щербатой чашей, сквозь щель в которой виднелся клубок спутанных корней. Присев на корточки, Каролина потыкала в них пальцем.

— Вряд ли удастся пересадить, — сказала она, глядя на куст.

Рукой в перчатке миссис Айрес провела по зеленовато-серебристым листьям, словно приглаживала локоны, и поднесла пальцы к лицу, вдыхая аромат:

— Какое благоухание!

Она протянула мне руку; машинально ткнувшись в нее носом, я улыбнулся, хотя уловил лишь горьковатый запах влажной замши. Все мои мысли были о Каролине. Я видел, как она опять потыкала корни, потом выпрямилась и отерла руки. Я видел, как она подтянула пояс пальто и постучала ботинком о ботинок, сбивая налипшую грязь. Я ни разу на нее не взглянул, но будто видел ее новым тайным глазом, который она сама во мне открыла, но который из-за ее беспечности мешал, словно соринка под веком.

Миссис Айрес повела нас на другую лужайку. Она хотела осмотреть дом с западной стороны, поскольку Барретт сказал, что забитая водосточная труба дала течь. Так и оказалось — возле колена трубы расплылось большое темное пятно. Оно тянулось под карнизом крыши и исчезало в шве, соединявшем пристроенный зал с задним фасадом дома.

— Могу спорить, что с этим залом всегда была морока. — Разглядывая пятно, Каролина ухватилась за материно плечо и привстала на цыпочки. — Интересно, как глубоко просочилась вода. Надеюсь, стену перекладывать не придется. Трубу-то мы починим, а вот серьезного ремонта нам не осилить.

Казалось, тема ее целиком захватила. Для лучшего обзора они с миссис Айрес отошли на лужайку. Потом мы все взошли на террасу, чтобы ближе рассмотреть ущерб. Предмет меня не шибко увлекал, и я молчал, поглядывая на дверь черного хода, где недавно мы с Каролиной стояли в темноте и она, запрокинув голову, неловко приникла к моим губам. Воспоминание было таким ярким, что на секунду закружилась голова. Меня окликнула миссис Айрес, и я, сморозив какую-то глупость насчет кирпичей, обошел террасу, чтобы не видеть тревожащую дверь.

Незрячим взглядом я уставился в парк, но потом заметил, что Каролина тоже отчалила с террасы. Видимо, и ее дверь беспокоила. Засунув руки без перчаток в карманы пальто, она медленно подошла ко мне.

— Слышите рабочих? — глядя в сторону, спросила Каролина.

— Рабочих? — тупо переспросил я.

— Сегодня хорошо слышно.

Она кивнула вдаль, где поднимались квадратные домики, казавшиеся хрупкими в гигантской паутине лесов. Прислушавшись, в тихом сыром безветрии я различил выкрики рабочих и шум стройки.

— Точно звуки боя, — сказала Каролина. — Похоже? Словно призрачная битва при Эджхилле[16], которую, говорят, слышно по ночам.

Опасаясь, что голос подведет, я промолчал, но, полагаю, мое молчание было не менее выразительно, чем оклик или прикосновение. Увидев мое лицо, Каролина через плечо глянула на мать и… Не знаю, как это случилось, но между нами наконец-то проскочил разряд, в котором было все: пружинистость ее бедер, в танце касавшихся моих ног, интимный сумрак промерзшей машины, ожидание, разочарование, борьба, поцелуй… Я вновь почувствовал, что шалею. Каролина опустила взгляд, мы молчали, не зная, что делать. Потом еле слышно я проговорил:

— Я думал о вас, я…

— Доктор! — позвала меня миссис Айрес.

Она хотела, чтобы я взглянул еще на один уча-

---

[16] Примечания: 16

Битва при Эджхилле (23 октября 1642 г.) — первое сражение английской Гражданской войны между «круглоголовыми» (граф Эссекс) и «кавалерами» (принц Руперт) за контроль над Оксфордом — резиденцией короля Карла I. Несмотря на чудовищные потери, ни одна из сторон решительного успеха не добилась. Существует легенда: осенним днем 1643 г. три пастуха погнали овечью отару к Эджхиллу. На вершине холма они услышали бой барабанов, крики и звон стали. В воздухе разразилась ожесточенная битва. Сотни всадников пронзали друг друга клинками, пушки изрыгали клубы густого черного дыма, стреляли мушкеты. То были призраки, сквозь их тела светило солнце. Мертвые вернулись, чтобы снова сражаться.

сток стены: расшивка осыпалась, не поползет ли кладка… Искра погасла. Каролина пошла на террасу, я поплелся следом; мы угрюмо осмотрели растрескавшиеся швы между вздувшимися кирпичами, я опять выдал какую-то нелепицу о возможном ремонте.

Вскоре миссис Айрес озябла и, взяв меня под руку, послушно отправилась в малую гостиную.

Последнюю неделю она почти не покидала свою комнату, желая окончательно избавиться от бронхита. Сейчас она села возле камина и, протянув руки к огню, с явным удовольствием вбирала тепло. Пальцы ее заметно похудели, то и дело она поправляла кольца, переворачивая их камнями вверх.

— Как чудесно вновь стать здоровой! — Голос ее был чист. — А то я уже чувствовала себя поэтессой… Как ее звали, дорогая?

— Не знаю, мама, — ответила Каролина, присаживаясь на диван.

— Да знаешь! Ты их всех знаешь. Ну, поэтесса, такая ужасно робкая.

— Элизабет Барретт?[17]

---

[17] Примечания: 17

Элизабет Барретт Браунинг, урожденная Моултон (1806–1861) — английская поэтесса, мастер интимной лирики, жена поэта Роберта Браунинга.

— Нет, другая.

— Шарлотта Мью?[18]

— Господи, сколько же их! Нет, я говорю про американку, что годами не выходила из своей комнаты, посылая записочки, и все такое.

— А, наверное, Эмили Дикинсон?[19]

— Да, она! Мне кажется, читать ее весьма утомительно. Вся эта обрывочность и недомолвки! Что плохого в славных длинных строчках и бойком ритме? В детстве у меня была гувернантка-немка, мисс Элснер, так она с ума сходила по Теннисону…[20]

Миссис Айрес пустилась в детские воспоминания, но, к сожалению, я ее почти не слушал. Я сел в кресло напротив нее, и мне приходилось поворачивать голову, чтобы увидеть Каролину,

---

[18] Примечания: 18

Шарлотта Мью (1869–1928) — английская поэтесса, в чьем творчестве нашли отражение викторианский и модернистский стили.

[19] Примечания: 19

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса, при жизни опубликовала менее десяти стихотворений из тысячи восьмисот написанных. Ее стихи не имеют аналогов в современной ей поэзии: короткие строчки, названия, как правило, отсутствуют, необычная пунктуация, использование заглавных букв. Многие ее стихи пронизаны мотивом смерти и бессмертия.

[20] Примечания: 20

Альфред Теннисон (1809–1892) — знаменитый английский поэт, носивший титул поэта-лауреата. Его творчеству свойственны глубокий лиризм, умение воссоздать красоты английского пейзажа, стих его

мелодичен и колоритен.

сидевшую на диване слева от меня. Всякий раз это выглядело нарочито, но было бы странно не смотреть на нее вообще. Иногда наши глаза встречались, но взгляд ее ничего не выражал, кроме настороженности.

— На этой неделе вы заглядывали на стройку? — спросил я, когда Бетти подала чай, а затем поинтересовался: — На ферму съездить не собираетесь?

Расчет был в том, что я предложу ее подвезти и выкрою несколько минут с ней наедине. Но Каролина спокойно ответила, что нынче уже никуда не выйдет, мол, полно домашних дел… Что еще мог я сделать, когда рядом была миссис Айрес? Улучив момент, я откровенно взглянул на Каролину и даже изобразил недоумение, но она испуганно отвернулась. Когда из-за диванных подушек она рассеянно вытащила клетчатый плед, меня резануло воспоминание о том, как в машине она отпрянула от меня и закуталась в одеяло. В голове зазвучал ее вскрик: *Простите… простите… не могу!..* Все показалось безнадежным.

Наконец миссис Айрес заметила, что я расстроен.

— Нынче вы какой-то пришибленный, доктор.

Надеюсь, ничего плохого?

— Просто рано встал, да еще осталось несколько вызовов, — отговорился я. — Вы меня весьма порадовали тем, что так хорошо выглядите. — Я демонстративно взглянул на часы. — Увы, мне пора.

— Очень жаль!

Я встал, миссис Айрес вызвала Бетти и велела ей принести мое пальто. Каролина тоже встала, и во мне всколыхнулась радостная волна от мысли, что она решила меня проводить. Но она лишь составила чашки на поднос. Когда я прощался с миссис Айрес, Каролина все же подошла ко мне, и я поймал ее придирчивый взгляд на мое пальто.

— Вы расползаетесь по швам, доктор, — тихо сказала она, ухватив мою верхнюю пуговицу, болтавшуюся на ниточке.

От неожиданности я дернулся, и пуговица осталась в ее руке; мы рассмеялись. Каролина потерла рифленую кожаную обшивку и смущенно выронила пуговицу в мою подставленную ладонь.

— Да уж, кто присмотрит за холостяком, — сказал я, пряча пуговицу в карман.

Я уже сотни раз говорил нечто подобное и сейчас ляпнул просто так. Когда до меня дошел подтекст моей реплики, кровь бросилась мне

в лицо. Мы оба замерли; не смея взглянуть на Каролину, я уставился на миссис Айрес, в глазах которой сквозило недоумение, словно она просила разъяснить непонятную шутку. Она переводила взгляд с дочери на меня, но мы, зардевшиеся и сконфуженные, молчали, и тогда лицо ее изменилось, словно лужайка под набежавшей облачной тенью. Недоумение сменилось внезапным удивленным пониманием, которое тотчас уступило место нерешительной униженной улыбке.

Миссис Айрес рассеянно пошарила по столику и встала.

— Боюсь, я вам надоела, — сказала она, запахивая шали.

— Бог с вами! — испугался я.

Не глядя на меня, миссис Айрес повернулась к дочери:

— Ты проводишь доктора к машине?

— Думаю, за это время доктор выучил дорогу, — рассмеялась Каролина.

— Конечно! — всполошился я. — Не хлопочите!

— Да нет, хлопоты лишь из-за меня, — сказала миссис Айрес. — Теперь я это понимаю. Раскудахталась… Доктор, прошу вас, снимите пальто и побудьте еще. Вам не стоит убегать, наверху у

меня куча дел.

— Мама, перестань! — нахмурилась Каролина. — Чего ты вдруг? Доктора ждут пациенты.

Миссис Айрес собирала свои вещи и будто не слышала:

— Думаю, вам есть о чем поговорить.

— Нет! Не о чем! Уверяю тебя!

— Мне вправду надо идти, — сказал я.

— Что ж, Каролина вас проводит.

— Нет, Каролина не проводит! — рявкнула Каролина. — Извините, доктор. Что за чепуха! Из-за какой-то пуговицы… Следили бы за одеждой… Теперь меня живьем съедят… Мама, сядь. Что бы тебе ни казалось, все не так. Тебе не надо уходить. Я сама уйду.

— Пожалуйста, не уходите! — поспешно сказал я, протягивая к ней руку.

Нежность, прокравшаяся в мой голос, и порывистое движение выдали нас с головой. Каролина была уже у дверей; она лишь раздраженно тряхнула головой и вышла вон.

Я уставился взглядом в закрытую дверь, потом обернулся к миссис Айрес.

— Так чепуха или нет? — спросила она.

— Не знаю, — беспомощно ответил я.

Миссис Айрес глубоко вздохнула, плечи ее по-

никли. Она тяжело опустилась в кресло, жестом пригласив сесть и меня. В пальто, со шляпой и кашне в руках я пристроился на край сиденья. Мы молчали. Было видно, что миссис Айрес обдумывает ситуацию. Наконец она заговорила, но ее фальшиво оживленный голос был подобен надраенной жестянке:

— Да, я часто думала, что из вас с Каролиной вышла бы хорошая пара. Кажется, эта мысль посетила меня, как только я вас увидела. Конечно, разница в возрасте, но для мужчины это не важно, а Каролина слишком разумна, чтобы придавать значение подобной мелочи… Казалось, вы просто друзья.

— Надеюсь, мы ими остались.

— И все-таки чуточку больше, чем друзья. — Миссис Айрес глянула на дверь и озадаченно сморщилась. — Но какая она скрытная! Ни словом не обмолвилась. А ведь я мать!

— В общем-то, рассказывать нечего.

— В таком деле поэтапности не бывает. Сразу переходишь из одной партии в другую. Не стану спрашивать, когда состоялся переход.

Я смущенно поерзал:

— Вообще-то, совсем недавно.

— Конечно, она взрослый человек и всегда

знала, чего хочет. Но поскольку отца ее нет в живых, а брат нездоров, я должна вас кое о чем спросить. О ваших намерениях и тому подобное. Как старомодно это звучит! Уже счастье, что вы не питаете иллюзий по поводу наших финансов.

Я опять поерзал:

— Знаете, все это как-то неловко. Лучше вам перемолвиться с Каролиной. Я не могу говорить за нее.

Миссис Айрес невесело усмехнулась:

— Да уж, я бы вам не советовала.

— По правде, я бы хотел закончить этот разговор. Мне действительно надо идти.

— Разумеется, как вам угодно, — кивнула миссис Айрес.

Однако еще несколько минут я оставался на месте, борясь с собственными чувствами: я был обескуражен тем, как оно все обернулось, и досадовал, что вся эта заваруха, до сих пор казавшаяся нежданной-негаданной, явно отдалила нас друг от друга. Наконец я резко встал; миссис Айрес подняла голову, и я опешил, увидев слезы в ее глазах, под которыми набрякли темные мешки; в волосах ее, нынче лишенных шелкового шарфа или мантильи, посверкивала седина.

Она заговорила, однако наигранная живость

исчезла, тон ее был проникнут чуть кокетливой жалобностью:

— Что со мной станет, доктор? Мой мир съеживается в булавочную головку. Ведь вы с Каролиной не бросите меня?

— О чем вы? — Покачав головой, я попытался выдавить смех. Но теперь мой собственный тон резал уши своей фальшивостью. — Поймите, все это нелепо и скоропалительно. Ничего не изменилось. Все по-прежнему, никто никого не бросит, — это я обещаю.

Я вышел в коридор, слегка ошалевший, но больше обеспокоенный оборотом и скоростью развития событий. И мысли не было искать Каролину. Надев шляпу и кашне, я зашагал к выходу.

Однако в вестибюле я уловил какой-то шорох или движение и, подняв взгляд к лестнице, за перилами первой площадки увидел Каролину. Лицо ее было в тени, а русые волосы под светом из стеклянного купола казались белесыми.

Сняв шляпу, я подошел к нижней ступеньке. Каролина осталась на месте.

— Извините, но мне вправду надо идти, — негромко сказал я. — Прошу вас, поговорите с матерью. Она… ей взбрело, что мы вроде как собираемся бежать.

Каролина молчала, и я еще тише добавил:

— Мы же не собираемся бежать, правда?

Она обхватила балясину и, покачав головой, прошептала:

— Столь разумные люди, как мы с вами, вряд ли на это решатся.

Я не видел ее лица, но голос ее был глух и ровен; не похоже, чтобы она шутила. Но ведь она меня поджидала, и я вдруг понял, что она и сейчас ждет, — ждет, чтобы я к ней поднялся и снял все вопросы. Но когда я шагнул на ступеньку, она отпрянула, а на лице ее отразился невольный испуг, который я разглядел, несмотря на тень.

Разочарованный, я сошел на розово-кроваво-красный мраморный пол:

— Да, сейчас вряд ли.

Тон мой был холоден. Я надел шляпу, рванул покоробившуюся дверь и вышел на улицу.

Тоска по ней, пришедшая почти сразу, теперь меня раздражала, а упрямство и хандра удерживали от того, чтобы искать с ней встречи. Расходуя бензин, я ездил к пациентам кружным путем. Совершенно неожиданно мы столкнулись на лемингтонской улице. Каролина с матерью приехали за покупками. Я не успел притвориться, будто их не заметил, и минут десять мы натуж-

но болтали ни о чем. Каролина была в своем неказистом вязаном берете и поносного цвета шарфе, которого раньше я не видел. Бледная и отстраненная, выглядела она неважно; когда прошел шок от внезапности встречи, я с горечью понял, что искра между нами больше не проскакивает, а наша особая симпатия угасла. Разговор с матерью определенно состоялся, но мы вели себя так, будто моего последнего визита вовсе не было. Прощаясь с ними, я приподнял шляпу, словно перед обычными знакомыми, и в скверном настроении пошел в больницу, где, помнится, устроил жуткий скандал сволочной медсестре.

В последующие дни я с головой погрузился в работу, не давая себе времени на праздные раздумья. И тут мне повезло. Больничный комитет собирался представить свои изыскания лондонской конференции, но врач, который должен был выступить с докладом, захворал, и мне предложили его заменить. Запутавшись в своих сердечных делах, я ухватился за возможность передыха; долгая конференция предполагала небольшую стажировку в лондонской больнице, и я, впервые за много лет, взял отпуск. Мои пациенты перешли Грэму и Уайзу, нашему заместителю. Пятого февраля я отбыл в Лондон, где провел почти две

недели.

Мое отсутствие практически не сказалось на жизни обитателей Хандредс-Холла, поскольку и раньше случалось, что я подолгу к ним не заглядывал. Однако потом я узнал, что по мне скучали. Наверное, Айресы привыкли, что я всегда под рукой и готов появиться, стоит набрать мой номер. Мои визиты скрашивали их одиночество, которое теперь набросилось на них с новой силой. Пытаясь развлечься, они навестили Десмондов и провели вечер с пожилой девушкой мисс Дабни. Потом съездили в Вустершир повидать старинных друзей семьи. Но поездка сожрала почти весь лимит бензина, а испортившаяся погода усугубила скверность сельских дорог. Опасаясь за здоровье, миссис Айрес безвылазно сидела дома. Нескончаемый дождь изводил Каролину, но она, облачившись в дождевик и резиновые сапоги, трудилась не покладая рук. Сначала на ферме помогала Макинсу с посевом яровых. Затем переключилась на сад, где вместе с Барреттом починила изгородь, после чего хоть как-то прочистила забитую водосточную трубу. Последняя работа доставила огорчение, ибо выяснилось, что стена промокла весьма глубоко. Уяснив масштаб проблемы, Каролина решила проверить все ком-

наты с западной стороны дома; миссис Айрес ее сопровождала. Обнаружив небольшие протечки в столовой и «раздевалке», они весьма неохотно открыли дверь зала.

Наутро после злосчастной октябрьской вечеринки миссис Бэйзли и Бетти часа три отмывали кровь с дивана и ковра, вынося ведра со зловеще розоватой водой. Затем грянули известные беды, началась кутерьма с Родом, и никому не хватало духу зайти в зал. Даже когда Каролина шерстила дом в поисках вещей на продажу, она обошла эту комнату, и, помнится, я подумал, что в ней развилось суеверие.

Однако теперь, открыв скрипучие ставни, Каролина и миссис Айрес костерили себя на все лады за то, что не заглянули сюда раньше. Зал пострадал невообразимо: разбухший от воды лепной потолок просел, и дождь, проникая сквозь трещины в штукатурке, беспрепятственно заливал ковер и мебель. К счастью, клавесин избежал этой участи, но гобеленовая обивка золоченых ампирных кресел погибла. Самое удручающее зрелище представляли собой желтые китайские обои, которые, вырвавшись из плена проржавевших кнопок, рваными полотнищами свисали с отсыревших стен.

— Что ж, мы прошли огонь, теперь, стало быть, пройдем воды… — оглядывая бедлам, вздохнула Каролина.

Были призваны Бетти и миссис Бэйзли, которым велели растопить камин, запустили генератор, принесли обогреватели и примусы; полтора дня комната сушилась и проветривалась. С потолком было ничего не поделать. При попытке включить свет люстра, в хрустальных плафонах которой стояли лужицы мутной воды, угрожающе крякнула и зашипела, после чего ее оставили в покое. Обои погибли безвозвратно. Но ковер еще было можно спасти, а крупную мебель, которую не удалось вынести, предполагалось отчистить и задрапировать. Перехватив волосы и облачившись в старые спортивные штаны, Каролина деятельно участвовала в работе. Здоровье миссис Айрес вновь пошатнулось, и потому она лишь горестно наблюдала, как оголяется комната.

— Твоя бабушка этого не пережила бы, — сказала она, трогая шелковые шторы в причудливых водяных разводах.

— Ничего не попишешь, — вздохнула Каролина. Долгая работа ее извела. Сейчас она сражалась с войлочным рулоном, собираясь укутать ди-

ван. — Комната свое отжила, вот и все.

— Ты так говоришь, будто мы превращаем ее в гробницу! — испугалась миссис Айрес.

— Если бы! Тогда совет графства выдал бы ссуду, а Бабб взялся бы за перестройку… Ах ты, сволочь! — Каролина швырнула рулон. — Извини, мама, не сдержалась. Может, лучше пойдешь в гостиную, если все это столь огорчительно?

— Как вспомню приемы, которые мы с твоим отцом здесь устраивали! Ты была крохой!

— Я понимаю. Но папа не очень-то любил эту комнату, помнишь? Говорил, от этих обоев его мутит.

Каролина огляделась, ища какое-нибудь несложное занятие для матери, и подвела ее к креслу возле шкафчика с патефоном.

— Слушай, если уж делать, так делать, — сказала она, достав кипу старых грампластинок. — Я давно хотела их разобрать. Давай вместе посмотрим и решим, что можно выбросить. Наверняка тут в основном хлам.

Поначалу она просто хотела отвлечь мать, чтобы та не моталась по комнате. Но в кипу пластинок затесались ноты, концертные и театральные программки, меню и приглашения на обеды, датированные первыми годами материно-

го замужества и ее собственного детства. Целый час Каролина и миссис Айрес ахали над обнаруженными вещицами. Там были приобретения полковника и старые танцевальные мелодии, собранные Родом. Миссис Айрес отыскала оперу Моцарта, которую впервые слушала в свой медовый месяц в 1912 году.

— Я помню свое платье! — Она опустила конверт на колени, взгляд ее стал мечтательным. — Голубой шифон, оборчатый рукав-фишю. Мы с Сисси спорили, кому достанется это платье. В нем будто паришь. В восемнадцать лет все парят, а мы были совсем девчонки… Твой отец был в смокинге и с тростью! Он подвернул лодыжку, когда соскакивал с лошади. Пустячное растяжение, но недели две он ходил с тростью — интересничал. Он сам был мальчишка — двадцать два года, моложе, чем сейчас Родерик…

Мысль о сыне ее опечалила, взор ее затуманился. Каролина мягко забрала у нее пластинку и поставила на патефон. Совершенно стертая игла заскользила по шеллаку старого диска; вначале слышались только шипенье и треск, но потом чуть хаотично грянул оркестр. Голос певицы пробился сквозь его звуки и воспарил, «точно хрупкое прекрасное существо, вырвавшееся из

колючек», рассказывала Каролина.

Возникли удивительно трогательные минуты. Стоял пасмурный, дождливый день, в зале было сумрачно, но романтический свет камина и урчавших обогревателей словно вернул комнате былую красоту вопреки повисшим обоям и просевшему потолку. Миссис Айрес улыбалась, взгляд ее помягчел, пальцы тихонько шевелились в такт музыке. Даже миссис Бэйзли и Бетти прониклись благоговением. Двигаясь бесшумно, точно в пантомиме, они укрывали ковер половиками и осторожно снимали зеркала со стен.

Ария закончилась. Игла раз за разом постукивала в последней канавке диска. Каролина подняла звукосниматель; наступившую тишину нарушал только размеренный звук капель, из трещин в потолке падавших в расставленные ведра и тазы. Миссис Айрес щурилась, будто очнувшись от сна. Дабы развеять грусть, Каролина поставила разбитную эстрадную песенку, под которую в детстве они с Родериком маршировали.

— *Ох, свезет девчонке, что влюбится в солдата!* — напевала она. — *Девушки, где вы?*

Оживившиеся служанки двигались в ритме музыки.

— Вот славная песенка! — одобрила миссис

Бэйзли.

— Вам нравится? — откликнулась Каролина. — Мне тоже. Только не говорите, что Веста Тилли[21] пела ее в ваш медовый месяц.

— Какой еще медовый месяц? — скривилась миссис Бэйзли. — Его не было вовсе. Только ночь у сестры в Ившеме. Они с мужем легли с детьми, чтобы освободить комнату для нас с мистером Бэйзли. А затем мы прямиком отправились в дом свекрови, где у нас не было даже своей кровати… девять лет, пока старуха не померла.

— Господи! — ахнула Каролина. — Бедный мистер Бэйзли!

— Ничего, он не жаловался. Держал у себя бутылку рома и горшочек черной патоки. На ночь скармливал мамаше столовую ложку того и другого, и та дрыхла без задних ног… Бетти, дай-ка мне ту жестянку… вот умничка!

Каролина рассмеялась и заглянула в коробку, которую Бетти передала миссис Бэйзли. Там лежали знакомые с детства узкие мешочки с песком, прозванные змеюками, — ими прокладывали щели, спасаясь от сквозняков. С ностальгической

---

[21] Примечания: 21

Веста Тилли — сценический псевдоним популярной эстрадной актрисы Матильды Элис Паулс (1864–1952), часто выступавшей в мужском образе.

грустью Каролина смотрела, как служанка укладывает мешочки на подоконники и в проемы между рамами. Один она взяла и рассеянно вертела в руках, разбирая пластинки и бумаги.

Через пару минут миссис Бэйзли досадливо крякнула и попросила Бетти подать ей воду и тряпку. Каролина машинально обернулась к окну. Стоя на коленях, служанки хмурились и поочередно терли какое-то пятно на дубовой панели.

— Что там, миссис Бэйзли? — без особого интереса спросила Каролина.

— Да вот, сама не понимаю, мисс. Видать, намазала девчушка, которую покусали.

Сердце Каролины екнуло. Она вспомнила, что именно в этой оконной нише сидела Джиллиан Бейкер-Хайд, когда Плут ее тяпнул. Половицы и дубовая панель были сильно забрызганы кровью, но их тогда же отмыли вместе с ковром и диваном. Видимо, какое-то пятнышко осталось незамеченным.

Однако что-то в голосе и поведении миссис Бэйзли настораживало. Выпустив из рук мешочек, Каролина подошла к окну.

— Что там? — спросила миссис Айрес.

— Не знаю, какой-нибудь пустяк.

Миссис Бэйзли и Бетти посторонились. На панели Каролина увидела не пятно, а детские каракули — беспорядочные буквы «с», небрежно выведенные торопливым карандашом. Выглядело это вот как:

с сс сссс

сс с

сс ссс

— Господи! — прошептала Каролина. — Значит, дразнить собаку ей было мало!.. Извините. — Она заметила взгляд миссис Бэйзли. — Я бы что угодно отдала, лишь бы с девочкой ничего не случилось. Наверное, у нее был карандаш. Или стащила наш. Полагаю, это ее работа? Думаешь, накорябали недавно?

Последний вопрос адресовался миссис Айрес, которая тоже подошла к окну. Вид у нее был странный: казалось, она испугана, однако ее тянет потрогать каракули.

Миссис Бэйзли отжала тряпку и вновь принялась тереть буквы.

— Не знаю, давно они тут или нет, но прям будто въелись! — отдуваясь, проговорила она. — Когда

мы прибирались перед вечеринкой, их здесь не было, правда, Бетти?

Девушка испуганно взглянула на Каролину:

— По-моему, нет, мисс.

— Точно не было, — сказала миссис Бэйзли. — Я сама тут каждый дюйм облазала, а Бетти чистила ковер.

— Значит, напроказил ребенок, — вздохнула Каролина. — Очень скверно с его стороны. Вы уж постарайтесь оттереть, ладно?

— Я и так стараюсь! — вознегодовала миссис Бэйзли. — Только вот что я вам скажу: если это карандаш, то я китайский император. Не отдерешь.

— Может, тушь или пастель?

— Не знаю. Прям кажется, буквы проступили изнутри.

— Изнутри? — испуганно повторила Каролина.

Удивленная ее тоном, миссис Бэйзли задержала на ней взгляд, затем посмотрела на часы и прицокнула языком:

— Через десять минут мне шабашить. Бетти, я пойду, а ты попробуй содой. Только смотри не шибко, а то пузыри вздуются…

Миссис Айрес отвернулась. О каракулях она ничего не сказала, но как-то сникла, будто неожи-

данное напоминание о злосчастном приеме бесповоротно заклеймило день печалью. Сославшись на усталость, она медленно и неуклюже собрала свои вещицы и ушла к себе наверх. Каролина тоже решила покинуть зал, окончательно утративший свою прелесть. С коробкой предназначенных на выброс пластинок она последовала за матерью, только раз оглянувшись на панель под окном, где неизгладимые каракули извивались, точно маленькие угри.

Все это происходило в субботу — наверное, как раз в то время, когда я делал доклад на лондонской конференции, гоня мысли о Каролине, осевшие на задворках сознания. К концу дня морока с уборкой закончилась, комнату благополучно закрыли, накрепко замкнув ставни и дверь; в широком спектре семейных бед каракули на панели представляли собой лишь досадную неприятность, и о них почти забыли. Воскресенье и понедельник прошли бессобытийно. Дни выдались холодные, но сухие. И потому Каролина удивилась, когда во вторник за дверью зала услышала тихий размеренный перестук, похожий на дождевую капель. Испуганная мыслью, что потолок непостижимо протек в новом месте, она открыла дверь и заглянула в комнату. Перестук

тотчас прекратился. Затаив дыхание, Каролина вглядывалась в темную комнату, различая вислые полотнища обоев и причудливые контуры задрапированной мебели, но ничего не слышала. Она закрыла дверь и пошла по своим делам.

На другой день, проходя мимо зала, Каролина вновь услышала странный звук. Уже не сомневаясь, что слышит дробный стук капель, она вошла в комнату и отворила ставень. Как и прежде, шум смолк, едва она открыла дверь; Каролина проверила расставленные в комнате тазы и ведра, мельком глянула на половики, укрывавшие ковер, но все было сухо. Сбитая с толку, она уже хотела плюнуть на все и уйти, но стук возобновился. Однако теперь казалось, что он исходит не из зала, а из соседней комнаты. Словно какой-то мальчишка-оболтус, рассказывала Каролина, негромко, но нахально палочкой отбивал «трата-та». Совершенно озадаченная, она вышла в коридор и прислушалась. Звук привел ее в столовую и там резко смолк, а через пару секунд опять возник, но уже за стенкой, в малой гостиной.

Миссис Айрес, которая в гостиной читала недельной давности газету, ничего не слышала.

— Как же так? Ты уверена? — спросила Каролина и тотчас воскликнула, подняв палец: — Ну вот

же! Слышишь?

Прислушавшись, миссис Айрес согласилась: да, что-то есть, но только не «дробь», как выразилась Каролина, а скорее стук; видимо, в трубах центрального отопления образовалась воздушная или водяная пробка. Каролина недоверчиво подошла к чуть теплой древней батарее, не подававшей признаков жизни. Едва она убрала руку с радиатора, как стук, уже громче и отчетливей, раздался над ее головой. Он был так явен, что можно было следить за его перемещением по стенам и потолку. Казалось, по полу верхней комнаты прыгает твердый мячик.

Была вторая половина дня, миссис Бэйзли уже ушла, но, естественно, возникло предположение, что в верхних комнатах убирается Бетти. Однако вызванная звонком служанка явилась из подвала, откуда, по ее словам, последние полчаса не отлучалась, ибо готовила чай. Бетти оставили в гостиной, и все десять минут, что она там была, в доме стояла абсолютная тишина; но едва служанка вышла, как стук возобновился. Теперь он доносился из коридора. Каролина распахнула дверь и увидела Бетти, которая застыла на мраморном полу, тогда как тихое четкое постукиванье раздавалось за верхними панелями стены.

Никто из них не испугался, даже Бетти, рассказывала Каролина. Казалось, странный, но не зловещий стук с ними играет, гоняя из одного места в другое, все это выглядело каким-то озорством. Наконец они добрались до вестибюля, который всегда был самым зябким местом в доме, а нынче походил на ледник. Каролина потерла руки и глянула на продуваемую сквозняком лестницу.

— Если оно собралось наверх, пусть идет само, — сказала она. — Идиотские игры мне даром не нужны.

В ответ прозвучало громкое и как бы негодующее «тра-та-та», после чего стук с явной неохотой «обосновался» в одном месте — создалось странное впечатление, что он исходит из плетеного шкапика под лестницей. Впечатление было настолько четким, что Каролина к шкапику подошла опасливо. Взявшись за ручки, она чуть отстранилась, словно боясь, что стуколка выскочит, как чертик из коробочки. Но дверцы распахнулись безобидно, явив лишь кучку непонятных безделушек; перестук возобновился, и стало ясно, что его источник находится не в самом шкапике, а позади него. Закрыв дверцы, Каролина заглянула в темную узкую щель между

шкапиком и стеной. Затем весьма неохотно сунула туда руку. Затаив дыхание, она распластала пальцы на сухой деревянной панели.

Стук повторился, уже громче. Отпрянув, Каролина рассмеялась и затрясла рукой, словно избавляясь от мурашек.

— Оно там! Я его почувствовала! Будто ручонка барабанит по стене. Наверное, жучки, или мыши, или что-нибудь этакое. — Она ухватилась за край шкапика. — Ну-ка, помоги, Бетти.

Теперь служанка испугалась:

— Я не хочу, мисс.

— Ну же! Оно тебя не укусит.

Бетти подчинилась. С легким, но громоздким шкапиком пришлось немного повозиться; когда стена за ним открылась, стук прекратился, но зато ахнула миссис Айрес. Из-за края шкапика Каролина видела, что мать потянулась к стене, но затем отдернула руку, испуганно прижав ее к груди.

— Что там, мама?

Каролина опустила шкапик. Миссис Айрес не ответила. Утвердив плетеное сооружение на полу, Каролина подошла к матери и увидела причину ее испуга.

На стене виднелись детские каракули:

ССС СССС С СЬ С

— Невероятно! — вытаращилась Каролина. — Это уж ни в какие ворота! Как же ребенок… ведь ей не под силу… Да? — Она взглянула на мать, но та молчала. Каролина повернулась к Бетти. — Когда последний раз двигали шкапик?

Было видно, что служанка крепко струхнула.

— Не знаю, мисс.

— Подумай! После пожара его трогали?

— Наверное, да.

— Я тоже так думаю. Вы же мыли все стены, верно? Никакой надписи не было, так?

— Не помню, мисс. Кажется, нет.

— Иначе ты бы ее заметила, правда?

Каролина подошла к стене. Разглядывая буквы, она потерла их рукавом кофты, затем послюнявленным пальцем. Надпись не исчезла. Каролина растерянно покачала головой:

— Неужели это сделал ребенок? Но как? Кажется, она выходила в туалет. А затем шмыгнула сюда? Может, ее позабавило, что надпись обнаружат очень не скоро…

— Закрой, — резко сказала миссис Айрес.

— Надо бы смыть, — обернулась к ней Каролина.

— Незачем. Не видишь, что ли? Буквы точно такие же. Зря мы их отыскали. Я не хочу на них смотреть. Закрой.

— Хорошо-хорошо.

Каролина взглядом позвала Бетти, и вдвоем они перекантовали шкапик на прежнее место.

Лишь теперь, рассказывала она, до нее стала доходить вся странность происходящего. До сих пор она не боялась, но все эти стуки, надписи, слова матери и наступившая тишина поубавили в ней храбрости.

— Видимо, дом хочет с нами поиграть, — с напускной бравадой сказала Каролина. — Не станем обращать внимание, если он опять что-нибудь затеет. Слышишь, дом? — возвысила она голос, обращаясь к лестнице. — Дразнись сколько хочешь! Мы с тобой не играем!

На сей раз ответных стуков не было. Тишина поглотила ее слова. Каролина заметила испуганный взгляд служанки.

— Ладно, Бетти, иди на кухню, — уже спокойнее сказала она.

Девушка нерешительно потопталась на месте:

— С мадам все хорошо?

— Все прекрасно. — Каролина взяла мать за руку. — Мама, пойдем в тепло.

Однако миссис Айрес опять сказала, что хочет побыть одна в своей комнате. Подтянув шаль, она стала тихо взбираться по лестнице, Каролина и Бетти проводили ее взглядом. Миссис Айрес пробыла в своей комнате до самого ужина и, похоже, успокоилась. Каролина тоже вновь обрела душевное равновесие. О каракулях никто не говорил. Вечер и следующий день прошли спокойно.

Однако в конце недели миссис Айрес провела беспокойную ночь, оказавшуюся первой в череде подобных. Как многих женщин, переживших войну, ее легко будил всякий посторонний шум, и в ту ночь она встрепенулась от сна с четким ощущением, что кто-то ее позвал. Замерев в глубокой зимней темноте, минуту-другую миссис Айрес напряженно прислушивалась, но потом, ничего не услышав, расслабленно откинулась в кровати. Она уже устраивала голову на подушке, когда вдруг за шорохом наволочки под ухом ей почудился еще какой-то звук. Миссис Айрес вновь села. Через секунду звук повторился. Не голос. Не дробь или стук. За потайной дверью в бывшую гардеробную, которая теперь служила чуланом для хранения всяких баулов и корзин, безошибочно слышалось тихое, но отчетливое трепетанье. Столь странный звук породил в воображении

миссис Айрес невероятную картину, всерьез ее испугавшую: казалось, некто, проникший в гардеробную, выкидывает одежду из корзин.

Но звук не смолкал, и она угадала в нем стук крыльев. Видимо, в камин залетела птица.

Новость угомонила буйную фантазию, однако тоже стала помехой сну, ибо теперь возникло видение несчастного существа, в панике рвущегося на свободу. Мысль зайти в гардеробную и поймать птицу отнюдь не грела. Миссис Айрес не питала симпатии к пернатым и другим порхающим созданиям, поскольку в ней жил детский страх перед шансом столкнуться с крылатой тварью, которая запутается в ее волосах. В конце концов терпение иссякло. Запалив свечу, миссис Айрес вылезла из постели, облачилась в халат, который застегнула до горла, плотно повязала голову шарфом, надела туфли и замшевые перчатки. Экипировавшись, по ее словам, «совершенным чучелом», она опасливо потянула дверь гардеробной. В повторение зальных опытов Каролины, трепетанье стихло, едва дверь шевельнулась в петлях, и в комнате воцарился полный покой. На полу не было ни помета, ни перьев, а закрытая вьюшка, как выяснилось, приржавела к трубе дымохода.

Растревоженная, миссис Айрес до рассвета бдела, но дом был тих. Следующим вечером она легла пораньше и спала без происшествий. Однако третья ночь в точности повторила первую. На сей раз миссис Айрес вышла на площадку, разбудила Бетти и, приведя ее в спальню, велела ей слушать под дверью гардеробной. Все это происходило примерно без четверти три. «Что-то слышу, а что — непонятно», — сказала Бетти, но когда они отважились заглянуть в чулан, там ничто не шелохнулось… Миссис Айрес решила, что первое впечатление ее не обмануло. Невозможно, чтобы шум ей почудился, трепетанье было слишком отчетливым, а стало быть, плененная птица находится в самом дымоходе. Мысль эта крепко засела в ее голове, а поздний час, безмолвие и тьма, думаю, лишь усугубили наваждение. Миссис Айрес отправила Бетти спать, а сама, растревоженная, лежала без сна. Утром Каролина, пришедшая поздороваться, нашла мать в гардеробной: стоя на коленях перед камином, та пыталась кочергой поддеть заржавевшую вьюшку.

На секунду Каролина подумала, что матушка спятила. Но потом, выяснив, в чем дело, помогла миссис Айрес подняться и сама занялась взломом, а после его успешного завершения тыкала

рукояткой швабры в дымоход, пока не заныло плечо. Вызванный ею поток сажи превратил ее в исполнительницу негритянских песен. В этом гриме не оказалось ни пушинки, ни перышка, но миссис Айрес была так уверена в своей правоте и так «переживала за птичку», что Каролина, почистившись, с театральным биноклем вышла в сад, чтобы осмотреть дымовые трубы. Выяснилось, что все трубы на этой стороне дома снабжены сетчатыми щитками; кое-где сетка, густо облепленная мокрыми листьями, прохудилась, но все равно никакая птица не смогла бы ее одолеть и угодить в дымоход. По дороге в дом обдумав ситуацию, Каролина сказала матери, что, похоже, на одной трубе недавно было гнездо. Дескать, она видела, как птица «свободно залетала в дымоход и обратно». Известие приободрило миссис Айрес, она оделась и позавтракала.

Но всего лишь час спустя Каролину, в своей комнате доедавшую завтрак, всполошил ее пронзительный крик. Влетев в комнату матери, Каролина увидела миссис Айрес, которая, выставив вперед руки, будто пятилась от открытой двери гардеробной. Лишь гораздо позже она сообразила, что мать вовсе не отступала, а тогда просто метнулась к ней, предположив внезап-

ный приступ дурноты. Но обморока не было — по крайней мере, в обычном понимании слова. Каролина усадила мать в кресло, подала стакан воды и присела перед ней на корточки, держа ее руку в своих ладонях.

— Со мной все хорошо, не волнуйся. — Миссис Айрес отерла слезы, которые еще больше встревожили Каролину. — Глупо, ведь столько времени прошло.

То и дело она поглядывала на гардеробную, и лицо ее было очень странным: в нем читались испуг и какое-то жадное желание.

— Что случилось, мама? — всерьез перепугалась Каролина. — Почему ты все время туда смотришь? Что ты видишь?

Не ответив, миссис Айрес покачала головой. Каролина опасливо подошла к гардеробной. Она сама не знала, чего больше страшится: увидеть нечто ужасное или понять, что в чулане нет ничего необычного (матушкино поведение сулило именно второй вариант). Сначала она разглядела лишь груду картонок, которые миссис Айрес собралась оттереть от сажи, налетевшей из неогороженного камина. Каролина подвинула коробки, и взгляд ее зацепился за темное пятно над плинтусом. Когда глаза обвыклись с тусклым

светом, пятно предстало уже знакомыми детскими каракулями:

ССЬ СС СЬ

ССЬ

ССЬЮККИ

СЬЮКиИ

Прежде всего поразило то, что надпись *старая*. Было совершенно ясно, что буквы накорябаны не злосчастной Джиллиан Бейкер-Хайд, но другим ребенком, и очень давно. Может, когда-то она сама их нацарапала? — задумалась Каролина. Или Родерик? А может, кто-то из кузин или подружек… Каролина еще раз взглянула на буквы, и сердце ее ухнуло, потому что она вдруг поняла причину материных слез. К своему изумлению, она почувствовала, что щеки ее запылали, и еще пару минут провела в чулане, давая лицу остыть.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что девочка Бейкер-Хайдов ни при чем, — сказала Каролина, вернувшись к матери.

— Я на нее и не думала, — спокойно ответила

миссис Айрес.

— Прости, мама.

— За что, дорогая?

— Не знаю.

— Не извиняйся, — вздохнула миссис Айрес. — Как же дому нравится нас подлавливать, правда? Будто знает все наши слабости и на каждой нас испытывает… Господи, до чего ж я устала! — Она прижала скомканный платок ко лбу и зажмурилась.

— Хочешь чего-нибудь? — спросила Каролина. — Может, немного полежишь?

— Я и лежать устала.

— Тогда подремли в кресле. Я разожгу камин.

— Вот опять я точно старуха, — пробурчала миссис Айрес, бессильно откидываясь в кресле.

Когда в камине заплясали языки пламени, она уже дремала. Каролину поразили старческие черты, проступившие на ее печальном лице; так бывает, что молодой человек глянет на родителя и его словно ошпарит: ведь это неповторимая живая личность, у которой свои, никому не ведомые страсти и переживания, свое скорбное прошлое, о коем никто никогда не узнает. Бесшумно ступая по комнате, она задернула шторы на окнах, притворила дверь в гардеробную и накинула одеяло

поверх шали, укрывавшей матушкины колени. Что еще я могу сейчас для нее сделать? — думала Каролина, отправляясь на кухню. Ей требовалось общество, и потому, ничего не рассказав Бетти и миссис Бэйзли, она придумала себе какое-то дело, чтобы остаться с ними. Позже Каролина заглянула в спальню: в той же позе, миссис Айрес крепко спала.

Видимо, она все-таки просыпалась, потому что одеяло лежало на полу, словно его отбросили, а дверь в гардеробную, которую Каролина плотно притворила, вновь была открыта.

Все это время я был в Лондоне. Домой я вернулся в третью неделю февраля, пребывая в несколько взбаламученном состоянии. Поездка прошла очень успешно: я хорошо выступил на конференции, а затем почти целые дни проводил в больнице и подружился с персоналом. В мое последнее посещение один врач отвел меня в сторонку и сказал, что в недалеком будущем я могу рассчитывать на место в штате. Как и я, свой путь в медицину он начинал почти с нуля, но был полон решимости «растрясти болото» и предпочитал работать с теми, кто «не погряз в системе». Иными словами, он был тем человеком, каким некогда я наивно мечтал стать; вот только

в тридцать три года он уже руководил отделением, а я в свои почти сорок остался никем. В поезде, что вез меня в Уорикшир, я раздумывал над словами врача, сомневаясь, соответствую ли я его оценке и хватит ли мне духу расстаться с Дэвидом Грэмом, а еще цинично спрашивал себя, что меня удерживает в Лидкоте и будет ли кто по мне скучать, если я его покину.

По дороге с вокзала городишко казался невероятно маленьким и старомодным, а дома меня ждал список вызовов на обычные провинциальные хвори: подагра, бронхит, ревматизм, простуды; я вдруг почувствовал, что всю свою врачебную жизнь бессмысленно сражался с убожеством. Еще пара случаев тоже удручала, но по-иному. Работяга зверски избил забеременевшую тринадцатилетнюю дочь. Сын батрака подхватил пневмонию. Когда я приехал, он был в жутком состоянии. В семье восемь детей, все чем-нибудь больны; отец — безработный инвалид. Мать и бабка лечили парнишку «народными средствами» — привязывали ему на грудь шкурку освежеванного кролика, чтобы «вытянуть кашель». Я прописал и даром отдал микстуру, хоть сомневался, что ею воспользуются. Бабы недоверчиво косились на флакон: «Чего это оно

желтое? Нашенский доктор Моррисон всегда потчует красеньким».

В чрезвычайно скверном настроении я покинул их лачугу и отправился домой через парк Хандредс-Холла, намереваясь заглянуть к Айресам. Прошло уже три дня, но я еще не дал знать о своем возвращении. Когда завиднелся обветшалый фасад особняка, меня вдруг окатило волной раздражения, и я придавил педаль газа. Дел по горло, убеждал я себя, ни к чему заезжать лишь для того, чтобы принести извинения и сразу умчаться…

Нечто подобное я говорил себе, проезжая через парк и в другой раз, и в следующий. Так что я ничего не знал о последних событиях в доме, пока однажды не позвонила Каролина, просившая к ним заглянуть, чтобы, как она выразилась, «проверить, все ли у них в порядке».

Каролина редко общалась со мной по телефону, и потому звонок ее был неожиданным. От ее красивого низкого голоса меня пронзило радостным удивлением, которое тотчас сменилось тревогой. Что-то случилось? Нет, ничего страшного, уклончиво ответила она. «Досаждали протечки», но теперь «все починено». Как ее здоровье? Как матушка? Слава богу, все благополучны. Просто

хотелось бы узнать мое мнение «кое о чем», если я сумею «выкроить времечко».

Больше ничего не сказала. Чувствуя себя виноватым, я отложил визит к пациенту и тотчас поехал в Хандредс-Холл. Меня снедало беспокойство, воображение рисовало всякие крупные неприятности, о которых Каролина не рискнула говорить по телефону. В полутемной гостиной я застал ее за весьма прозаическим делом: сидя на корточках, она готовила растопку для камина — комкала газеты, превращая их в шарики, которые затем окунала в ведро с водой и обваливала в угольной крошке.

По локоть закатанные рукава открывали ее перепачканные руки, растрепанные волосы падали на лицо. Она походила на служанку, этакую Золушку, и почему-то ее вид меня чрезвычайно разозлил.

Каролина неуклюже встала, пытаясь отереть донельзя испачканные руки.

— Я не ждала вас так скоро, — сказала она. — Зачем вы торопились?

— Я подумал, что-то стряслось. Ничего не случилось? Где ваша матушка?

— Наверху, в своей комнате.

— Опять расхворалась?

— Да нет. Хотя… не знаю.

Каролина огляделась, чем бы почистить руки, и безуспешно вытерла их газетой.

— Ну что вы, ей-богу! — Я протянул свой носовой платок.

Белый накрахмаленный квадратик ее испугал:

— Ой, не надо!

— Да берите же, черт возьми! Вы не служанка, в конце-то концов! — Видя ее нерешительность, я макнул платок в ведро с грязной водой и сам грубовато отер ее руки.

В результате я тоже вымазался, но хоть Каролина стала немного чище. Скатав рукава, она чуть попятилась и предложила:

— Садитесь, пожалуйста. Чаю хотите?

Я не двинулся с места:

— Ничего не надо, расскажите, что случилось.

— В общем-то, рассказывать нечего.

— Из-за этого вы меня дернули?

— Дернула?.. — тихо повторила Каролина.

Я сложил руки на груди и уже мягче сказал:

— Извините. Рассказывайте.

— Да вот… — промямлила она, но потом слово за слово поведала обо всем, что произошло в мое отсутствие: каракули в зале и вестибюле, «прыгающий мячик» и «плененная птичка», надпись

в гардеробной.

Если честно, рассказ меня не сильно впечатлил. Даже осмотрев призрачные шаткие буквы на стене зала, я не нашел особого повода для беспокойства.

— Ну ясно же, в чем дело, — сказал я. — Этим каракулям лет тридцать, не меньше. Лак понемногу стерся, и они проступили. Конечно, их не удается стереть, поскольку тонкий слой лака еще остался.

— Может, и так, — неуверенно ответила Каролина. — А все стуки или трески, хоть как их называй?

— Весь дом трещит, словно галеон! Я сам сколько раз слышал.

— *Так* он никогда не трещал.

— Потому что никогда не пребывал в такой сырости и таком запустении. Наверное, балки гуляют.

Каролина все еще сомневалась:

— А разве не странно, что стук привел нас к каракулям?

— В доме обитали три ребенка, они могли изрисовать все стены… — Я задумался. — Возможно, ваша матушка знала, но забыла, где находятся вторая и третья надписи. Потом вы обнаружили

первую, в голове ее что-то забрезжило, и под аккомпанемент стуков она неосознанно направляла ваши поиски.

— Не могла она стучать! Я же чувствовала, как подрагивает стенка!

— Честно говоря, здесь я теряюсь… Ну разве что вы были правы насчет жучков или мышей, а пустоты в стенах усилили звук. Что до плененной птички… — Я заговорил тише: — Полагаю, вам приходила мысль, что ваша маменька все это нафантазировала?

— Да, приходила, — так же тихо ответила Каролина. — У нее бессонница, но, по ее словам, именно птица ее разбудила. И потом, Бетти тоже слышала какой-то звук.

— Посреди ночи Бетти услышит все что угодно. В подобных ситуациях возникает порочный круг: вашу матушку что-то разбудило, не сомневаюсь, а потом именно бессонница не давала ей уснуть, или же во сне ей мнилось, что она бодрствует, и ее сознание подверглось…

— Думаю, оно и сейчас подвергается.

— Что вы хотите сказать?

— Точно не знаю, — замялась Каролина. — Она как-то… изменилась.

— В чем изменилась?

Раздражение в моем голосе объяснялось досадным чувством, что мы уже не раз вели подобные разговоры. Явно обиженная, Каролина отвернулась:

— Не знаю. Наверное, я все выдумала.

Она замолчала, да я и сам расстроился. Сказав, что хочу повидать ее матушку, я взял саквояж и направился к лестнице.

Поднимался я с тяжелым предчувствием, ибо после нашего разговора ожидал, что миссис Айрес совсем слаба и лежит в постели. Но в ответ на стук в дверь я услышал ее веселый голос, приглашавший меня зайти. Спальня, в которой шторы были неплотно задернуты, являла собой разительный контраст гостиной: горели лампы, в камине полыхал огонь. В комнате стоял вековушный камфарный запах: дверь гардеробной была настежь распахнута, на кровати грудились платья, меха и шелковые чехлы, похожие на сдувшиеся пузыри. Из-за этой кучи выглядывало радостное лицо миссис Айрес, сообщившей, что они с Бетти разбирают ее старые наряды.

Она не спросила о моей поездке и не выказала осведомленности в том, что я уже повидался с Каролиной. Миссис Айрес схватила меня за руку и подвела к кровати с горой одежды:

— В войну я чувствовала себя виноватой, что цепляюсь за барахло. Что могла, я отдала, но не было сил позволить, чтобы все это искромсали на одеяла для беженцев и бог знает что еще. Теперь я ужасно рада, что сохранила эти вещи. Это безнравственно, да?

Я улыбался, довольный, что она так хорошо выглядит, совсем как прежде. Седина ее бросалась в глаза, но волосы были тщательно уложены по забавной довоенной моде с напуском на уши. Сердцевидное лицо казалось гладким, губы ее были тронуты помадой, а ногти блестели розовым лаком.

Я взглянул на груду старомодных шелков:

— Да уж, трудно представить, чтобы все это оказалось в лагере беженцев.

— Правда же? Здесь им лучше, тут их оценят по достоинству. — Приложив к себе тонкое атласное платье с оборками на плечах и подоле, миссис Айрес повернулась к Бетти, появившейся из гардеробной с обувной коробкой в руках. — Как тебе, дорогуша?

— Привет, Бетти! — кивнул я, встретив ее взгляд. — Все в порядке?

— Здрасте, сэр!

Раскрасневшаяся служанка явно пыталась

скрыть возбуждение, но при виде платья ее пухлые губы поплыли в улыбке:

— Красотища, мадам!

— Раньше все делали на века. А цвета? Теперь таких не сыщешь. Что там у тебя?

— Туфельки, мадам. Золотые!

— Дай-ка взглянуть. — Миссис Айрес откинула крышку коробки и развернула бумагу. — Помнится, они были чертовски дорогие и так же чертовски жали. — Повертев туфли в руках, она вдруг сказала: — Ну-ка, примерь.

— Ой, мадам! — вспыхнула Бетти, кинув на меня смущенный взгляд. — Можно?

— Давай-давай! Покажись нам с доктором.

Расшнуровав грубые черные башмаки, служанка застенчиво влезла в туфли золоченой кожи; повинуясь приказу хозяйки, походкой манекенщицы она прошла к камину и обратно и расхохоталась, прикрывая рукой кривые зубы. Миссис Айрес тоже засмеялась, а потом, заметив, что Бетти спотыкается в великоватых туфлях, затолкала в них чулки, чтоб были впору. Далее она обрядила девушку в перчатки и боа и, прихлопывая в ладоши, командовала: пройди, стой, повернись…

Я подумал о ждавшем меня пациенте, но через

пару минут миссис Айрес вдруг устала.

— Ладно, прибери здесь, а то мне негде спать, — вздохнула она, оглядывая заваленную одеждой кровать.

Мы отошли к камину.

— Надеюсь, спите хорошо? — спросил я и потом, когда Бетти скрылась в гардеробной, тихо добавил: — Знаете, Каролина рассказала мне о вашей… находке. Полагаю, она вас сильно растревожила.

Миссис Айрес нагнулась за упавшей подушкой:

— Да, весьма. Глупо, правда?

— Вовсе нет.

— Ведь столько времени прошло, — тихо сказала она, откинувшись в кресле. Меня удивило ее лицо, в котором не было ни капли тревоги или муки, но лишь безмятежность. — Я думала, нигде следов не осталось, только здесь. — Миссис Айрес прижала руку к сердцу. — Тут она всегда жива. И порой живее всего остального…

Рука ее легонько поглаживала грудь, взгляд затуманился; впрочем, некоторая отрешенность всегда была ей свойственна и лишь придавала шарма. В ее поведении меня ничто не обеспокоило и не показалось странным, она выглядела

вполне здоровой и всем довольной. Я провел с миссис Айрес еще минут пятнадцать, а затем спустился в гостиную.

Все в той же безвольной позе Каролина стояла у камина. Огонь едва теплился, в темной комнате стало еще унылее, и я вновь отметил контраст между ней и уютной спальней миссис Айрес, а натруженные руки Каролины опять беспричинно меня разозлили.

— Ну что? — подняла она взгляд.

— Думаю, вы зря беспокоились.

— Чем она занята?

— Вместе с Бетти разбирает старые наряды.

— Похоже, ничего другого ей не надо. Вчера достала фотографии, те, испорченные, помните?

— Она вправе посмотреть фотографии, — развел я руками. — Кто обвинит ее в том, что она думает о прошлом, если настоящее безрадостно?

— Дело не только в этом.

— А в чем?

— В том, как она себя ведет. Это не просто мысли о прошлом. Она смотрит на тебя, но будто не видит… словно перед ней что-то другое… Быстро устает. Ведь не старуха, но днем всегда прилягжет, точно какая-нибудь бабка… О Родерике не вспоминает, отчеты доктора Уоррена ее не инте-

ресуют… никого не хочет видеть… Ох, я не могу объяснить.

— Она получила встряску, — сказал я. — Эти каракули напомнили ей о вашей сестре. Такое не могло пройти бесследно.

Только сейчас я сообразил, что прежде мы никогда не говорили об умершей Сьюзен. Наверное, Каролина подумала о том же; она молчала и грязным пальцем теребила нижнюю губу.

— Так странно это слышать: «ваша сестра», — наконец глухо сказала она. — Когда мы были маленькие, мать о ней не говорила. Очень долго я про нее не знала. А потом нашла тетрадку, подписанную «Сьюки Айрес», и спросила мать, кто это. Она повела себя так странно, что я даже испугалась. Тогда-то папа все и рассказал. Он назвал это «ужасным несчастьем». Но мне не было жалко ни его, ни мать. Помню, я рассердилась, потому что все говорили, что я старший ребенок, но, оказывается, нет, и я сочла это нечестным. — Наморщив лоб, она уставилась в огонь. — Похоже, все свое детство я злилась. Была несносной с Родди, с горничными. Ведь с возрастом несносность проходит, верно? Кажется, моя не прошла. Иногда я чувствую ее в себе, словно проглотила какую-то гадость и та прилипла…

С грязными руками, растрепанная, Каролина и впрямь походила на куксящегося ребенка и, как все обиженные дети, выглядела ужасно несчастной. Я нерешительно потянулся к ней, но она подняла голову, и вся детскость с нее тотчас слетела.

— Кажется, я не спросила о вашей лондонской поездке. — Тон ее был твердым и светским. — Как все прошло?

— Спасибо, очень хорошо.

— На конференции выступили?

— Да.

— Как вас приняли?

— Прекрасно. Даже… — я замялся, — был разговор о моем переходе. В смысле, на работу.

Взгляд ее будто вспыхнул.

— Вот как? Перейдете?

— Не знаю. Надо подумать о том… что придется оставить.

— Поэтому вы нас избегали? Не хотели отвлекаться? В субботу я видела в парке вашу машину. Думала, заглянете. Но вы не пришли, и я поняла: что-то произошло, что-то изменилось. Потому-то нынче я вам и позвонила, ибо не надеялась, что вы придете просто так. В смысле, как раньше. — Она откинула упавшие на лицо

волосы. — Вообще, вы собирались нас повидать?

— Разумеется.

— Однако сторонились. Ведь так?

Она вскинула подбородок, только и всего, но, подобно упрямому молоку, что в конце концов поддается маслобойке, злость моя преобразовалась в нечто совсем иное. Унимая заколотившееся сердце, я сказал:

— Наверное, я слегка боялся.

— Кого? Меня?

— Едва ли.

— Мать?

Я набрал в грудь воздуху:

— Послушайте, Каролина, тогда в машине…

— Ах, это… — Она отвернулась. — Я вела себя глупо.

— Это я был полный дурак. Простите.

— И теперь все изменилось, все не так… Нет, не надо.

Она казалась такой несчастной, что я шагнул к ней и обнял; Каролина вся напряглась, но через секунду слегка расслабилась, поняв, что я хочу лишь утешить ее. Последний раз я обнимал ее в танце, и тогда ее каблуки уравняли нас в росте. Теперь, в башмаках на плоской подошве, она была на пару дюймов ниже меня. Щетина на мо-

ем подбородке цепляла ее волосы. Прохладным сухим лбом она уткнулась мне в шею… Почувствовав ее податливую грудь, чресла и тугие бедра, я крепче ее обнял.

— Не надо, — повторила она, впрочем довольно вяло.

Меня изумила волна собственных чувств. Только что она вызывала во мне злость и досаду, а теперь я хрипло шептал ее имя и терся колючей щекой о ее волосы.

— Я соскучился, Каролина, — пробормотал я. — Господи, как же я соскучился! — Я отер с губ струйку слюны. — Видите, в какого идиота вы меня превратили!

Она попыталась высвободиться:

— Простите.

— Ради бога, не извиняйтесь! — Я стиснул ее в объятиях.

— Я тоже по вам скучала, — жалко сказала она. — Когда вас нет, здесь всегда что-то случается. Почему так? Дом, мать… — Каролина закрыла глаза и прижала руку ко лбу, словно унимая сильную боль. — В этом доме всякое лезет в голову.

— Он вам не по силам.

— Я уже боюсь его.

— Бояться нечего. Нельзя было оставлять вас

тут одну-одинешеньку.

— Если б я могла уехать… но мама…

— Не думайте о ней, не думайте об отъезде. Вам не надо никуда уезжать.

Мне тоже, подумал я. Теперь, когда Каролина была в моих объятьях, все стало ясно. Все мои планы — лондонский врач, больница — развеялись.

— Я дурак. Здесь есть все, что нам нужно. Думайте об этом. Обо мне. О нас. — Я потянулся к ее губам.

— Не надо. Вдруг кто-нибудь войдет…

Мы покачнулись и, пытаясь обрести равновесие, расступились. Вскинув испачканную руку, Каролина отшагнула от меня. Волосы ее еще больше растрепались, приоткрытые губы влажно блестели. Она выглядела так, словно только что целовалась и, если уж честно, желает повторения. Я шагнул к ней, но она вновь попятилась, и тогда я понял, что это желание смешано с неохотой и даже легким страхом, продиктованным ее невинностью. Чтобы ее не отпугнуть, я оставил свои попытки. Просто взял ее руку и прикоснулся губами к перемазанным пальцам. Уставившись на черную окантовку ногтей, я проговорил ломким от страсти и собственной отваги голосом:

— Что вы с собой сделали! Вы сущий ребенок.

Когда мы поженимся, такого больше не будет.

Она молчала. Вокруг стояла мертвая тишина, словно дом затаил дыхание. Потом Каролина чуть кивнула, и я, вне себя от ликования, осыпал поцелуями ее губы, шею, щеки, волосы.

— Погодите! — нервно смеялась она, полушутя-полусерьезно отбивая мою атаку. — Хватит! Да будет вам!

10

Последующие три-четыре недели я считаю нашей помолвкой, хотя, сказать по правде, неразбериха, существовавшая между нами, вряд ли заслуживает такого названия. Во-первых, моя занятость позволяла нам видеться лишь урывками, а во-вторых, суженая моя странно щепетильничала в том, чтобы известить свою матушку о конкретной подвижке в наших отношениях. Мне не терпелось о ней объявить, чтобы дело развивалось, но Каролина считала, что мать «еще не вполне здорова» и новость ее «разволнует». Все будет сказано, заверяла она, «в подходящий момент». Однако сей момент невероятно медлил с появлением, и всякий раз мой визит в Хандредс-Холл закачивался чаепитием и скучной болтовней в малой гостиной, словно ничего не изменилось.

Разумеется, переменилось все, и порой эти визиты были мучительны. Теперь я постоянно думал о Каролине. Глядя на ее выразительное скуластое лицо, я не мог поверить, что когда-то считал его некрасивым. Я чувствовал себя тру-

том, готовым воспламениться от одной искры ее взгляда над чайной чашкой. Иногда она провожала меня к машине; в молчании мы шли по сумрачному дому, и я мечтал о том, чтобы затащить ее в какую-нибудь пустую комнату и заключить в объятья. Время от времени я на это отваживался, но Каролина была скованна. Она лишь стояла, отвернув лицо и уронив руки. Я чувствовал, как ее тело медленно-медленно размякает, словно жадничая поделиться своей податливостью. Но даже робкая попытка усилить напор приводила к плачевному результату: Каролина вновь деревенела и закрывала руками лицо. «Простите, — говорила она, как тогда, в студеной машине. — Простите. Я знаю, это нечестно. Но мне нужно чуточку времени».

Так что я научился не требовать от нее слишком многого. Больше всего я опасался ее оттолкнуть. Иногда складывалось впечатление, что наша помолвка стала для нее еще одной обузой в хлопотах по имению и она позволит себе задуматься о будущем, лишь когда утрясутся текущие дела.

Казалось, до изменений к лучшему уже рукой подать: стройка набирала темп, тянули электричество и водопровод к ферме, где, на радость Макинса, дела вроде бы пошли в гору. Вопреки

опасениям Каролины миссис Айрес выглядела вполне здоровой и веселой, чего уже давно не было. Всякий раз я видел, что она подкрашена и тщательно одета, тогда как ее дочь, несмотря на перемену в наших отношениях, по-прежнему отдает предпочтение старым бесформенным свитерам и юбкам, неказистым беретам и грубым башмакам. Делая скидку на холодную погоду, я с этим мирился, но планировал по весне свозить ее в Лемингтон и приодеть. Частенько я мечтал о лете и представлял, как загорелая босоногая Каролина в безрукавке с открытым воротом входит в дом, в котором распахнуты все окна и двери… Мое собственное унылое жилье теперь казалось фальшивым, как театральная декорация. По ночам, усталый, но бессонный, я представлял Каролину в ее постели. Мысль моя легко преодолевала разделявшие нас мили: точно браконьер, она проскальзывала в ворота имения и шагала по заросшей аллее, открывала разбухшую парадную дверь, на цыпочках ступала по мраморным плитам, а затем бесшумно кралась по тихой лестнице…

Однажды, в начале марта, я, как обычно, заглянул в Хандредс-Холл и узнал новость: загадочные шалости, прозванные Каролиной игрищами,

возобновились в иной форме.

Поначалу она не хотела о том рассказывать — мол, «все это уже надоело». Однако я обронил, что у нее и миссис Айрес усталый вид, и тогда Каролина призналась, что в последнее время по ночам их будит телефонный звонок. Это было уже раза три-четыре, сказала она, между двумя и тремя пополуночи; всякий раз, как поднимали трубку, линия молчала.

Они даже подумали, не я ли звоню.

— Вы единственный из наших знакомых, кому случается не спать в такое время. — Чуть покраснев, Каролина взглянула на мать. — Надеюсь, вы не звонили?

— Конечно нет! Мне бы и в голову не пришло беспокоить вас так поздно. Обычно в два часа ночи я дрыхну без задних ног. Ну разве что я звонил во сне…

— Я так и думала, — улыбнулась Каролина. — Видимо, неполадки на линии. Просто хотела удостовериться.

Было видно, что она хочет закончить разговор, и я не стал развивать сию тему. Однако в свой следующий визит я узнал, что телефон вновь звонил и опять около половины третьего. На сей раз Каролина, не желавшая выбираться из постели,

решила: пусть обзвонится, но она не потащится в холодную тьму. Вскоре лихорадочный трезвон стал невыносим, в своей комнате зашебаршила миссис Айрес, и тогда Каролина сошла вниз, но трубка по-всегдашнему мертво молчала.

— Хотя нет, не мертво, — поправилась Каролина. — Странно, в трубке молчали, но я могла поклясться, что на другом конце кто-то есть. Звонили именно сюда. Знаете, я опять подумала про вас.

— А я опять крепко спал и видел сны, — ответил я и, поскольку в гостиной мы были одни, добавил: — Скорее всего, в них были вы.

Я потянулся к ее волосам, но она перехватила мою руку:

— Ведь кто-то же звонил! Одна мысль не дает мне покоя… Как вы считаете, Род не мог звонить?

— Род? — встрепенулся я. — Наверняка нет.

— Но ведь это возможно, правда? Вдруг с ним какаято беда… Там, в клинике. Мы так давно его не навещали. В письмах доктор Уоррен говорит одно и то же. Может, на нем испытывают всякие лекарства или способы лечения?.. Мы же ничего не знаем. Только счета оплачиваем.

Я взял ее за руки. Взглянув на меня, она ска-

зала:

— Все из-за ощущения, что кто-то хочет нам что-то сообщить.

— В полтретьего ночи любому так покажется! Скорее всего, дело в неисправности на линии, как вы и говорили. Вот прямо сейчас позвоните на коммутатор и выясните, в чем дело.

— Думаете, стоит?

— А почему нет, если вас это успокоит?

Нахмурившись, Каролина подошла к старомодному аппарату. Она стояла ко мне спиной, но я слышал пересказ истории со звонками.

— Да, если вас не затруднит, — с наигранной беспечностью сказала Каролина. Прошло несколько секунд, и беспечность ее угасла. — Понятно. Наверное, вы правы. Благодарю вас. Извините за беспокойство.

Опустив на столик рупор и наушник, она вернулась на диван; вид у нее был очень хмурый.

— Телефонистки ночной смены, естественно, нет, — покусывая кончики пальцев, сказала Каролина. — Барышня, с которой я говорила, просмотрела журнал, или что там у них, где регистрируются звонки. На этой неделе нам вообще никто не звонил. На прошлой тоже.

— Стало быть, все сомненья отпали, — помол-

чав, проговорил я. — Причина в линии или, что еще вероятнее, в вашей проводке. Видите, Род не звонил. Никто не звонил.

— Да, так телефонистка и сказала. — Каролина все покусывала пальцы. — Значит, так оно и есть, да?

Она словно хотела себя убедить. Однако ночью телефон опять зазвонил. Я видел, что Каролину изводит абсурдная мысль о звонке от брата, и, дабы окончательно ее успокоить, связался с бирмингемской лечебницей. Меня заверили, что Род не мог звонить. Я разговаривал с ассистентом доктора Уоррена и отметил, что тон его менее легкомыслен, чем в нашу беседу накануне Рождества. Он сказал, что в начале года обозначилось небольшое, но определенное улучшение, однако в последние две недели Род всех огорчил. В подробности врач не вдавался, но я, дурья башка, разговаривал при Каролине. Из моих реплик она поняла, что дела неважны, после чего стала еще более подавлена и задумчива.

Словно в ответ на иную направленность ее беспокойства, телефонные звонки прекратились, и возникли новые неприятности. В день, когда они начались, я был в доме — заскочил между вызовами. Мы с Каролиной сидели в малой го-

стиной; вернее, на прощание я ее поцеловал и только выпустил из своих объятий, когда вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась Бетти. Сделав книксен, она спросила, что нам угодно.

— То есть? — рыкнула Каролина, суетливо поправляя волосы.

— Был звонок, мисс.

— Я не звонила. Наверное, мать тебя зовет.

Бетти растерялась:

— Мадам наверху, мисс.

— Я знаю.

— Прошу прощенья, мисс, но звонок был из гостиной.

— Быть того не может — ни я, ни доктор Фарадей не звонили. Звонок сам позвонил, что ли? Иди наверх, коль зовут.

Бетти заморгала и вышла. Встретив взгляд Каролины, я отер губы и усмехнулся. Она не ответила мне улыбкой, но раздраженно отвернулась и с неожиданной горячностью сказала:

— До чего ж противно! Сил нет терпеть! Все украдкой, по-кошачьи!

— По-кошачьи? — Сравнение меня позабавило. Я потянул ее к себе. — Иди сюда, киса. Кисуля.

— Ради бога, перестаньте! Бетти может войти.

— Ну и что? Она девочка от сохи, все знает

про птичек, пчелок и кошечек… Кроме того, вам известно решение проблемы. Выходите за меня. Поженимся на следующей неделе или хоть завтра — когда вам угодно. Будем целоваться, и плевать на всех, кто нас видит. Крошке Бетти добавится хлопот — подать нам завтрак в постель и все такое.

Я улыбался, но взгляд Каролины был странным.

— О чем вы? — спросила она. — Разве мы останемся здесь?

Мы еще не обсуждали практическую сторону нашей совместной жизни. Я-то считал само собой разумеющимся, что жить мы будем в Хандредс-Холле.

— А что? — Я подрастерял уверенность. — Ведь мы не можем бросить вашу матушку.

— А как же ваша работа, ваши пациенты? — нахмурилась Каролина. — Я полагала…

— Вы бы предпочли поселиться в Лидкоте, в той ужасной развалюхе доктора Гилла?

— Конечно нет.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Амбулаторию я не закрою, может быть, на пару с Грэмом сделаем ее ночной… Пока не знаю. В любом случае с июля, когда заработает система здравоохранения,

все будет иначе.

— Но вы же говорили о вакансии в Лондоне.

Она застала меня врасплох — я напрочь об этом забыл. Поездка казалась страшно далекой, из-за нашего романа все мои планы вылетели из головы.

— Что толку сейчас гадать, — беспечно сказал я. — Июль все изменит. Появится уйма вакансий, либо их не будет вовсе.

— Не будет? Тогда как же мы уедем?

— Разве мы собирались уехать? — заморгал я.

— Я думала… — начала Каролина, но огорченно смолкла.

Я взял ее за руку:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. После свадьбы у нас будет воз времени, чтобы все утрясти. Главное — быть вместе, правда? Это самое большое наше желание, ведь так?

Да, конечно, ответила она… Я поцеловал ее руку и, надев шляпу, вышел из гостиной.

В вестибюле я увидел Бетти. Вконец растерянная и слегка надутая, она спускалась по лестнице. Как выяснилось, миссис Айрес крепко спала и звонить не могла. Я это знала с самого начала, сказала Бетти, и готова поклясться здоровьем матери, что звонок был из гостиной; очень обид-

но, что мы с мисс Каролиной ей не верим. Голос ее набирал высоту и вскоре привлек Каролину, желавшую узнать, что тут за шум. Оставив их спорить, я ретировался и тотчас забыл об этом происшествии.

Но к концу недели Хандредс-Холл превратился, по словам Каролины, в «сумасшедший дом». Таинственным образом вызывные звонки зажили собственной жизнью: они трезвонили когда бог на душу положит, заставляя несчастных служанок беспрестанно мотаться по этажам и приводя хозяек в неистовство. В подвале Каролина проверила распределительную коробку, напичканную проводами и звонками, но поломки не обнаружила.

— Такое впечатление, что в ней поселился бесенок, — сказала Каролина, провожая меня в сводчатый коридор. — Он балуется с проводами, чтобы довести нас до белого каления! Мыши или крысы ни при чем. Мы повсюду расставили мышеловки, никто не попался.

Я взглянул на упомянутую коробку, некогда казавшуюся надменным устройством, к которому, точно нервы дома, сбегались уложенные в трубки провода. Рассказ Каролины меня озадачил, ибо я уже убедился, что особой чувствительно-

стью проволока не отличалась — иногда ручку звонка приходилось дергать весьма энергично. Каролина принесла лампу с отверткой, и я покопался в примитивном механизме, но никаких неполадок вроде перехлестнутых проводов не нашел. Однако во мне зародилась легкая тревога, когда я вспомнил недавние стуки, беспокоившие жилиц, провисший потолок зала, расползающуюся сырость, вздувшиеся кирпичи… Каролине я ничего не сказал, но мне было ясно, что особняк достиг той стадии обветшания, когда один изъян влечет за собой череду других: как ни ужасно и огорчительно, дом разрушался.

Между тем звонки не желали униться в своем безумстве, и тогда осатаневшая Каролина заставила коробку умолкнуть, прибегнув к помощи кусачек. Теперь, чтобы вызвать Бетти, им с миссис Айрес приходилось кричать с площадки черной лестницы. Но чаще они просто спускались в кухню и все делали сами, будто в доме не водилось слуг.

Похоже, дом не желал покориться своей участи, ибо в конце недели возникла другая напасть. Теперь в дело вступил реликт Викторианской эпохи — переговорная труба, которую установили в восьмидесятых годах прошлого века для того,

чтобы из игровой, располагавшейся на третьем этаже, няньки напрямую сносились с кухней. С каждого конца устройство было увенчано небольшим костяным рупором, снабженным заглушкой со свистком на латунной цепочке, и подавало голос, если в него подуть. Естественно, нынче им никто не пользовался, поскольку все дети давно выросли. В начале войны, когда готовили комнаты для постоя военных, из игровой и спальни вынесли все вещи и мебель. В общем, онемевшую пропыленную трубу никто не тревожил уже лет пятнадцать.

Но вот теперь миссис Бэйзли и Бетти сетовали, что бездействующий рупор странно посвистывает.

Всю историю я узнал от самой миссис Бэйзли, когда через пару дней заглянул в кухню выяснить, в чем дело. Они услышали свист, рассказывала служанка, и поначалу не могли сообразить, откуда он исходит. Сперва свист был тихий, потом стал «сиплый и противно надсадный, точно из закипавшего чайника», и тогда возникло неуверенное предположение, что шипит воздух в прохудившейся отопительной трубе. Но однажды утром свистнуло так отчетливо, что все сомнения в источнике свиста отпали. Миссис Бэйзли была

в кухне одна; она укладывала булки в духовку и, дернувшись от внезапного резкого звука, обожгла руку. Показав мне волдырь, служанка сообщила, что ведать не ведала о какой-то переговорной трубе. Устройством перестали пользоваться задолго до ее появления в доме, и потускневший рупор с затычкой она всегда считала «чем-то электрическим».

Бетти растолковала ей предназначение штуковины, и, когда на следующий день та вновь пронзительно свистнула, миссис Бэйзли резонно подумала, что Каролина или миссис Айрес желают с ней поговорить. Нерешительно приблизившись к рупору, она выдернула заглушку и приложилась ухом к костяному рожку.

— И что вы услышали? — спросил я, проследив за испуганным взглядом служанки на безмолвный рупор.

Миссис Бэйзли скривилась:

— Чудной шорох.

— Что значит — чудной?

— Не знаю. Словно что-то дышит.

— Дышит? В смысле, человек? А голос слышали?

— Нет, никаких голосов. Только шорох… Даже не шорох, а вот как по телефону, когда барышня

молчит, но ты знаешь, что она слушает. Куда уж чудней!

Я молчал, пораженный сходством ее впечатления с тем, какое у Каролины оставили загадочные телефонные звонки. Глянув на меня, миссис Бэйзли поежилась и продолжила рассказ: она поспешно заткнула трубу и побежала за Бетти, которая, собравшись с духом, приложилась к рупору и тоже услыхала «чего-то странное». После этого обе пошли жаловаться хозяйкам.

Они отыскали Каролину и поведали ей о происшествии. Похоже, история ее ошарашила; внимательно выслушав служанок, она вместе с ними отправилась в кухню и опасливо приникла к трубе. Но ничего не услышала, ничегошеньки. Видно, им померещилось, сказала Каролина, и все эти свисты «всего лишь причуды ветра». Прикрыв рупор посудным полотенцем, она велела не обращать внимания, если штуковина вновь рассвистится. И, помолчав, добавила: миссис Айрес ничего говорить не надо.

Вмешательство Каролины особо не ободрило. По правде, с полотенцем на рупоре стало еще хуже. Чертова штуковина походила на «попугая в клетке»: только окунешься в повседневные хлопоты и начнешь о ней забывать, как она жутко

свистнет, напугав чуть не до смерти.

В других обстоятельствах эта история показалась бы чистым фарсом. Но сейчас в доме ощутимо витало гадкое напряжение, от которого все уже устали; женщины боялись, — по крайней мере, страх миссис Бэйзли был неподдельным. Выслушав ее, я подошел к переговорной трубе и сдернул с нее полотенце. Костяной рожок с заглушкой покоился на деревянной подставке, прикрепленной к стене на уровне головы. Было трудно представить что-нибудь более безобидное, однако эта штуковина умудрилась вызвать переполох, и оттого даже ее старомодность казалась слегка странной. Возникла тревожная мысль о Родерике. Вспомнились «заурядные вещи» — воротничок, запонки, зеркало, которые в его помрачении коварно и злобно оживали.

Потом я выдернул затычку, и меня ожгла другая мысль: переговорное устройство приспособили для нянек, а ведь моя мать служила нянькой. Сорок лет назад она часто говорила в эту трубу… Мысль застигла врасплох. Вдруг показалось, что, если приложить ухо к рожку, я услышу мамин голос. Она позовет меня, как прежде звала ужинать, когда вечерами я играл на лугу за нашим домом.

Миссис Бэйзли и Бетти наблюдали за мной,

удивленные тем, что я мешкаю. Я приник к рожку… но ничего не услышал, кроме шума крови в голове, который взвинченное воображение вполне могло выдать за нечто совершенно зловещее. Я выпрямился, усмехнувшись своим фантазиям.

— Полагаю, мисс Каролина была права, — сказал я. — Этой трубе не меньше шестидесяти лет. Резина сносилась, внутрь задувает ветер, вот он и свистит. Думаю, он же дергал вызывные звонки.

Объяснение не убедило миссис Бэйзли.

— Сомнительно мне, доктор. — Она глянула на Бетти. — Вот ребенок уж скоко твердит, что в доме неладно. А ну как…

— Дом рушится, — оборвал я. — Вот печальная правда, только и всего.

Чтобы положить конец передряге, я сделал то, что миссис Бэйзли или Каролина сами легко могли предпринять, если б не их зашоренность: оторвав костяной свисток на цепочке, я спрятал его в жилетный карман и отныне безголосой заглушкой закупорил рожок.

Я полагал, что тема закрыта, ибо до конца недели в доме царил покой. Но в воскресенье утром миссис Бэйзли вошла в кухню и увидела, что посудное полотенце, все эти дни неизменно укры-

вавшее переговорную трубу, почему-то лежит на полу. Решив, что его уронила Бетти или сквозняк, она сморщенной от бесконечных стирок рукой водворила его на место. Через час миссис Бэйзли заметила, что полотенце опять упало. Теперь уже Бетти, закончившая уборку в верхних комнатах, повесила его на рожок и даже, подчеркнула она в своем рассказе, заткнула его край в щель между подставкой и стеной. Но полотенце снова упало, и на сей раз миссис Бэйзли, трудившаяся у кухонного стола, боковым зрением засекла, как это произошло: льняное полотнище не спорхнуло, рассказывала она, а резко скользнуло вниз, словно его кто-то сдернул.

Измученная собственным страхом, служанка взорвалась: отшвырнув полотенце, она погрозила кулаком закупоренному рожку.

— Валяй, сволочь! — выкрикнула миссис Бэйзли. — Плевать нам на тебя, слышишь? — Она взяла Бетти за плечо. — Не гляди на него. Пусть его выкрутасничает! От него уже тошнит!

Повернувшись на каблуках, служанка устремилась к столу, но не сделала и двух шагов, как за ее спиной что-то тихо стукнуло. Миссис Бэйзли обернулась: к ее ногам подкатилась заглушка, которую днями раньше я накрепко вогнал в рожок.

Тут вся напускная храбрость ее покинула. Завизжав, она метнулась к Бетти, которая тоже слышала стук упавшей заглушки, хоть и не видела, как та покатилась; обе опрометью выскочили из кухни и захлопнули за собой дверь. Почти обезумевшие от страха, они топтались в сводчатом коридоре, но потом, услышав наверху шаги, кинулись к лестнице. Теперь я сожалею, что им не встретилась Каролина, которая, надеюсь, сумела бы их успокоить и проконтролировать ситуацию. К несчастью, та ушла на стройку. Служанки столкнулись с миссис Айрес, появившейся из малой гостиной, где перед тем она спокойно читала. Внезапная встреча с заполошной прислугой навела ее на мысль о какой-нибудь очередной катастрофе вроде нового пожара. О свистах переговорной трубы она ничего не знала, но озадачилась, выслушав сбивчивый отчет о падающем полотенце и выпрыгивающей заглушке.

— Но почему вы так всполошились? — спросила миссис Айрес.

Служанки сами толком не знали, но было видно, насколько они потрясены. Миссис Айрес не сочла событие чрезвычайно серьезным, однако согласилась взглянуть на место происшествия. Какое-нибудь недоразумение, сказала она, так

ведь сейчас весь дом полон недоразумениями.

Служанки проследовали за ней к кухне, но сами остались на пороге; вцепившись в дверной косяк, они испуганно наблюдали за удивленной хозяйкой, которая исследовала полотенце, заглушку и трубу, не подававшие признаков жизни. Когда миссис Айрес, изящно заправив за ухо седеющие волосы, пригнулась к рожку, обе вскинули руки и запричитали:

— Осторожнее, мадам! Ради бога, осторожнее!

Неподдельный страх в их голосах заставил ее, как давеча и меня, помешкать, но затем она приникла к рожку. Послушав, миссис Айрес выпрямилась, вид у нее был почти виноватый.

— Не знаю, что я должна была услышать. По-моему, там ничего нет.

— Сейчас ничего! — воскликнула миссис Бэйзли. — Но оно вернется, мадам. Оно выжидает!

— Выжидает? Что это значит? Вы так говорите, словно там какой-нибудь джинн! Откуда там что возьмется? Труба уходит к детской…

И тут, рассказывала миссис Бэйзли, миссис Айрес запнулась, взгляд ее изменился.

— С тех пор как военные съехали, верхние комнаты заперты, — проговорила она.

— Мадам, вы думаете, чего-то туда забралось и

сейчас там? — Голос Бетти полнился ужасом.

— Господи, девчонка-то права! — вскинулась миссис Бэйзли. — Поди знай, что творится в энтих темных комнатах! Да что хошь! Вам бы кликнуть доктора Фарадея, пускай глянет. Или вон Бетти сгоняет за Макинсом или мистером Баббом.

— Нет, я определенно не стану звать ни Макинса, ни Бабба. — Миссис Айрес пришла в себя. — Скоро вернется Каролина, что она подумает о нас? Займитесь-ка делами…

— Да никакое дело в голову не идет, когда эта дрянь за тобой подглядывает!

— Подглядывает? Минуту назад она лишь подслушивала!

— Не знаю, чего у этой твари есть, чего нет, но она не проста. И злая. Ну пусть хоть мисс Каролина глянет, когда вернется. Она глупостей не потерпит.

Подобно дочери, которая неделей раньше хотела оградить ее от переживаний, миссис Айрес решила, что сама во всем легко разберется. Не знаю, было ли еще что у нее на уме. Вполне вероятно, что мелькнувшая мысль не давала ей покоя. И вот, к ужасу прислуги, миссис Айрес заявила, что поднимется наверх и осмотрит пустые комнаты, дабы положить конец всей этой истории.

Теперь миссис Бэйзли и Бетти сопроводили ее в вестибюль и вновь застыли, но если в кухне это произошло на пороге, то здесь — у подножья лестницы: вцепившись в змеившиеся перила, обе наблюдали, как она одолевает ступени. В домашних туфлях миссис Айрес шагала легко и почти неслышно; когда она миновала площадку второго этажа, служанки, запрокинув головы, перегнулись в лестничный колодец, чтобы видеть, как сквозь изящные балясины мелькают ее ноги в чулках, а по перилам красного дерева скользит окольцованная рука. На третьем этаже миссис Айрес приостановилась, глянула вниз и по скрипучим половицам прошла в коридор. Шагов ее не было слышно, но доски еще поскрипели, а потом и они стихли. Миссис Бэйзли справилась со страхом настолько, что поднялась на площадку второго этажа, однако ничто не могло заставить ее пройти выше. Крепко ухватившись за перила, она вслушивалась в тишину, «словно в тумане пыталась разглядеть фигуры».

В коридоре миссис Айрес тоже ощутила густую тишину. Страшно не было, позже рассказывала она, но, видимо, капля тревоги служанок передалась и ей, ибо по лестнице она шагала весьма резво, а теперь шла осторожно. На третьем этаже

коридоры были у́же, а потолки заметно ниже. Холодный свет, падавший сквозь матовый купол крыши, создавал тот же эффект, что и в вестибюле: освещенным казался только лестничный колодец, а все вокруг него тонуло в тени. На пути к детской миссис Айрес миновала давно не жилые комнатушки слуг. Во избежание сквозняков их двери были заперты, а щели в косяках заткнуты скрученными газетами и щепками. Бездействующий генератор не позволял развеять плотный сумрак, щелкнув выключателем на стене.

Двигаясь в потемках, миссис Айрес добралась до игровой, дверь в которую тоже была заперта. Взявшись за ключ, торчавший из скважины, она вновь услышала густую тишину дома, и тогда вдруг ее кольнул необъяснимый страх перед тем, что может ждать ее по ту сторону закрытой двери. В душе ожили давние воспоминания о том, как она приходила к своим малышам. Вот Родерик бежит ей навстречу и виснет на ней, точно обезьянка, уткнувшись слюнявым ртом в ее подол; Каролина сдержанно вежлива и не отрывается от рисунков, купая в красках свесившиеся волосы… А потом, словно из далекого далека, возникла Сьюзен в отутюженном платьице. Вспомнилась ее наставница — няня Палмер, бдительная и

строгая, всегда имевшая такой вид, будто визиты мамаши к собственному чаду неприличны и вредны. Вот сейчас открою дверь, думала миссис Айрес, и все будет по-прежнему, вновь раздастся голос няньки: *Посмотри, Сьюзен, опять мамочка пришла! И что ей неймется!*

Но трудно было представить более унылую и безликую комнату, чем та, в которой она очутилась. Всю мебель давно вынесли, и теперь в ней жило только гулкое эхо, обитающее в пустых заброшенных помещениях. Половицы укрывал толстый слой пыли, выцветшие обои испятнала сырость. С проволоки над зарешеченным окном свисали черные светомаскировочные шторы, на солнце выгоревшие до синевы. Старомодный очаг с полкой для подогрева пищи был вычищен, но его медная решетка пошла пятнами от дождевой воды, просочившейся через дымоход; отбитый угол каминной полки маячил белым, точно краешек недавно сломанного зуба. Рядом на стене располагалось переговорное устройство, оплетенную трубку которого венчал потускневший рожок. Стоило вынуть заглушку, как из него шибануло затхлой вонью — словно дурной запах изо рта, рассказывала миссис Айрес. Она приложила рожок к уху, с неприязнью подумав

о бесчисленных губах, что за долгие годы его касались… И вновь не было слышно ничего, кроме глухого шума крови в голове. С минуту миссис Айрес поворачивала рожок то так, то этак, потом закупорила его и отерла руки.

Она вдруг поняла, что ужасно расстроена. Комната приняла ее как незваную гостью, ничто не напомнило о прошлой жизни — никаких сентиментальных картинок на стенах или чего-то подобного. Сохранились лишь грубые следы пребывания военных: круги от горячих кружек, царапины, сигаретные ожоги, оббитые плинтусы, мерзкие комки серой жвачки, прилепленной к подоконникам. Из плохо пригнанных рам сильно дуло, но миссис Айрес задержалась у окна, привлеченная необычным видом на парк и далекую стройку; она даже разглядела Каролину, возвращавшуюся домой. Долговязая нелепая фигура, одиноко пробиравшаяся через поле, лишь добавила уныния, и миссис Айрес отошла от окна. Слева была дверь в смежную комнату — спальню, где когда-то задыхалась в дифтерийном крупе первая дочка; там она и умерла. Миссис Айрес шире распахнула дверь, не совладав с желанием войти.

И вновь здесь ничто не напомнило о былом,

повсюду были лишь ветхость, упадок и запустение. В покоробившейся оконной раме треснули стекла, из рукомойника в углу несло кислятиной, половицы под ним прогнили, чему виной был подтекавший кран. Оглядывая разруху, миссис Айрес оперлась рукой о стену. Некогда здесь были цветастые обои с причудливым рельефным узором, вспомнила она, но потом их поверху закрасили оливковой клеевой краской, которая от сырости превратилась в творожистую массу. Миссис Айрес с отвращением потерла руки, пытаясь избавиться от налипшей краски и уже раскаиваясь, что вошла в спальню и вообще поднялась в эти комнаты. Под краном, плюющимся жутко холодной водой, миссис Айрес сполоснула руки и, отерев их о юбку, собралась уйти.

И тут вдруг ощутила движение холодного воздуха, сродни ветерку, что мазнет по лицу, шевельнет волосы и заставит поежиться, а в следующую секунду едва не лишилась чувств от страшного грохота в соседней комнате. Она почти сразу сообразила, что произошло: сквозняк из щелястых окон захлопнул входную дверь. Однако грохот в пустой комнате был столь неожидан и тошнотворно громок, что с полминуты она приходила в себя, пытаясь унять беснующееся

сердце. Ее еще потряхивало, когда она прошла в игровую и увидела, что дверь и вправду захлопнулась. Миссис Айрес взялась за ручку, но та не подалась.

Опешив, миссис Айрес замерла. Она подергала ручку, решив, что от сильного удара в замке что-то соскочило. Старый накладной замок был выкрашен в тон двери, но между ним и пазом в косяке оставалась щель. Приникнув к ней, миссис Айрес разглядела, что замок не сломан — его язычок благополучно вошел в паз, словно кто-то в коридоре намеренно повернул ключ. Разве сквозняк так может? Что, дверь сама заперлась? Нет, это невозможно. Миссис Айрес слегка встревожилась. Она прошла в спальню и там подергала входную дверь. Конечно заперто. Во избежание сквозняков все двери на этаже были накрепко замкнуты.

Стараясь сохранять спокойствие, она вернулась в игровую; злосчастная дверь не может быть заперта, убеждала себя миссис Айрес, ее просто перекосило, как все другие двери. Но ведь открылась-то она легко, и, кроме того, даже сумрак не мешал увидеть язычок, вошедший в паз, а в скважину была видна круглая головка повернутого ключа. Нельзя ли чем-нибудь повернуть его

обратно? Может, шпилькой? Миссис Айрес все еще думала, что дверь как-то умудрилась сама закрыться.

Потом она что-то услышала. В тишине мягкий перестук шагов был вполне отчетлив. На долю секунды сумрак перед скважиной перечеркнула тень, будто со стороны черной лестницы кто-то прошмыгнул в коридор. Миссис Айрес почувствовала облегчение, резонно предположив, что это не кто иной, как Бетти или миссис Бэйзли. Отпрянув от скважины, она забарабанила в дверь:

— Кто там? Бетти! Миссис Бэйзли! Бетти, ты? Не знаю, кто там, но вы меня заперли! — Миссис Айрес подергала ручку. — Эй! Слышите?

Странно, никто не ответил и не подошел к двери; шаги стихли. Миссис Айрес вновь приникла к скважине и безмерно обрадовалась, когда опять услышала приближающиеся шаги.

— Бетти! — крикнула она, ибо для миссис Бэйзли поступь была слишком быстрая и легкая. — Выпусти меня, детка! Слышишь? Видишь ключ? Давай-ка, поверни его!

К ее изумлению, что-то темное вновь промелькнуло, но уже в обратном направлении, и шаги, не остановившись перед дверью, проследовали к черной лестнице.

— Бетти! — пронзительно крикнула миссис Айрес.

На мгновенье пала тишина, потом шаги вернулись, и перед дверью заметалась темная размытая фигура, безликая, словно тень. Охваченной ужасом миссис Айрес пришла мысль: это Бетти, но девчонка вдруг обезумела и теперь как угорелая мечется по коридору.

На очередном пробеге темный силуэт локтем или ладонью задел дверь, а в следующий раз к топоту добавился легкий скрежет… Миссис Айрес вдруг догадалась: чьи-то ногти проскребли по деревянной панели стены. Она отчетливо представила маленькую руку с заостренными пальчиками… детскую ручку… Видение ввергло ее в панику; она отползла от двери, порвав на коленях чулки, и только в центре комнаты встала на ноги. Ее бил озноб.

Внезапно топот, набравший силу, оборвался. Миссис Айрес поняла, что фигура остановилась перед дверью, и увидела, как та чуть дрогнула в раме, будто под чьим-то напором. Казалось, вот-вот заскрежещет ключ и повернется ручка; миссис Айрес готовилась к тому, что сейчас увидит. Тянулись томительные секунды, однако дверь больше не шелохнулась. Миссис Айрес за-

таила дыхание, но слышала только удары своего сердца, что скакало, точно голыш, пущенный по глади тишины.

И тут за ее спиной грянул пронзительный свист переговорной трубы.

Миссис Айрес, изготовившаяся к потрясению совсем иного рода, вскрикнула и, едва не упав, шарахнулась от костяного рожка. Помолчав, труба вновь свистнула, а затем долгие пронзительные свистки пошли один за другим. Было невозможно отнести их на счет ветра или причудливой акустики: целенаправленные и требовательные, они чем-то напоминали вой сирены и плач голодного младенца. Преднамеренность сигнала была столь очевидна, что сквозь панику к миссис Айрес наконец-то прорвалась мысль с весьма простым объяснением: может быть, с ней пытается связаться встревоженная миссис Бэйзли, которая не желает взойти наверх? По крайней мере, труба — часть привычного человеческого мира, в отличие от необъяснимого коридорного топтуна. Соскребя остатки мужества, миссис Айрес подошла к верещавшей штуковине, дрожащими непослушными пальцами выдернула заглушку и… конечно, вновь окунулась в тишину.

Впрочем, рожок был не совсем безмолвен. В

нем едва слышался влажный шелест, словно через трубу медленно и неуверенно протягивали мокрый шелк или нечто столь же тонкое. И тут миссис Айрес как ударило — она поняла, что слышит затрудненное, булькающее дыхание, рвущееся из сдавленного горла, и мгновенно перенеслась на двадцать восемь лет назад, к постели своего умирающего первого ребенка.

— Сьюзен? — шепнула она, и дыхание участилось, громче забулькав.

Затем сквозь мешанину бульканья и хрипов стал прорываться тоненький жалобный голосок ребенка, изо всех сил пытавшегося что-то выговорить.

Объятая ужасом, миссис Айрес выронила рожок и бросилась к двери, уже не думая о том, что ждет ее в коридоре. Она бешено забарабанила по филенкам, зовя миссис Бэйзли, но ответа не получила и тогда, пьяно качаясь, ринулась к зарешеченному окну. Слезы застили ее глаза, а паника лишила последних сил и способности соображать, и потому она никак не могла справиться с незамысловатым разболтанным шпингалетом.

В эту минуту возле террасы появилась Каролина, и миссис Айрес, бросив шпингалет,

заколотила по стеклу. Остановившись, Каролина стала озираться, а потом, к несказанной радости миссис Айрес, помахала рукой, словно уяснив, откуда исходит стук. Однако взгляд ее был направлен не к верхним окнам, а на террасу. Прижавшись к стеклу, миссис Айрес разглядела дородную женщину, выскочившую на гравийную дорожку, и узнала в ней миссис Бэйзли, которая, отчаянно жестикулируя, показывала на дом; через секунду с террасы скатилась взволнованная Бетти… Все это время из незакупоренного рожка доносился жалобный шепот. Миссис Айрес поняла, что в огромном доме остались лишь она и то, что настойчиво шелестело с другого конца переговорной трубы.

Вот тогда-то паника ее сковырнулась в истерику. Миссис Айрес хватила кулаками по окну, вдребезги разнеся два стекла в переплетах. Каролина, миссис Бэйзли и Бетти изумленно вскинули головы и за прутьями решетки увидели миссис Айрес, которая заходилась криком (точно ребенок, рассказывала миссис Бэйзли), молотя руками по осколкам в раме.

Никто не знает, что с ней происходило, пока испуганная троица добиралась к игровой. Дверь в комнату была приоткрыта, труба молчала, затыч-

ка со свистком покоилась в рожке. Забившаяся в угол миссис Айрес пребывала в отключке. Порезы на ее руках сильно кровоточили, и женщины кое-как их перевязали, располосовав ее же шелковый шарф. Затем ее подняли и чуть ли не волоком доставили в спальню, где дали выпить бренди и укутали в одеяла, ибо, несмотря на разожженный камин, ее сильно знобило.

Когда часом позже приехал я, дрожь все еще не унялась.

Каролина мне звонила, но я был на вызове; к счастью, у пациента имелся телефон, и телефонистка с коммутатора передала настоятельную просьбу на обратном пути заглянуть в Хандредс-Холл. Я приехал, как только освободился, еще не зная, что меня ждет. Ситуация просто ошеломила. Бледная как полотно Бетти проводила меня наверх; Каролина сидела подле съежившейся миссис Айрес, которая при каждом шорохе вздрагивала, точно испуганный зайчонок. Я обомлел: она выглядела совсем как Родерик в разгар помрачения. Рассыпавшиеся по плечам волосы и обмотанные обрывками шарфа руки производили жуткое впечатление. Кровь, засохшая на кольцах, все камни превратила в рубины.

Каким-то чудом раны оказались неглубокими.

Я их промыл и перевязал, а потом, сменив Каролину, просто сидел возле миссис Айрес, ласково держа ее за руки. Понемногу безумный блеск в ее глазах угас, и она, судорожно всхлипывая и закрывая лицо, рассказала о том, что с ней произошло.

— Вы поняли, что случилось? — Миссис Айрес пытливо искала мой взгляд. — Понимаете, что это значит? Я предала ее, доктор! Она пришла, а я предала!

Она так сильно вцепилась в мою руку, что на повязке выступила кровь.

— Дорогая моя… — Я пытался ее успокоить, но она не слушала:

— Я так хотела, чтобы она пришла! Девочка моя! Я чувствовала, что она здесь, в доме. В постели я чувствовала ее рядом с собой, совсем близко! Но мне было мало! Я хотела, чтобы она стала еще ближе! Своим желанием я притягивала ее. И вот она пришла… а я струсила. Испугалась и предала ее! Не знаю, что страшнее: больше никогда ее не увидеть или сознавать, что поселила в ней ненависть к себе. Она возненавидит меня, доктор? Скажете нет!

— Успокойтесь. Никто не питает к вам ненависти.

— Но я же предала ее! Предала!
— Вы никого не предали. Ваша дочь вас любит.
Она заглянула в мое лицо:
— Думаете, любит?
— Конечно.
— Правда?
— Чистая правда.

В ту минуту я бы сказал что угодно, лишь бы ее успокоить. Вскоре я попросил миссис Айрес больше не разговаривать и, дав снотворное, уложил ее в постель. Она еще была беспокойна и не выпускала мою ладонь из своих забинтованных рук, но потом сильнодействующее лекарство ее сморило, и я, осторожно высвободив пальцы, отправился вниз, чтобы с Каролиной, миссис Бэйзли и Бетти обсудить происшествие. Они собрались в малой гостиной, все трое были бледны; казалось, событие потрясло их не меньше, чем саму миссис Айрес. Каролина подала нам стаканы с бренди; от алкоголя вкупе с пережитым миссис Бэйзли стала плаксивой. Я дотошно расспросил ее и Бетти, но они могли подтвердить рассказ миссис Айрес лишь в том, что она одна поднялась на третий этаж и пробыла там долго, минут пятнадцать-двадцать. Служанки встревожились и решили позвать Каролину, а потом все

они увидели хозяйку, которая душераздирающе кричала из разбитого окна.

Соединив в целое оба рассказа, я отправился в игровую, чтобы самому осмотреть место происшествия. Взбаламученный царившим в доме настроением, я осторожно поднялся на третий этаж, где раньше не бывал. Пустая комната с разбитым окном и темными пятнами крови на полу выглядела жутковато. Но дверь открывалась легко, ключ в замке ходил безотказно. Я запер комнату, потом открыл и вновь поработал ключом, а затем хлопнул дверью, чтобы посмотреть, не выскочит ли язычок замка, однако все было в порядке. Затем я приложился к злосчастному рожку, но, как и прежде, ничего не услышал. Повторяя путь миссис Айрес, я прошел в спальню и замер в ожидании, думая об умершей маленькой Сьюзен, своей матери и прочих печальных материях; мне даже хотелось, чтобы что-нибудь произошло, чтобы кто-то или что-то появилось. Ничего. В выстуженном доме стояла мертвая тишина, комната была промозгла, уныла и абсолютно безжизненна.

Я допускал, что ради гадкой шутки или просто по злобе кто-то устроил спектакль, чтобы помучить миссис Айрес. Каролина была вне

подозрений, миссис Бэйзли, служившая в доме с довоенной поры, тоже отпадала; оставалась Бетти. Вполне возможно, что переговорная труба свистела с ее помощью, да и шаги, которые за дверью слышала миссис Айрес, были по-детски легки. Во время инцидента Бетти была в вестибюле, но осталась внизу, когда встревоженная миссис Бэйзли поднялась на второй этаж. Однако могла ли девчонка смотаться к черной лестнице, взлететь на третий этаж, запереть игровую и взад-вперед пошастать по коридору без того, чтобы старая служанка не заметила ее отсутствия? Вряд ли. Кроме того, я уже побывал на черной лестнице и при свете зажигалки внимательно ее осмотрел. Мои ботинки тотчас оставили отпечатки на ступенях, покрытых тонким слоем пыли, но других следов, больших или маленьких, там определенно не было. К тому же Бетти любила хозяйку и, похоже, искренне переживала произошедшее; в ее пользу говорило и то, что миссис Айрес видела ее на улице вместе с миссис Бэйзли, когда из переговорной трубы еще лился шелест…

Обо всем этом я думал, оглядывая промозглую комнату, гнетущий вид которой уже был невыносим. Смочив в рукомойнике платок, я замыл самые большие пятна крови, а потом кусками

линолеума кое-как заделал брешь в окне и угрюмо направился к лестнице. На площадке второго этажа я встретил Каролину, которая вышла из спальни миссис Айрес; она приложила палец к губам, и мы молча проследовали в малую гостиную.

— Как она? — спросил я, закрыв дверь.

— Спит. Показалось, она вскрикнула. — Каролина поежилась. — Плохо, если вдруг проснется и испугается.

— Веронал надолго ее усыпил. Идите к огню, вы продрогли. Видит бог, я тоже.

Мы сели в кресла, которые я придвинул к камину. Уперев локти в колени, я закрыл руками лицо и устало потер глаза.

— Ходили наверх? — спросила Каролина.

Я кивнул, таращась перед собой:

— Ужасная комната! Словно палата в сумасшедшем доме. Дверь я запер. Не ходите туда, пусть стоит закрытой.

— Еще одна запертая комната, — сказала Каролина, глядя в огонь.

Я опять потер воспаленные глаза.

— Да бог-то с ней, сейчас нужно думать о вашей матери. Просто не верится, да? Ведь утром она была в полном порядке?

— Такой же, как вчера, если вы об этом, — ответила Каролина, не отрывая взгляда от пламени.

— Спала хорошо?

— Вроде бы… Зачем я пошла на эту стройку? Нельзя было ее бросать.

Я отнял руки от лица:

— Перестаньте. Если кто и виноват, так только я! Вы уже давно говорили, что она не в себе. Если б я был внимательнее… Простите, Каролина. Я представить не мог, что ее рассудок так помутнен. Если б порезы оказались глубже, если б она задела артерию…

Вздрогнув, Каролина посмотрела на меня.

— Извините. — Я взял ее за руку. — Ужасно видеть мать в таком состоянии. Эти… фантазии… — слова выговаривались с трудом, — будто к ней приходит ваша сестра. Вы об этом знали?

Взгляд Каролины вернулся к огню.

— Нет. Однако теперь многое понятно. Она все время уединялась. Я думала, дело в усталости. Но она сидела в своей комнате и ждала, что Сьюзен… О, это нелепо и… гадко! — Ее бледные щеки пошли пятнами. — Виновата я, что бы вы там ни говорили. Я знала, что-то случится, это лишь вопрос времени.

— Значит, мне тоже следовало это предвидеть и

быть к ней внимательнее, — печально сказал я.

— Тут не уследишь. Мы же стерегли Родерика, помните? Надо было сразу увезти ее отсюда.

Тон ее казался странным, она прятала глаза.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

— Разве не ясно? В доме что-то есть! Оно всегда было здесь и недавно… пробудилось. Или пришло сюда, чтобы выместить свою злость и наказать нас. Вы же видели, в каком состоянии мать. Знаете, что с ней произошло. Слышали, что говорят миссис Бэйзли и Бетти.

Я оторопел:

— Неужели вы всерьез верите… Послушайте, Каролина. — Я крепко сжал в ладонях обе ее руки. — Вы все — ваша мать, миссис Бэйзли, Бетти и вы сами — уже на пределе! Понимаю, вы грешите на дом. Чему удивляться, когда одна беда за другой: сначала Плут, потом Родерик, а теперь еще это. Ведь так? Но вы-то не миссис Айрес! Вы сильнее! Помню, как она плакала, сидя вот в этом кресле… Видимо, те злосчастные каракули разбередили в ней память о вашей сестре. Сказались нездоровье, бессонница, возраст. Да тут еще эта дурь с переговорной трубой…

— А как же запертая дверь? А шаги?

— Никто дверь не запирал. Ведь она была от-

крыта, когда вы поднялись? И заглушка торчала в рожке. Что до шагов… ей и раньше всякое мерещилось. Помните, она слышала стук когтей Плута? Рассудок ее ослабел, и ей просто почудилось.

— У вас на все готов ответ, — сокрушенно покачала головой Каролина.

— Да, разумный ответ! Неужели вы всерьез думаете, что ваша сестра…

— Нет, этого я не думаю, — твердо сказала она.

— Тогда — что? Вашу матушку преследует другой призрак? Видимо, тот самый, что оставил отметины в комнате Родерика…

— Но что-то же их оставило! — воскликнула Каролина, выдернув руки из моих ладоней. — Я знаю, в доме что-то есть. Поняла это, когда заболел Родерик, но боялась себе признаться… Я все думаю о том, что сказала мать, обнаружив последние каракули. Мол, дом знает все наши слабости и поочередно их испытывает. Слабость Родерика — сам дом. Наверное, моя — Плут. А мамина слабость — Сьюзен. Мать будто дразнят этими надписями, шагами, голосом в трубе. Словно кто-то с ней забавляется.

— Неужели вы вправду так думаете?

— Вам-то хорошо! — огрызнулась Каролина. —

Рассуждаете себе о помрачении, галлюцинациях и всяком таком! Но вы не видели нас настоящих. Вы знаете нас лишь теперешних. Еще год назад мы были совсем другими. Это уж точно. Все изменилось… пошло наперекосяк… так сильно и быстро… Что-то есть, неужто не понимаете?

Побледневшее лицо ее исказилось. Я коснулся ее руки:

— Послушайте, вы устали. Вы вся извелись.

— Что вы заладили!

— К сожалению, так оно и есть.

— Почему вы не хотите понять, что дело не в одной усталости?

— Я вижу факты и делаю разумные выводы. Так поступают врачи.

Каролина простонала, и, похоже, этот стон, в котором слышались огорчение и досада, отнял ее последние силы; прикрыв глаза, она замерла, а потом как-то сникла.

— Просто не знаю… Иногда мне все ясно, а потом кажется — нет, это уже чересчур.

Я привлек ее к себе, поцеловал и погладил по голове:

— Дорогая моя, я вам очень сочувствую. Понимаю, как вам тяжело. — Я говорил тихо и спокойно. — Но если мы закроем глаза на оче-

видное, пользы не будет никому, а уж вашей матушке и подавно… Ей явно не хватило сил. В этом ничего странного или сверхъестественного. Наверное, она пыталась уйти в то время, когда жизнь ее была легче. Вспомните, как часто она тосковала по прошлому. Ваша сестра стала для нее образом всех утрат. Ничего, она отдохнет, и рассудок ее прояснится. Я вправду так думаю. Если имение встанет на ноги, ее это поддержит. — Я помолчал. — Если б мы поженились…

Каролина отстранилась:

— Я не могу думать о замужестве, когда мать в таком состоянии!

— Она взбодрится, когда увидит, что все налаживается, а вы устроены.

— Нет. Это нехорошо.

Я проглотил огорчение.

— Ладно. — Голос мой был спокоен. — Ваша мать нуждается в заботливом уходе. Всеми силами мы должны ей помогать. Ни к чему, чтобы всякие фантазии ее тревожили и пугали. Вы меня понимаете?

Помешкав, она прикрыла глаза и кивнула. Мы сидели в молчанье. Обхватив себя, Каролина задумчиво смотрела в огонь.

Я побыл еще сколько мог, а потом стал соби-

раться в больницу. Велев Каролине отдыхать, я обещал вернуться утром, но просил тотчас сообщить, если миссис Айрес разволнуется. Потом зашел на кухню и повторил свою просьбу Бетти и миссис Бэйзли, добавив, чтобы они приглядывали и за Каролиной, ибо та «слегка переутомилась».

Перед уходом я заглянул к миссис Айрес. Разбросав забинтованные руки, она крепко спала, ее длинные волосы рассыпались по подушке. Вдруг она пошевелилась и что-то забормотала; я положил руку на ее лоб, погладил по бледной щеке, и она успокоилась.

11

Утром, возвращаясь в Хандредс-Холл, я был готов ко всему. Жизнь в доме стала такой, что в мое отсутствие могло произойти все что угодно. Но когда около восьми часов я вошел в вестибюль, я увидел, что усталое лицо Каролины, спускавшейся меня встретить, обнадеживающе ожило и порозовело. Ночь прошла без всяких событий, сказала она. Мать крепко спала, сейчас уже проснулась и вполне спокойна.

— Слава богу! — ответил я. — Как она выглядит? Не подавлена?

— Вроде бы нет.

— О вчерашнем вспоминала?

Каролина замялась и стала подниматься по лестнице:

— Поговорите с ней сами.

Я пошел следом.

Комната порадовала светом из-за раздернутых штор; миссис Айрес, чьи волосы были сплетены в нетугую косу, еще в ночной сорочке и халате сидела у камина. Она испуганно взглянула на открывшуюся дверь, но тревога тотчас сбежала

с ее лица. Встретив мой взгляд, она мигнула и смущенно покраснела.

— Так-так-так! — сказал я. — Мчусь ни свет ни заря, а во мне никакой нужды! — Я присел на пуфик, который вытянул из-под туалетного столика. — Как мы себя чувствуем?

— Полной дурой, — потупившись, ответила миссис Айрес. От снотворного глаза ее были мутноваты, а движения вялы, но говорила она четко.

— Будет вам, — улыбнулся я. — Спали хорошо?

— Как убитая. Наверное, из-за лекарства.

— Никаких кошмаров?

— Вроде бы нет.

— Славно. Нуте-с, к делу. Позвольте, я взгляну на повязки.

Миссис Айрес отвернулась, но покорно подала мне руки. Оттянув обшлага ее халата, я увидел, что нужна перевязка. Из ванной на площадке я принес теплой воды, чтобы смочить присохшие бинты. Каролина молча наблюдала за малоприятной процедурой, которую миссис Айрес перенесла безропотно, лишь изредка всхлипывая.

В общем-то, ранки почти затянулись. Я аккуратно наложил свежие повязки, а Каролина вынесла

миску с побуревшей водой и скатала грязные бинты. Потом я измерил пульс и давление, прослушал грудь больной. Дыхание было слегка затруднено, однако сердечные тоны порадовали своей четкостью. Запахнув на пациентке халат, я убрал инструменты в саквояж.

— Вы молодцом, — сказал я, осторожно взяв ее за руки. — Прямо на душе полегчало. Вчера вы всех здорово всполошили.

Миссис Айрес отняла руки:

— Пожалуйста, не надо об этом.

— Вы сильно перепугались, миссис Айрес.

— Я вела себя как глупая старуха, вот и все! — Голос ее чуть дрогнул. Она прикрыла глаза и попыталась улыбнуться. — Наверное, мой рассудок сбежал в самоволку. В этом доме плодятся фантазии и глупые мысли. Мы слишком от всех оторваны. Хандредс-Холл — самое уединенное место в графстве, говаривал мой муж. Ты помнишь, Каролина?

— Помню, — не поднимая глаз, тихо ответила Каролина; она все еще возилась с грязными бинтами.

— Да, нынешнее состояние дома отчасти виновно в том, что произошло, — согласился я. — Однако вчерашние ваши слова меня весьма

напугали.

— Я наворотила горы чепухи! Стыдно вспомнить! Представляю, что обо мне думают Бетти и миссис Бэйзли… Пожалуйста, доктор, прекратим этот разговор.

— Дело слишком серьезное, чтоб им пренебречь, — осторожно сказал я.

— Никто не пренебрегает. Вы дали мне лекарство, Каролина за мной приглядывает. Я уже… вполне оправилась.

— Вы не испытываете тревоги? Страха?

— Господи! — рассмеялась миссис Айрес. — Перед чем?

— Вчера вы были очень напуганы. Вы говорили о Сьюзен…

Миссис Айрес заерзала в кресле:

— Повторяю: я нагородила кучу вздора. Слишком много думала, слишком часто оставалась одна. Теперь я это понимаю. Отныне стану чаще бывать с Каролиной. По вечерам и все такое. Пожалуйста, не дергайте меня. Прошу вас.

Забинтованная рука накрыла мою ладонь; на исхудалом лице все еще мутноватые темные глаза казались огромными. Но голос вновь был ровен, а тон очень искренен. Она ничем не напоминала себя вчерашнюю, когда, выпучив глаза,

что-то несвязно лепетала.

— Ладно, — наконец сказал я. — Но вам нужно отдыхать. Отправляйтесь-ка в постель. Я оставлю Каролине лекарство, легкое снотворное. Вы должны беспробудно спать по восемь часов, пока не восстановите силы. Как вам мой план?

— Хорош для инвалида, — чуть игриво ответила миссис Айрес.

— Что ж, я врач, и мне решать, кто у нас инвалид.

Она поворчала, но позволила препроводить себя в постель. Уменьшив дозу, я снова дал ей веронал. Поерзав и повздыхав, миссис Айрес затихла. Убедившись, что она спит, мы с Каролиной тихо вышли из комнаты.

На площадке, глядя на закрытую дверь спальни, я покачал головой:

— Ей гораздо лучше! Невероятно! Такой она и проснулась?

— Такой и проснулась. — Каролина отвела взгляд.

— Она почти прежняя!

— Вы так считаете?

— Разве нет?

— Не уверена. Знаете, мать очень ловко скрывает свои подлинные чувства. Ее поколение этим

славится, особенно женщины.

— Она выглядит лучше, чем я ожидал. Теперь для нее главное — покой.

— Покой? — Каролина скользнула по мне взглядом. — Вы впрямь думаете, что мы сможем его обеспечить?

Вопрос показался странным, учитывая, что мы шептались посреди полного безмолвия. Прежде чем я успел ответить, Каролина шагнула к лестнице:

— Давайте на минутку зайдем в библиотеку. Хочу кое-что показать.

Я неуверенно последовал за ней в вестибюль. Каролина открыла дверь библиотеки и отступила в сторону, пропуская меня вперед.

После зимних дождей затхлая вонь стала еще сильнее. В сумраке все так же маячили задрапированные стеллажи. Единственный действующий ставень был открыт, в камине теплились покрытые пеплом угли. Возле кресла горели две лампы.

— Вы тут обжились, — слегка удивился я.

— Читала, пока мать спала. Видите ли, вчера после вашего ухода я переговорила с Бетти и кое о чем задумалась.

Каролина выглянула в коридор и негромко

позвала служанку. Видимо, Бетти ждала поблизости, ибо тотчас появилась. Разглядев меня, она замешкалась на пороге.

— Пожалуйста, войди и закрой дверь, — сказала Каролина.

Потупившись, девушка вошла в комнату.

— Теперь скажи доктору Фарадею то, что вчера говорила мне. — Каролина рассеянно играла сплетенными пальцами, будто пытаясь разгладить огрубевшую на костяшках кожу.

— Не хочу, мисс, — промямлила Бетти.

— Ну же, не валяй дурака. Никто не рассердится. Что ты вчера говорила после ухода доктора?

— Ну, я сказала, что в доме живет плохое. — Бетти стрельнула в меня взглядом.

Видимо, я хмыкнул, потому что служанка вскинула голову, выставив подбородок:

— Да, живет! Я уж давно прознала! И доктору сказала, а он — мол, хватит дурью маяться. А я вовсе не маюсь! Я знала про плохое! Я его чуяла!

Каролина за мной наблюдала. Встретив ее взгляд, я сухо сказал:

— Верно, я просил ее попридержать язык.

Будто не слыша, она обратилась к служанке:

— Скажи, что именно ты чувствовала.

— Просто чуяла, что оно в доме. — Бетти чуть

сникла. — Оно вроде… слуги-злыдня.

— Вот как? — усмехнулся я.

— Да, так! — притопнула Бетти. — Наверху он двигал вещи, а внизу ничего не трогал. Любил что-нибудь опрокинуть или измарать — будто грязными руками лапал. После пожара я хотела сказать. Но миссис Бэйзли отсоветовала, — мол, подумают на мистера Родерика. А потом началось с миссис Айрес — все эти стуки и хлопки. И тогда я маленько сказала. Выложила самой мадам.

Теперь я начал понимать.

— Угу. Это многое объясняет. — Я сложил руки на груди. — И что она ответила?

— Сказала, ей все известно. Мол, это призрак! И она его любит! Сказала, никому не говори, это наш с тобой секрет. Я словечком не обмолвилась, даже миссис Бэйзли. Думала, все путем, раз миссис Айрес такая счастливая. А теперь призрак опять разозлился, да? Зря я молчала. Тогда бы мадам не пострадала. Простите! Только я не виноватая!

Она закрыла руками лицо и расплакалась.

— Все хорошо, Бетти. — Каролина обняла ее за вздрагивающие плечи. — Никто ни в чем тебя не винит. Вчера все растерялись, а ты была смелой и умницей. Утри глаза.

Понемногу девочка успокоилась, и Каролина велела ей идти на кухню. Зыркнув на меня, Бетти покорно вышла; я смотрел ей вслед, чувствуя повисшую тишину и настороженный взгляд Каролины. Наконец я сказал:

— В то утро, когда я усыпил Плута, она о чем-то обмолвилась. Вы все были так убиты, что я не рискнул еще больше вас огорчить. Потом началась эта история с Родом, и я заподозрил, что Бетти заронила в него мысль о всякой чертовщине. Но она божилась, что ничего ему не говорила.

— Думаю, не врет, — ответила Каролина.

Она прижимала к груди две толстые книги, которые взяла со столика возле кресла. Глубоко вздохнув, она проговорила тоном, в котором слышалось спокойное достоинство:

— Меня не волнует, что вы смолчали и я обо всем узнала от Бетти, а не от вас. Я знаю ваше отношение к тому, что происходит в доме. Но я прошу меня выслушать. Надеюсь, вы уделите мне кроху своего внимания?

Я было шагнул к ней, но вид ее говорил: не подходи.

— Извольте, — осторожно согласился я.

Каролина вновь глубоко вздохнула и продол-

жила:

— После разговора с Бетти я задумалась и вдруг вспомнила кое-какие отцовские книги. В памяти всплыли их названия, и вечером я пришла сюда. Боялась, этих книг уже нет… однако разыскала.

С какой-то странной робостью она передала мне два тяжелых тома. Я понятия не имел, что это за книги. С виду медицинские справочники. Но потом увидел заголовки: «Фантомы сущего» и «Темная сторона природы».

— Не думаю, что они нам помогут. — Я опустил книги, оттягивавшие руки.

Поняв, что я не собираюсь в них заглядывать, она забрала их и сама раскрыла. Движения ее были неловки, словно не вполне координированы. Теперь я разглядел, что от волнения щеки ее полыхают нездоровым румянцем. Каролина открыла книгу на странице, заложенной бумажным клочком, и вслух прочла:

— «Однажды семейство испугали внезапные перемещения предметов в гостиных, кухне и других комнатах. Один из горшков, висевших у буфета, без всякой видимой причины сорвался с крючка и разбился; на другой день упал второй горшок, на следующий — третий. Фарфоровый чайник с только что заваренным чаем вдруг

спрыгнул с каминной полки».

Она бросила на меня взгляд, в котором смешались робость и вызов. Лицо ее еще больше раскраснелось.

— Это было в Лондоне, в начале прошлого века. — Каролина раскрыла книгу на следующей закладке. — А вот Эдинбург, тысяча восемьсот тридцать пятый год: «Как ни бились, все без толку: там и сям денно и нощно слышались шаги невидимки, стуки, скрежет и шорох».

— Погодите…

— А вот еще. — Каролина перелистала страницы, в спешке одну порвав. — Послушайте: «Отмечено великое множество случаев необъяснимого трезвона всех звонков в доме даже после того, как были предприняты меры, исключающие возможность ловкого жульничества».

— Ну хорошо, позвольте взглянуть.

Я взял у нее книгу и, заглянув в начало, вслух прочел названия глав, покоробившие своей претенциозностью:

— «Обитатель храма». «Двойственный сон и транс». «Потревоженные духи». «Дома с привидениями». — Я захлопнул книгу. — Кажется, об этом мы уже говорили. Полагаете, ваша мать поправится, если потакать ее фантазиям о при-

зраке в доме?

— Да нет же, я вовсе не о том, — поспешно сказала Каролина. — Я знаю, мама и Бетти в это верят, но в книге и речи нет о призраках. В ней говорится о… полтергейсте.

— О господи! Может, еще о вампирах и оборотнях?

Каролина досадливо покачала головой:

— Год назад я бы тоже так говорила. Но ведь это всего лишь слово, которым мы обозначаем непостижимое: некую силу или сгусток энергии. Или же нечто внутри нас. Я не знаю. Эти авторы, Гёрни[22] и Майерс[23], — она открыла вторую книгу, — говорят не о призраках, но фантомах — части человеческой личности.

— Какой еще части?

— Бессознательной части, которая столь сильна или так растревожена, что самостоятельно

---

[22] Примечания: 22

Эдмонд Гёрни (1847–1888) — английский психолог, один из основателей Общества психических исследований (ОПИ) и авторов книги «Фантомы сущего».

[23] Примечания: 23

Фредерик У. Майерс (1843–1901) — британский поэт, эссеист, филолог и философ; активист первой волны спиритуализма и один из основателей ОПИ, членом которого был Артур Конан Дойль. Опубликованный после смерти Майерса двухтомник «Человеческая личность и ее жизнь после смерти тела» (1903) считается классикой спиритуалистской литературы.

влияет на жизнь. — Она показала страницу. — Вот. Один человек, будучи в Англии, так сильно желал поговорить с приятельницей, что предстал перед этой женщиной и ее компаньонкой, когда те находились в гостиничном номере в Каире. Явился им как призрак! А вот женщина, которая ночью услышала стук птичьих крыльев — ну прямо как мама! Она видит перед собой мужа, который находится в Америке, а позже узнает о его смерти! В книге сказано, что некоторые люди, когда обеспокоены, несчастны или чего-то страстно желают… Они даже не знают о том, что происходит… Что-то из них… вырывается… Я все думаю про телефонные звонки. Что, если все же они были от Родди?

— Что? — изумился я.

— Если книга права, за всем этим кто-то стоит. Может быть, причина всему мой брат? Что, если он хочет вернуться? Вы же знаете, каким оголтелым он бывает в расстройстве. Может, он и есть тот злыдень, о котором говорит Бетти?

— Или же в этой роли выступает она сама. Об этом вы не думали? Все ваши беды начались с ее появлением в доме.

— Точно так же можно сказать, что они начались с *вашим* появлением, — нетерпеливо

отмахнулась Каролина. — Вы не слушаете. Стуки, звонки — ведь это знаки, верно? Даже каракули на стенах. Мать сказала, что вчерашний слабый голос в трубе больше походил на дыхание. Она думала, голос принадлежит Сьюзен, потому что ей этого хотелось. Что, если на самом деле это был Род?

— Так ведь не было никакого голоса! — воскликнул я. — И быть не могло! Что до звонков, мы уже выяснили — виноваты провода…

— Но в этой книге…

Я накрыл ладонью том, который она держала в руках:

— Каролина, прошу вас. Вы знаете, что все это вздор. Небылица! Ну что вы, ей-богу! У меня был пациент, пытавшийся молотком разбить женину голову. Он утверждал, что это не настоящая его жена; мол, ту «проглотила» другая баба и надо раскроить самозванке башку, дабы выпустить подлинную супружницу. Несомненно, эта книжка была бы ему подспорьем! Дескать, женою завладел дух. Но мужика упекли в лечебницу, где попотчевали бромидом, и через неделю он вновь был в здравом уме. Книга может это объяснить? И вашего брата лечат бромидом. Род очень нездоров, но предполагать, что он бродит по дому в

виде призрака…

В глазах ее мелькнуло сомнение, однако она упрямо сказала:

— Разумеется, в вашей подаче все это выглядит глупостью. Но вы здесь не живете и оттого не понимаете. Вчера мне все стало ясно. Вот послушайте…

Она раскрыла книгу и нашла отрывок, который подтвердит ее правоту, но тотчас принялась искать другой… Лицо ее уже пылало лихорадочным румянцем, взгляд беспокойно шнырял по странице. Я прямо не узнавал ее. Она опять стала читать вслух, не замечая, что я взял ее за руку и пытаюсь нащупать пульс. Пальцы мои уловили быстрое тиканье, но тут она поняла, чем я занят, и отдернула руку:

— Вы что? Прекратите сейчас же!

— Каролина…

— Что вы со мной как с больной! Как с матерью и Родом! Ничего другого не можете?

Меня захлестнули усталость и раздражение, и я заорал:

— Господи ты боже мой! А как же иначе! Я врач! Стоите здесь, несете всякую чепуху… Вы же не суеверная деревенщина! Оглядитесь! Не видите, что происходит? Дом рушится, ваш братец довел

имение до ручки, но все свалил на «заразу»! А теперь и вы туда же — всему виной призраки и полтергейст! Уши вянут! Тошнит!

Я отвернулся, испуганный собственной яростью. Каролина отложила книгу; сделав над собой усилие, чтобы успокоиться, я прикрыл рукой глаза и проговорил:

— Извините. Сорвалось…

— Ничего, я рада, что вы это сказали, — спокойно ответила Каролина. — Вы правы. Даже насчет Родди. Не надо было ничего вам показывать. Это не ваша забота.

Во мне опять всколыхнулась злость.

— Да нет, это моя забота! Ведь мы хотим пожениться, верно? Правда, одному богу известно, когда это произойдет… Да не смотрите вы так! — Я схватил ее за руки. — Я не могу, когда вы огорчаетесь! Но видеть вас зашоренной тоже не могу! Вы лишь добавляете себе треволнений! Разве тех, что уже есть, мало? Я говорю о реальном мире и реальных проблемах, с которыми можно как-то справиться.

В глазах ее вновь промелькнуло сомнение.

— Вчера все казалось логичным… Выходило так складно… Я много думала о Родди и уже почти *чувствовала* его здесь.

— Когда я приложился к той чертовой трубе, то почти убедил себя, что услышу голос матери.

— Правда? — нахмурилась Каролина.

Я поцеловал ее руки:

— Дом всех сбивает с панталыку, но не так, как вы думаете. Тут все… пошло наперекосяк. Но мы с вами можем это поправить. Что касается… Ваше беспокойство о брате вполне понятно. Ну давайте… съездим к нему, если вам станет легче.

Каролина вскинула голову, и впервые за долгое время я увидел радость, вспыхнувшую в ее глазах. Меня неприятно кольнуло. Ты бы мне так радовалась, подумал я.

— Вы серьезно? — спросила Каролина.

— Разумеется. Правда, я бы не советовал. Ради его же блага ехать не надо. Но тут другое дело. Я думаю о вас. Я всегда о вас думаю, Каролина. Помните об этом.

Как уже бывало, остатки моей злости перекипели в желание. Я привлек ее к себе. Она слабо рыпнулась, но потом ее тонкие сильные руки обвились вокруг моей шеи.

— Да, я помню, — устало прошептала она.

Следующее воскресенье выдалось пасмурным, но сухим, и мы поехали в клинику, оставив дремлющую миссис Айрес на попечение Бетти.

Естественно, поездка была нервной; я предварил наш визит телефонным звонком, но всю дорогу Каролина донимала меня вопросами: вдруг он не захочет нас видеть? что, если ему хуже? вдруг он нас не узнает?

— По крайней мере, мы будем знать что и как, — отвечал я. — А это уже что-то, верно?

Наконец она угомонилась и лишь молча грызла ногти. Мы подъехали, но Каролина, собираясь с духом, не сразу вышла из машины, а в дверях клиники вцепилась в мою руку, неподдельно запаниковав.

Потом сестра проводила нас в холл, где мы увидели Родерика, одиноко сидевшего за столом, и она бросилась к нему, от облегчения нервно посмеиваясь.

— Род! Ты ли это? Я тебя едва узнала! Ты похож на морского капитана!

Он располнел, был коротко стрижен и отпустил рыжую бороду, из-за рубцов клочковатую. Лицо его будто постарело, закаменев в суровой несмешливости. На улыбки сестры он не ответил. Позволив себя обнять и поцеловать, он пересел на другой край стола и осторожно устроил руки на столешнице, словно получая удовольствие от ее прочности.

Я сел рядом с Каролиной:

— Рад вас повидать.

— А я счастлива! — рассмеялась Каролина. — Как ты?

Родерик облизал сухие губы. Он выглядел настороженным.

— Нормально.

— Ты ужасно растолстел! Значит, вас хорошо кормят. Да? Еда приличная?

— Да вроде бы, — нахмурился Родерик.

— Ты нам рад?

Не ответив, он посмотрел в окно:

— Как вы сюда добрались?

— На машине доктора Фарадея.

— А, малышка «руби».

— Верно, — сказал я.

Он перевел на меня настороженный взгляд:

— Лишь утром мне сказали, что вы приедете.

— Да мы сами надумали буквально на днях, — сказала Каролина.

— Мать не приехала?

Каролина замялась, и ответил я:

— К сожалению, у вашей матушки легкий бронхит. Пустяшный, скоро пройдет.

— Она шлет тебе привет, — оживилась Каролина. — И очень… сожалеет, что не смогла поехать.

— Только утром сказали, — повторил Родерик. — Так всегда. Все держат в секрете, чтоб нас не всполошить. Чтоб мы, значит, не теряли голову. Ну прям как в авиации.

Он повозил руками, и теперь я заметил, что они трясутся. Видимо, потому он и держал их на столешнице, чтобы унять дрожь.

Каролина тоже это заметила и накрыла их ладонями.

— Мы хотели просто увидеть тебя, — сказала она. — Ведь так давно не виделись. Хотели убедиться, что… с тобой все хорошо.

Родерик хмуро уставился на ее пальцы, мы помолчали. Потом Каролина вновь разахалась, какой он бородатый, как располнел, затем поинтересовалась распорядком дня, и Родерик безучастно поведал о своем времяпрепровождении: в «мастерской» лепка из глины, обед, тихий час, музыкальные занятия, иногда работа в саду. Говорил он довольно внятно, но лицо его оставалось безрадостным, а тон настороженным. После робких вопросов Каролины — с ним вправду все хорошо? ведь он бы сказал, если б было иначе? не надо ли ему чего? часто ли он вспоминает о доме? — взгляд его стал холодным и подозрительным.

— Разве доктор Уоррен не сообщает обо мне?

— Он пишет нам каждую неделю. Но хотелось тебя увидеть. Я подумала…

— Что? — перебил он.

— Вдруг тебе… плохо.

Руки его затряслись еще сильнее, губы плотно сжались. На секунду Родерик замер, потом откачнулся от стола и сложил руки на груди.

— Я не вернусь, — сказал он.

— Что? — опешила Каролина, испуганная его резким движением.

— Если вы за этим приехали.

— Мы хотели повидаться…

— Потому вы здесь? Чтобы забрать меня?

— Конечно нет! Хотя я надеялась…

— Нечестно, если вы приехали за мной. Нельзя отправить человека в подобное заведение, дать ему привыкнуть… забыть о привязанностях… а потом вновь толкать его в опасность.

— Родди, прошу тебя! — воскликнула Каролина. — Больше всего на свете я хочу, чтобы ты вернулся домой. Чтобы вот прямо сейчас поехал с нами. Но если ты хочешь остаться, если здесь тебе лучше…

— Дело не в том, где мне лучше! — процедил Родерик. — А в том, где безопаснее. Не понима-

ешь, что ли?

— Родди…

— Хочешь снова взвалить на меня ответственность? Да? Хотя любому дураку ясно: если мне что-нибудь поручить, я это… погублю.

— Все не так, — вмешался я, видя, что его слова потрясли Каролину. — Сейчас имение под хорошим приглядом. Ваша сестра обо всем заботится, я ей помогаю. Вам бы не пришлось ничем заниматься, коль нет желания. Мы все за вас сделаем.

— Да уж, хитро! — насмешливо протянул он, глядя на меня, как на чужака. — Ловко! Значит, вот как надумали меня заманить. Хотите меня использовать… использовать и подставить. А я не вернусь! И не подставлюсь! Поняли?

— Пожалуйста, перестань! — взмолилась Каролина. — Никто не намерен тебя забирать. Я думала, тебе плохо, ты хочешь меня видеть. Извини, я… ошиблась.

— Считаешь меня идиотом?

— Нет.

— Значит, ты сама идиотка?

Каролина вздрогнула.

— Просто я ошиблась.

— Род… — начал я, но меня прервала медсестра, которая все это время деликатно следила за

нашей беседой и, заметив перемену в пациенте, подошла к нам.

— Что случилось? — мягко спросила она. — Неужто вы хотите огорчить свою сестру?

— С идиотскими дураками разговаривать не желаю! — Родерик набычился, не размыкая сложенных на груди рук.

— А я не желаю слышать подобных выражений! — Сиделка тоже скрестила руки. — Извольте просить прощенья. Ну? — Она притопнула. — Мы ждем…

Род молчал. Сиделка покачала головой и, не отворачиваясь от него, скосила взгляд на меня и Каролину.

— Родерик для нас загадка, господа, — произнесла она чеканным медсестринским голосом. — Когда в настроении, он милейший человек, и мы все его обожаем. Но если он не в духе… — Сиделка вновь покачала головой, вздохнула и прицокнула языком.

— Все в порядке, — сказала Каролина. — Не нужно извинений, раз он не хочет. Я… не стану заставлять его что-либо делать против воли.

Она взглянула на брата и, потянувшись к нему через стол, робко проговорила:

— Мы с мамой скучаем по тебе, Родди, вот и

все. Очень скучаем. Все время о тебе думаем. Без тебя в доме ужасно. Мне казалось… и ты думаешь о нас. Теперь я вижу, что с тобой все хорошо. Я… очень рада.

Родерик упорно молчал, но лицо его напряглось, а дыхание стало тяжелым, будто он изо всех сил сдерживался. Сиделка пригнулась к нам и доверительно шепнула:

— На вашем месте я бы ушла. Не дай бог увидеть его в припадке ярости.

Наше свидание длилось меньше десяти минут. Каролина нехотя встала, еще не веря, что брат ничего не скажет на прощанье. Но он даже не взглянул на нас, и мы ушли. Каролина пошла к машине, а я задержался на пару слов с доктором Уорреном; когда я догнал ее, она уже отерла слезы с покрасневших глаз. Я взял ее за руку:

— Все это тягостно, сожалею.

— Нет, зря мы приехали, — бесцветно проговорила она. — Надо было вас послушать. Дура я, что надеялась здесь чего-то найти. Ничего нет, правда? Ничего. Все, как вы говорили.

Мы пустились в долгий обратный путь. Когда дорога позволяла, я обнимал Каролину за плечи. Руки ее лежали на коленях, а голова безвольно моталась в такт нашим скачкам на ухабах, будто

смятение и расстройство лишили ее последних жизненных сил.

Разумеется, все эти события не вдохновляли на любовь, и наш роман несколько подувял. Сей огорчительный факт, а также беспокойство за Каролину и Хандредс-Холл привели к тому, что я стал дерганым, плохо спал и видел во сне какую-то муру. Не раз мне хотелось выговориться перед Грэмами. Но мы уже давно толком не виделись, я чувствовал, что они слегка обижены моим невниманием, и было бы неприлично лезть к ним со своими неприятностями. В конце концов мое состояние сказалось и на работе. Как-то на вечернем дежурстве я ассистировал в несложной операции, но все делал из рук вон плохо, и хирург, пошутив надо мной, справился один.

Хирургом был Сили. Когда после операции мы оба мыли руки, я извинился за свою рассеянность.

— Пустяки, — с обычной любезностью ответил Сили. — Вид у вас паршивый. Мне это знакомо. Что, замучили ночные вызовы? Да еще эта погода…

— Да уж, погода и впрямь… — промямлил я.

Я отвернулся, но чувствовал на себе его взгляд. Потом мы прошли в раздевалку, и я неловко

выронил пиджак, снимая его с крючка, отчего содержимое карманов рассыпалось по полу. Выругавшись, я собрал свои вещицы и вновь натолкнулся на внимательный взгляд Сили.

— Полоса неудач, — улыбнулся он и, понизив голос, спросил: — Что случилось? Неурядицы с больными или, может, личные?.. Простите мою назойливость.

— Ничего, — ответил я. — Скорее, нелады с пациентами. Хотя отчасти и личные.

Я чуть не сболтнул больше — до того хотелось сбросить груз с души, — но вспомнил наш неприятный разговор на январском бале. Наверное, Сили тоже его помнил и хотел загладить свою бестактность, а может, просто понял, что я в полном раздрызге.

— Послушайте, ведь мы оба уже закончили? — сказал он. — Может, заглянем ко мне и выпьем? Вы не поверите, но я разжился бутылочкой виски. Дар признательной пациентки. Не соблазняет?

— К вам? — удивился я.

— А что такого? Идемте. Вы окажете моей печени услугу, если пропустите пару стаканчиков, иначе я один приговорю всю бутылку.

Я уже и не помнил, когда последний раз бывал в гостях, а потому согласился. На улице подмо-

раживало; франтоватый Сили натянул плотную коричневую куртку и меховые шоферские перчатки, отчего стал похож на добродушного медведя, я — скромное пальтишко и шарф, и мы направились к своим машинам. Я отъехал первым, но вскоре малиновый «паккард», беспечно газовавший на обледенелой дороге, меня обогнал. Когда через двадцать пять минут я подрулил к дому Сили, хозяин уже был в кабинете, где доставал стаканы и разжигал камин.

Построенный в начале века, дом представлял собой безалаберное скопление светлых неприбранных комнат. Сили женился довольно поздно, однако молодая жена Кристина подарила ему четверых симпатичных детишек. Когда я вошел в незапертый дом, двое из них гонялись друг за другом по лестнице, еще один стучал теннисным мячом о дверь гостиной.

— Пропадите вы пропадом, сорванцы окаянные! — рычал Сили.

Взмахом руки он пригласил меня в кабинет, извинившись за беспорядок, но было видно, что втайне он счастлив и горд, как все мужья, что сетуют холостякам на свои большие шумные семейства.

Я вновь почувствовал, как мы далеки. Почти

двадцать лет мы были любезными конкурентами, однако друзьями так и не стали. Сили откупорил бутылку, но я взглянул на часы:

— Только по маленькой. Мне надо еще приготовить кучу рецептов.

— Тем более следует хорошенько принять. — Сили разлил виски. — Будет пациентам сюрприз. Божественный запах, а? Ну, вздрогнули!

Мы чокнулись и выпили. Сили кивнул на ветхие кресла, которые поочередно зацепил ногой и подтащил к камину, не обращая внимания на задравшийся пыльный ковер. В прихожей бушевал ребячий гвалт, а через минуту в дверь кабинета просунулась симпатичная детская мордашка.

— Папа… — позвал мальчик.

— Сгинь! — рявкнул Сили.

— Ну, сэр…

— Прочь, не то оборву уши! Где мать?

— Они с Рози в кухне.

— Вот ее и донимай, шкет!

Дверь грохнула. Сили яростно прихлебнул из стакана и зашарил по карманам в поисках сигарет, но я его опередил, протянув свой портсигар и зажигалку.

— Сцены из домашней жизни, — с напускной усталостью проговорил Сили. Зажав сигарету

в губах, он откинулся в кресле и продолжил: — Завидуете мне, Фарадей? Не стоит. Семьянин никогда не станет хорошим врачом, ибо слишком обременен собственными заботами. Надо бы издать закон, предписывающий лекарям безбрачие, точно католическим священникам. Это было бы им на пользу.

— Вы сами себе не верите. — Я затянулся сигаретой. — Будь оно так, я бы служил примером.

— Да, вы образец. Как врач, вы лучше меня, к тому же ваш путь в профессию был гораздо сложнее.

Я пожал плечами:

— Нынче я был весьма далек от образца для подражания.

— Это пустяки, текучка. Когда надо, вы не оплошаете. Сами же говорите, мысли заели… Может, поделитесь? Не подумайте, что я сую нос в чужие дела, просто по себе знаю: иногда полезно обмусолить с коллегой трудный случай.

Он говорил беспечно, но искренно, и моя легкая неприязнь к его обаятельным манерам, кавардаку в доме и милой семье понемногу увяла. Возможно, подействовали виски и каминное тепло. Комната составляла разительный контраст моему унылому холостяцкому жилью и Хандредс-

Холлу. Я представил измочаленных тревогами Каролину и миссис Айрес, которые сейчас зябко съежились в сердце темного безрадостного дома.

— Наверное, вы догадываетесь о причинах моего беспокойства, — сказал я, гоняя виски в стакане. — По крайней мере об одной из них.

Глаз я не поднимал, но заметил, как Сили отхлебнул из стакана.

— В смысле, Каролина Айрес? — безмятежно спросил он. — Так я и думал, что дело в ней. Вы последовали моему совету на балу?

Я заерзал, но Сили не дал мне ответить:

— Знаю, знаю, я был вусмерть пьян и жутко бестактен. Однако я не шутил. Что случилось? Только не говорите, что вас отшили. Девица слишком мечтательна, что ли? Можете мне довериться, сейчас я не пьян. Кроме того…

Теперь я поднял взгляд:

— Что?

— От слухов никуда не денешься.

— О Каролине?

— Про все семейство. — Сили посерьезнел. — Мой бирмингемский приятель на полставки практикует в клинике Джона Уоррена. Он рассказал мне о жутком состоянии Родерика. Скверная история, да? Не удивлюсь, если она подкосила Ка-

ролину. Ведь там что-то еще произошло, верно?

— Да, — помолчав, сказал я. — Я не прочь рассказать, ибо все так чертовски странно, что я уже ничего не понимаю…

И я без прикрас выложил всю историю: галлюцинации Рода, пожар, каракули на стенах, звонки от невидимок, страшные приключения в детской. Сили слушал, временами покачивая головой или издавая рыкающий смешок. Однако потом смешки угасли, а по завершении моего рассказа он некоторое время молчал, стряхивая сигаретный пепел в камин.

— Бедная миссис Айрес, — наконец сказал он, откинувшись в кресле. — Весьма изощренный способ вскрыть себе вены, а?

— Значит, вы так это поняли? — удивился я.

— А как же еще, дорогуша? Ну разве что бедолага стала жертвой скверного розыгрыша. Полагаю, этот вариант можно отбросить?

— Да, конечно.

— Тогда шаги в коридоре и тяжелое дыхание в трубе дают четкую картину психоневроза. Она винит себя в потере детей — Родерика и той девчушки — и жаждет наказания. Говорите, все произошло в детской? Трудно отыскать более символичное место.

Признаюсь, я сам об этом думал, а еще вспоминал удивительный факт, что пожар разразился в кабинете — средоточии расстройств и страхов Родерика. Однако что-то меня смущало.

— Не знаю, — сказал я. — Даже если допустить, что происшествие с миссис Айрес было чистой галлюцинацией, и найти разумное объяснение всем другим инцидентам, что, полагаю, вполне возможно, все равно меня тревожит кумулятивная природа этих несчастий.

Сили отхлебнул виски:

— То есть?

— Скажем так: к вам приходит ребенок со сломанной рукой; вы накладываете гипс и отправляете его домой. Через пару недель он является с поломанными ребрами. Вы его подлатали и опять отправили домой. Еще через неделю он возвращается к вам с новым переломом… Тут уже ясно, что проблема не в сломанных костях, верно?

— У нас речь не о костях, — возразил Сили, — но об истерии, которая гораздо непонятнее переломов и, к сожалению, заразна. Одно время я работал в женской школе, так вот там целый семестр была мода на обмороки. Редкостное зрелище: девчонки скопом валились, точно кегли. А

потом стали хлопаться даже учительши.

Я покачал головой:

— Тут что-то загадочнее истерии. Такое впечатление, будто нечто медленно высасывает из семьи жизненные соки.

— Это «нечто» называется лейбористским правительством! — хохотнул Сили. — Проблема Айресов в том, что они не могут или не хотят приспособиться, вам не кажется? Поймите меня правильно, я им весьма сочувствую. Как жить в нынешней Англии старому роду, у которого лишь ошметки знатности, а нервишки ни к черту?

Он говорил совсем как Питер Бейкер-Хайд, его живость показалась отвратительной. Впрочем, он же никогда не был другом этой семьи, подумал я.

— Возможно, это верно в отношении Рода. Тем, кто его хорошо знал, было ясно, что парень катится к нервному срыву. Но миссис Айрес — и самоубийство? Не верю.

— Даже на секунду не допускаю, что, разбивая окно, она хотела свести счеты с жизнью. Как всякая дамочка, которая якобы готова наложить на себя руки, она просто разыгрывала миленькую драму с собой в главной роли. Не забывайте, она привыкла к вниманию, которым в последнее

время была обделена… Не исключено, что она вновь выкинет подобный фортель, когда суета вокруг нее уляжется. За ней приглядывают?

— Разумеется. Похоже, она совсем оправилась, что меня озадачивает. — Я глотнул виски. — И вообще, вся эта чертова история сбивает с толку. В доме происходят необъяснимые вещи, словно он окутан какими-то миазмами. Каролина… — я запнулся, — вбила себе в голову, что у них творится нечто сверхъестественное — будто во сне Родерик является в дом или что-то в этом духе. Начиталась всякой муры вроде Фредерика Майерса и ему подобных.

— Что ж, возможно, она что-то раскусила. — Сили загасил окурок.

— Вы серьезно? — вытаращился я.

— А что? Идеи Майерса — естественное продолжение психологии, верно?

— В моем понимании психологии — нет.

— Уверены? Но вы же подпишетесь под общим принципом: кроме личностного сознания еще есть подсознание, этакое дремлющее «я»?

— В широком смысле — да.

— Тогда можно предположить, что в определенных обстоятельствах это дремлющее «я» высвобождается, обретает самостоятельность,

пересекает пространства и становится видимым. Таков тезис Майерса, верно?

— Насколько я знаю, да. Но все это хорошо для сказки у камина, ведь тут ни капли научности!

— Пока нет, — усмехнулся Сили. — И я бы не стал представлять сию теорию медицинскому комитету графства. Но возможно, лет через пятьдесят медицина сумеет откалибровать сей феномен и дать ему объяснение. Пока же все так и будут бездумно бормотать: «Чур меня от вурдалаков, упырей и прочей нечисти!»

Он прихлебнул виски и продолжил другим тоном:

— Знаете, мой отец однажды видел призрака. Ему явилась его мать, почившая десять лет назад. Она возникла в дверях его амбулатории и сказала: «Быстро домой, Джеми!» Не задумываясь, отец накинул пальто и рванул домой. Оказалось, его любимый брат Генри поранил руку, была опасность заражения крови. Отец ампутировал брату палец, чем, вероятно, спас ему жизнь. Как вы это объясните?

— Никак, — ответил я. — Я вам скажу другое: в дымоходе мой отец подвешивал бычье сердце, утыканное булавками, — отгонял злых духов. Вот это я могу объяснить.

— Некорректное сравнение, — засмеялся Сили.

— Почему? Потому что ваш отец джентльмен, а мой — лавочник?

— Надо ж, какой вы ранимый! Послушайте меня, старина. Конечно, я ни секунды не верю, что мой отец видел призрака, а покойная дочь звонила несчастной миссис Айрес. Трудно переварить мысль, что покойники витают в эфире и недреманным оком приглядывают за делами родичей. Но если предположить, что шок от раны и крепкая связь, существовавшая между дядюшкой и отцом, высвободили некую… физическую энергию, которая просто обрела такую форму, чтобы наверняка привлечь отцово внимание. Кстати, очень умно.

— Но в том, что происходит в Хандредс-Холле, нет ничего благого, совсем наоборот, — возразил я.

— Надо ли удивляться, что семейство оказалось в столь паршивой ситуации? Ведь в подсознании полно темных, безрадостных закутков. Вообразите, что нечто высвободилось именно из такого уголка. Назовем его… зародыш. Представим: сложились благоприятные условия, чтобы этот зародыш развивался… рос, словно плод во чреве. Во что превратится этот маленький незнакомец?

Возможно, в некое темное «я» сродни Калибану и мистеру Хайду. Этим существом движут все низменные порывы и желания, которые сознание пытается утаить: зависть, злоба, неудовлетворенность… Каролина грешит на брата. Что ж, возможно, она права. Может быть, в том крушении сломались не только его кости, а что-то еще, более глубинное… Хотя, знаете, обычно подобные пертурбации исходят от женщин. Миссис Айрес климактерическая дама, а в физическом плане это непростой период. Кажется, у них еще есть служанка-подросток?

— Да. — Я отвернулся. — Она-то первая и заладила о привидениях.

— Вон как? А сколько ей? Лет четырнадцать-пятнадцать? Наверное, сидит там как привязанная, никакой возможности пошалить с парнями.

— Да она совсем ребенок!

— Сексуальные порывы самые темные и требуют выхода. Они вроде электрического тока, что склонен сам искать проводники. Но если он не находит применения, то становится весьма грозной энергией.

— Каролина упоминала «сгусток энергии», — выговорил я, пораженный этим словом.

— Она девушка умная. В семье все взваливает

на себя. Братца отправили в частную школу, а ее держали дома под опекой второсортной гувернантки. Только выбралась на волю, как матушка утянула ее обратно, чтоб она в инвалидном кресле катала Родерика. Думаю, теперь ей предстоит катать саму миссис Айрес. А нужно-то ей… — Сили хитро улыбнулся. — Конечно, это не мое дело, однако ни она, ни вы, мой дорогой, моложе не становитесь! Вы поведали мне всю историю, но о себе-то — молчок! Как ваши дела? Достигли взаимопонимания? Или чего-нибудь существеннее?

Я чувствовал, что пьянею, но сделал еще глоток и тихо ответил:

— Стремление к существенному исходит лишь от меня. Я уже в нем захлебываюсь, если честно.

— Даже так? — удивился Сили.

Я кивнул.

— Да, вот уж не думал, что Каролина… Ну вот вам источник ваших миазмов.

Взгляд его стал еще лукавее, но я не сразу понял, о чем он.

— Неужели вы полагаете… — начал я.

Сили посмотрел мне в глаза и рассмеялся. Я вдруг сообразил, что все это его чрезвычайно забавляет. Он допил свой виски, вновь щедро плеснул в наши стаканы и закурил. Потом стал

рассказывать еще более фантастическую историю о привидениях.

Я почти не слышал его. Он заронил в меня мысль, что тикала, будто стрелка метронома, и не желала угомониться. Я понимал, что все это вздор, против которого восставала любая окружавшая меня мелочь: огонь, потрескивавший в камине, ребячий гомон на лестнице, ароматный виски в стакане… Но за окном темнел вечер, а неподалеку в зимней мгле высился Хандредс-Холл, где все было иначе. Есть ли хоть сколько правды в том, что сказал Сили? Возможно ли, что в доме бушует ненасытная сокрушительная сила, источник которой Каролина?

Я отмотал воспоминания к тому, с чего все началось, — незадавшемуся приему, унизительному для Каролины и злосчастному для дочери Бейкер-Хайдов. Что, если именно в тот вечер было посеяно некое зловредное семя? Я припомнил, что после того в Каролине выпестовалась враждебность к брату и нетерпимость к матери и те пострадали, как и Джиллиан. Ведь именно Каролина первой заметила прожоги в комнате Родерика, обнаружила пожар, услыхала стуки и почувствовала «ручонку, барабанившую за стеной».

Вспомнилось еще кое-что. Нечто начало с Плута, которого оно, по выражению Бетти, «куснуло» или «науськало», а потом медленно набирало силу: передвигало мебель, запалило пожар, оставило каракули на стенах. Затем топотало по коридору и придушенно шептало в трубе. Оно росло, оно развивалось…

Чего ждать дальше?

В смятении я вскочил; Сили приподнял бутылку, но я замотал головой:

— Я и так уже злоупотребил вашим радушием. Мне пора. Спасибо, что выслушали.

— Сомневаюсь, что приободрил вас, — сказал Сили. — Видок ваш стал еще хуже. Может, посидите?

Его прервало шумное появление симпатичного сынишки. Раздухарившийся Сили погнался за мальчиком, а когда вернулся, я уже осушил свой стакан, надел пальто и шляпу и был готов к уходу.

Сили оживленно проводил меня до дверей; менее стойкий к спиртному, я слегка пошатывался и чувствовал, как от выпитого натощак печет в животе и кислит во рту. Быстро добравшись домой, я вошел в холодную смотровую; волной накатывала тошнота, а вместе с ней и нечто

хуже, сродни ужасу. Сердце противно бухало. Я снял пальто и понял, что весь взмок. После секундного колебания я прошел в кабинет, поднял трубку и непослушным пальцем набрал номер Хандредс-Холла.

Был двенадцатый час. Шли гудки. Потом раздался настороженный голос Каролины:

— Да? Алло?

— Это я.

Тотчас голос стал встревоженным:

— Что-то случилось? Мы уже легли. Я думала…

— Ничего не случилось, — сказал я. — Ничего. Я хотел… просто вас услышать.

Наверное, это прозвучало глупо. Помолчав, Каролина рассмеялась. Смех был обычный, усталый. Ужас и тошнота потихоньку сникли, точно проколотые булавкой.

— По-моему, вы немного пьяны, — сказала Каролина.

— Кажется, да. — Я отер лицо. — Я был у Сили, он накачал меня виски. Вот же скотина! Втемяшил мне… всякие нелепости. Я так рад вас слышать. Скажите еще что-нибудь.

— Вот еще глупости! — фыркнула она. — Телефонистка бог знает что подумает. Что сказать-то?

— Что угодно. Прочтите стишок.

— Стишок? Ладно! — усмехнулась Каролина и скороговоркой произнесла: — «Мороз совершает свой тайный обряд в безветрии»[24]. Теперь марш в постель.

— Сейчас, еще секунду. Только представлю, как вы там. Все в порядке, да?

— Да, все в порядке, — вздохнула Каролина. — В кои-то веки дом ведет себя хорошо. Мама спит, если только вы ее не разбудили.

— Виноват. Извините, Каролина. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Опять устало рассмеявшись, она положила трубку, и смех угас.

Я услышал щелчок, а затем смутный шорох и далекую разноголосицу чужих разговоров.

---

[24] Примечания: 24

Начальная строчка стихотворения «Полуночный мороз» Сэмюэла Кольриджа (1772–1834), английского поэта-романтика. Перевод М. Лозинского.

12

В свой следующий визит я застал в доме Барретта, который по приказу Каролины выдрал из стены переговорную трубу, источник беспокойства. Как я и предполагал, местами оплетка сносилась, и резина под ней напрочь сгнила; сложенная кольцами труба выглядела жалко и безобидно, точно мумифицированная змея. Однако ее исчезновение приободрило миссис Бэйзли и Бетти: понемногу их лица утратили испуганное выражение, в котором они застыли со дня «несчастного случая с миссис Айрес». Сама миссис Айрес решительно шла на поправку. Порезы совершенно зажили. Все дни она проводила в малой гостиной, где читала или дремала в кресле. В ней еще была заметна легкая отрешенность, напоминавшая о пережитом потрясении, но я относил это на счет веронала, который она продолжала принимать на ночь и который, по моему мнению, за недолгое время не мог причинить ей вреда. Я сожалел, что Каролине приходится много времени проводить подле матери, ибо это снижало возможность повидаться с ней наедине.

Но вместе с тем я был рад, что в ней поубавилось озабоченности и раздраженности. Казалось, после визита в клинику она примирилась с потерей брата и, к моему великому облегчению, больше не заговаривала о полтергейсте и привидениях.

Хотя загадочные происшествия тоже прекратились — никаких звонков, стуков, шагов и прочих странностей. Дом, по выражению Каролины, «вел себя хорошо». Близился конец марта, один тихий день сменял другой, и я уже стал думать, что странное заклятье тревожности, нависшее над домом, миновало свой пик и, подобно лихорадке, себя изжило.

В конце месяца погода изменилась. Резко похолодало, небо затянулось тучами, выпал снег. После прошлогодней невероятно слякотной зимы он был в новинку, однако изрядно досаждал мне и коллегам — даже с цепями на покрышках «руби» буксовала. На неделю с лишним парк Хандредс-Холла стал совершенно непроезжим, и я, боясь в нем застрять, совершал утомительные объезды. Тем не менее я исхитрялся довольно часто заглядывать к Айресам — оставлял машину у восточных ворот и к дому шел пешком. Конечно, главной моей целью было повидать Каролину, отрезанную от внешнего мира, и про-

ведать миссис Айрес, но и сами пешие прогулки доставляли немалое удовольствие. Вырвавшись из плена заснеженной аллеи, я каждый раз замирал в восхищении: на ослепительно-белом фоне краснокирпичный дом в яркой зелени плюща и ледяном кружеве, скрывавшем его изъяны, выглядел великолепно. Не бубнил генератор, не рычали механизмы на ферме, не гремела стройка, работы на которой приостановил снег. Тишину нарушал только мягкий скрип моих шагов, который я старался еще больше приглушить, дабы не разрушить чары в заколдованном королевстве и замке Спящей красавицы, недавно упомянутой Каролиной. Укрыв стеклянный купол, снег слегка изменил даже интерьер дома: в вестибюле стало еще сумрачнее, а холодный, отраженный побелевшей землей свет из окон создавал в нем причудливые тени.

Самым тихим из заснеженных дней стал вторник, шестое апреля. Я приехал после обеда, рассчитывая, что Каролина, как обычно, сидит с матерью, но миссис Айрес пребывала в обществе Бетти. Устроив между собой столик, они играли в щербатые шашки. В камине потрескивал основательный огонь, в комнате было тепло и душно. Каролина ушла на ферму, сообщила миссис Ай-

рес, вернется примерно через час. Угодно мне подождать? Я огорчился, но сказал, что подожду, поскольку располагал временем до вечернего приема. Бетти пошла приготовить мне чай, а я занял ее место за шашечной доской.

Миссис Айрес играла рассеянно, зевая шашку за шашкой. Через пару партий мы убрали доску, освобождая место для чайного подноса, после чего возникло неловкое молчание. Я не знал, о чем говорить, поскольку за последнее время миссис Айрес утратила интерес к местным сплетням. Все же я поведал несколько историй, которые она вежливо выслушала, но если и отвечала, то рассеянно и как-то замедленно, словно прислушиваясь к более захватывающему разговору в соседней комнате. Наконец мой небогатый запас историй иссяк. Я подошел к французскому окну и посмотрел на сверкающий белизной пейзаж. Миссис Айрес зябко потерла руки и, поймав мой взгляд, сказала:

— Боюсь, вам со мной скучно, доктор. Вы уж извините. Вот что получается, если долго сидишь взаперти. Может, прогуляемся в сад? Глядишь, встретим Каролину.

Предложение меня удивило, но я был рад покинуть душную комнату и сам сходил за одеждой

для миссис Айрес. Удостоверившись, что она тепло укутана, я надел пальто и шляпу, и через парадную дверь мы вышли на улицу. С минуту глаза наши привыкали к белизне дня, потом миссис Айрес подхватила меня под руку, и мы, обогнув дом, медленно побрели через лужайку.

Снег, с виду мягкий, точно вспененный шелк, под ногами рассыпчато хрустел. Кое-где его испещряли росчерки птичьих следов, а потом стали попадаться отпечатки крупнее, оставленные собачьими и лисьими лапами. Через пару минут они привели нас к старым хозяйственным постройкам. Здесь впечатление заколдованности было еще сильнее: часы, в мрачной диккенсовской шутке замершие на без двадцати девять, конюшня, двери которой аккуратно заперты на засов, нетронутый инвентарь, густо окутанный паутиной и пылью; казалось, заглянешь внутрь — и увидишь стойла со спящими лошадьми, тоже в густой паутине. Из приоткрытой двери гаража выглядывал капот семейного «роллс-ройса». За постройками шли буйные заросли кустов, где лисьи следы терялись. Неспешная прогулка привела нас к арке в кирпичной стене, за которой простирались старые огороды.

Летом я бывал здесь с Каролиной. В оскуде-

лой жизни семейства огороды стали почти бесполезны и выглядели самой печальной и заброшенной частью парка. Барретт засадил пару грядок, но остальные площади, некогда любовно ухоженные, оставались нетронутыми и зарастали сорняками с тех пор, как их последний раз вскопали под овощи для расквартированных военных. Сквозь стеклянные крыши теплиц пробивалась ежевика. Гаревые дорожки заросли крапивой. Там и сям стояли огромные свинцовые чаши-цветники на тонких ножках; некоторые пьяно покосились — за многие жаркие лета свинец поплыл.

Мы тихо брели по заброшенным огородам.

— Какая жалость! — Миссис Айрес обмахивала с растений снежную оборку и озиралась, словно желая запечатлеть унылую картину. — Мой муж любил эти огороды. Они спланированы в виде спирали — каждый виток меньше предыдущего. Полковник говорил, это похоже на завитки морской раковины. Порой он был такой выдумщик!

Через узкий проход без калитки мы вошли в самый маленький огород, отведенный под лекарственные травы. В центре декоративного пруда я увидел солнечные часы. Наверное, в пруду еще водится рыба, сказала миссис Айрес,

и мы подошли взглянуть. Вода замерзла, но под нажимом тонкий лед прогибался, и тогда со дна струйкой поднимались серебристые пузырьки, точно стальные шарики в детской головоломке. Потом в темноте мелькнула золотистая молния.

— Рыба, — тихо обрадовалась миссис Айрес. — А вон еще, видите? Бедняжки, они не задохнутся? Кажется, надо пробивать лунки. Каролина знает, а я вот не помню.

Порывшись в своем скаутском опыте, я сказал, что дырочку можно растопить. У края пруда я сел на корточки, подышал на ладони и приложил их ко льду. Миссис Айрес понаблюдала за мной, затем изящно поддернула подол и примостилась рядом. Лед обжигал. Занемевшие мокрые руки казались резиновыми; я вновь поднес их ко рту и, скривившись, потряс пальцами.

— Вы, мужчины, прямо как дети, — улыбнулась миссис Айрес.

— Так говорят все женщины, — рассмеялся я. — Любопытно почему?

— Потому что это истинная правда. Женщины созданы для боли. Если б мужчины испытали родовые муки…

Она не договорила, улыбка ее угасла. Я опять подышал на руки; задравшийся рукав открыл

мои часы. Миссис Айрес скользнула по ним взглядом и уже другим тоном сказала:

— Наверное, Каролина вернулась. Вы же хотите ее увидеть?

— Мне приятно побыть с вами, — учтиво ответил я.

— Не хочу вас задерживать.

Что-то уловив в ее голосе, я посмотрел на нее и понял, что, несмотря на все наши с Каролиной предосторожности, она прекрасно знает, как обстоят дела. Слегка смутившись, я отвернулся и вновь приложил ладони ко льду, потом опять согрел их дыханием и так несколько раз, пока лед не подался и в двух неровных промоинах не открылась чайного цвета вода.

— Извольте, — сказал я, довольный собой. — Теперь рыба может передразнивать эскимосов — ловить мух и прочее. Идем дальше?

Стряхнув воду с пальцев, я протянул руку, но миссис Айрес ее не приняла.

— Я рада за вас с Каролиной, — тихо сказала она, оставаясь на корточках. — Хотя поначалу расстроилась. Когда вы стали вхожи в наш дом, я поняла, что между вами может возникнуть симпатия, и мне это не понравилось. Я старомодна, а вы не вполне та партия, какую я ей прочила.

Надеюсь, вы ничего не заметили.

— Думаю, заметил, — помолчав, признался я.

— Тогда прошу прощенья.

Я пожал плечами:

— Разве теперь это имеет значение?

— Вы намерены жениться?

— Да.

— Много о ней думаете?

— Очень. Я много думаю обо всех вас. Надеюсь, вы это знаете. Однажды вы обмолвились, что боитесь быть… брошенной. Когда мы с Каролиной поженимся, я стану заботиться не только о ней, но и о вас, доме и… Родерике. В последнее время вам сильно досталось. Но теперь, когда вам лучше, когда вы стали спокойнее, почти прежней…

Она молчала, и я рискнул продолжить:

— То, что произошло в детской, было так странно. Ужас! Я очень рад, что все это закончилось.

Лицо ее сморщилось в улыбке, загадочной и терпеливой. Миссис Айрес встала, аккуратно стряхнув снег с замшевых перчаток.

— Ох, какой же вы наивный, доктор!

Это было сказано так спокойно, с такой мягкой снисходительностью, что я чуть не рассмеялся. Однако лицо ее сохраняло странное выражение, и я почему-то слегка испугался. Я торопливо встал,

но при этом неловко наступил на по́лу своего пальто и едва не грохнулся. Миссис Айрес пошла вперед. Поравнявшись с ней, я коснулся ее руки:

— Что вы имели в виду?

Она молча отвернулась.

— Ведь ничего не было… Неужели вы и сейчас думаете, что… Сьюзен…

— Сьюзен… — прошептала миссис Айрес, глядя в сторону. — Она всегда со мной, повсюду меня сопровождает. Вот и сейчас она здесь, с нами.

На секунду я сумел себя убедить, что она говорит фигурально, — мол, дочь всегда в ее мыслях и сердце. Но тут она ко мне повернулась, и я ужаснулся ее лицу, в котором читались невероятная одинокость, затравленность и страх.

— Господи, почему вы раньше ничего не говорили?

— Чтобы вы меня осмотрели и назначили лечение, сказав, что я грежу?

— Миссис Айрес, дорогая, но вы же и впрямь грезите! Как вы не понимаете! — Я взял ее за руки. — Оглядитесь! Здесь никого нет. Все это лишь в вашем воображении! Сьюзен умерла. Вы это знаете, правда?

— Конечно знаю, — надменно ответила она. — Как же не знать? Моя лапушка умерла… Но теперь

вернулась.

Я сжал ее пальцы:

— Разве это возможно? Что за мысли! Вы же разумная женщина! Как она приходит? Говорите! Вы ее видите?

— Нет, пока не видела. Я ее чувствую.

— Чувствуете…

— Она смотрит на меня. Я чувствую ее взгляд. Ведь это она смотрит, правда? Взгляд сильный, точно пальцы; он может коснуться, нажать, ущипнуть…

— Умоляю, перестаньте!

— Я слышу ее голос. Без всяких труб и телефонов. Она со мной разговаривает.

— Разговаривает?..

— Шепотом. — Миссис Айрес наклонила голову, будто прислушиваясь, и вскинула руку. — Вот и сейчас она шепчет.

В ее напряженной позе было что-то невероятно жуткое.

— И что говорит? — растерялся я.

Взгляд ее померк.

— Всегда одно и то же: «где ты? почему не приходишь? я жду».

На мгновенье слова ее будто возникли в парном облачке дыхания, а затем исчезли, съеденные

тишиной.

Я замер, не зная, что делать. Минуту назад здесь было так уютно, а теперь казалось, что огороженный клочок земли, из которого единственный узкий выход вел в такое же тесное замкнутое пространство, полнится угрозой. Я уже сказал, что день выдался необычный. Ни ветерка, ни птичьего посвиста, но если б в зябком прозрачном воздухе хоть ветка шевельнулась, хоть что-то прошелестело, я бы непременно заметил. Все было неподвижно, но казалось, будто рядом что-то есть и подкрадывается по белому хрусткому снегу. Мало того, возникло странное ощущение, что оно слегка *знакомо*, и его робкое приближение следовало бы назвать *возвращением*. Спина моя напряглась в ожидании шлепка, как в детской игре «салочки». Я выпустил руки миссис Айрес и резко обернулся.

Огород был пуст, снег испятнан лишь нашими следами. Сердце мое колотилось, руки дрожали. Я снял шляпу и отер взмокший лоб. Холодный воздух обжигал влажные щеки и губы.

Нахлобучивая шляпу, я вдруг услышал, как миссис Айрес тихо охнула. Я взглянул на нее: рукой в перчатке она держалась за грудь, лицо ее сморщилось и покраснело.

— Что? Что случилось? — спросил я, но она лишь молча помотала головой.

Видя ее искаженное болью лицо, я подумал о сердечном приступе, а потому, отбросив ее руку, развязал на ней шарф и расстегнул пальто, под которым открылись кофта и шелковая блузка цвета слоновой кости. И вот тут произошло невероятное: я увидел, как на шелке проступили и расплылись, точно чернила на промокашке, невесть откуда взявшиеся три алые капельки. Я оттянул ворот блузки: на коже набухали кровью свежие царапины.

— Что вы сделали? — ужаснулся я. — Как вы умудрились? — В поисках броши или булавки я оглядел кофту, потом ощупал перчатки. Ничего не было. — Чем это вы?

— Моя девочка так хочет, чтобы я была с ней, — опустив взгляд, прошептала миссис Айрес. — К сожалению, она… не всегда ласкова.

Когда я понял, о чем она говорит, меня замутило. Я отпрянул, но потом, осененный догадкой, сдернул с нее перчатки и грубо засучил рукава ее пальто и кофты. На бледных запястьях розовели зажившие порезы, а рядом с ними виднелись новые царапины и странный блеклый синяк, будто оставленный злыми пальчиками, которые

защемили да еще провернули кожу.

Перчатки упали на снег. Дрожащей рукой я их поднял и натянул на пальцы миссис Айрес, а потом взял ее за локоть:

— Я отведу вас домой.

— Хотите увести от нее? Знаете, это бесполезно.

— Прекратите! — Я ее встряхнул. — Слышите? Ради бога, замолчите!

Она безвольно качнулась в моих руках, и меня окатило непонятным стыдом, мешавшим взглянуть ей в лицо. Я взял ее за руку, она послушно последовала за мной. Выбравшись из путаницы огородов, мы миновали замершие часы на конюшне, одолели лужайки и вошли в дом. Я сразу отвел ее наверх и лишь в тепле комнаты снял с нее пальто, шапочку и заснеженные боты, а потом усадил в кресло у камина.

Я оглядел комнату, и все предметы — угли в очаге, кочерги, каминные щипцы, стеклянные бокалы, зеркала — вдруг показались опасными, острыми, способными поранить. Я дернул звонок, вызывая Бетти, и лишь потом вспомнил, что Каролина обрезала провод. Выйдя на площадку, я орал в тишину, пока не явилась служанка.

— Не пугайся, — сказал я, опережая все вопро-

сы. — Просто побудь с миссис Айрес. — Я усадил Бетти в кресло. — Сиди здесь, подай, если что понадобится, а я пока…

Честно говоря, я не знал, что теперь делать. В голову лезли мысли о заснеженных дорогах и уединенности имения. Если б в доме была миссис Бэйзли, я бы чувствовал себя спокойнее. Но с одной Бетти в помощницах… Даже саквояж мой остался в машине — ни инструментов, ни лекарств. Ежась под взглядами женщин, я уже паниковал.

И тут внизу раздались шаги по мраморному полу вестибюля. Будто гора с плеч свалилась, когда я выскочил в коридор и увидел поднимавшуюся по лестнице Каролину. На ходу она размотала шарф и стянула берет, отчего ее русые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Я окликнул ее. Она вздрогнула, посмотрела вверх и зашагала быстрее.

— Что случилось?

— Ваша мать… Погодите…

Я вернулся в спальню и, взяв миссис Айрес за руку, заговорил с ней, как с ребенком или беспомощным инвалидом:

— На минутку я отлучусь, надо поговорить с Каролиной. Дверь оставлю открытой, и вы сразу

меня позовете, если что-нибудь вас испугает. Вы поняли?

Она не ответила, вид у нее был усталый. Я многозначительно посмотрел на Бетти, вышел в коридор и увлек Каролину в ее комнату. Не закрывая дверь, я остановился на пороге.

— Что произошло? — спросила Каролина.

Я приложил палец к губам:

— Тише… Каролина, дорогая, ваша мать… Господи боже мой, я ошибся, ужасно ошибся… Казалось, она идет на поправку. Правда же? Но вот сейчас она сказала… О господи! Вы не заметили в ней перемен с тех пор, как я был у вас последний раз? Может, она особенно сильно тревожилась, нервничала, чего-то боялась?

Каролина опешила. Заметив, что я беспрестанно поглядываю на спальню миссис Айрес, она спросила:

— В чем дело? Могу я к ней зайти?

Я взял ее за плечи:

— Послушайте… Кажется, она повредилась.

— Как это — повредилась?

— Она… себя ранит.

Вкратце я рассказал о том, что произошло в огородах.

— Ваша мать измучена, ей страшно! Говорит,

Сьюзен всегда подле нее и причиняет ей боль. Я видел царапину, вот здесь, у ключицы. Не знаю, чем она поранилась. На руках ее новые порезы и синяки. Вы их видели? Наверное, заметили, да?

— Порезы и синяки? — пыталась взять в толк Каролина. — Не знаю… У нее нежная кожа, чуть что — синяк… От веронала она неуклюжа…

— Дело не в том. Простите, милая… она… сошла с ума.

Лицо Каролины было непроницаемо. Она шагнула в коридор:

— Я пойду к ней.

Я потянул ее обратно:

— Погодите…

С неожиданной злостью она стряхнула мою руку:

— Вы же обещали! Ведь я давно предупреждала: в доме неладно! Вы посмеялись! Сказали, если делать, как вы говорите, мать поправится. Я с нее глаз не спускала. Целыми днями сидела рядом. Заставляла глотать эти мерзкие пилюли. Вы обещали!

— Простите. Я старался как мог. Все оказалось серьезнее, чем я предполагал. Нам бы только сегодня ее устеречь.

— А что завтра и дальше?

— Обычным лечением тут не обойтись. Обещаю, я сам все устрою. Нынче вечером договорюсь, а завтра ее заберу.

Каролина не поняла.

— Куда заберете? — Она раздраженно тряхнула головой. — Что это значит?

— Здесь ей оставаться нельзя.

— То есть… как Родди?

— Боюсь, это единственный выход.

Каролина прижала ладонь ко лбу, щека ее подергивалась. Я думал, она заплачет, но услышал безрадостный лающий смех:

— Боже мой! Скоро ли придет мой черед?

Я взял ее за руку:

— Не говорите так.

Она передвинула мои пальцы на свое запястье, где бился пульс:

— Я не шучу. Скажите, вы же врач! Сколько мне осталось?

Я ее встряхнул:

— Полагаю, не много, если ваша мать будет здесь и произойдет несчастье. Вот о чем я беспокоюсь. Посмотрите, в каком вы состоянии. Вдвоем с Бетти вам не справиться. Это единственное решение.

— Единственное решение… Снова лечебница.

— Да.

— Нам не осилить.

— Я помогу, найду способ. Раз мы женаты…

— Мы еще не женаты. Господи! — Она стиснула руки. — Вы не боитесь?

— Чего?

— Родовой порчи Айресов.

— Каролина!

— Ведь станут судачить. Я знаю, о Родерике уже говорят.

— Полагаю, мы выше досужей болтовни.

— Конечно, вам-то все равно! — чуть ли не зло проговорила она.

— Что вы хотите сказать? — удивился я.

Каролина смутилась.

— Мать *ужаснулась* бы тому, что вы хотите сделать. Конечно, если б была в себе. Неужели не понимаете? Когда в детстве мы болели, она пикнуть нам не позволяла. Говорила, семьи вроде нашей… несут особую ответственность и должны быть примером. Дескать, что в нас проку, если мы не лучше и не мужественнее обычных людей. Позор уже то, что вы увезли брата. Вряд ли она позволит так же поступить с собой.

— К сожалению, выбора у нее нет, — мрачно сказал я. — Я опять позову Грэма. Если при нем

она будет себя вести как нынче, никаких сомнений не возникнет.

— Она бы предпочла умереть.

— Если оставить ее здесь, она погибнет! Не хочу показаться жестоким, но меня больше волнует другое: это убьет вас. Чего я не допущу. Я раскаиваюсь, что медлил с Родериком. Ошибки я не повторю. Если б была возможность, я бы забрал ее прямо сейчас.

Я посмотрел за окно. Снежный покров еще подсвечивал день, но небо уже стало цинково-серым. Я всерьез прикидывал реальность того, чтобы немедленно увезти миссис Айрес.

— Пожалуй, выйдет. Я дам ей снотворное. Вдвоем мы управимся. Конечно, снег помеха, но нам бы только добраться до Хаттона…

— Окружная психушка? — испугалась Каролина.

— Всего на ночь, пока я все устрою. Есть пара частных клиник, которые, думаю, ее примут, но их надо уведомить хотя бы за день. Сейчас с нее нельзя спускать глаз, вот в чем сложность.

На лице Каролины, наконец-то осознавшей, насколько все серьезно, отразился ужас.

— Вы так говорите, будто она опасна.

— Полагаю, опасна для себя.

— Если б раньше вы дали ее увезти, ничего бы этого не случилось. А теперь вы хотите сбагрить ее в дурдом, словно уличную сумасшедшую!

— Мне жаль, Каролина, но я сам все видел и слышал. Неужели вы думаете, я оставлю все как есть и брошу ее в помрачении, лишь бы не задеть какую-то… сословную гордость?

Каролина спрятала лицо в ковшике рук, придавив пальцами уголки глаз. Секунду она молчала, а потом глубоко выдохнула, словно приняв какое-то решение, и уронила руки.

— Нет, так я не думаю, — сказала она. — Но я не позволю у всех на глазах везти ее в Хаттон. Она мне не простит. Можете забрать ее завтра, но без огласки. К тому времени я… свыкнусь.

Я слегка опешил, ибо столь определенной и решительной видел ее лишь до гибели Плута.

— Ладно, — сказал я. — Но тогда я останусь здесь на ночь.

— Это лишнее.

— Мне будет спокойнее. В восемь у меня дежурство, но в кои-то веки его можно пропустить. Скажу, возникла непредвиденная ситуация. Господи, ведь так оно и есть! — Я посмотрел на часы. — Проведу вечерний прием и вернусь.

— Лучше не надо, — покачала головой Каро-

лина.

— Всю ночь ваша мать должна быть под наблюдением.

— Неужели я сама не справлюсь? Со мной ей ничто не грозит.

Я уже собрался ответить, но тут во мне звякнул некий тревожный колокольчик, и я вдруг вспомнил разговор с Сили. В душе опять встрепенулось гадкое подозрение. Это невозможно, нелепо… Однако невозможные нелепости здесь происходили. Может, в том вина Каролины? Что, если она безотчетно породила некое темное злое создание, которое успешно осаждает дом? Можно ли еще на ночь оставить миссис Айрес беззащитной?

Удивленная моим замешательством, Каролина ждала ответа. Ясные карие глаза ее затуманились подозрением.

— Хорошо, — сказал я, стряхнув наваждение. — Пусть она будет с вами. Об одном прошу: не оставляйте ее одну. И сразу звоните мне, если хоть что-нибудь случится.

Каролина обещала. На секунду я привлек ее к себе, а затем повел в комнату миссис Айрес. Сгустились сумерки, хозяйка и служанка сидели в тех же позах. Я щелкнул выключателем, но вспомнил о молчавшем генераторе; угольком

из камина я зажег лампы и задернул шторы. В комнате сразу стало уютнее. Каролина подошла к миссис Айрес и поправила ей седую прядь.

— Доктор Фарадей сказал, ты нездорова, — смущенно проговорила она. — Тебе вправду неможется?

Миссис Айрес обернула к ней усталое лицо:

— Наверное, раз доктор говорит.

— Я побуду с тобой. Чем займемся? Хочешь, я тебе почитаю?

Усаживаясь в кресло, Каролина поймала мой взгляд и кивнула. Мы с Бетти сошли вниз; я спросил, не замечала ли она перемен в хозяйке, каких-нибудь новых порезов и царапин на ее теле.

Служанка помотала головой.

— Миссис Айрес опять хуже? — испуганно спросила она. — Что, снова начинается?

— Ничего не начинается. Я знаю твои мысли и прошу помалкивать. Не гоношись… — Жаргонное словечко само выскочило. — Ничего похожего на то, что было раньше. Просто будь к ней внимательна, не теряйся и делай, что скажут. И вот еще что… — Я взял ее за руку. — Приглядывай за мисс Каролиной, хорошо? Я на тебя полагаюсь. Звони мне, если что-то покажется неладным.

Бетти сжала губы и кивнула, будто повзрослев.

На улице похолодало, темневшее небо лишило снег ослепительного блеска; энергичная трусца по аллее помогла сохранить тепло, но в выстуженной машине меня зазнобило. Слава богу, мотор завелся с первой попытки, и я не скоро, но благополучно добрался в Лидкот. Меня жутко колотило, когда я вошел в дом и встал к печке, прислушиваясь к голосам за стенкой — пациенты собирались на вечерний прием. Дрожь в руках унялась лишь после того, как в умывальнике я подержал их под струей воды, горячей, как кипяток.

Возня с обычными зимними хворями помогла мне прийти в себя. Закончив прием, я тотчас набрал Хандредс-Холл; Каролина заверила, что у них все хорошо, ее чистый сильный голос еще больше меня успокоил.

Потом я сделал еще два звонка.

Сначала я позвонил отставной сиделке, которую знал по госпиталю в Регби; время от времени она принимала на постой моих частных пациентов. Более привычная к физическим немочам, нежели к душевным расстройствам, она была женщина сметливая и, выслушав мой сдержанный рассказ, отозвалась, что охотно приютит

миссис Айрес на день-другой, дабы я успел подготовить ей надлежащий уход. Если не занесет дороги, завтра мы будем у нее, сказал я, после чего мы сговорились о цене.

Со вторым звонком я помешкал, ибо хотел просто обсудить ситуацию, а для этого, по справедливости, следовало бы обратиться к Грэму. Однако в результате я позвонил Сили. Он единственный знал все детали. Я почувствовал громадное облегчение, когда, памятуя о телефонистке, без имен, но достаточно ясно обрисовал положение дел и услышал, как посерьезнел мой обычно веселый коллега.

— Скверная новость, — сказал он. — Дело швах, как вы и предполагали.

— Вы не считаете, что я форсирую события?

— Отнюдь! Судя по вашему рассказу, надо поспешать.

— Вот только маловато фактов физического вреда.

— Да на кой они? Умственное расстройство весьма явно. Скажем прямо: кому охота предпринимать подобный шаг в отношении этаких людей, особенно когда имеются… всякие нюансы. Но какой выбор? Дать возможность галлюцинациям развиваться и крепнуть? Если хотите,

завтра я съезжу с вами и поддержу вас.

— Нет-нет, я возьму Грэма. Я хотел просто удостовериться… Погодите, не вешайте трубку. Тут еще одно… Помните наш последний разговор?

Помолчав, Сили спросил:

— В смысле, треп насчет Майерса?

— Треп? Знаете… у меня ощущение опасности… Я…

Сили слушал и, не дождавшись окончания фразы, твердо сказал:

— Вы сделали все, что могли. Хватит дергать себя всяким вздором. Помните, что я говорил: здесь требуется внимание. Вот и все. В последнюю минуту наш пациент может заартачиться. Но вы даете ему то, чего в глубине души он сам страстно желает. Не берите в голову и хорошенько выспитесь.

На его месте я бы говорил в точности то же самое. Все еще не вполне убежденный, я пошел наверх, где плеснул себе выпить, выкурил сигарету и без всякого аппетита заглотнул ужин, после чего уныло потащился в Лемингтон.

На дежурстве я был рассеян, и, когда незадолго до полуночи отправился домой, меня все еще терзали сомнения. Словно под магнетическим воздействием мыслей о Каролине и ее матери,

я ненароком пропустил поворот на Лидкот и очнулся, лишь поняв, что нахожусь в миле от Хандредс-Холла. Таинственная белизна заснеженного пейзажа только добавила тревоги. В черной машине я чувствовал себя приметным, как бельмо на глазу. Я уж было собрался ехать к Айресам, но сообразил: ничего хорошего в том, чтобы в этакую пору всполошить весь дом. Я развернулся и напоследок бросил взгляд через отбеленные поля, надеясь отыскать огонек или какой-нибудь невероятный знак того, что в Хандредс-Холле все хорошо.

Телефон зазвонил, когда я, невыспавшийся после дурно проведенной ночи, садился к завтраку. В раннем звонке ничего странного не было — с утра пациенты частенько просили добавить их в список визитов. Но уже взвинченный мыслями о предстоящем тяжелом дне, я замер, напряженно прислушиваясь к голосу домработницы, снявшей трубку. Почти сразу она возникла на пороге, озадаченная и встревоженная:

— Извините, доктор, кто-то хочет с вами поговорить, не пойму кто. Вроде бы звонят из Хандредс-Холла…

Бросив нож с вилкой, я ринулся на площадку.

— Каролина? — задыхаясь, проговорил я в труб-

ку. — Это вы?

— Доктор?

Из-за снегопадов связь была плохая, но я расслышал, что по-детски писклявый голос, искаженный слезами и паникой, принадлежит не Каролине.

— Доктор, вы сможете приехать? То есть приезжайте! У нас тут…

Наконец я сообразил: звонит Бетти. Казалось, слова ее вперемежку со всхлипами прилетают с другого конца света.

— У нас… — повторила она, — несчастье…

Сердце мое сжалось.

— Несчастье? С кем? С Каролиной? Что произошло?

— Ох, доктор…

— Господи, я тебя еле слышу! Что случилось?

Внезапно прозвучала ясная фраза:

— Не велено говорить!

И вот тут я понял: дело плохо.

— Хорошо, сейчас приеду!

Слетев по лестнице, я схватил саквояж, пальто и шляпу. Следом спустилась встревоженная миссис Раш. Она привыкла к срочным вызовам на трудные роды и всякое другое, но, полагаю, еще не видела меня столь заполошным.

— Скоро появятся пациенты! — крикнул я. — Пусть ждут, или заглянут вечером, или идут к другому врачу, как хотят!

— Я передам, — сказала миссис Раш, протягивая чашку. — Доктор, вы же не поели, хоть чаю выпейте!

Я глотнул обжигающий чай и стремглав бросился к машине.

Ночью опять шел снег, не сильный, но и его хватило для очередных дорожных каверз. Естественно, я гнал, и машину несколько раз занесло, несмотря на цепи. Слава богу, снег многих удержал дома, встречных машин было мало, иначе я бы добавил бед к уже незадавшемуся дню. То и дело я поглядывал на часы, проклиная вскачь несущиеся минуты. Еще никогда я не чувствовал так каждый ярд пути, доставшийся потом и кровью. У парковых ворот машину пришлось оставить и пехом пуститься по скользкой аллее. Ноги тотчас замерзли, поскольку впопыхах я обулся в легкие туфли, которые мгновенно промокли. На полпути я сильно подвернул лодыжку, после чего ковылял, превозмогая боль.

Шмыгая носом, Бетти топталась на крыльце; по ее виду я сразу понял, что дела хуже некуда. Когда я взобрался на ступеньки, она закрыла

огрубелыми руками лицо и расплакалась.

— Куда идти? — крикнул я, раздраженный ее беспомощностью.

Не в силах ответить, Бетти лишь мотнула головой. Дом был тих. Я взглянул на лестницу:

— Наверх? Говори же? — Я тряхнул служанку за плечо. — Где Каролина? Где миссис Айрес?

Бетти ткнула рукой вглубь дома. Сердце мое колотилось в горле, когда я быстро прошагал к малой гостиной и распахнул ее приотворенную дверь.

Каролина сидела на диване.

— Слава богу! — выдохнул я, подкошенный облегчением. — Я думал… сам не знаю, что я думал…

Выглядела она очень странно: лицо ее, даже не бледное, а серое, было абсолютно спокойно; при моем появлении оно лишь чуть дрогнуло, — мол, ну кто там еще?

Я взял ее за руку:

— Что случилось? Где миссис Айрес?

— Наверху.

— Одна?

Я дернулся к двери, но Каролина меня удержала:

— Слишком поздно.

По капле чудовищная история вышла на свет.

Следуя моим указаниям, Каролина неотступно была с матерью. Сначала она вслух читала, а потом, когда миссис Айрес задремала, отложила книгу и велела Бетти принести шитье. Дружелюбные посиделки продолжались до семи часов, после чего миссис Айрес наведалась в уборную, куда сопровождать ее было не вполне уместно. Ополоснувшись, она стала выглядеть «гораздо веселее» и даже захотела к ужину переодеться в платье понаряднее. Как обычно, ужинали в малой гостиной. Миссис Айрес поела с аппетитом. Растревоженная мною, Каролина очень внимательно следила за матерью, но та выглядела «вполне обычно», то есть была «притихшей, усталой и рассеянной, но ничуть не взволнованной». После ужина они послушали музыкальную программу, которой их угостил трескучий радиоприемник. В девять Бетти подала какао, и до половины одиннадцатого они читали и шили. Лишь тогда, рассказывала Каролина, миссис Айрес слегка обеспокоилась. Она подошла к окну и, отдернув штору, посмотрела на заснеженную лужайку. Потом наклонила голову и спросила:

— Ты слышишь?

Но Каролина ничего не услышала. Миссис Ай-

рес стояла у окна, пока сквозняк не прогнал ее обратно к камину. Приступ беспокойства явно миновал: голос ее был ровен, говорила она о всяких мелочах и вновь выглядела «как всегда».

Миссис Айрес казалась столь безмятежной, что Каролине даже было конфузно всю ночь ее караулить. Та сама расстроилась, видя, что дочь умащивается в неудобном кресле, тогда как она раскинулась в постели.

— Так велел доктор Фарадей, — сказала Каролина, и миссис Айрес улыбнулась:

— Ты прямо как мужняя жена.

— Перестань, мама! — смутилась Каролина. — Что за глупости!

Веронал подействовал быстро — уже через три-четыре минуты миссис Айрес спала. На цыпочках Каролина проверила, хорошо ли она укрыта, и, прикрутив лампу, вновь кое-как устроилась на своем некомфортном ложе. У нее имелись термос с чаем и роман, а потому первые два часа пролетели незаметно. Потом глаза устали, и она, выкурив сигарету, просто разглядывала спящую мать, но от безделья ее одолели мрачные мысли. Каролина представила, что будет завтра: явимся мы с Грэмом и заберем миссис Айрес… Моя тревога и увещеванья не медлить ее испугали,

но теперь она засомневалась в моих словах. Возникли прежние мысли о том, что в доме обитает нечто, желавшее им зла. Сквозь сумрак глядя на расслабленную мать, она говорила себе: «Он ошибся. Наверняка ошибся. Утром я ему все выскажу. Я не позволю ее забрать. Это чересчур жестоко. Я… сама ее увезу. Завтра же мы уедем. В этом доме ей плохо. Я увезу ее, и она поправится. И Родерика заберу!..»

Мысли пульсировали в голове, будто разгоряченный движок. Каролина посмотрела на часы: было около пяти — ночь миновала свою мертвую точку и качнулась к рассвету. Хотелось в туалет, а еще ополоснуть горевшее лицо. Убедившись, что мать крепко спит, она прошла в ванную, глянув на закрытую дверь в комнату Бетти. Чай в термосе закончился, а глаза еще саднило, и Каролина решила успокоиться очередной сигаретой. Пачка в кармане кофты оказалась пустой, однако она помнила, что в ее прикроватной тумбочке есть еще одна; матушкина спальня хорошо просматривалась из ее комнаты на другой стороне площадки, а потому она зашла к себе и, сев на постель, закурила. Потом скинула туфли, забросила ноги на кровать и, привалившись спиной к подушке, поставила пепельницу себе на колени.

В рассказе Каролина неоднократно подчеркнула, что дверь ее спальни была настежь открыта и она видела изножье материной постели, маячившее в потемках. В мертвой тишине дома она даже слышала ровное матушкино дыхание…

А потом вдруг перед ней оказалась Бетти с подносом. Второй поднос с завтраком для миссис Айрес стоял на площадке, и Бетти спрашивала, что с ним делать.

— Что? — просипела Каролина. Очнувшись от глубочайшего сна, она не могла сообразить, почему одетая, но до костей продрогшая полулежит на кровати, а на ее коленях опрокинувшаяся пепельница. Каролина села и растерла лицо. — Отнеси ей завтрак, что за вопросы? Но если она спит, не буди. Оставь поднос возле кровати.

— В том-то и дело, мисс, — сказала Бетти. — Я постучала, но мадам не ответила — наверное, еще спит. А войти нельзя, дверь заперта.

Вот тут Каролина совсем проснулась. Часы показывали начало девятого, сквозь шторы пробивался неестественно-яркий свет снежного утра. Чувствуя противную разбитость от недосыпа, Каролина поспешила к спальне миссис Айрес. Бетти не соврала — дверь была заперта; Каролина постучала, сначала легонько, потом громче, и, не

получив ответа, забеспокоилась.

— Мама! — позвала она. — Ты еще спишь?

Никакого ответа. Каролина поманила Бетти — мол, что-нибудь слышишь? Та прислушалась и покачала головой.

— Наверное, разоспалась, — сказала Каролина. — Однако ж дверь… Когда ты встала, она была закрыта?

— Да, мисс.

— Но я же помню… точно помню… обе двери были открыты. У нас есть запасной ключ?

— Кажется, нет, мисс.

— Так я и думала… О господи, зачем я ушла!

Каролину уже трясло, во всю мочь она забарабанила в дверь. Вновь тишина. После этого Каролина пошла путем самой миссис Айрес, когда та столкнулась с необъяснимо запертой дверью — присела на корточки и заглянула в замочную скважину. Отсутствие ключа в личине ее приободрило. Значит, в комнате никого нет, подумала она. Наверное, мать заперла дверь, а ключ взяла с собой. Но зачем? Объяснить невозможно. Каролина выпрямилась и с показной уверенностью сказала:

— Думаю, там ее нет. Наверное, она где-то в доме. В малой гостиной ты смотрела?

— Да, мисс. Я разжигала камин.

— Вряд ли она пошла в библиотеку. И наверху ей делать нечего, ведь так?..

Они уставились друг на друга, вспомнив недавнее ужасное происшествие.

— Пожалуй, я все-таки взгляну, — наконец сказала Каролина. — Жди здесь. Хотя нет… Проверь все комнаты на этом этаже, а затем посмотри внизу. Может, с ней что-то случилось.

Они разошлись на поиски. На третьем этаже Каролина дотошно подергала каждую дверь, окликая мать. Сумрачные коридоры ее не пугали. Как и мне, детская предстала ей унылой, но совершенно пустой и безжизненной. К спальне миссис Айрес они с Бетти вернулись ни с чем. Служанка проверила каждую комнату и даже смотрела в окна — не вышла ли хозяйка на улицу. Однако на свежем снегу следов не было, пальто мадам висело на вешалке, а сухие боты стояли на полке.

Каролина нервно покусывала кончики пальцев. Она снова подергала ручку двери, постучала и окликнула мать. Безрезультатно.

— Дело плохо, — сказала она. — Значит, все-таки она вышла на улицу. Наверное, еще до снегопада, потому и следов нет.

— Без пальто и бот? — ужаснулась Бетти.

Они вновь переглянулись и поспешили к парадной двери. Щурясь от ослепительной белизны дня, Каролина и Бетти торопливо зашагали вдоль южной террасы и растерянно остановились возле ступеней к лужайке, укрытой девственным снежным покрывалом. Каролина повернулась к саду и, ковшиком приложив ладони ко рту, крикнула:

— Мама! Где ты, мама?

— Миссис Айрес! — подхватила Бетти. — Мадам!

Они прислушались, но ответа не было.

— Надо посмотреть в огородах. — Каролина зашагала дальше. — Вчера она там была с доктором Фарадеем. Вдруг ей взбрело снова туда наведаться?

И тут взгляд ее зацепился за легкий изъян в белоснежном одеяле. В снегу посверкивал маленький металлический предмет, похожий на монету. Каролина осторожно приблизилась и поняла свою ошибку: то, что она приняла за вставший на ребро шиллинг, было овальной головкой длинного ключа. Вмиг стало ясно, что это ключ от комнаты миссис Айрес, но было невозможно объяснить, как он оказался на снежной целине. Возникла дикая мысль, что его выронила птица,

и Каролина зашарила взглядом, ища сороку или ворону. Но увидела окна материной спальни. Одно было закрыто и зашторено. Другое распахнуто навстречу морозному воздуху. Сердце Каролины замерло. Значит, мать заперлась изнутри и выбросила ключ в окно. Значит, она в комнате, но не хотела, чтобы ее быстро нашли. Каролина догадалась почему.

Она неуклюже побежала по хрусткому снегу (как вскоре побегу я), хватаясь за испуганную Бетти, которую потом увлекла в дом и потащила к лестнице. Ключ холодил пальцы, точно сосулька. Руки так дрожали, что ключ не входил в скважину, и омертвевшее сердце Каролины отчаянно скакнуло: она ошиблась, ключ вовсе не от маминой комнаты…

Но вот замок щелкнул. Каролина повернула ручку и толкнула дверь, которая приоткрылась лишь на пару дюймов, словно что-то тяжелое не давало ей распахнуться.

— Да помоги же! — страшно прохрипела Каролина, и Бетти вместе с ней навалилась на дверь.

Они просунули головы в образовавшуюся щель и вскрикнули. Возле самого порога обмякшая миссис Айрес неловко сидела на пятках, голова ее свесилась, будто в полуобмороке, седые пряди

закрывали лицо. От очередного толчка двери голова ее безвольно завалилась набок, и тогда стало ясно, что произошло.

Она удавилась кушаком халата, перекинутым через медный крючок на двери.

Несколько ужасных минут Каролина и Бетти пытались вынуть ее из петли, растереть и привести в чувство. Под ее весом пояс туго затянулся, развязать его было невозможно. Бетти сбегала на кухню за хозяйственными ножницами, столь тупыми, что плетеный шелковый кушак пришлось перепиливать, а потом буквально выдирать из распухшего горла. Висельники являют собой жуткое зрелище, и раздутое почерневшее лицо миссис Айрес выглядело кошмарно. Было ясно, что она мертва несколько часов — тело уже остыло, — но Каролина, по рассказу Бетти, трясла ее и обращалась к ней не ласково и печально, но с шутливой строгостью призывала не валять дурака и немедленно очнуться.

— Она не понимала, что говорит, сэр. — Сидя за кухонным столом, Бетти утирала глаза. — Все трясла ее да трясла. Потом я говорю: надо бы уложить ее на кровать. И вот мы подняли мадам… — Бетти закрыла лицо. — Ох, страсть-то! Она выскальзывала из рук, и каждый раз мисс

Каролина просила ее не глупить, словно журила за какую-то оплошность… вроде запропастившихся очков. Потом мы ее уложили, на белой подушке она выглядела еще страшнее, а мисс Каролина будто ничего этого не видит. Я говорю: может, кого-нибудь позвать, мисс? Может, доктора Фарадея? Да, отвечает, позвони доктору, он ей поможет. Я кинулась к двери, а она мне вдогонку, но уже как-то иначе: смотри не говори ему, что случилось! По телефону нельзя! Мама не хотела бы огласки. Скажи, несчастье… Видать, она задумалась над своими словами. Когда я вернулась, она тихонько сидела на краешке кровати. Потом взглянула на меня и говорит: она умерла, Бетти. Будто я не знаю. Да, говорю, мисс, горе-то какое. И мы обе замолчали, чего тут скажешь-то… А потом я задергалась, шибко задергалась. Все тянула мисс Каролину за руку, она встала, а сама будто во сне. Мы вышли, и я заперла дверь. Казалось, некрасиво, что мы бросаем миссис Айрес одну-одинешеньку. Она всегда была такая хорошая, такая добрая… И тут я вспомнила, как совсем недавно мы стояли перед ее дверью, гадали, куда она подевалась, в замочную скважину заглядывали, а все это время она там… Ох! — Бетти опять расплакалась. — Почему же она такой ужас с

собой сотворила, доктор Фарадей? Почему?

К тому времени я провел в доме целый час и уже побывал в спальне миссис Айрес. С ключом в руке я стоял перед комнатой и собирался с духом, представляя, как Каролина толкала дверь, которой что-то мешало… Почерневшее распухшее лицо покойницы заставило содрогнуться, но, оказалось, это еще не самое страшное. Когда я распахнул халат, чтобы осмотреть тело, я увидел, что грудь и руки сплошь покрыты синяками и ссадинами. Одни были недавние, другие чуть видимые. Большинство из них являли собой обычные царапины и щипки, но некоторые ужасали своим сходством с *укусами*. Запекшаяся кровь свидетельствовала о том, что они появились незадолго до смерти — иными словами, в тот относительно короткий промежуток от ухода Каролины в пять утра до появления Бетти с подносом в восемь. Невозможно представить, какой отчаянный ужас пережила миссис Айрес за эти три страшных часа. Под действием веронала она должна была всю ночь крепко спать, однако почему-то проснулась, расчетливо заперла дверь и избавилась от ключа, а затем систематически истязала себя до смерти.

Я вдруг вспомнил наш разговор в огороде и

неожиданно возникшие три кровавые капли. *Моя девочка не всегда ласкова…* Возможно ли? Да? Или что-нибудь еще хуже? Что, если желанием увидеть дочь она приманила некую иную темную силу?

Думать о том было невыносимо. Я задернул труп одеялом. Как и Бетти, меня снедало виноватое желание убраться из комнаты, где таится кошмар.

Заперев дверь, я спустился в малую гостиную. Каролина безучастно сидела на диване; в чашках остывал приготовленный Бетти чай, а сама она сомнамбулически бродила в кухню и обратно, исполняя рутинные обязанности по дому. Я попросил ее сварить крепкий кофе и, выпив чашку, поплелся к телефону.

Мои звонки стали кошмарным эхом вчерашнего вечера. Сначала я позвонил в окружную больницу и договорился, чтобы увезли тело. Потом, еще неохотнее, набрал полицейский участок и в общих чертах сообщил о происшествии; сержант сказал, что приедет снять показания. Затем я сделал третий, последний звонок. Сили.

Он только что закончил утренний прием. На линии трещало, но я был рад помехам, потому что, услышав его голос, секунду не мог произне-

сти ни слова. Наконец я выговорил:

— Это Фарадей. Звоню из того дома. Насчет нашего пациента. Боюсь, он нас обыграл.

— Что? — Сначала Сили не расслышал или не понял, но потом охнул: — Черт! Поверить не могу! Как?

— Скверно. Не по телефону.

— Да, конечно… Господи, вот ужас-то! Вдобавок ко всему еще и это!

— Да. Я вот зачем звоню: помните, я говорил вам о своей знакомой сиделке? Будьте так добры, позвоните ей и скажите, что произошло. Сам я не могу.

— Да-да, конечно.

Я дал ему номер, и еще пару минут мы поговорили.

— Ужасный удар для семьи… для того, что от нее осталось, — сказал Сили. — Для вас тоже. Сочувствую вам, Фарадей.

— Это моя вина. — Из-за помех он недослышал, и я повторил: — Надо было сразу ее забрать. Я упустил шанс.

— Что? Бог с вами! Мы все с этим сталкивались. Если уж пациент вбил себе в голову, вряд ли кто его остановит. Вы же знаете, он всегда исхитрится. Успокойтесь, старина.

— Пожалуй, вы правы.

Но я сам себе не верил. Повесив наушник на рупор, я посмотрел на дверь спальни миссис Айрес, видневшуюся сквозь балясины, малодушно отвел взгляд и поплелся прочь.

В гостиной я подсел к Каролине и взял ее за руку. Пальцы ее были холодны и безжизненны, точно у воскового манекена. Я нежно поднес их к губам; она никак не откликнулась, но лишь наклонила голову, словно к чему-то прислушиваясь. Я тоже напряг слух. В этой позе мы оба застыли, но вокруг стояла абсолютная тишина. Не слышалось даже тиканья часов. Жизнь в доме словно замерла.

Каролина посмотрела мне в глаза и негромко сказала:

— Слышите? Наконец-то дом затих. Что бы это ни было, оно получило все, что хотело. Знаете, что самое ужасное? Чего я никогда ему не прощу? Оно сделало меня своей помощницей.

13

Больше она ничего не сказала. Потом приехала полиция, следом перевозка; пока забирали тело, с нас троих сняли показания. После отъезда посторонних Каролина вновь ненадолго впала в ступор, а затем, словно ожившая марионетка, села к столу и принялась составлять список того, что необходимо сделать в предстоящие дни; на отдельный лист она выписала друзей и родственников, кого следовало известить о смерти миссис Айрес. Я пытался уговорить ее отложить это на потом, но она лишь упрямо покачала головой и продолжила работу; в конце концов я сообразил, что так оно даже лучше, ибо в подобных хлопотах ей легче пережить шок. Взяв с нее обещание не засиживаться, но поскорее принять успокоительное и лечь в постель, я укутал ее клетчатым пледом и покинул дом. Мой уход сопровождали стук ставен и шорох штор — по старомодной традиции, в знак скорби и уважения к покойной, Бетти затемняла комнаты. Вот хлопнул последний ставень; в конце гравийной дорожки я оглянулся и увидел незрячий от горя

дом, затихший посреди белого безмолвия.

Уезжать совсем не хотелось, но меня ждали свои безрадостные обязанности, и я отправился в Лемингтон на встречу с окружным коронером. Я уже понял, что скрыть обстоятельства смерти миссис Айрес, выдав ее за естественную кончину (как иногда я делал для убитых горем семейств), не удастся. Но поскольку я лечил покойную от психического расстройства и засвидетельствовал самоубийство, я тешил себя слабой надеждой, что сумею уберечь Каролину от мучительного дознания. Однако следователь был дотошен, хоть и сочувствовал. Он обещал по возможности не предавать дело огласке, но, коль речь шла о внезапной насильственной смерти, дознание было неизбежно.

— Что подразумевает вскрытие, — сказал коронер. — Обычно его проводит врач, зафиксировавший смерть, и я бы мог поручить это вам. Как вы? — Он знал о моих связях с семейством. — Ничего зазорного, если этим займется кто-то другой.

Секунду-другую я раздумывал. Вскрытия меня никогда не прельщали, но особенно тяжело, когда дело касается близкого друга. Однако все во мне восстало, едва я представил, как над несчастным

телом в отметинах трудится Грэм или Сили. Я и так ужасно подвел миссис Айрес; коли уж нельзя избавить ее от последнего унижения, будет лучше, если это сделаю я и сделаю деликатно. Тряхнув головой, я сказал, что справлюсь. Было далеко за полдень, мой утренний прием безвозвратно погиб, впереди простиралось унылое свободное время, и я прямиком направился в морг, дабы поскорее разделаться с жуткой процедурой.

Сомнения в том, что я с нею справлюсь, не покидали меня даже в ледяной, отделанной белым кафелем мертвецкой, когда я стоял перед накрытым простыней телом, поглядывая на лоток с инструментами. Однако стоило начать, и самообладание вернулось. Теперь я знал, чего ожидать, и царапины со щипками, обескуражившие меня в Хандредс-Холле, при ближайшем рассмотрении утратили свою кошмарность. Если прежде казалось, что ими покрыто все тело, то сейчас я видел: все они в пределах досягаемости рук миссис Айрес, — скажем, на спине отметин не было вообще. Не знаю почему, но я почувствовал облегчение оттого, что все это сотворила она сама. Я продолжил работу и сделал надрез… Я был готов к скрытым хворям, но их не оказалось.

Ничего, кроме обычных возрастных изменений. Не было и признаков насилия в последние дни или часы жизни — ни поврежденных костей, ни внутренних кровоизлияний. Смерть явилась результатом удушения, что полностью совпадало с рассказом Каролины и Бетти.

И вновь я почувствовал явное облегчение. Открылся мой потаенный мотив к тому, чтобы самому делать вскрытие. Я боялся, что всплывет какая-нибудь деталь — не знаю, какая именно, — которая бросит подозрение на Каролину. Меня все еще покусывали сомнения на ее счет. Наконец-то они развеялись. Было стыдно, что я их допустил.

Постаравшись аккуратно зашить тело, я отправил отчет коронеру. Через три дня состоялось дознание, при столь явных свидетельствах бывшее весьма скоротечным. Все заняло менее получаса, вердикт гласил: «самоубийство в помрачении рассудка». Наибольшую неприятность доставила публичность процесса: зевак было не много, но присутствовали газетчики, которые на выходе из суда нам досаждали. История появилась во всех местных газетах, ее подхватила и пара национальных. Один репортер притащился из Лондона и под видом полицейского пытался

допросить Каролину и Бетти. Те легко его спровадили, но возможность повторения подобного меня пугала. Вспомнив то недолгое время, когда парк был забаррикадирован от вторжения Бейкер-Хайдов, я воскресил обычай цепей и замков на воротах. По ключу от них я оставил в доме, вторые ключи прицепил на свой брелок и еще заказал себе дубликат ключа от черного хода. Мне стало спокойнее, поскольку теперь в любое время я мог попасть в дом.

Неудивительно, что самоубийство ошеломило всю округу. Последние годы миссис Айрес редко покидала имение, но оставалась известной личностью, к которой многие были весьма расположены. Еще долго в любом поселке меня непременно кто-нибудь останавливал, чтобы узнать мое мнение об этой истории и выразить свое сочувствие и огорчение тем, что «такая чудесная, красивая и добрая дама, истинная старомодная леди» совершила столь невероятный и ужасный поступок, «осиротив двух несчастных детей». Многие спрашивали, когда вернется Родерик. Он гостит у приятелей, отвечал я, сестра пытается с ним связаться. Лишь Росситерам и Десмондам я сказал правду, дабы они не тревожили Каролину неудобными вопросами: в частной

клинике Род лечится от нервного расстройства.

— Какой ужас! — воскликнула Хелен Десмонд. — Поверить не могу! Что ж раньше-то Каролина молчала? Мы догадывались об их неприятностях, но они вроде бы сами с ними справлялись. Знаете, Билл неоднократно предлагал свою помощь, но они всегда отказывались. Мы думали, просто дело в деньгах. Если б мы знали, что все настолько плохо…

— Вряд ли кто мог предвидеть подобное, — сказал я.

— И что теперь делать? Каролине нельзя оставаться в этом огромном мрачном доме. Она должна быть с друзьями. Надо, чтобы она переехала к нам. Ох, бедная, бедная девочка! Билл, мы должны забрать ее к себе.

— Разумеется, — ответил Билл.

Они были готовы немедленно ехать в Хандредс-Холл. Точно так же вели себя Росситеры. Однако я не был уверен, что Каролине понравится их вмешательство, пусть даже благонамеренное, и просил дать мне возможность сначала самому с ней поговорить. Как я и ожидал, Каролина содрогнулась, узнав об их планах:

— Они очень добры, но оказаться в чужом доме, где каждую минуту за тобой наблюдают

— мол, как ты?.. нет, не могу. Я стану бояться, что выгляжу чрезмерно несчастной или, наоборот, недостаточно скорбной. Пожалуй, я останусь здесь, хотя бы на время.

— Вы уверены?

Меня тоже весьма тревожило, что в доме она одна, не считая печальной бедняжки Бетти. Похоже, Каролина весьма решительно была настроена остаться, и оттого в последующем разговоре с Десмондами и Росситерами я дал понять, что она не так уж одинока и заброшена, мол, с моей стороны ей уже обеспечена хорошая забота. После секундного замешательства намек был понят, но вызвал удивление. Десмонды первыми меня поздравили: дескать, для Каролины это лучший вариант, а у них просто «гора с плеч». Росситеры были вежливы, но осторожны. Мистер Росситер дружески пожал мне руку, но я видел, что его жена спешно обдумывает ситуацию; потом я узнал, что сразу после моего ухода она кинулась звонить Каролине, дабы получить подтверждение. Застигнутая врасплох, смущенная и усталая Каролина толком ничего не сказала. Да, я очень ей помогаю. Да, планировалась свадьба. Нет, дата не назначена. Сейчас не до этого. Все «пошло наперекосяк».

По крайней мере, попыток вызволить ее из дома больше не было; видимо, Десмонды и Росситеры втихомолку поделились новостью о нашей помолвке с парой-тройкой соседей, а те по секрету передали ее своим друзьям. Вскоре я почувствовал легкую перемену во всеобщем отношении ко мне: меня воспринимали уже не как семейного врача Айресов, из которого можно по-свойски выкачать информацию о жутком происшествии в Хандредс-Холле, но скорее как без пяти минут члена их семьи, требующего почтения и соболезнования. Сам я рассказал обо всем лишь Дэвиду Грэму, которого новость привела в полный восторг. Дескать, он знал, «что-то наклевывается». Анна «все чуяла», но они не хотели на меня давить. Как жаль, что такая замечательная новость получила огласку благодаря трагедии. Сейчас главное для меня — Каролина, а потому он готов меня разгрузить, взяв себе часть моих пациентов. Вот почему в первую неделю после смерти миссис Айрес добрую часть дня я проводил в Хандредс-Холле, помогая Каролине в ее многочисленных хлопотах; иногда мы прогуливались в саду или парке или просто молча сидели, взявшись за руки. Она все еще казалась слегка отстраненной от своего горя, и, полагаю,

мои визиты упорядочивали ее расхлыстанные дни. Каролина ничего не говорила о доме, в котором по-прежнему царил удивительный покой. Последние месяцы я наблюдал, как жизнь в нем съеживается до немыслимых пропорций, однако теперь она еще больше съежилась, став шепотом и тихими шагами, раздававшимися в двух-трех сумрачных комнатах.

После дознания следующей тяготой были похороны, организацией которых занимались мы с Каролиной; они состоялись в следующую пятницу. Учитывая обстоятельства смерти миссис Айрес, мы решили, что все должно пройти без шума, и поначалу нас мучило только одно: как быть с Родом? Его присутствие мы полагали непременным и ломали голову над тем, как все устроить; возникал вариант сопровождающего санитара, который будет представлен другом. Оказалось, муки наши были напрасны: я съездил в клинику, чтобы известить Родерика о самоубийстве матери, и его отклик меня ужаснул. Он не осознал утраты, его впечатлил только сам факт смерти. Родерик счел его доказательством того, что мать пала жертвой дьявольской «заразы», которую изо всех сил он пытался сдержать.

— Все это время она выжидала, зрея в тишине

дома. Я думал, что одолел ее, но вон что она вытворяет! — Родерик схватил меня за руку. — Теперь там никому не будет покоя. Каролина… Боже мой! Ее нельзя оставлять одну! Она в опасности! Вы должны куда-нибудь ее увезти! Прямо сейчас!

На секунду я растерялся и чуть было ему не поверил. Но затем разглядел дикий блеск его глаз и понял, что рискую последовать за ним в пучину безумия. Я заговорил спокойно и разумно, но это его лишь взбеленило. Когда я уходил, он орал и бился в руках сиделок. Каролине я сказал, что «улучшений нет», и по моему лицу она все поняла. Отказавшись от мысли хотя бы на день привезти его в Хандредс-Холл, мы с помощью Десмондов и Росситеров пустили слух, что он за границей, нездоров и приехать не сможет. Не знаю, насколько в это поверили, ибо в округе уже курсировали разговоры об истинной причине его отсутствия.

Как бы то ни было, похороны прошли без него и прошли хорошо, если такое возможно. Следом за катафалком мы с Каролиной выехали из Хандредс-Холла в машине похоронного бюро, а за нами двигалась процессия из трех-четырех автомобилей с ближайшими друзьями и родственниками, сумевшими проделать нелегкий

путь из Суссекса и Кента. Погода наладилась, но снег сошел не весь, и вереница черных машин на белой дороге являла собой мрачное зрелище, которое свело на нет все наши попытки не привлекать внимания. В округе, где феодальный дух был живуч, слишком хорошо знали это семейство, и вдобавок газетные публикации на смерть миссис Айрес лишь усилили трагическую загадочность, всегда окутывавшую Хандредс-Холл. Люди выходили к воротам ферм и стояли в дверях домов, провожая катафалк взглядами, в которых светилось торжественное любопытство. В Лидкоте Хай-стрит была запружена зеваками, смолкшими с нашим приближением; мужчины снимали шляпы и кепки, некоторые женщины плакали, но все выгибали шеи, дабы ничего не пропустить. Я вспомнил день почти тридцатилетней давности и себя в новенькой школьной форме, когда вместе с родителями наблюдал за другими похоронами в семействе Айресов; тогда гроб был вдвое меньше нынешнего. От воспоминания закружилась голова, словно жизнь моя вертелась волчком, пытаясь цапнуть себя за хвост. У церкви толпа стала гуще, я почувствовал, как напряглась Каролина. Я взял ее руку в черной перчатке и тихо сказал:

— Они хотят выразить уважение, только и всего.

Каролина прикрыла рукой лицо, пытаясь избежать взглядов:

— Все на меня смотрят. Что они выглядывают?

Я сжал ее пальцы:

— Крепитесь.

— Боюсь, не смогу.

— Сможете. Посмотрите на меня. Я здесь. Я вас не покину.

— Нет, не оставляйте меня! — Взглянув на меня, она вцепилась в мою руку, словно испугавшись этой мысли.

Через двор церкви поплыл колокольный звон, в морозном безветрии казавшийся неестественно громким и скорбным. Тяжело опираясь на мою руку, Каролина смотрела в землю, но в церкви успокоилась, ибо теперь оставалось лишь пройти через панихиду, вовремя совершая ритуалы, что она успешно и делала с тем же безразличием, с каким в последние дни исполняла все другие дела и обязанности. Она даже подпела псалмам. Прежде я никогда не слышал ее пения, оказавшегося таким же мелодичным, как ее речь, — красиво очерченные губы четко произносили все слова.

После недолгой панихиды викарий мистер

Спендер, долгие годы знавший миссис Айрес, произнес короткую прочувствованную речь. Говоря о покойной, он использовал выражение «старомодная леди», которое я слышал от других, и назвал ее частью «иного, более милосердного века», словно она была древней старухой, последней в своем поколении. Он помянул смерть ее дочери Сьюзен, о чем, конечно же, сказал он, помнят многие. В тот день миссис Айрес шла за гробом своего дитя, говорил мистер Спендер, и, похоже, в душе своей она совершала сей путь всю оставшуюся жизнь. Утешимся же сознанием того, что трагическая кончина завершила его воссоединением с дочерью.

Я заметил, что, слушая его речь, многие печально кивали. Ну конечно, ведь никто из них не видел миссис Айрес в ее последние дни, когда она пребывала во власти помрачения столь мощного и нелепого, что оно будто окутало злыми колдовскими чарами окружавшие ее бездушные предметы. Но в церковном дворе, стоя возле вскрытой семейной могилы, я подумал, что, наверное, Спендер прав. Нет никаких чар, никаких теней, никакой тайны. Все очень просто. Вот рядом со мной безвинная Каролина, дом — скрепленные раствором кирпичи — тоже ни в чем

не виноват, а бедная миссис Айрес наконец-то воссоединится с потерянной дочкой.

Прозвучали молитвы, гроб опустили в землю; мы отошли от могилы. К Каролине потянулась вереница желающих выразить соболезнование и пожать ее руку: Джим Сили с женой, застройщик Морис Бабб, Дэвид и Анна Грэм… Я заметил, что Сили приостановился и смотрит в мою сторону. Помешкав, я к нему подошел.

— Ужасный день, — прошептал он. — Как держится Каролина?

— В общем-то, неплохо. Чуть замкнута, но и только.

Сили окинул ее взглядом:

— Еще бы. Вот сейчас-то она и начнет осознавать. Вы уж за ней присматривайте.

— Конечно.

— Я слышал разговоры. Значит, вас можно поздравить?

— Нынче не лучший день для поздравлений, но, в общем, да, — смутился я, хотя мне было приятно.

Сили похлопал меня по руке:

— Рад за вас.

— Спасибо.

— И за Каролину. Видит бог, она заслужила

немного счастья. Мой вам совет: не затягивайте; как только все это закончится, увезите ее и устройте славный медовый месяц. Новая жизнь и прочее.

— Так я и хотел.

— Молодчина.

Сили позвала жена, а я вернулся к Каролине, которая уже искала меня взглядом. Она снова тяжело оперлась на мою руку, и я искренне пожалел, что нельзя просто отвезти ее домой и препроводить в постель. Но еще предстояли поминки, и началась суета из-за того, кому втиснуться в похоронное авто, а кому сесть в личные машины. Каролина занервничала; сдав ее под опеку суссекских родичей, я сбегал за своей «руби», которая могла взять трех пассажиров. Ко мне сели Десмонды и слегка похожий на Родерика приблудный юноша, оказавшийся Каролининым кузеном по отцу. Симпатичный парень, он не шибко переживал кончину миссис Айрес и всю дорогу безостановочно балаболил. В Хандредс-Холле кузен не был больше десяти лет и простодушно радовался возможности снова его повидать. Он приезжал с родителями, рассказывал парень, дом, сады и парк оставили в нем массу приятных воспоминаний… Болтун смолк лишь

на тряской подъездной аллее. Миновав заросли лавра и крапивы, мы выбрались на гравийную дорожку, и парень недоверчиво вытаращился на незрячий дом.

— Похоже, он изменился, да? — спросил Билл Десмонд, когда мы вылезли из машины.

— Ничего себе, изменился! — ахнул кузен. — Я бы в жизни его не узнал! Прям что-то из ужастика! Неудивительно, что тетка… — Он смущенно прикусил язык и залился юношеским румянцем.

Небольшую толпу скорбящих, которая, озираясь по сторонам, направлялась в малую гостиную, явно одолевали те же мысли. Нас набралось человек двадцать пять, и в гостиной, конечно, было тесновато, но другого помещения просто не имелось. В борьбе за лишнее пространство Каролина сдвинула мебель к стене, тем самым представив на всеобщее обозрение потертые ковры и драную обивку кресел и дивана. Вероятно, кое-кто из гостей счел это всего лишь хозяйской причудой, но те, кто видел дом в его прежнем великолепии, были шокированы. Особенно суссекские тетя и дядя, уже успевшие осмотреться. Они видели просевший потолок и обвисшие обои зала, а также черные руины, некогда бывшие комнатой Родерика; они разглядели неухоженный парк, пролом

в ограде и муниципальные домики, вылезшие, точно поганки. Все это их ошеломило. Подобно Росситерам и Десмондам, они решили, что и речи не может быть о том, чтобы Каролина оставалась здесь одна. Родичи отвели ее в сторонку и пытались убедить нынче же ехать с ними в Суссекс.

— Об отъезде я еще не думала, — покачала головой Каролина. — Пока ни о чем не могу думать.

— Тем более мы должны за тобой присмотреть.

— Прошу вас... — Каролина неловко заправила волосы за ухо, но пряди вновь упали на лицо. Простое черное платье без воротничка подчеркивало ее невероятную бледность, из-за которой жилки на голой шее казались синяками. — Пожалуйста, не надо об этом. Я знаю, вы желаете мне добра.

Я подошел к ней и взял ее за руку; благодарно взглянув на меня, она тихо сказала:

— Вы уже здесь. Все приехали?

— Не волнуйтесь, все на месте, — мягко ответил я. — Все в порядке. Вам надо чего-нибудь съесть и выпить.

Стол ломился от сэндвичей. Бетти, тоже бледная, с покрасневшими глазами, раскладывала их по тарелкам и наполняла стаканы. Занятая готовкой, на кладбище она не ездила.

Каролина помотала головой, словно мысль о

еде ей претила:

— Не хочется.

— Думаю, глоток хереса пойдет вам на пользу.

— Нет, не надо. А вот тетя и дядя, наверное, не откажутся…

Казалось, родичи обрадовались моему появлению. На похоронах меня представили им как семейного врача, и мы немного поговорили о болезни миссис Айрес и Родерика. Видимо, они решили, что я ни на шаг не отхожу от Каролины лишь из профессионального долга, поскольку она ужасно бледна и измучена.

— Поддержите нас, доктор, — сказала тетка. — Другое дело, если б здесь был Родерик. Но Каролина не может оставаться одна в огромном доме. Мы хотим, чтобы вместе с нами она ехала в Суссекс.

— А чего хочет Каролина? — спросил я.

Дама набычилась. Слегка похожая на покойную сестру, она была скроена по более крупному и менее красивому лекалу.

— С учетом всех обстоятельств, Каролина вряд ли способна разобраться в своих желаниях, — заявила тетка. — Она просто валится с ног. Никаких сомнений, что перемена места пойдет ей во благо. Как врач, вы должны это признать.

— Как врач — возможно. Однако в иной ипостаси я вряд ли порадуюсь ее отъезду.

Я улыбнулся и взял Каролину под руку. Думаю, она пропустила наш диалог, потому что беспокойно озирала комнату — все ли как должно, — но, почувствовав прикосновение, локтем прижала мои пальцы. Теткино лицо вытянулось. Повисла пауза.

— Боюсь, я забыла ваше имя, доктор, — наконец проскрипела родственница.

Я назвался.

— Фарадей… Не помню, чтобы сестра вас упоминала.

— Полагаю, нет. Кажется, мы говорили о Каролине?

— Она чрезвычайно угнетена.

— Совершенно с вами согласен.

— Как представлю ее одну, без друзей…

— Это не совсем так. Оглядитесь: у нее много друзей. Думаю, в Суссексе их будет меньше.

Тетка испепелила меня взглядом и обратилась к племяннице:

— Ты действительно хочешь остаться? Я вся изведусь. Если с тобой что-нибудь случится, мы с дядей никогда себе этого не простим.

— Что случится? — удивилась Каролина, пере-

ключившись на тетку. — О чем вы?

— Я говорю, если что-нибудь случится, пока ты одна в доме.

— Теперь уже ничего не случится, тетя Сисси. Больше нечему.

Она говорила всерьез, но родственница, посчитавшая это дурновкусной остротой, скривилась:

— Конечно, ты не ребенок, и мы не можем силком…

Дискуссию прервало появление еще одного гостя. Извинившись, Каролина направилась к нему, следом отошел и я.

Поминки проходили очень тихо. Речей не было, никто не пытался последовать примеру викария и отыскать в печали утешительные штрихи. Сделать это было тем труднее, что явное расстройство дома и парка грубо напоминало о душевном расстройстве самой миссис Айрес, не давая забыть о самоубийстве, произошедшем в комнате прямо над нами. Гости, неловко переминавшиеся и говорившие сдержанным шепотом, выглядели не просто опечаленными, но встревоженными и испуганными. То и дело они бросали на Каролину обеспокоенные взгляды, не отличавшиеся от взглядов ее тетки. Переходя от группы к группе, я несколько раз слышал рассуждения о том, что те-

перь станет с Хандредс-Холлом, — мол, Каролина с ним непременно расстанется, поскольку у дома нет будущего.

Я уже всех тихо ненавидел. Эти люди ничего не знали о доме, не понимали, что для Каролины лучше, но считали себя вправе судить и предполагать. Мне полегчало, когда через час они стали расходиться. Поскольку многие приехали в чьей-то машине, толпа рассосалась довольно быстро. Вскоре гости из Суссекса и Кента тоже стали поглядывать на часы, представляя ожидавшую их долгую неудобную поездку в машине или поезде. Один за другим они подходили к Каролине, тепло прощались, обнимали ее и целовали; тетя с дядей предприняли последнюю безуспешную попытку склонить ее к отъезду. Все эти прощания забирали остаток ее сил, она была точно сломанный цветок, что увядает, переходя из рук в руки. Вместе с последними гостями мы вышли на растрескавшиеся ступени крыльца, откуда и проводили машины, шаркнувшие колесами по гравию. Закрыв глаза, Каролина обмякла, и мне не осталось ничего другого, как обнять ее за плечи и отвести в тепло гостиной. Я усадил ее в кресло, в котором прежде сидела ее мать.

— Неужели все закончилось? — Каролина по-

терла лоб. — Это самый длинный день в моей жизни. Я думала, голова лопнет.

— Хорошо, что не грохнулись в обморок. Вы же ничего не ели.

— Не могу. Не хочется.

— Ну хоть крошку чего-нибудь, пожалуйста.

Сколько я ни уговаривал, от еды она отказалась. Я подал ей стакан подслащенного и разбавленного горячей водой хереса, которым она запила две таблетки аспирина. Бетти начала убирать со стола, и Каролина машинально встала, чтобы помочь; мягко, но решительно я усадил ее обратно, потом принес подушки и одеяло, снял с нее туфли и размял ей ступни. Она виновато смотрела на Бетти, но вскоре усталость ее сморила. Каролина подтянула ноги, устроилась щекой на потертом бархатном ворсе и закрыла глаза.

Глянув на Бетти, я приложил палец к губам. Вдвоем мы тихо загрузили подносы и на цыпочках вышли из комнаты; в кухне я снял пиджак и трудился бок о бок со служанкой, вытирая тарелки и стаканы, которые она передавала из раковины, полной мыльной воды. Ни ей, ни мне странным это не показалась. Привычная жизнь в доме нарушилась, и обычная кропотливая работа помогала обрести душевное равновесие, чему я

был свидетелем в других горюющих семьях.

Покончив с мытьем посуды, Бетти сникла, и тогда я велел ей разогреть суп — надо было придумать новое дело, да и под ложечкой посасывало. Налив себе по тарелке, мы сели за выскобленный дощатый стол, и вдруг я кое-что вспомнил.

— Знаешь, последний раз я сидел за этим столом, когда мне было десять лет, — сказал я. — А на твоем месте сидела моя мама.

Девочка подняла заплаканные глаза.

— Потешно, да, сэр? — неуверенно проговорила она.

— Да, забавно. Я и подумать не мог, что когда-нибудь снова здесь окажусь, да еще вот так. Конечно, и матери это в голову не приходило. Жаль, не дожила… Я корю себя, что был невнимателен к ней и отцу. Надеюсь, ты добрее к своим родителям.

Облокотившись на стол, Бетти подперла щеку и вздохнула:

— Они меня достали. Папаша всю плешь проел, чтоб я сюда поступила, а теперь наседает, мол, увольняйся.

— Серьезно? — встревожился я.

— Еще как. Начитался газет и зудит, что в доме неладно. И миссис Бэйзли туда же. Утром явилась,

но потом ушла и забрала с собой фартук. Сказала, не вернется. Мол, после случая с мадам гиря до полу дошла, все нервы кончились. Лучше, говорит, в прачки пойду… Кажется, мисс Каролине она еще не сказала.

— Очень неприятная новость. Но ты-то не сбежишь?

Глядя в тарелку, Бетти хлебала суп.

— Не знаю… Без мадам все не так.

— Перестань! Я понимаю, сейчас в доме грустно. Но у мисс Каролины только мы с тобой и остались. Я не могу постоянно быть здесь, чтобы за ней приглядывать. И если ты уйдешь…

— Я вовсе не хочу уходить и по-любому домой не вернусь! Да вот папаша пристает.

Казалось, она искренне мучается, и меня весьма тронула ее верность дому, сохранившаяся после всех событий. Раздумывая над ее словами, я смотрел, как она возит ложкой в супе, затем осторожно сказал:

— А если твой отец узнает, что скоро в доме произойдут перемены? — Я помялся. — Например, если ты сообщишь, что мисс Каролина собирается замуж…

— Замуж? — изумилась Бетти. — За кого?

— А как ты думаешь? — улыбнулся я.

Сообразив, она покраснела, и я тоже глупо зарделся.

— Только об этом не болтай, — сказал я. — Почти никто еще не знает.

— А когда свадьба? — взбудоражилась Бетти.

— Пока не знаю. Дату не определяли.

— Что мисс Каролина наденет? Из-за мадам будет в черном?

— Господи, вряд ли! Сейчас не девятнадцатый век. Ладно, ешь суп.

— Вот жалость, что мадам этого не увидит! — Глаза ее набухли слезами. — А кто же будет посаженым отцом? Наверное, мистер Родерик, да?

— Боюсь, он еще не поправится.

— А кто ж тогда?

— Не знаю. Может, мистер Десмонд. Или никто. Мисс Каролина сможет и сама передать себя жениху, правда?

— Так нельзя! — ужаснулась Бетти.

Мы еще немного об этом поговорили, радуясь, что после тяжелого дня возникла столь приятная тема. Покончив с супом, Бетти отерла глаза, высморкалась и поставила наши тарелки с ложками в мойку. Я надел пиджак, зачерпнул еще порцию супа и, накрыв тарелку, с подносом отправился в

малую гостиную.

Каролина еще спала, но от моих шагов вздрогнула и привстала, опустив ноги с кресла. На щеке ее остался след бархатной обивки.

— Который час? — сонно спросила Каролина.

— Половина седьмого. Вот, я принес немного супа.

Она растерла лицо, взгляд ее прояснился.

— Ой, есть не могу, правда.

Я опустил поднос на подлокотники, пригвоздив ее к месту, и салфеткой накрыл ее колени:

— Ну пожалуйста, чуть-чуть. Иначе расхвораетесь.

— Ей-богу, не хочется.

— Полно, вы обидите Бетти. И меня тоже… Ну вот, умница.

Каролина нехотя помешала в тарелке. Сев на скамеечку и подперев кулаком подбородок, я серьезным взглядом провожал каждую неполную ложку, которую она отправляла в рот, через силу заглатывая густышку. Однако, справившись с супом, Каролина порозовела. Голова болит меньше, сказала она, только во всем теле страшная усталость. Я убрал поднос и взял ее за руку, но она тотчас ее отняла, чтобы прикрыть рот, раздираемый неудержимой зевотой. Потом она

отерла заслезившиеся глаза и придвинула кресло к камину.

— Господи, нынешний день точно страшный сон, — сказала Каролина, глядя в огонь. — Но это не сон, да? Мама умерла. Она мертва, похоронена, и так будет во веки вечные. Не могу поверить. Кажется, она у себя наверху, отдыхает… Я вот сейчас задремала, и мне привиделось, будто Родди в своей комнате, а возле моего кресла лежит Плут… — Она подняла растерянный взгляд. — Как же все это случилось?

— Если бы знать… — покачал я головой.

— Нынче одна женщина сказала, что, видимо, дом проклят.

— Что? Кто это сказал?

— Я ее не знаю. Вероятно, новенькая. В церковном дворе она с кем-то разговаривала и посмотрела на меня, будто я тоже проклята. Словно я дочь Дракулы… — Каролина опять зевнула. — Что ж я так устала-то? Хочется спать, и больше ничего.

— Значит, сейчас это самое лучшее. Вот только мне не нравится, что вы здесь совсем одна.

— Вы прямо как тетя Сисси. — Она потерла глаза. — Бетти за мной присмотрит.

— Она тоже измучилась. Позвольте, я уложу вас в постель. — Заметив, как дрогнуло ее лицо, я

добавил: — Не в том смысле. Вы уж совсем меня за скотину держите. Не забывайте, я врач и постоянно вижу молодых женщин в постели.

— Но ведь я не ваша пациентка. Поезжайте домой.

— Не хочется вас покидать.

— А вы не забывайте, что я дочь Дракулы. Ничего со мной не сделается.

Она встала с кресла, но покачнулась, и я поддержал ее за плечи, а потом, отведя с ее лица русые волосы, взял его в ладони. Каролина устало прикрыла глаза. Как обычно, набрякшие веки казались влажными и голыми. Я их тихонько поцеловал. Руки ее висели вдоль тела, точно у куклы. Она открыла глаза и уже тверже сказала:

— Езжайте домой… И спасибо за все, что вы сегодня сделали. Вы так добры к нам… — Она запнулась. — То есть ко мне…

Отыскав пальто и шляпу, я взял Каролину за руку и направился к парадной двери. В зябком вестибюле Каролина поежилась. Чтобы не держать ее на холоде, я быстренько ее поцеловал и шагнул к выходу, но взгляд мой упал на лестницу: было жутко представить, что после столь тяжелого дня Каролина одна побредет в пустые темные комнаты.

Я опять ухватил ее за руку и притянул к себе:

— Дорогая моя…

— Не надо, — вяло поддалась Каролина. — Я очень устала.

Я ее обнял и прошептал:

— Только скажите: когда мы поженимся?

Она чуть отстранилась:

— Мне надо лечь.

— Когда же?

— Скоро.

— Я хочу быть с вами.

— Я знаю. Знаю…

— Ведь я был терпелив, правда?

— Да. Только нельзя сразу после маминой…

— Конечно-конечно… Может быть, через месяц?

Она покачала головой:

— Поговорим завтра.

— По-моему, месяц — достаточный срок. В смысле, чтобы выправить разрешение на брак и прочее. Понимаете, надо определить дату, чтобы я все спланировал.

— Еще многое надо обсудить.

— С мелочами разберемся… Так что, месяц? Самое большее полтора. Шесть недель от сегодняшнего дня, хорошо?

Каролина помешкала, преодолевая усталость.

— Ладно, раз вы хотите. — Она высвободилась из моих объятий. — Только сейчас дайте мне лечь. Я ужасно, ужасно устала.

Наверное, это прозвучит странно — ведь произошло столько несчастий, — но время после похорон запомнилось как одно из самых радостных в моей жизни. Дом я покинул, бурля планами, и уже на другой день съездил в Лемингтон, чтобы подать заявление на бракосочетание; вскоре определилась дата: двадцать седьмое мая, четверг. Словно в предвкушении события, за две недели установилась чудесная погода; день уже заметно прибавился, а доселе голые деревья и поля вдруг ожили и пышно зазеленели. Со дня смерти миссис Айрес дом стоял запертый ставнями, но теперь на фоне пробуждающейся природы и чистого голубого неба его угрюмая тихость угнетала. Испросив позволения Каролины, в последний день апреля я прошел по всем комнатам первого этажа и аккуратно раскрыл ставни. Некоторые были затворены давно, и потому их петли стонали, а створки исторгали клубы пыли и хлопья растрескавшейся краски. Мне же это стенанье казалось довольным урчаньем существ, пробуждающихся от долгого сна,

а скрип половиц, ощутивших дневное тепло, громким мурлыканьем кошек, что растянулись на солнышке.

Мне хотелось, чтобы и сама Каролина вот так же ожила, хотелось нежно ее растормошить и пробудить. После того как минула первая острая боль утраты, она слегка захандрила. Теперь, когда отпали похоронные хлопоты, целиком ее поглощавшие, жизнь ее стала бесцельной и вялой. Я возобновил амбулаторные приемы и визиты, что означало долгие отлучки; с уходом миссис Бэйзли дел по дому было невпроворот, но Каролина, по словам Бетти, ничем не занималась, но целыми днями тупо смотрела в окно, вздыхала, зевала, курила и грызла ногти. Она не готовилась к свадьбе и предстоящим переменам, не интересовалась имением, садом и фермой. Даже читать не могла — книги ее утомляли и раздражали; слова скользят, точно мозг мой из стекла, говорила она.

Памятуя слова Сили — «увезите ее… новая жизнь», — я подумывал о нашем медовом месяце и представлял благотворное воздействие нового места, где совсем иной пейзаж: горы, отмели, утесы. Вначале я прикидывал вариант Шотландии, затем стал склоняться к Озерному краю. Но потом один мой пациент случайно упомянул

Корнуолл, рассказав об отеле в бухте среди скал: изумительно местечко, восхищался он, тихое, романтичное, живописное… Казалось, это судьба. Ничего не сказав Каролине, я раздобыл адрес отеля, навел справки и заказал на неделю комнату для «мистера и миссис Фарадей». Брачную ночь нам предстояло провести в спальном вагоне лондонского поезда; мне казалось, в этом есть какой-то глупый шарм, который Каролине понравится. В одинокие ночные часы я представлял наше путешествие: узкая вагонная полка, лунный отсвет на шторке, тихая поступь проводника в коридоре, мягкая качка и перестук поезда, бегущего по сияющим рельсам.

День свадьбы подбирался все ближе, и я пытался обсудить брачную церемонию.

— Шафером будет Дэвид Грэм, — говорил я, когда воскресным полднем в начале мая мы прогуливались в парке. — Он мой добрый приятель. Разумеется, Анну тоже пригласим. А вам нужно определиться с подружкой.

Мы шли по ковру из колокольчиков, которым за ночь укрылись угодья. Каролина хмуро вертела в руках сорванный цветок.

— Подружка, — промямлила она. — Думаете, надо выбрать?

— А как же! — рассмеялся я. — Кто-то должен держать ваш букет.

— Да, я не подумала. В общем-то, и пригласить некого.

— Кто-нибудь найдется. Может, ваша знакомая с больничного бала? Как ее, Бренда?

— Ой, нет! — сморщилась Каролина. — Не хочу, нет.

— Тогда, может, Хелен Десмонд станет… как это… главной подружкой? Думаю, ей будет приятно.

Пальцами с обгрызенными ногтями Каролина неловко обрывала лепестки.

— Да, наверное.

— Вот и ладно. Хотите, я с ней поговорю?

Каролина опять нахмурилась:

— Не надо, я сама.

— Зачем вам тревожиться по пустякам?

— Невеста должна хлопотать, разве не так?

— Нет, если ей пришлось столько всего пережить. — Я взял ее под руку. — Я хочу, чтобы все прошло легко.

— Легко для меня или… — Не договорив, она высвободила руку.

Я остановился:

— Что вы имеете в виду?

Понурившись, Каролина обрывала лепестки.

— Только одно: неужели надо так спешить? — не глядя на меня, сказала она.

— А чего ждать-то?

— Не знаю. Наверное, нечего… Просто все уши прожужжали… Вчера мясник поздравил, Бетти ни о чем другом не говорит…

— Ну и что? — улыбнулся я. — Люди радуются.

— Думаете? По-моему, они смеются. Всегда смешно, если вековуха выходит замуж. Наверное, их забавляет, что нашелся покупатель на лежалый товар, с которого сдули пыль, достав из загашника.

— Значит, по-вашему, я сдул с вас пыль?

Каролина отбросила изуродованный цветок.

— Не знаю, что вы сделали, — устало и чуть ли не сердито сказала она.

Я взял ее за плечи и развернул к себе:

— Я вас полюбил! Если любовь кому-то смешна, значит у человека идиотское чувство юмора.

Каролина вздрогнула, поскольку прежде таких слов я не произносил. Потом закрыла глаза и отвернулась. На солнце сверкнул седой волосок.

— Простите, — шепнула она. — Вы очень хороший, а я гадкая. Просто мне тяжело. Все так изменилось. А в чем-то никаких перемен.

Я привлек ее к себе:

— Когда Хандредс-Холл станет нашим, мы все изменим по своему вкусу.

Каролина щекой прижалась к моему плечу, но по ее напряженной позе я догадался, что она смотрит на дом.

— Мы никогда об этом не говорили, — сказала она. — Я стану докторской женой.

— Превосходной докторской женой. Вот увидите.

Она отстранилась и посмотрела мне в глаза:

— Но как все это будет? Вы так говорите, словно у вас появятся время и деньги, чтобы наладить имение. Как это произойдет?

Хотелось ее успокоить, но, честно говоря, я сам не знал, как все это получится. Грэм опешил, когда я сообщил, что после свадьбы намерен перебраться в Хандредс-Холл. Я-то думал, что вы поселитесь у тебя, сказал он, или подыщете славный дом. Я ответил, что пока «ничего не утряслось» и мы еще «прикидываем».

И сейчас я сказал нечто подобное:

— Все само утрясется. Ей-богу. Все станет ясно. Я обещаю.

Каролина не ответила и лишь тяжело вздохнула. Я вновь ее обнял, но опять почувствовал,

что она пристально смотрит на дом. Потом она высвободилась из моих объятий и молча пошла прочь.

Наверное, другой мужчина, более опытный с женщинами, вел бы себя иначе. Не знаю. Мне казалось, все уладится, едва мы поженимся. На этот день я возлагал очень большие надежды. Каролина же говорила о свадьбе, если говорила о ней вообще, с удручающей неопределенностью. Она так и не связалась с Хелен Десмонд, в конце концов это сделал я. Хелен пришла в восторг, но град ее вопросов заставил меня понять, сколько еще всего у нас не готово. Поговорив с Каролиной, я был ошеломлен тем, что она совершенно ни о чем не думает — даже о том, что наденет на свадьбу. Я предложил ей посоветоваться с Хелен, но она ответила, что «не хочет, чтобы с ней возились». Я уговаривал ее вместе съездить в Лемингтон, чтобы — как я и собирался — купить ей новые наряды, но она сказала, что не надо «швыряться деньгами», мол, «что-нибудь подберет из имеющегося». Я внутренне содрогнулся, представив ее неказистые платья и шляпки. По моей просьбе Бетти тайком принесла кое-что из ее платьев, и мы выбрали то, что сочли лучшим. Я негласно отправился в Лемингтон, где в дамском

салоне спросил продавщицу, нельзя ли заказать наряд соответствующего размера.

Я объяснил, что требуется платье для дамы, которая скоро выходит замуж, но сейчас нездорова. Продавщица кликнула пару других, и вся троица начала чрезвычайно возбужденно листать альбомы с выкройками, раскатывать рулоны ткани и перебирать пуговицы. Как я понял, девицы вообразили этакую романтическую историю с невестой-инвалидом.

— Передвигаться леди сможет? — деликатно спрашивали они. — Перчатки ей потребуются?

Я представил полные крепкие ноги Каролины и ее красивые изработанные руки… Мы остановились на простом платье с пояском из тонкой кремовой ткани, которая, как я надеялся, будет хорошо сочетаться с русыми волосами и карими глазами. На голову и руки я заказал простенькие цветочки из бледного шелка. Все удовольствие стоило одиннадцать с лишним фунтов и сожрало все мои вещевые карточки. Однако, начав траты, я вошел во вкус и получал странное удовольствие. По соседству с ателье располагался лучший местный ювелир, где я попросил показать обручальные кольца. Среди дешевых выбор был небогат: легкие медные колечки, похожие

на те, какими торгуют в универмагах. На лотке с украшениями дороже я выбрал тонкое, но тяжеленькое золотое кольцо за пятнадцать гиней. Моя первая машина обошлась мне дешевле. На чеке я поставил витиеватый росчерк, пытаясь создать впечатление, что ежедневно трачу подобные суммы.

Кольцо пришлось оставить, чтобы его слегка растянули под палец Каролины. Домой я возвращался без денег и покупок, а потому с каждой милей бесшабашность моя угасала и я, вцепившись в баранку, размышлял над тем, что учудил. Ближайшие дни я провел в холостяцкой панике: судорожно подсчитывал свои доходы, спрашивая себя, на какие шиши вознамерился содержать жену, и вновь переживал из-за Системы здравоохранения. В полном отчаянии я поплелся к Грэму, который сумел меня успокоить, посмеявшись над моими страхами и угостив виски.

Через пару дней я отправился в Лемингтон за кольцом и платьем. Меня безмерно взбодрило, что кольцо оказалось тяжелее, чем мне помнилось: оно уютно примостилось на сборчатой шелковой подложке внутри шагреневого футлярчика, с виду дорогого. Платье и цветы в коробках тоже меня воодушевили. Именно такое платье

я и хотел: без выкрутасов, хрустящее и сияющее новизной.

Продавщицы выразили надежду, что невеста поправится, и, весьма расчувствовавшись, пожелали ей «удачи, доброго здоровья, долгого и счастливого замужества».

Был вторник, до свадьбы оставалось две недели и два дня. Вечером я дежурил в больнице; кольцо лежало в моем кармане, а коробка с платьем — в багажнике машины. На другой день я был страшно занят и не смог наведаться в Хандредс-Холл. Однако в четверг днем я въехал в имение через парковые ворота, которые привычно открыл собственным ключом, и двинулся по подъездной аллее, посвистывая в окошко — по случаю великолепной погоды стекла в машине были опущены. С коробками под мышкой я проник в дом черным ходом. У ступеней в подвал я остановился и тихонько окликнул:

— Бетти! Ты там?

Она вышла из кухни и, моргая, уставилась на коробки.

— Мисс Каролина в гостиной? — спросил я.

— Да, — кинула Бетти. — С утра там сидит.

— Как думаешь, что у меня тут? — Я качнул коробками.

Бетти озадачилась:

— Не знаю. — Потом лицо ее прояснилось. — Наряд к свадьбе!

— Возможно.

— Ой! Дайте глянуть!

— Не сейчас, потом. Через полчаса принеси нам чай. Тогда мисс Каролина сама тебе покажет.

От радости Бетти смешно подскочила; она вернулась в кухню, а я, маневрируя коробками, обогнул зеленую суконную штору и направился в гостиную. Каролина курила на диване.

В комнате было душно, густые дымные разводы плавали в теплом воздухе, точно яичный белок в воде. Пристроив коробки на диван, я чмокнул Каролину:

— Денек чудесный! Дорогая, вы прокоптитесь. Можно открыть окно?

На коробки она не взглянула.

— Пожалуйста, если хотите. — Покусывая щеку, Каролина сосредоточенно смотрела перед собой.

Наверное, последний раз французское окно открывали в январе, когда через него мы вышли в парк, намереваясь осмотреть стройку. Справившись с неподатливыми ручками, я скрежетнул створками, открывая дорогу к ступеням, густо увитым оживающим вьюнком. В комнату тот-

час ворвался влажный, благоухающий зеленью воздух.

Загасив сигарету, Каролина привстала, но я ее остановил:

— Нет-нет, сядьте. Хочу вам кое-что показать.

— Нам надо поговорить.

— Да, надо. Я тут для вас похлопотал… Вернее, для нас. Вот, взгляните.

— Я много думала… — начала Каролина, будто не слыша, но я протянул ей самую большую коробку, и наконец-то она увидела ярлык. Насторожившись, она спросила: — Что это?

От ее тона я занервничал.

— Говорю же, я для вас похлопотал. — Уверенность моя поколебалась; облизав пересохшие губы, я торопливо продолжил: — Я понимаю, это вызов традиции, однако, надеюсь, вы не против. У нас все… не очень традиционно. Я так хочу, чтобы этот день стал особенным…

Каролина будто испугалась, когда я положил коробку на ее колени. Она сняла крышку, отвела края оберточной бумаги и увидела простое платье. Свесившиеся волосы закрывали ее лицо.

— Вам нравится? — спросил я.

Она не ответила.

— Дай бог, чтоб было впору! Сшито по меркам

вашего платья. Бетти мне помогла. Мы с ней как два заговорщика. Если что не так, успеем переделать.

Каролина не шевелилась. Сердце мое скакнуло и забилось быстрее.

— Не нравится?

— Очень нравится, — тихо проговорила Каролина.

Я передал ей вторую коробку; она медленно ее открыла, увидела веточки шелковых цветов, но тоже оставила их в упаковке и только разглядывала, занавесившись прядями. Как дурак, я попер дальше и вынул из кармана шагреневый футляр.

Каролина вздрогнула, точно от электрического разряда; потом вскочила, уронив коробки, и отошла к окну.

— Простите… не могу… — проговорила она, заламывая пальцы.

Платье и цветы вывалились на пол, я их поднял и стал укладывать в коробки.

— Это я виноват, дорогая. Сразу вас огорошил. Потом рассмотрим.

Каролина чуть повернулась ко мне; голос ее был бесцветен:

— Я не о платье… обо всем… не могу… выйти за вас… просто не могу…

На секунду я замер, но потом аккуратно упаковал платье, поставил коробку на диван и лишь тогда подошел к Каролине, смотревшей напряженно и чуть ли не испуганно. Я взял ее за плечо:

— Каролина…

— Простите, — повторила она. — Вы всегда мне очень, очень нравились. Наверное, я перепутала приязнь с… чем-то другим. Одно время казалось… вот почему так тяжело… Вы прекрасный друг, я вам очень признательна. Вы очень помогли с Родом и мамой… Но вряд ли стоит выходить замуж из благодарности… Скажите что-нибудь.

— Дорогая… я думаю, вы устали.

Лицо ее искривилось, она сбросила с плеча мою руку, но я ухватил ее за запястье.

— Неудивительно, что после всех событий вы запутались, — сказал я. — Смерть вашей матушки…

— Я ничуть не запуталась. Мамина смерть позволила четко понять, чего я хочу, а чего нет. А также уяснить, чего хотите вы.

Я потянул ее к дивану:

— Давайте присядем. Вы утомлены.

Она выдернула руку, голос ее окреп:

— Что вы заладили! Только это и слышу! Ино-

гда мне кажется… что вам нужно, чтобы я была усталой, вам это нравится.

Я ошалело вытаращился:

— Да что вы такое говорите! Я хочу, чтобы вы были здоровы! И счастливы!

— Так неужели вы не понимаете, что не будет ни того ни другого, если я за вас выйду?

Наверное, я вздрогнул. Лицо ее смягчилось.

— Извините, но это правда. К сожалению. Я не хочу вас ранить, вы мне слишком дороги. Думаю, вы предпочтете, чтобы я была с вами честной сейчас, нежели стала вашей женой, в глубине души зная, что… не люблю вас.

На последних словах голос ее осекся, но взгляд оставался твердым. Мне стало страшно. Я потянулся к ее руке:

— Каролина, прошу вас, одумайтесь!

Она сморщилась, качая головой:

— После маминых похорон только этим я и занята. Так много думала, что мысли сплелись, точно нитки. И лишь сейчас стали распутываться.

— Понимаю, я вас заторопил. Вел себя глупо. Давайте… начнем заново. Нам необязательно жить как супругам. На первых порах. Потом, когда вы будете готовы. В этом проблема?

— Да нет, совсем не в этом.

— Не будем спешить.

Каролина отняла руку:

— Я и так потеряла кучу времени. Неужели не ясно? У нас с вами все ненастоящее. После истории с Родом мне было очень плохо, а вы были так добры… Я подумала, вам тоже плохо и вы тоже хотите вырваться… Надеялась, замужество изменит мою жизнь… Но вы вовсе не собирались бежать, правда? А тогда какие перемены? Просто смена одних обязанностей на другие. Я от них устала! Не могу… не могу быть докторской женой… ничьей вообще. И самое главное, не могу здесь оставаться.

На последних словах ее передернуло от отвращения, и в ответ на мой непонимающий взгляд она сказала:

— Я уезжаю. Вот что я хотела вам сообщить. Я покидаю Хандредс-Холл.

— Это невозможно!

— Я вынуждена уехать.

— Вздор! Да куда вам ехать-то?

— Еще не решила. Сначала в Лондон. Потом, может, в Америку или Канаду.

С тем же успехом она могла сказать «на Луну». Заметив мою скептическую усмешку, Каролина

повторила:

— Я должна уехать. Как вы не понимаете! Мне надо… выбраться. Бежать как можно скорее. Для таких, как я, Англия уже не годится. Здесь я не нужна.

— Господи боже мой! Вы нужны мне! Или это не важно?

— Вот как? Может быть, вам нужен дом?

Опешив, я не нашелся что ответить, а Каролина спокойно продолжила:

— Неделю назад вы сказали, что любите меня. Положа руку на сердце, вы бы меня полюбили, если б у меня не было Хандредс-Холла? Вы возмечтали, что мы заживем как супруги. Сквайр и сквайрова жена… Но дом меня не хочет. И мне он не нужен. Я его ненавижу!

— Неправда!

— Да нет, правда! Какие чувства он может вызвать, кроме ненависти? Здесь погибла моя мать, здесь убили Плута и едва не погубили Рода. Не знаю, отчего не попытались убить меня. Наоборот, мне дают шанс убраться… Не надо так на меня смотреть! — Она выставила руку. — Я не схожу с ума, если вы об этом подумали. Хотя вы были бы только рады. Заточили бы меня в детской. Решетки на окнах уже есть.

Она казалась совсем чужой.

— Как у вас только язык повернулся! — закричал я. — После всего, что я сделал для вас и вашей семьи!

— И теперь вы ждете, что я расплачу́сь? По-вашему, замужество — своего рода плата?

— Вы знаете, что у меня и в мыслях этого не было. Господи! Я просто… Наша жизнь вместе… Хотите ее вышвырнуть?

— Простите. Я же сказала, это ненастоящее.

— Я настоящий! — Я вдруг осип. — Вы настоящая! Хандредс настоящий! Разве нет? С домом-то что будет, если вы его бросите? Он же развалится!

Каролина устало отвернулась:

— Кто-нибудь другой о нем позаботится.

— Как это?

— Разумеется, я продам имение, — хмуро ответила она. — Дом, ферму — все. Мне понадобятся деньги.

Я думал, я ее знаю; оказалось, нет.

— Вы шутите? — ужаснулся я. — Имение раздробят или бог знает что еще! Неужели вы согласитесь? Кроме того, вы не можете его продать. Оно принадлежит вашему брату.

Веки ее дрогнули.

— Я разговаривала с доктором Уорреном. А позавчера виделась с нашим адвокатом мистером Хептоном. Когда Род вернулся израненный, он выдал доверенность, чтобы мы с матерью распоряжались имением. Мистер Хептон сказал, документ в силе. Я вправе устроить торги. Я сделаю то, что сделал бы Род, если б был здоров. Думаю, он начнет поправляться, когда дома не будет. Потом он совсем выздоровеет, и я, где бы ни была, заберу его к себе.

Она говорила спокойно, разумно и абсолютно серьезно. Паника сдавила мне горло, и я вдруг зашелся сухим судорожным кашлем. Привалившись к оконной раме, я высунулся на улицу, и меня едва не вырвало на опутанные вьюнком ступени. Каролина коснулась моего локтя.

— Не трогайте меня, все нормально. — Уняв кашель, я отер губы. — Позавчера я тоже видел Хептона. Мы случайно встретились в Лемингтоне и мило поболтали.

Поняв мой намек, Каролина смутилась:

— Извините.

— Теперь вы заладили.

— Надо было сказать раньше, пока не зашло так далеко. Я хотела… удостовериться. Я понимаю, что струсила.

— А я свалял дурака, верно?

— Не надо так. Вы были невероятно добры и порядочны.

— Вот уж в Лидкоте посмеются. И поделом: не лезь из грязи в князи.

— Перестаньте.

— Разве не так люди скажут?

— Хорошие люди не скажут.

— Верно. — Я выпрямился. — Они скажут иное: бедная дурнушка Каролина Айрес! Неужто не понимает, что даже в Канаде не найдется другой мужчина, который ее захочет?

Я нарочито цедил слова, глядя ей в лицо. Затем подошел к дивану, где лежали коробки.

— Возьмите. — Скомкав, я швырнул ей платье. — Видит бог, оно кстати. И это возьмите. — Цветы спорхнули к ее ногам.

Тут я заметил шагреневый футляр, который в начале разговора машинально опустил на столик. Я метнул в Каролину тяжелое золотое кольцо. К своему стыду, признаюсь, что бросил сильно, желая попасть. Каролина увернулась, и кольцо вылетело в открытое окно. Видимо, оно задело створку, потому что в тишине дома грянул хлопок, похожий на выстрел духового ружья, и на красивом старинном стекле появилась трещина.

Это меня испугало. Я увидел, что Каролина тоже испугана.

— Ох, простите… — Я протянул к ней руки, но она отпрянула, точно ошпаренная, и меня замутило от гадливости к себе.

Я выскочил из комнаты и едва не столкнулся с Бетти, которая несла нам чай. Глаза ее возбужденно горели в предвкушении чудесного свадебного наряда мисс Каролины.

14

Вряд ли я сумею описать свое состояние в первые часы после того, что случилось. Сама дорога домой стала пыткой: словно подстегнутые ездой, мысли мои вертелись, как бешено раскрученные юлы. В довершение несчастий на въезде в Лидкот я увидел Хелен Десмонд, которая радостно замахала рукой; было нельзя не остановиться и не перебросится парой фраз. Она что-то спросила о свадьбе, а мне не хватило духу сказать о том, что сейчас произошло между мной и Каролиной, и потому я кивал и притворно улыбался, обещая непременно все обсудить с моей невестой. Бог весть что обо мне подумала Хелен. Я чувствовал свое застывшее в маску лицо и слышал свой придушенный голос. Наконец я от нее отвязался, сославшись на срочный вызов. Как назло, дома меня ждало сообщение о тяжелом случае в двух милях от поселка. Мысль о том, чтобы вновь сесть за руль, меня устрашила — я бы точно слетел с дороги. После мучительного минутного колебания я написал Дэвиду Грэму записку с просьбой подменить на вызове и, если возможно, вечернем

приеме, поскольку меня сразило жуткое желудочное расстройство. Домработнице я поведал ту же легенду и отпустил ее домой, после того как она отнесла Дэвиду записку и вернулась с сочувствующим ответом. Едва она ушла, я вывесил на дверь объявление, задвинул щеколду и задернул шторы. За окном деловито сновали тени прохожих, а я сидел в сумрачной комнате и, давясь, стакан за стаканом пил темный херес.

Ничего другого я делать не мог. Спиртное не брало; казалось, голова вот-вот лопнет. Лишиться Каролины было само по себе тяжело, но эта потеря означала еще большую утрату. Я буквально видел, как от меня уплывает все, на что я рассчитывал и надеялся! Как жаждущий, я потянулся к источнику, который оказался миражом и превратился в прах. Впереди маячила острая боль унижения. Я подумал о тех, кого придется известить о разрыве: Сили, Грэм, Десмонды, Росситеры и прочие. В воображении возникли их сочувственные, жалостливые лица, но я предполагал, что за моей спиной сочувствие и жалость превратятся в злословие и злорадство… Это было невыносимо. Я вскочил и зашагал по комнате, словно недужный, что ходьбой пытается унять боль. Херес я пил прямо из горлышка, вино текло

по подбородку. Когда бутылка опустела, я поднялся наверх и стал рыться в шкафу, ища спиртное. Нашлись фляжка бренди, пыльная бутылка тернового джина и запечатанный маленький бочонок польского спирта, который еще перед войной я выиграл в благотворительной лотерее, но так и не отважился попробовать. Смешав из них ядреное пойло, я залпом его опрокинул, задыхаясь и кашляя. Конечно, лучше бы принять успокоительное, но, видимо, я хотел оглушить себя пьянством. Помню, в рубашке я валялся на кровати и все пил и пил, пока не вырубился. Ночью меня сильно рвало. Потом я задремал, но вскоре очнулся от холода. Разбитый и снедаемый стыдом, я скорчился под одеялом, однако уже не уснул и только смотрел в сереющее окно. В голове моей струились мысли, безжалостно ясные, точно ледяная вода. *Да, ты ее потерял. Размечтался! Посмотри на себя! На кого ты похож? Ты ее не стоишь.*

Но когда я встал и через силу сварил себе кофе, инстинкт самосохранения изловчился слегка подправить мое настроение. Начинался теплый весенний денек, ничем не отличавшийся от вчерашнего, и казалось невозможным, чтобы между одним и другим рассветом все так ката-

строфически переменилось. Жалящая боль от слов и поступка Каролины утихла; мысленно проиграв вчерашнюю сцену, я подивился тому, что так серьезно все воспринял. Она изможденa, угнетена и все еще в шоке от мрачных событий, закончившихся смертью матери, говорил я себе. Уже давно она взбалмошна, ею беспрестанно овладевают странные идеи, но всякий раз тебе удавалось ее урезонить. Наверняка это был последний безумный всплеск, кульминация ее тревоги и усталости. Наверняка ты опять мог ее уговорить. Я уже в это верил. Пожалуй, она сама этого хотела. Возможно, она меня проверяла, желая получить нечто, чего пока я не сумел дать.

Эта мысль взбодрила, изгнав тяжесть похмелья. Домработница порадовалась, увидев меня в полном здравии — «а то всю ночь глаз не сомкнула от беспокойства». На утреннем приеме я был особенно внимателен к пациентам, дабы искупить свой вчерашний постыдный грех. По телефону я известил Грэма, что приступ хвори миновал. Обрадованный Дэвид продиктовал список вызовов, и до обеда я прилежно обходил больных.

Затем поехал в Хандредс-Холл. Опять воспользовавшись черным ходом, я сразу прошел в малую гостиную. Дом выглядел в точности как

накануне и предшествующие дни, что прибавило мне уверенности. За письменным столом Каролина разбирала кипу бумаг; я уже был готов к тому, что с робкой улыбкой она поднимется мне навстречу. Я протянул к ней руки, но увидел ее лицо, на котором безошибочно читалось смятение. Она завинтила колпачок ручки и медленно встала.

— Какой все это вздор, Каролина, — сказал я, уронив руки. — Всю ночь я места не находил от беспокойства за вас.

Взгляд ее выражал тревогу и сожаление.

— Вам не надо обо мне беспокоиться, — хмуро сказала она. — И приходить сюда тоже.

— Не приходить? Вы с ума сошли! Как мог я не прийти, зная, в каком вы состоянии…

— Нет никакого «состояния».

— Со смерти вашей матушки прошел всего месяц. Вы горюете, вы потрясены. Все эти ваши планы, эти решения насчет дома и Рода… вы о них пожалеете. С подобным я уже сталкивался. Дорогая моя…

— Пожалуйста, не называйте меня так.

В тоне ее слышались просьба и укор, словно я произнес бранное слово. Я подошел чуть ближе и, помолчав, заговорил по-иному, с большей про-

никновенностью:

— Знаете, я понимаю ваши сомнения. Мы с вами не ветреные юнцы. Для нас супружество — серьезный шаг. На прошлой неделе я тоже запаниковал, совсем как вы сейчас. Дэвид Грэм привел меня в чувство с помощью виски. Думаю, если б вы успокоились…

— Я уже давно не была так спокойна, — покачала головой Каролина. — С той самой секунды, как я согласилась выйти за вас, я знала, что это неправильно, и вчера впервые за все время мне стало легко. Я сожалею, что не была до конца честной с вами… и с собой…

Укора в ее тоне больше не слышалось, он был просто холоден, сдержан и отстранен. Несмотря на домашний наряд — поношенная кофта, штопаная юбка — и небрежно перехваченные черной лентой волосы, она выглядела невероятно красивой и статной, а взгляд ее выражал решимость, какой я давно в ней не видел. Вся моя утренняя ясная уверенность облетела как труха, под которой обнажились ночные страхи и униженность. Только сейчас я заметил, что гостиная слегка изменилась: наведенный порядок сделал ее какой-то безликой, в камине высилась кучка пепла от сожженных бумаг. Трещина в оконной

раме напоминала о моих вчерашних постыдных словах. На столике аккуратной пирамидой высились коробки с платьем и цветами и шагреневый футляр.

Перехватив мой взгляд, Каролина взяла коробки и тихо сказала:

— Заберите, пожалуйста.

— Что за чушь, на кой они мне?

— Вернете в магазин.

— Чтоб выглядеть полным кретином? Нет уж, оставьте себе. Все это вы наденете на нашу свадьбу.

Каролина промолчала, но поставила коробки на место, когда стало ясно, что я их не приму.

— А вот это возьмите, — твердо сказала она, протягивая футляр. — Иначе я пришлю почтой. Я нашла кольцо на террасе. Оно очень красивое. Надеюсь, придет день — и вы его кому-то наденете.

Я негодующе фыркнул:

— Его подгоняли под вашу руку. Как вы не понимаете? Никого другого не будет.

— Возьмите. Прошу вас.

Я неохотно взял футляр и, опустив его в карман, с наигранной бравадой сказал:

— Беру на временное хранение. Оно будет у меня, пока я не надену его на ваш палец. Помните

об этом.

Каролина поморщилась, но голос ее был спокоен:

— Пожалуйста, не надо. Я понимаю, это тяжело, так не усугубляйте. Я не больна, не испугана, не валяю дурака. Не считайте это дамской штучкой — устроить сцену, чтобы раззадорить кавалера… — Она скорчила рожицу. — Надеюсь, вы знаете, что до такого я не опущусь.

Я не ответил. Меня вновь охватили паника и бессильная злость оттого, что все так просто: я ее хочу и не могу получить. Нас разделял какой-то ярд, никаких иных преград, кроме чистого прохладного воздуха. Меня тянуло к ней недвусмысленно и сильно, и я не верил, что она не чувствует ответного влечения. Я к ней потянулся, но она отступила, виновато повторив:

— Пожалуйста, не надо.

Я сделал шаг, но она отпрянула, и я вспомнил, как давеча она отскочила от меня, точно ошпаренная. Но сейчас в глазах ее не было страха, и даже виноватая нотка исчезла из ее голоса; в нем появилось то, что в первые дни нашего знакомства казалось мне черствостью.

— Если я вам хоть чуть-чуть дорога, вы этого не сделаете. Я всегда о вас думала с большой

теплотой, и мне будет горько переменить свое мнение.

В Лидкот я вернулся почти в том же раздрызге, что и накануне. Разница была лишь в том, что день я кое-как продержался, и только после вечернего приема, когда впереди замаячила ночь, самообладание мне изменило. Ни работать, ни даже сидеть я не мог и вновь шагами мерил комнату; меня изводила несообразная мысль о том, что после дюжины произнесенных слов я в единый миг утратил право на Каролину, Хандредс-Холл и наше светлое будущее. Все это не укладывалось в голове. Я просто не мог этого допустить. Схватив шляпу, я прыгнул в машину и газанул в Хандредс-Холл. Мне хотелось вцепиться в Каролину и трясти ее, трясти, пока она не образумится.

Но потом меня осенила идея лучше. На перекрестке я свернул на лемингтонскую дорогу и направился к дому адвоката Гарольда Хептона.

Видимо, я потерял счет времени. Когда служанка впустила меня в дом, я услышал голоса и звяканье посуды; взглянув на часы в прихожей, стрелки которых перешагнули половину девятого, я испуганно сообразил, что в столовой семья собралась за ужином. Хептон вышел ко мне, сал-

феткой отирая подливку с губ.

— Простите, что обеспокоил, — сказал я. — Загляну в другой раз.

Адвокат добродушно отбросил салфетку:

— Пустяки. Мы почти закончили, и я буду рад небольшой паузе перед пудингом. К тому же приятно увидеть мужское лицо. Когда в доме одни женщины… Прошу вас, здесь нам будет покойно.

Он провел меня в кабинет, окна которого выходили в сад, погружавшийся в сумерки. Дом был хорош. У Хептона и его жены водились денежки, которые они сумели не растранжирить. Оба страстно любили лисью охоту, и потому стены были увешаны охотничьими фотографиями и реликвиями, хлыстами и трофеями.

Закрыв дверь, адвокат угостил меня сигаретой и присел на край стола, я же скованно устроился в кресле.

— Не буду ходить вокруг да около. Полагаю, вы знаете, зачем я здесь, — сказал я.

Прикуривая сигарету, Хептон неопределенно качнул головой.

— Это касается Хандредс-Холла и Каролины, — продолжил я.

— Надеюсь, вы понимаете, что я не вправе говорить о финансовых делах семьи.

— Вам известно, что вскоре я должен был стать членом этой семьи?

— Да, я слышал.

— Каролина разорвала помолвку.

— Сочувствую.

— Но вы и об этом знали. Причем узнали раньше меня. Думаю, вам также известны ее намерения в отношении дома и поместья. Она говорит, Родерик выдал что-то вроде доверенности, так?

Хептон покачал головой:

— Я не могу это обсуждать, Фарадей.

— Вы должны ей помешать! Родерик болен, но не настолько, чтобы у него из-под носа увели его собственность. Это аморально.

— Естественно, я не предприму никаких шагов без надлежащего медицинского заключения.

— Да что вы, ей-богу! Я его врач! И врач Каролины, если на то пошло!

— Потише, старина, ладно? — осадил меня Хептон. — Если помните, вы сами подписали бумагу о передаче Родерика в ведение доктора Уоррена. Тот считает, что бедняга не в состоянии управлять собственными делами и в ближайшее время вряд ли сможет. Я говорю лишь то, что сказал бы сам Уоррен, будь он здесь.

— Пожалуй, надо с ним поговорить.

— Непременно поговорите. Но не он дает мне указания. Я получаю их от Каролины.

Его непробиваемость меня бесила.

— Но есть же у вас собственное мнение? Нельзя не видеть полную безрассудность этого плана!

Хептон изучал кончик сигареты.

— Не уверен, что соглашусь с вами. Конечно, чрезвычайно жаль, что округа лишится еще одной старинной семьи. Но дом буквально рассыпается. Имение требует надлежащего управления. Разве Каролина с этим справится? Что у нее здесь осталось, кроме множества горестных воспоминаний? Ни родителей, ни брата, на мужа…

— *Я* должен был стать ее мужем!

— Тут мои комментарии неуместны… Извините. Не знаю, чем могу быть вам полезен.

— Вы можете все притормозить, пока она не образумится! Вы упомянули болезнь ее брата, но разве не очевидно, что Каролина сама не вполне здорова?

— Вот как? В нашу последнюю встречу она прекрасно выглядела.

— Я говорю не о физической хвори, а нервах и душевном состоянии. Подумать только, через что ей пришлось пройти… Напряжение последних месяцев сказалось на ее здравомыслии.

Хептон слегка опешил, но потом усмехнулся:

— Дорогой мой, если бы всякий раз отвергнутый парень пытался выдать свою подругу душевнобольной…

Не договорив, он развел руками. По его лицу я понял, каким дураком себя выставил, и тотчас осознал полную безнадежность своей ситуации. Меня аж скрючило от тяжести удара. Зря теряешь время, горько сказал я себе, он всегда тебя недолюбливал, ты не из их шайки. Я встал и раздавил сигарету в оловянной пепельнице со сценой лисьей охоты.

— Полагаю, семейство вас заждалось, — сказал я. — Извините, что обеспокоил.

— Пустяки. — Хептон тоже встал. — Жаль, ничем не могу вас утешить.

Теперь мы были сама любезность. В прихожей мы обменялись рукопожатием, я поблагодарил за уделенное мне время. Адвокат взглянул на светлое вечернее небо, мы перекинулись репликами о прибавляющемся дне. Из машины я посмотрел в незашторенное окно столовой: покачивая головой, Хептон садился за стол — видимо, говорил жене и дочерям о моем визите; через минуту он уже забыл обо мне и приступил к пудингу.

Я пережил еще одну скверную ночь, за которой

последовал тягостный день; неделя тянулась с удручающим скрежетом, и в конце ее я уже чувствовал, что задыхаюсь в своем несчастье. О нем я еще никому не поведал; напротив, я изображал неуемную радость, поскольку многие пациенты, прослышавшие о грядущей свадьбе, желали меня поздравить и обмусолить подробности. К субботнему вечеру силы мои иссякли. Я прибрел в счастливый домик Грэмов, где рухнул на диван и, закрыв руками лицо, исповедался.

Дэвид и Анна были весьма участливы.

— Ничего себе! Видать, Каролина рехнулась! — воскликнул Дэвид. — Это все предсвадебный мандраж, не больше. Анна вела себя точно так же. Я сбился со счета, сколько раз она возвращала обручальное кольцо. Мы прозвали его «бумеранг». Помнишь, милая?

Анна улыбалась, но выглядела озабоченной. В своем рассказе я повторил некоторые слова Каролины, и они явно впечатлили ее больше, чем Дэвида.

— Наверняка ты прав, — сказала она мужу. — Вообще-то, Каролина не похожа на истеричку, но в последнее время ей крепко досталось, а теперь еще и мать потеряла… Я корю себя, что не постаралась с ней сблизиться. Хотя казалось,

что в подругах она не нуждается. Однако стоило попытаться.

— Так и сейчас не поздно, — ответил Грэм. — Может, завтра к ней съездишь и замолвишь словечко за Фарадея?

— Хочешь? — взглянула на меня Анна.

Энтузиазма в ее голосе не слышалось, но я уже впал в отчаяние.

— Я был бы ужасно признателен. Ты это сделаешь? Иначе я свихнусь.

Анна похлопала меня по руке и сказала, что охотно поможет.

— Дело в шляпе! — обрадовался Грэм. — Моя жена умаслит даже Сталина. Все образуется, вот увидишь.

Слова его так меня утешили, что я устыдился своих терзаний и впервые за всю неделю спал спокойно. В воскресенье я проснулся уже не столь подавленным и днем отвез Анну в Хандредс-Холл. В дом я не вошел, но нервно следил из машины, как она поднялась на крыльцо и дернула звонок. Дверь открыла Бетти, которая впустила ее, не сказав ни слова; я был готов к тому, что Анна почти сразу выйдет обратно, но она пробыла в доме около двадцати минут. За это время я успел пройти все стадии беспокойства и даже проник-

нуться оптимизмом.

Но когда она появилась в сопровождении пасмурной Каролины, которая скользнула по машине равнодушным взглядом, а затем скрылась в розоватом сумраке вестибюля, сердце мое ухнуло.

Анна молча забралась на сиденье и покачала головой:

— Мне очень жаль, но, похоже, Каролина все решила. Она очень переживает, что бессовестно водила тебя за нос, но решение ее твердо.

— Точно ли? — Я смотрел на закрытую парадную дверь. — Может, ее озлобил твой приход?

— Не думаю. Она была весьма приветлива и радушна. Беспокоилась о тебе.

— Правда?

— Да. И очень обрадовалась, что ты поделился с нами.

Сказано это было словно в утешение, но мысль о том, что Каролина *рада* обнародованию вести о нашем разрыве, *рада* избавлению от тяготы самой оповещать знакомых, обварила меня страхом.

Видимо, он отразился на моем лице, потому что Анна добавила:

— Поверь, мне жаль, что так вышло. В твою

пользу я сказала все, что могла. Она так тепло о тебе отзывается, ты ей очень приятен. Но еще она говорила о том, что… ну, отсутствует в ее чувствах к тебе. В этом женщина никогда не ошибается… Что касаемо отъезда и продажи дома, все вполне серьезно. Знаешь, она уже пакует вещи.

— Что?

— Похоже, вовсю хлопочет. Уже был оценщик, прикинул стоимость мебели. Какая жалость, что уйдут эти прелестные вещи!

На секунду я замер, потом рванул дверцу.

— Это недопустимо! — просипел я, выскакивая из машины.

Кажется, Анна что-то крикнула, но я не обернулся. В бешенстве я промахнул гравийную дорожку, взлетел на крыльцо и плечом саданул дверь, чуть не сшибив Каролину и Бетти, которые в вестибюле паковали чайный сервиз. Под лестницей грудились ящики и коробки. Вестибюль казался оголенным: на стенах виднелись следы снятых украшений, столики и шкапики, развернутые под странными углами, походили на растерянных гостей неудавшейся вечеринки.

Каролина была в старых тренировочных штанах и чалме, закатанные рукава блузы открывали ее испачканные руки. Несмотря на злость, я

вновь ощутил, как все мое существо отчаянно рванулось к ней.

Однако лицо ее было холодно.

— Мне нечего вам сказать, — проговорила она. — Я все сказала Анне.

— Каролина, я не могу вас оставить.

Она раздраженно закатила глаза:

— Надо! Другого не дано.

— Прошу вас!

Каролина молчала. Рядом смущенно переминалась Бетти.

— Будь добра, оставь нас на пару минут, — попросил я.

Бетти дернулась уйти, но Каролина ее остановила:

— Нет, останься. У нас с доктором нет секретов. Закончи с этой коробкой.

Служанка растерянно потопталась и, опустив голову, отвернулась. Обескураженный, я молчал, потом наконец выдавил:

— Умоляю, одумайтесь. Не важно, если ваше чувство ко мне… недостаточно сильно. Но я знаю, что я вам не безразличен. Не притворяйтесь, будто оно не так. Тогда, на балу… и потом, на террасе…

— Я совершила ошибку, — устало выдохнула

Каролина.

— Не было никакой ошибки!

— Была. От начала до конца все было ошибкой, о которой я сожалею.

— Я не могу вас отпустить.

— Господи! Хотите, чтобы я вас возненавидела? Перестаньте приезжать сюда. Все кончено. Все!

Я опять взбеленился и схватил ее за руку:

— Что вы такое говорите! Что вы делаете! Ради бога, очнитесь! Вы уничтожаете дом! Как *можно* его бросить? Да как вы *смеете*? Помните, однажды вы сказали, что жизнь здесь — своего рода сделка? И вы должны выполнить свою часть уговора. Так-то вы ее исполняете?

Каролина выдернула руку из моей хватки:

— Эта сделка меня убивала! И вы это знали! Надо было уехать еще год назад, увезти отсюда мать и брата.

Она шагнула к коробке, собираясь продолжить работу, но я спокойно бросил ей вслед:

— Так ли?

Нахмурившись, Каролина обернулась, и меня вновь поразила уверенная решимость в ее взгляде.

— Что вы имели год назад? Дом, который, по вашим словам, вытягивал из вас жизнь, старею-

щую мать и увечного брата. Какое вам светило будущее? А теперь вы свободны, сбагрите дом — получите денежки. Да уж, ловко вы все обстряпали.

Каролина не сводила с меня взгляда, кровь бросилась ей в лицо. Я обомлел, сообразив, что́ я ляпнул.

— Простите меня.

— Пошел вон.

— Извините…

— Убирайтесь. Вон из моего дома!

В испуганном взгляде ошеломленной Бетти сквозила жалость. Спотыкаясь, я добрел до двери, слепо сошел с крыльца и поплелся к машине. Увидев мое лицо, Анна мягко сказала:

— Без толку? Сочувствую всей душой.

Назад мы ехали в молчании; я был окончательно сражен — не столько осознанием того, что потерял Каролину, сколько тем, что был шанс ее вернуть, но я его профукал. Вспоминая свои слова и скрытый в них намек, я сгорал со стыда. Но в глубине души я знал, что стыд пройдет, а страдания мои усилятся, и тогда я вновь попрусь в Хандредс-Холл и все кончится тем, я ляпну глупость еще несусветнее. Чтобы уж напрочь все разрушить, я завез Анну домой, а затем прями-

ком отправился к Десмондам, которым сообщил, что мы с Каролиной расстались и свадьба отменяется.

Я впервые произнес эти слова, и выговорить их оказалось легче, чем я ожидал. Билл и Хелен сочувственно ахнули, дали мне стакан вина и сигарету. Супруги поинтересовались, знает ли уже кто, и я сказал, что они, считай, первые, но могут сообщить новость кому угодно. Чем раньше все узнают, тем лучше.

— Совсем никакой надежды? — спросила Хелен, провожая меня к выходу.

— Боюсь, никакой, — печально улыбнулся я, пытаясь создать впечатление, что примирился с разрывом, решение о котором мы с Каролиной якобы приняли вместе.

В Лидкоте три пивные; они как раз открылись, и в каждой я выпил. В последней торговали одним джином; я взял бутылку и дома вновь засадил из горла. Тем не менее я оставался трезвым как стеклышко, и образ Каролины был удивительно четок. Казалось, безумство последних дней истощило мою способность к сильным чувствам. Покинув смотровую, я взобрался наверх; с каждой ступенькой мое жилище, еще недавно казавшееся хлипким, как декорация, обретало

прочность, унылыми красками и линиями заявляя о своей незыблемости. Но даже это почему-то не огорчало. Словно пытаясь разбередить свою боль, я поднялся в спальню и достал все вещицы, что хоть как-то связывали меня с Хандредс-Холлом: памятную медаль и коричневатый снимок, тот, что в мой первый визит подарила миссис Айрес и на котором то ли была, то ли нет моя мать. Еще костяной свисток, который в марте я оторвал с кухонной переговорной трубы — сунул в жилетный карман да так и принес домой. С тех пор вместе со всякими запонками он валялся в ящике, но теперь я его выудил и положил на тумбочку рядом с медалью и снимком. К ним я добавил ключи от парка и дома и шагреневый футляр с обручальным кольцом.

Медаль, фотография, свисток, пара ключей, ненадеванное кольцо. Странная маленькая добыча из Хандредс-Холла. Неделей раньше она бы поведала историю со мной в главной роли. Сейчас же была кучкой жалких разномастных вещиц. Я поискал в них смысл и ничего не нашел.

Ключи я вновь прицепил к своей связке, поскольку выбросить их пока было нельзя. Все остальное убрал с глаз долой, будто устыдившись. Лег я рано, а наутро стал потихоньку впрягаться

в повседневную безрадостную лямку, которую тянул до того, как меня засосало в жизнь Хандредс-Холла. Днем я узнал, что особняк и угодья выставлены на торги. Молочнику Макинсу был предоставлен выбор: уйти или выкупить ферму; он предпочел первое, ибо не имел денег на собственное дело, но шибко сетовал на скоропалительность торгов, поставивших его в трудное положение. За неделю просочились и другие слухи: к имению и обратно курсируют фургоны, дом медленно пустеет. Естественно, многие полагали это нашей совместной затеей, то и дело приходилось пускаться в раздражающие объяснения, что свадьба отменена и Каролина уезжает одна. Видимо, новость разошлась, потому что вопросы вдруг прекратились, но возникала неловкость, переносить которую было немыслимо тяжело. Я с головой ушел в больничные дела, коих к тому времени накопилось предостаточно. Больше в Хандредс-Холл я не ездил и перестал срезать путь через парк. Каролину я не видел, но думал о ней, и она часто тревожила меня в снах. От Хелен Десмонд я узнал, что без всякой шумихи она покинет графство в последний день мая.

Теперь в душе моей жило одно желание: чтобы остаток месяца прошел как можно скорее и

безболезненнее. На стене моего кабинета висел календарь; когда определился день свадьбы, двадцать седьмое число я украсил веселенькими чернильными завитками. Сейчас гордость или упрямство не позволяли убрать календарь. Я хотел видеть дату, после которой пройдет четыре дня и Каролина окончательно исчезнет из моей жизни; я суеверно загадал: если благополучно переверну страницу на июнь, стану другим человеком. За приближением дня в разрисованном квадратике я наблюдал с неприятной смесью нетерпения и страха. В последнюю майскую неделю я стал невообразимо рассеян, не мог сосредоточиться на работе и опять плохо спал.

В результате этот день прошел довольно уныло. В час — время нашей регистрации — я сидел у постели больного старика и думал только о нем. Когда я от него вышел, пробило половину второго, и я равнодушно подумал о паре, занявшей вакансию в графике загса. Вот и все. Потом я навестил других пациентов, провел спокойный вечерний прием и остаток дня сидел дома. К половине одиннадцатого я подустал и подумывал отправиться на боковую; вообще-то, я уже скинул туфли и в домашних тапочках поднимался в спальню, но тут в дверь амбулатории бешено застучали.

Парень лет семнадцати так запыхался, что не мог говорить, — он пробежал пять с половиной миль, чтобы позвать меня к зятю, которого скрутила жуткая боль в животе. Я собрался, и мы поехали к его жилищу, оказавшемуся невообразимой развалюхой, — заброшенная лачуга без воды и света, но с дырявой крышей и разбитыми окнами. Семья оксфордцев, приехавшая в поисках работы, заняла ее самовольно. Хозяина уже несколько дней прихватывало, что сопровождалось рвотой, жаром и желудочными болями; родные пользовали его касторкой, но в последние часы ему так поплохело, что они перепугались. Не имея своего врача, оксфордцы не знали, к кому обратиться, и в конце концов послали за мной, потому что встречали мое имя в местной газете.

В комнате горела свеча; укрытый старой армейской шинелью, бедолага в одежде лежал на неком подобии раскладушки. Он весь горел, живот раздулся; видимо, болело сильно: когда я стал его ощупывать, пациент вскрикнул и, выругавшись, слабо попытался меня лягнуть. Острый аппендицит не вызывал ни малейших сомнений; мужика надо было срочно доставить в больницу, иначе отросток лопнет. Родственники пришли в ужас, представив расходы на операцию.

— Может, как-нибудь здесь? — канючила жена, дергая меня за рукав.

Они с мамашей приводили в пример знакомую девицу, которая заглотнула пузырек таблеток, но ей только промыли желудок. Нельзя ли и сейчас этим обойтись? Сам больной решительно поддерживал эту идею: «пущай из него вытравят заразу» и он станет как новенький. Ничего другого он не желает. И вообще, он меня не звал, это все бабы, а он несогласный, чтобы всякие долбаные лекаря туда-сюда его тягали и вспарывали.

Тут его охватил приступ жуткой рвоты, и он заткнулся. Родичи насмерть перепугались. Я сумел-таки им втолковать, насколько серьезна ситуация, и тогда главным стало, как без промедления доставить его в больницу. Идеально было бы вызвать неотложку. Но халупа стояла на отшибе, до ближайшего телефона на почте было две мили. Я не видел иного выхода, как самому отвезти страдальца; вдвоем с шурином мы вынесли его на раскладушке и осторожно переложили на заднее сиденье моей машины. Жена втиснулась рядом с ним, брат ее сел впереди, а двоих детишек оставили на попечение бабки. Семь-восемь миль по проселкам стали настоящим кошмаром: мужик стонал и вскрикивал на каждом ухабе,

бестолковая жена его ревмя ревела, парнишка ополоумел от страха. Единственным плюсом была полная луна, светившая, точно яркая лампа. Выбравшись на лемингтонскую дорогу, я наддал; в половине первого мы подъехали к больнице, и минут через двадцать мужика отвезли на стол. Выглядел он так скверно, что я всерьез опасался за исход операции и решил не оставлять его жену и шурина, пока не узнаю, чем оно все обернулось. Наконец хирург Эндрюс сообщил нам, что все прошло благополучно. Он успел прихватить аппендикс до прободения, опасности перитонита нет; больной слаб, но ему значительно лучше.

Эндрюс изъяснялся в ужасной манере выпускника частной школы, и ошалевшая от переживаний женщина его почти не понимала. Когда я объяснил, что мужа ее спасли, от облегчения она едва не грохнулась в обморок. Бедняга рвалась к мужу, но ее, конечно, не пустили и даже не позволили на ночь остаться в приемной. Я предложил отвезти ее и парнишку домой, но они не захотели отдаляться от больницы — вероятно, подумали о предстоящих автобусных тратах. На окраине Лемингтона живут их приятели, сказали они, которые одолжат им пони с тележкой; парнишка сгоняет домой и уведомит бабку, что все хорошо,

а женщина проведет ночь в городе, чтобы с утра проведать мужа. На пони с тележкой оба зациклились не меньше, чем прежде на промывании желудка, и я заподозрил, что рассвета они намерены дождаться в придорожной канаве. Я вновь предложил их подвезти, и на сей раз они согласились; жильем приятелей оказалась такая же переселенческая хибара, во дворе которой стояли привязанные лошади и бесновалась пара собак. Завидев нас, псы обезумели от лая, и на пороге халупы возник человек с дробовиком в руках. Разглядев гостей, он опустил ружье и позвал их в дом. Меня тоже радушно пригласили — «чаю и сидра хоть залейся», — и я едва не соблазнился, но все же с благодарностью отклонил предложение и пожелал всем спокойной ночи. В дверной щели мелькнула комната, где на полу вповалку спали взрослые, дети, младенцы и собаки, подле которых елозили слепые щенки.

Все происшествие с гонкой по бездорожью, тревожным ожиданием и ознобом облегчения уже выглядело нереальным, а в машине стало как-то тихо и пусто. Ночью особенно странно погрузиться в драму чужого человека; потом, когда из нее вынырнешь, чувствуешь себя опустошенным и разбитым, сна ни в одном глазу. Я

все не мог отвлечься от событий последних часов, картинки крутились в голове, точно закольцованный фильм. Запыхавшийся парень беззвучно разевает рот… мужик сгибает колени, пытаясь меня лягнуть… рыдает женщина… вопли… рвота… Эндрюс, весь из себя хирург… немыслимая развалюха… спящие люди и щенки… Дабы избавиться от этого нескончаемого изводящего кино, я опустил стекло и закурил. Огонек зажигалки, вспыхнувший в темноте машины, мягкий белый свет луны, отсвет спидометра на моих руках вдруг что-то напомнили, и я сообразил, что еду по той же дороге, по которой в январе возвращался с больничного бала. Я взглянул на часы — два ночи. Моей предполагаемой брачной ночи. Сейчас я должен бы лежать на вагонной полке, обнимая Каролину.

С прежней силой всколыхнулось ощущение утраты, меня вновь засосало в трясину горя. Мне претила пустая спальня моего тесного унылого дома. Я знал одно: я хочу Каролину; хочу, но ее у меня нет. Я выехал на дорогу к Хандредс-Холлу, и меня затрясло от сознания, что Каролина так близко и вместе с тем недосягаема. Накатило так, что пришлось остановиться, выбросить сигарету и переждать, чтоб маленько отпустило. Но все

равно вернуться домой было невыносимо. Я потихоньку тронулся вперед и вскоре увидел съезд к темному заросшему пруду. Проехав по ухабистой дорожке, я выключил мотор там, где зимой хотел поцеловать Каролину, но она меня оттолкнула…

Яркая луна, тени деревьев, вода, белая, как молоко. Пейзаж выглядел слегка нереальным и больше походил на собственную фотографию, сделанную в необычном режиме. Он будто затягивал в себя, и я казался себе пришельцем вне времени и пространства. Помнится, я опять закурил. Потом я озяб и закутался в старый красный плед, лежавший на заднем сиденье, тот самый, которым некогда утеплял Каролину. Я вовсе не чувствовал усталости и собрался так просидеть всю ночь. Но как-то вышло, что я поджал ноги, опустил голову на спинку сиденья и почти сразу нырнул в тревожное забытье. Мнилось, будто я вылез из машины и зашагал к Хандредс-Холлу, — видение было ярким и четким, как недавние картинки о суете с больным мужиком. Вот я пересек серебрившийся луг, дымком проник сквозь ворота имения и по аллее пустился к дому.

Но тут меня обуяли паника и смятение, ибо аллея странно изменилась: неимоверно длинная и петлистая, она уходила во мрак.

Будто заржавевший, я очнулся в начале седьмого, когда сквозь заплаканные окна машины пробивался рассвет. Голове было зябко: шляпа, придавленная моим плечом, напоминала лепешку; сбившийся плед обмотался вокруг моих чресл, словно всю ночь мы с ним боролись. Я открыл дверцу и неуклюже выбрался на воздух. Подле колеса что-то зашебаршило; крысы, подумал я, но нет — пара ежиков фыркнули и скрылись, оставив темный след в высокой, белесой от росы траве. Над серой водой пруда зависла туманная дымка, все вокруг утратило ночную нереальность. Я чувствовал себя как после сильной бомбежки, когда выходишь из убежища и щуришься на посеченные осколками, но целые дома, хотя в разгар налета казалось, что весь мир разнесет на куски.

Я был словно выжат, пыл мой иссяк. Хотелось кофе, побриться да еще срочно требовалось отлить. В сторонке я облегчился, потом кое-как расчесал волосы и привел в порядок измятую одежду. Холодная отсыревшая машина не желала заводиться. Я открыл капот и протер свечи; громкий стук мотора, нарушивший лесную тишину, вспугнул птиц с деревьев. По тропе я выехал на дорогу и свернул на Лидкот. Встречных машин

не было, но поселок уже понемногу оживал: зашевелился рабочий люд, из трубы пекарни вился дымок; низкое солнце, длинные тени, детали каменной церкви, краснокирпичных домов и лавок, безлюдные тротуары и пустые дороги — все выглядело свежим, чистым и красивым.

Возле дверей моего дома, усевшегося в верхнем конце Хай-стрит, я увидел человека, который дергал звонок и, сложив ковшиком руки, заглядывал в «изморозное» окошко. Из-за шляпы и поднятого воротника я не видел его лица, но заподозрил в нем пациента, и сердце мое екнуло. Услышав мою машину, человек обернулся — я узнал Дэвида Грэма. Вид его говорил о том, что пришел он с дурной вестью. Разглядев его лицо, я понял, что новость ужасная. Волоча ноги, Дэвид подошел к машине:

— Я пытался тебя разыскать. Ох, Фарадей… — Он провел рукой по лицу; было так тихо, что я слышал шорох щетины под его ладонью.

— Что-то с Анной? — спросил я — ничего другого в голову не пришло.

— Что? — Воспаленные глаза его моргнули. — Нет… С Каролиной. В Хандредсе несчастье. Сочувствую тебе.

Бетти, в жутком состоянии, позвонила около

трех ночи. Она хотела поговорить со мной, но меня, разумеется, не было, и телефонистка перезвонила Грэму. Никаких деталей не сообщалось, только просьба как можно скорее приехать в Хандредс-Холл. Грэм спешно оделся и погнал в имение, но уткнулся в запертые ворота — Бетти забыла про замок. Другие ворота тоже были накрепко заперты и слишком высоки, чтобы через них перелезть. Дэвид уже хотел вернуться домой и позвонить Бетти, но тут вспомнил о проломе в парковой ограде. На задах выстроенных домов уже обозначились садики, обнесенные сетчатой изгородью, которую Грэм одолел и пешком добрался к особняку.

Дверь открыла Бетти, керосиновая лампа в ее руках ходила ходуном. От страха она пребывала «за гранью истерики» и не могла вымолвить ни слова. Грэм тотчас увидел причину ее состояния: в пятне лунного света на розово-красном мраморном полу лежала Каролина. Подол ее ночной сорочки задрался, обнажив ноги, волосы венчиком рассыпались вокруг головы. Из-за потемок в первую секунду Грэм решил, что с ней припадок или обморок. Он взял у Бетти лампу и тогда с ужасом увидел, что голову Каролины обрамляют не волосы, но темная лужа крови.

Видимо, девушка упала с верхней площадки. Дэвид машинально взглянул вверх, ища брешь в балюстраде, но все балясины были целы. Он зажег еще лампы и осмотрел тело, хотя и без того было ясно, что помощь уже не нужна. Каролина умерла мгновенно. Грэм прикрыл одеялом труп и увел Бетти в кухню, где согрел чаю.

Он рассчитывал узнать, что произошло, но служанка мало что могла рассказать. Посреди ночи она услышала на площадке шаги и вышла справиться, в чем дело, но увидела летящее вниз тело, а затем услышала страшный хрусткий удар о мраморный пол. Больше она ничего не знала, и вспоминать о том «было невмочь». В жизни ничего страшнее не видала. Закроет глаза и видит Каролину, падающую в лунном свете. Наверное, от видения «уже не избавиться».

Грэм дал ей успокоительное, а затем, как некогда я, по старинному телефону вызвал полицию и перевозку. Он позвонил и мне, чтобы сообщить о несчастье, но, естественно, мой номер не отвечал. Вспомнив о замках, он взял у Бетти ключи и через залитый луной парк пошел отпирать ворота. Я с радостью покинул дом, рассказывал Грэм, и совсем не хотел в него возвращаться. Знаешь, возникло необъяснимое чувство, будто

в нем обитает некая хворь, будто он насквозь пропитан заразой. Однако Дэвид вытерпел всю процедуру: расспросы сержанта, погрузку тела в фургон. Все закончилось к пяти утра, теперь надо было что-то делать с жалкой, испуганной Бетти. Грэм решил сам отвезти ее домой, хотя вновь возникло странное чувство, что в доме лучше не задерживаться. И речи не было о том, чтобы оставить ее одну в этом зловещем месте, а потому он дождался, пока она соберется, а затем отмахал девять с половиной миль до ее отчего дома. Всю дорогу бедняжку трясло. Потом он вернулся в Лидкот, рассказал Анне о том, что случилось, и пошел разыскивать меня.

— Ты бы ничего не сделал, — вздохнул Грэм. — Слава богу, что вызов передали мне. Поверь, она не мучилась. Ударилась головой… Хорошо, что ты этого не видел. Я думал, будет лучше, если ты узнаешь от меня. Тебя вызвали к пациенту?

Мы уже сидели в моей гостиной — Грэм отвел меня наверх и дал сигарету, но она дымилась в пепельнице, а я согнулся в кресле, спрятав лицо в ладони.

— Да, острый аппендицит, — не отнимая рук от лица, невнятно ответил я. — Мужик чуть не загнулся. Я сам повез его в Лемингтон. Эндрюс с

ним управился.

— Ты бы ничего не сделал, — повторил Грэм. — Жаль, не знал, что ты в больнице, раньше бы тебя разыскал.

Я плохо соображал, и до меня не сразу дошло: Дэвид полагал, что всю ночь я был в Лемингтоне. Я уже хотел сказать, что по злосчастному совпадению был в паре миль от Хандредса и спал в машине, когда все случилось. Но вспомнил свое ночное состояние и почему-то его устыдился. Я промешкал, а потом уж было как-то ни к чему об этом говорить. Грэм заметил мою растерянность, но приписал ее шоку от известия. Ужасное горе, опять сказал он. Потом предложил сделать чай и завтрак. Тебе нельзя быть одному, повторял он, поехали к нам, мы с Анной за тобой присмотрим. Я только качал головой.

Поняв, что меня не уговорить, он неохотно встал, и я проводил его к дверям.

— Вид у тебя паршивый, — вздохнул Грэм. — Ну поехали к нам, а? Анна мне не простит, что я тебя бросил. Как ты, справишься?

— Да, все будет нормально.

— Только не изводи себя, ладно? Я понимаю, от мыслей никуда не деться. Но не стоит… — он замялся, — терзаться бесплодными размышле-

ниями.

— Бесплодными? — уставился я.

— В смысле, о том, как именно это случилось. Возможно, вскрытие что-то прояснит. Может, был какой-то припадок, кто знает? Болтать станут всякое, но, скорее всего, произошел несчастный случай. Всей правды мы никогда не узнаем… Бедная Каролина… столько всего пережила… это несправедливо.

Только сейчас я понял, что даже не задумался над тем, почему она упала, словно гибель ее была неподвластной логике неизбежностью. До меня медленно доходил смысл того, что сказал Грэм.

— Но ты же не думаешь, что это было намеренно? — спросил я. — Ведь это не… самоубийство?

— Ничего такого я не думаю, — поспешно ответил Дэвид. — Я только хочу сказать, что после случая с ее матерью непременно появятся всякие домыслы. Да черт-то с ними! Не бери в голову, ладно?

— Она не могла сама… Наверное, оскользнулась, потеряла равновесие… В доме темень, генератор выключен…

Но тут я представил лунный свет, льющийся сквозь стеклянный купол крыши, крепкие перила и уверенный шаг Каролины по хорошо

знакомой лестнице.

Видимо, Грэм разглядел мое смятение, потому что взял меня за плечо и твердо сказал:

— Не думай об этом. Сейчас не надо. История скверная, но она закончилась. Твоей вины нет. Никто бы ничего не сделал, слышишь?

Видимо, есть предел горя, которое может вместить человеческая душа. Это как с соляным раствором: наступает момент, когда он уже не поглощает соль. Мысли мои гоняли по кругу, а затем истощились. В последующие дни я был почти спокоен, будто ничего не изменилось; в каком-то смысле для меня и впрямь ничего не изменилось. Соседи и пациенты были весьма сочувственны, но явно тужились, чтобы надлежаще откликнуться на смерть Каролины, которая произошла слишком скоро после смерти ее матери и была слишком однотипна с другими загадочными трагедиями Хандредс-Холла. Конечно, происшествие втихомолку обсуждали; как и предсказывал Грэм, большинство склонялось к версии самоубийства, многие (видимо, вспомнив Родерика) говорили о сумасшествии. Оставалась надежда на вскрытие, но его результаты ничего не прояснили. Каролина была абсолютно здорова. Никаких признаков удара, припадка, сердечного

приступа или насилия.

Пусть бы на этом все и закончилось. Никакими обсуждениями и домыслами Каролину не оживить, ничто ее мне не вернет. Но требовалось официально установить причину смерти. Окружной следователь назначил дознание, как было шесть недель назад после самоубийства миссис Айрес. Поскольку я считался семейным врачом Айресов, меня тоже вызвали, что сильно добавило переживаний.

Мы с Грэмом сидели рядом. Был понедельник, четырнадцатое июня. День выдался погожим, но все оделись как на похороны — в мрачные черные и серые тона. Народу было не так чтобы много, однако в зале скоро стало душно. Оглядевшись, среди публики я увидел газетчиков и друзей семьи — Билла Десмонда и обоих Росситеров. Даже Сили пришел; встретившись со мной взглядом, он поклонился. Еще я углядел суссекских родственников, которые сидели рядом с Гарольдом Хептоном. До меня дошел слух, что они ездили к Родерику и были потрясены его состоянием. Мол, от известия о смерти сестры он окончательно свихнулся. Родичи проживали в Хандредс-Холле и пытались разобраться в запутанных финансах имения.

Тетка выглядела неважно. Казалось, она избегает моего взгляда. Наверное, Хептон рассказал, что вышло со свадьбой.

Началось слушание. Присяжных привели к присяге, коронер Седрик Ридделл обрисовал суть дела, стали вызывать свидетелей. Нас было не много. Первым выступил Грэм: он представил отчет о своем посещении Хандредс-Холла в ту роковую ночь и собственные выводы по обстоятельствам смерти Каролины. Потом зачитал результаты вскрытия, которые, на его взгляд, исключали вероятность внезапного физического недомогания. Скорее всего, Каролина упала, как он выразился, «по неосторожности или умыслу».

Следующим вызвали полицейского сержанта. Подтвердив, что в доме все окна и двери были заперты, а следы взлома отсутствовали, он предъявил фотографии тела, которые передали присяжным и судейским. Слава богу, мне не пришлось их смотреть — судя по лицам присяжных, зрелище ужасало. Затем сержант показал фотографии площадки третьего этажа и неповрежденной балюстрады; Ридделл внимательно их рассмотрел, дотошно справившись о ширине и высоте перил. Затем он спросил Грэма о росте и весе Каролины, и тот, поспешно сверившись с

записями, их сообщил. По просьбе коронера, его помощник соорудил импровизированные перила, возле которых встала секретарша — женщина примерно роста Каролины. Рейка оказалась на уровне ее талии. Легко ли опрокинуться через такие перила, если, скажем, споткнешься? — спросил Ридделл. Отнюдь, сказала секретарша.

Затем сержанта отпустили и вызвали Бетти; разумеется, она была главным свидетелем.

Я не видел ее со своего последнего катастрофического визита в Хандредс-Холл за две недели до смерти Каролины. На дознание Бетти приехала вместе с отцом, они сидели рядышком в конце зала. Маленькая, тщедушная и бледная, на фоне темных одеяний публики она выглядела совсем девчонкой. Блеклая челка была пришпилена у виска заколкой — как при нашей первой встрече почти год назад. Вот только наряд ее был неожидан: вместо привычной униформы горничной ладная юбка, жакет, из-под которого выглядывала белая блузка, туфли на подбитом каблучке и черные чулки со стрелкой.

Бетти нервно клюнула Евангелие, но слова присяги повторила четко, на предварительные вопросы ответила ясно и звонко. Я знал, что сейчас последует пересказ того, что я уже слышал

от Грэма, и, готовясь к жутким подробностям, оперся локтями о стол и прикрыл рукой глаза.

Вечером двадцать седьмого мая, рассказывала Бетти, легли рано. Без ковров, штор и мебели дом выглядел «чудно́». Тридцать первого числа мисс Айрес покидала графство, а Бетти возвращалась домой. Последние дни они «доводили все до ума», чтобы передать дом агентам. В тот день с утра мели пустые комнаты и очень устали. Мисс Айрес не выглядела грустной или подавленной, работала наравне, а то и усерднее. Казалось, ей не терпится уехать, хотя о своих планах она особо не распространялась. Говорила только, что «хочет оставить дом в порядке, кто бы в нем ни поселился».

В десять часов Бетти улеглась в постель; она слышала, как полчаса спустя мисс Айрес прошла в свою спальню. Слышала четко — комната хозяйки прямо напротив. Да, на площадке второго этажа. Дальше лестница ведет на третий этаж, а выше только стеклянный купол, сквозь который светила луна.

Примерно в половине третьего ее разбудил скрип ступенек. Сперва она испугалась.

Почему? — спросил Ридделл.

Она и сама толком не знает.

Может, просто потому, что ночью в большом пустом доме страшно?

Да, наверное. Однако страх быстро прошел — она сообразила, что это мисс Айрес. Видать, пошла в уборную или кухню, попить. Ступеньки опять заскрипели, и тут она удивилась — шаги направлялись вверх, на третий этаж.

Зачем мисс Айрес туда пошла?

Бог ее знает.

Ведь наверху только пустые комнаты?

Да, больше ничего. Мисс Айрес поднималась очень медленно, будто ощупью. Потом остановилась, и раздался…

Что? Какой-то звук?

Она вскрикнула.

Вот как? И что она крикнула?

Ты!

Я отнял руку от лица. Ридделл задумался. Сквозь очки пристально глядя на Бетти, он спросил:

— Мисс Айрес выкрикнула только одно слово? «Ты»?

— Да, сэр, — печально кивнула Бетти.

— Вы абсолютно уверены? Может, она ахнула или простонала?

— Нет, сэр. Я четко слышала.

— Да? Как именно она это выкрикнула?

— Будто увидала знакомого, сэр, которого шибко боится. И тогда она побежала, бросилась назад к лестнице. Я выскочила из постели, распахнула дверь и увидела, что она летит вниз.

— Вы это ясно видели?

— Да, сэр, луна была яркая.

— Скажите, мисс Айрес падала молча? Я понимаю, вам тяжело вспоминать. Не пыталась ли она за что-нибудь ухватиться? Или руки ее были прижаты к бокам?

— Мисс Айрес хрипло дышала и дрыгала руками-ногами. Точно кошка лапами, когда возьмешь ее на руки, но она требует, чтоб отпустили.

На последних словах голос Бетти задрожал и осекся. Ридделл велел помощнику дать ей стакан воды и похвалил ее за то, что она так хорошо держится. Все это я только слышал, потому что опять закрыл рукой глаза, ибо вспоминать о той ночи было тяжело не только Бетти, но и мне самому. На мое плечо легла рука Грэма.

— С тобой все в порядке?

Я кивнул.

— Точно? Выглядишь кошмарно.

Я выпрямился:

— Ничего, все нормально.

Грэм нехотя убрал руку.

Бетти тоже пришла в себя. Ридделл уже почти закончил допрос. Не хочу вас больше задерживать, сказал он, однако нужно уточнить одну неясность. По вашим словам, мисс Айрес испуганно вскрикнула, будто увидев кого-то знакомого, и бросилась бежать. А вы не слышали других шагов, голоса или каких-либо звуков до и после ее падения?

— Нет, сэр, — ответила Бетти.

— Вы твердо уверены, что в доме никого не было, кроме вас и мисс Айрес?

— Никого, сэр, — помотала головой Бетти. — То есть…

Она замялась, и Ридделл еще внимательнее посмотрел на нее. Я уже говорил о его дотошности. Он был готов отпустить Бетти, но теперь спросил:

— В чем дело? У вас есть что добавить?

— Не знаю, сэр… не хочу говорить…

— Не хотите? Как вас понимать? Не робейте и ничего не опасайтесь. Мы устанавливаем факты. Вы должны говорить все, что считаете правдой. Итак?

— Никого живого в доме не было, сэр. — Бетти покусывала щеку. — Там было что-то иное. Оно не хотело отпускать мисс Каролину.

— Что-то иное? — недоуменно переспросил Ридделл.

— Да, сэр. Привидение.

Бетти говорила чуть слышно, но в притихшем зале слова ее прозвучали отчетливо, ошеломив публику. По рядам пробежал шепоток, кто-то засмеялся. Ридделл ожег взглядом зал и спросил Бетти, что она имеет в виду. Вот тогда-то она, к моему ужасу, все и выложила.

Дом «пошаливал», сказала она. «В нем жил призрак», который подучил Плута укусить Джиллиан Бейкер-Хайд. Он же устроил пожар и тем самым свел с ума мистера Родерика. Потом призрак «наговорил ужастей миссис Айрес и довел ее до самоубийства». Он же убил Каролину: заманил на третий этаж, а потом столкнул вниз либо напугал так, что она свалилась. Призрак «не желал ее в доме, но и не хотел отпускать». Он «злобный и хотел один владеть домом».

Видимо, Бетти простодушно решила отыграться за прежнее отсутствие слушателей. В публике зашептались, но она возвысила голос, заговорив напористей. Кое-кто откровенно посмеивался, однако большинство ошеломленных зрителей внимали ей, будто завороженные. Суссекские тетка и дядя возмущенно пыхтели. Разумеется,

газетчики деловито строчили в блокнотах.

— Ты знал об этом? — нахмурившись, шепнул Грэм.

Я не ответил. Нелепая байка подошла к концу, Ридделл призвал публику к порядку.

— Да уж, вы поведали совершенно невероятную историю, — сказал он, когда зал стих. — Я не вправе ее комментировать, поскольку не сведущ в призраках и прочей нечисти.

— Это правда, сэр, — вспыхнула Бетти. — Я не вру!

— Хорошо-хорошо. Скажите, а сама мисс Айрес верила в призрака? Считала ли она его виновным в несчастьях, о которых вы рассказали?

— О да, сэр. Она верила в него, как никто другой.

Ридделл помрачнел:

— Благодарю вас. Мы вам чрезвычайно признательны. Полагаю, вы пролили свет на душевное состояние мисс Айрес.

Взмахом руки он отпустил Бетти, но та замешкалась, сбитая с толку его словами и жестом. Тогда коронер попросту велел ей сесть, и она отошла к отцу.

Затем наступил мой черед. Ридделл вызвал меня к свидетельскому месту, и я вдруг почув-

ствовал какой-то страх, словно был обвиняемым в уголовном суде. Во время присяги запершило в горле, я сбился и начал снова, затем попросил воды; коронер терпеливо ждал, пока я напьюсь.

Он продолжил дознание, суммировав полученные свидетельства.

Наша задача, сказал Ридделл, выяснить обстоятельства рокового падения мисс Айрес, которое сейчас имеет несколько версий. Видимо, убийство можно исключить, поскольку ничто на него не указывает. Согласно отчету доктора Грэма, внезапный приступ болезни маловероятен, но вполне возможно, что мисс Айрес вдруг *сочла* себя больной, отчего так напугалась или ослабла, что не удержалась на ногах. Памятуя показание горничной о вскрике, можно сделать вывод, что причиной ее испуга и падения стало нечто другое — то, что она увидела или подумала, будто видит. Но высота и крепость перил говорят о несостоятельности подобных выводов.

Однако остаются еще две версии, которые предполагают самоубийство. Либо мисс Айрес решила свести счеты с жизнью и преднамеренно бросилась с площадки, что было ею запланировано в

полном сознании — иными словами, *felo de se*[25], либо прыгнула обдуманно, но под влиянием секундного помрачения.

Глянув в свои записи, коронер обратился ко мне: известно, что я был семейным врачом Айресов. Не хотелось бы поднимать данную тему, однако нельзя не упомянуть, что до недавнего времени мы с мисс Айрес были помолвлены. В своих вопросах он будет предельно деликатен, но чрезвычайно важно уяснить душевное состояние мисс Айрес в ночь ее смерти, и в этом он рассчитывает на мою помощь.

Откашлявшись, я обещал посильное содействие.

Ридделл спросил, когда в последний раз я видел Каролину. В полдень шестнадцатого мая, ответил я, когда мы с миссис Грэм, женой моего коллеги, приехали в Хандредс-Холл.

Каково было душевное состояние Каролины? Ведь мы только что разорвали нашу помолвку, не так ли?

— Да.

Решение о разрыве было обоюдным?

Видимо, я скривился, потому что Ридделл до-

---

[25] Примечания: 25
Самоубийство *(лат.)*.

бавил:

— Прошу извинить мой вопрос, но я хочу выяснить, не была ли мисс Айрес чрезмерно угнетена вашим разрывом.

Я глянул на присяжных и подумал о том, как мерзко было бы Каролине от всего, что здесь происходит. Она бы возненавидела всех нас, кто, напялив черные одежды, копается в последних днях ее жизни, точно вороны на пашне.

— Не думаю, что она была чрезмерно угнетена, — спокойно ответил я. — Просто… передумала.

— Понятно, передумала… Видимо, результатом этого стало то, что она решила продать фамильный дом и покинуть графство. Как вы восприняли ее решение?

— Оно меня поразило, я счел его оголтелым.

— Простите?

— Нереалистичным. Каролина говорила об эмиграции в Америку или Канаду. Мол, потом заберет к себе брата.

— В настоящее время ее брат, мистер Родерик Айрес, — пациент частной клиники для душевнобольных.

— Да.

— Насколько мне известно, состояние его весь-

ма тяжелое. Мисс Айрес была огорчена болезнью брата?

— Естественно.

— Чрезмерно огорчена?

Я задумался:

— Нет, я бы не сказал.

— Она показывала вам билеты, квитанции и что-нибудь вообще, связанное с отъездом в Америку или Канаду?

— Нет.

— Вы полагаете, она всерьез намеревалась уехать?

— Насколько я знаю, да. Она считала… — я замялся, — что в Англии не нужна. Мол, здесь ей уже нет места.

Кое-кто из аристократической публики угрюмо покивал. Ридделл задумчиво что-то черкнул в своих бумагах и обратился к присяжным:

— Меня весьма интересуют эти планы мисс Айрес. Однако насколько серьезно следует их воспринимать? С одной стороны, она чрезвычайно взбудоражена тем, что собирается начать новую жизнь. С другой — ее планы поражают своей нереальностью — именно такое впечатление они произвели на доктора Фарадея и, признаюсь, на меня. Нет никаких свидетельств в их поддерж-

ку, — напротив, все указывает на то, что мисс Айрес больше думала об *окончании*, нежели о начале жизни. Она разорвала помолвку, избавилась от массы фамильных вещей и очень хотела оставить дом в полном порядке. Возможно, все это говорит о тщательно подготовленном и обдуманном самоубийстве. — Он повернулся ко мне. — Скажите, мисс Айрес производила впечатление человека, способного покончить с собой?

Помолчав, я ответил, что в определенных обстоятельствах на это способен любой человек.

— Когда-нибудь она заговаривала о самоубийстве?

— Никогда.

— Не так давно ее мать лишила себя жизни. Вероятно, это трагическое событие на нее повлияло?

— Повлияло, но вполне ожидаемо. Каролина была подавлена.

— Можно сказать, что жизнь казалась ей безнадежной?

— Нет… Я бы так не сказал.

Ридделл наклонил голову:

— Можно ли сказать, что это событие нарушило ее душевное равновесие?

Я замялся и наконец выговорил:

— Порой весьма трудно определить степень душевного равновесия.

— Безусловно. Вот почему так усердно я пытаюсь найти эту степень в состоянии мисс Айрес. У вас не возникало сомнений? Никаких? Скажем, когда она «передумала» насчет свадьбы. Ей были свойственны столь резкие перемены?

Помешкав, я согласился, что в последние недели жизни Каролина была дерганой.

— Что вы подразумеваете под «дерганой»?

— Необычную замкнутость… странные мысли.

— Какие именно?

— О семье, о доме.

На последних словах я осип. Ридделл сверлил меня взглядом, каким давеча сверлил Бетти.

— Мисс Айрес когда-нибудь говорила с вами о призраках, фантомах и прочем?

Я не ответил.

— Мой вопрос продиктован невероятным рассказом о жизни в Хандредс-Холле, который только что мы услышали от горничной. Думаю, вы согласитесь, это важный пункт. Мисс Айрес когда-нибудь говорила с вами о призраках и фантомах?

В зале возник шепот, который Ридделл оставил без внимания. Не сводя с меня взгляда, он

спросил:

— Она всерьез верила, что в доме обитают привидения?

Я неохотно ответил, что Каролина считала, будто на дом влияет некая сила. Нечто сверхъестественное.

— Не думаю, что она верила в настоящее привидение.

— Но верила, что имеются доказательства этой… сверхъестественной силы?

— Да.

— Какого рода?

Я вздохнул:

— Каролина считала, что под влиянием этой силы ее брат сошел с ума, что эта же сила воздействовала на ее мать.

— Значит, подобно горничной, она считала, что эта сила ответственна за самоубийство миссис Айрес?

— В общем, да.

— Вы потакали этому убеждению?

— Конечно нет. Я о нем сокрушался, находил болезненным и всячески старался развеять.

— Но оно сохранялось?

— Да.

— Как вы это объясните?

— Никак, — горько сказал я. — Хотел бы, но…

— Вам не кажется это признаком умственного расстройства?

— Не знаю. Каролина говорила… о родовой порче. Я видел, что она боится. Поймите, в доме происходило нечто… Не знаю.

Ридделл нервно снял очки и защипнул переносицу, потом вновь заправил проволочные дужки за уши.

— Должен сказать, я неоднократно встречался с мисс Айрес, но многие из присутствующих здесь знали ее гораздо лучше меня. Полагаю, мы все согласимся, что она была весьма уравновешенной молодой дамой. Одно дело, когда в сверхъестественную чушь верит горничная. Но если о привидениях говорит умная, здоровая, благовоспитанная девушка вроде Каролины Айрес… наверняка имеет место серьезное расстройство, не так ли? Все это ужасно печально, и я понимаю, как вам тяжело признать, что та, кого вы некогда беззаветно любили, помутилась рассудком. Мне кажется предельно ясным, что мы имеем дело с наследственным помешательством — родовой «порчей», как выразилась мисс Айрес. Возможно ли, что за мгновенье до смерти ее вскрик «ты!» был обращен к некой галлюцинации? Что безу-

мие уже цепко держало ее в своих лапах? Нам не дано узнать. Однако я решительно склоняюсь к тому, чтобы рекомендовать присяжным вновь обсудить вердикт «самоубийство в помрачении рассудка»… Я не медик, — продолжил Ридделл. — Вы семейный врач, и я бы хотел заручиться вашей поддержкой. Если вы не в силах ее оказать, прямо скажите об этом, и тогда, возможно, моя рекомендация присяжным будет иной. Могу ли я рассчитывать на вашу поддержку? Да или нет?

Руки мои слегка дрожали. В комнате было очень душно, я чувствовал на себе взгляды присяжных. Вновь показалось, что меня судят за преступление, в котором я виновен.

Была ли порча? Она ли день за днем, месяц за месяцем терроризировала семейство и в конце концов его погубила? Ридделл в том не сомневался, и прежде я бы разделил его мнение. Я бы тоже выдвигал доказательства, пока они не подтвердили бы желаемую версию. Но сейчас моя уверенность в этой версии поколебалась. Бедствие Хандредс-Холла гораздо непонятнее, маленький судебный зал не то место, где ему найдется четкое определение.

Но *что* же оно такое?

Я взглянул на море настороженных лиц, в ко-

тором различил Грэма, Хептона, Сили… Кажется, Сили чуть кивнул, призывая меня то ли говорить, то ли молчать, я не понял. Я видел растерянные серые глаза Бетти… Потом вдруг возник образ лестничной площадки в лунном свете. Я увидел Каролину, которая уверенно взбиралась наверх, словно по зову знакомого голоса. Вот она ступила во тьму, не зная точно, что ее ждет. Отчетливо, как лица в зале, я видел ее лицо, на котором возник ужас, после того как она кого-то узнала и что-то поняла. В ее глазах, мерцавших в серебряном свете луны, на секунду отразился чей-то темный зловещий контур…

Я ухватился за поручень свидетельского места, услышал голос Ридделла, окликавший меня. Помощник торопливо подал мне воды, публика зашумела. Но секундное наваждение уже прошло, обрывки кошмара канули во тьму. И потом, разве теперь это важно? Все кончено, погублено, мертво. Отерев лицо, я выпрямился и бесцветным голосом сообщил: да, я готов поддержать Ридделла. В последние дни разум Каролины помутился, результатом чего стало самоубийство.

Выразив благодарность, коронер меня отпустил и подытожил слушанье. Присяжные удалились на совещание, но, имея столь четкое указание,

скоро вернулись с ожидаемым вердиктом; после обычных формальностей дознание было закрыто. Вставала публика, скрежетали стулья, гомонили голоса.

— Ради бога, уйдем поскорее, — сказал я Грэму.

Он взял меня под локоть и вывел из зала.

В газеты я не заглядывал, но, полагаю, рассказ Бетти о «призраке Хандредс-Холла» был преподнесен красочно. Кажется, нашлись мерзавцы, которые, прикидываясь покупателями, требовали от риелторов показать дом. Проезжая мимо имения, я видел череду машин и велосипедов, обладатели которых пялились сквозь чугунные ворота, словно особняк стал туристической достопримечательностью наподобие замка или старинной усадьбы. По той же причине зевак привлекли и похороны Каролины, хотя суссекские родичи старались, чтобы все прошло как можно скромнее: не было ни погребального звона, ни моря цветов, ни поминок. Когда опускали гроб, я стоял позади кучки истинно скорбящих и крутил в пальцах ненадеванное обручальное кольцо, лежавшее в моем кармане.

15

С тех пор прошло больше трех лет. Все это время я без продыху работал. Когда запустили новую систему здравоохранения, я, вопреки своим страхам, не растерял, но приобрел пациентов. Думаю, этому отчасти способствовала моя связь с Айресами, ибо мое имя мелькало в местных газетах и многие, подобно оксфордским переселенцам, сочли меня важной фигурой. Говорят, ныне я популярен, мою методу считают практичной. Я обитаю все в том же старом доме доктора Гилла в верхнем конце Хай-стрит, он по-прежнему вполне подходит холостяку. Однако поселок быстро растет, появилось много новых молодых семей, и амбулатория моя выглядит все более несовременной. С Грэмом и Сили мы поговариваем о том, чтобы объединить наши практики и создать новехонький лечебный центр, который выстроит Морис Бабб.

К сожалению, Родерик так и не оправился. Я питал надежду, что потеря сестры наконец-то избавит его от помрачения — каких еще опасностей ждать от Хандредс-Холла? Но смерть

Каролины возымела обратное действие. Во всех трагедиях он винит себя и, похоже, зациклился на том, что должен понести наказание. Родерик столько раз себя поджигал, ошпаривал кипятком и всячески истязал, что его постоянно глушат успокоительным, и от него осталась лишь тень былого юноши. Когда есть возможность, я его навещаю. Теперь это гораздо легче: после того как семейные финансы окончательно истощились, он уже не мог оставаться в весьма дорогостоящей частной клинике доктора Уоррена. Ныне он пациент окружной психбольницы и обитает в палате на одиннадцать человек.

Муниципальные коттеджи на краю парка возымели такой успех, что в прошлом году к ним прибавилась еще дюжина, и это не конец планов. Я бываю в них довольно часто, поскольку среди жильцов много моих пациентов. Домики весьма уютны, на задних дворах разбиты цветники и огороды, устроены качели и детские горки. Единственное новшество — деревянный забор, сменивший сетчатую изгородь. О том просили сами жители — дескать, от вида особняка «мороз по коже». Байки о призраке Хандредс-Холла еще живы, но в основном циркулируют среди подростков и новоселов, которые лично Айресов

не знали. Самая расхожая байка гласит: в доме обитает дух служанки, которую истязал жестокий хозяин, и она убилась до смерти, выпрыгнув или выпав из окна верхнего этажа. Девица часто бродит по парку и надрывно рыдает.

Однажды я столкнулся с Бетти. Какие-то ее родственники проживали в одном из коттеджей. Было это месяца через три после смерти Каролины. Я вылезал из машины, когда из садовой калитки вышли парень с девушкой; я прикрыл дверцу, давая им пройти, но девушка остановилась и сказала:

— Не узнаете, доктор Фарадей?

Если б не широко расставленные серые глаза и мелкие кривые зубы, я бы ее не узнал, ей-богу: дешевое, но по моде расклешенное летнее платье, блеклые волосы высветлены и кудрявятся в перманенте, на губах помада, щеки нарумянены. Росту в ней не прибавилось, но тщедушность ее исчезла, либо она придумала способ выглядеть фигуристее. Думаю, ей было почти шестнадцать. По-прежнему живет с родителями, мамаша все «таскается с мужиками», рассказала Бетти; наконец-то получила место на велосипедной фабрике, какое давно хотела. Работа муторная, но девчонки там «потешные»; по вечерам и в выходные

часто ходит на танцы в Ковентри. Рассказывая, Бетти висла на руке своего кавалера. Выглядела она года на двадцать два, двадцать три — ни дать ни взять ровесница Родерика.

Она все болтала, однако ни словом не обмолвилась о дознании и смерти Каролины, и я уж подумал, что сия мрачная интермедия не оставила в ней никакого следа. Но тут хозяева дома окликнули ее кавалера, и веселость Бетти слегка угасла.

— Не страшно приближаться к Хандредс-Холлу? — тихо спросил я.

Бетти вспыхнула и покачала головой:

— Нет, но в дом и за тыщу фунтов не войду! И так все время снится.

— Правда?

Мне дом не снился.

— Сны не страшные. — Она сморщила нос. — Чудны́е. Будто миссис Айрес хочет отдать мне свои украшения — брошки и все такое. А я почему-то не беру, и она плачет… Бедная миссис Айрес. Она была такая добрая. И мисс Каролина тоже. Нечестно, что с ними такое случилось, да?

Нечестно, согласился я. Мы грустно помолчали, говорить было не о чем. Наверное, со стороны мы выглядели вполне заурядно, хотя были

единственными, кто уцелел в том ужасном крушении.

Тут пригарцевал ее ухажер, и Бетти вновь стала развязной. Она пожала мне руку, потом уцепилась за кавалера, и они зашагали к автобусной остановке. Когда минут через двадцать я вернулся к машине, парочка все еще дурачилась на скамейке: парень усадил Бетти себе на колени, она болтала ногами и хохотала.

До сих пор Хандредс-Холл не продан. Ни у кого не нашлось денег или желания его приобрести. Какое-то время ходили разговоры, что его превратят в окружной педагогический центр. Потом один бирмингемский делец вроде бы хотел перестроить его в отель. Затем все слухи сошли на нет и сейчас почти не возникают. Наверное, людей отталкивает вид имения: сады безнадежно заросли, террасы поглощены сорняками; баловники мелом изрисовали стены, камнями повыбивали окна, и теперь дом похож на засевшего в дебрях смертельно раненного зверя.

Я в нем бываю, когда выдается свободная минутка. Замки так и не сменили, а ключи у меня сохранились. Иногда я вижу, что кто-то — бродяга или самочинный переселенец — пытался проникнуть в дом; однако двери в нем крепки,

а репутация его отпугивает непрошеных гостей. Да и красть-то нечего — от вещей, которые не успела распродать Каролина, избавились ее тетка и дядя.

Нижние комнаты я держу запертыми. Последнее время меня беспокоит третий этаж: от непогоды прохудилась сланцевая крыша, в детской семейство ласточек свило гнездо. Я расставил там ведра и заколотил разбитые окна. Иногда я прохожу по всему дому, смахивая пыль и мышиный помет. В зале потолок еще держится, но это лишь вопрос времени, чтобы разбухшая штукатурка обвалилась. Спальня Каролины все больше блекнет. В комнате Родерика даже сейчас слегка тянет гарью… Несмотря на все это, дом сохраняет свою прелесть. В чем-то он даже красивее прежнего, ибо отсутствие ковров, мебели и шумных жильцов позволяет насладиться его симметричными линиями, изумительной чередой тени и света, спокойной анфиладой комнат. Я будто вижу дом глазами его создателя, когда лепнина была целехонька, а стены и потолки безукоризненно чисты. В такие мгновенья ничто не напоминает об Айресах. Дом их словно отринул, точно пружинистый дерн, что не держит следов.

Я ничуть не приблизился к пониманию того,

что произошло здесь три года назад. Пару раз я говорил об этом с Сили. Он твердо стоит на своей прежней рациональной позиции: по сути, Хандредс-Холл побит историей и погиб из-за неспособности угнаться за быстро меняющимся миром. На взгляд Сили, отставшие от времени Айресы просто предпочли отступить в самоубийство и безумие. Вероятно, во всей Англии именно так исчезают старые аристократические семьи, говорит он.

Теория его весьма убедительна, но все же порою мне неспокойно. Я вспоминаю добродушного беднягу Плута, загадочные прожоги на стенах и потолке в комнате Родерика, три кровавые капельки, проступившие на шелковой блузке миссис Айрес. Я думаю о Каролине. Представляю ее за миг до смерти на залитой лунным светом площадке. Думаю о ее вскрике — *Ты!*

Я не пытался напомнить Сили его другую, более странную теорию: дом поглотил некий мрачный зародыш, ненасытное призрачное существо, «маленький незнакомец», выпестованный растревоженным подсознанием кого-то из тех, кто был связан с Хандредс-Холлом. Однако в свои одинокие посещения дома я ловлю себя на том, что я насторожен.

Иногда я ощущаю чье-то присутствие или краем глаза улавливаю какое-то движение, и тогда сердце екает от страха и ожидания: вот сейчас секрет раскроется, я увижу и узнаю то, что увидела и узнала Каролина.

Если Хандредс-Холл обитаем, мне призрак не показывается. Бывает, я резко обернусь — и в треснувшем оконном стекле увижу перекошенное недоумением и тоской чье-то лицо, но затем разочарованно понимаю, что вглядываюсь в собственное отражение.

Заблудшая девушка (Скандал, вдохновивший на роман)

Традиция историй с привидениями полнится отголосками. Обители призраков похожи друг на друга, проклятия действуют единообразно, и всякое готическое повествование чем-то напоминает истории, рассказанные прежде. Работая над «Маленьким незнакомцем», я ловила себя на том, что невольно поверяюсь на оселках жанра и отвешиваю легкие поклоны Диккенсу, По, Ширли Джексон и Генри Джеймсу. Обвисшие желтые обои в одной из комнат Хандредс-Холла — лишь благовоспитанная дань шедевру о душевном расстройстве «Желтые обои», в девятнадцатом веке созданном Шарлоттой Перкинс Гилман. Когда понадобился невозмутимый рассказчик о порой страшных событиях романа, я решила, что на эту роль вполне подойдет неженатый сельский врач, напоминающий ученых холостяков из классических историй о призраках мистера Джеймса.

Однако зародыш «Маленького незнакомца» возник из совсем иного жанра. Его истоком стали

мои впечатления от детективного романа Джозефины Тей «Франчайзское дело», написанного в 1948 году; эту книгу я прочла более десятка лет назад, и она в равной степени меня очаровала и растревожила. Дабы прибавить еще один головокружительный виток сему произведению — одному из восьми детективных романов, которые под псевдонимом Тей шотландская писательница Элизабет Макинтош опубликовала в тридцатые и сороковые годы прошлого столетия, — скажу, что его вдохновителем стала знаменитая история о похищении, произошедшая в восемнадцатом веке.

Детали этой истории по праву заслуживают целого романа. В центре событий восемнадцатилетняя лондонская служанка Элизабет Каннинг, которая 1 января 1753 года вышла из дома родственников, тетки и дяди, и направилась к своему хозяину, жившему неподалеку, но до места так и не добралась. Несмотря на яростные усилия родичей и друзей отыскать ее, Каннинг отсутствовала почти месяц. Изнуренная, побитая и явно пережившая ужасное испытание, она объявилась лишь 29 января. По ее словам, в тот вечер в районе Мурфилдс она подверглась нападению двух мужчин, которые шесть часов водили ее по

городу, а затем доставили в публичный дом, где некая старуха убеждала ее «ступить на Стезю», то есть стать проституткой. Каннинг отказалась, и тогда злодеи ножом разрезали шнуровку ее корсета, который вместе с чепцом забрали, а саму ее заперли на сеновале, после чего явно о ней забыли. Четыре недели она держалась на хлебных корках и воде, но потом собралась с духом и, разбив окно, совершила побег, вернувшись к матушке.

Ее возвращение произвело фурор в относительно небольшом городе, каким Лондон был в середине восемнадцатого века. В районе Энфилд соседи быстро вычислили дом, ставший узилищем Каннинг, и его хозяйкам — Сюзанне Уэллс по прозвищу Мамаша и Мэри Сквайрес, известной как Цыганка, — тотчас предъявили обвинение в похищении. Однако обе заявили, что девчонку в глаза не видели, у Сквайрес даже имелось хорошее алиби (в вечер похищения она была в Дорсете), а нестыковки в рассказе Каннинг весьма запутывали дело. Каждую сторону поддерживали свои свидетели, за историю ухватились газетчики, и она вызвала чрезвычайно яростную публичную полемику.

Защитники Каннинг, среди которых был рома-

нист и мировой судья Генри Филдинг, располагавший ее показаниями под присягой, подчеркивали честность и порядочность девушки. В свою очередь, противники пострадавшей заявляли, что вся история состряпана как алиби, прикрывающее некую темную авантюру. Даже закон колебался. Вначале суд признал Уэллс и Сквайрес виновными: первую приговорили к клеймению и тюремному сроку, вторую — к смертной казни через повешение. Однако пересуд установил, что дело вывернуто шиворот-навыворот, и обвинил саму Каннинг в «злонамеренном порочном клятвопреступлении». Ее выслали в Америку, где она служила домработницей, вышла замуж, родила детей и в 1773 году скончалась в возрасте тридцати восьми лет. Все это время Каннинг упорно держалась своей версии событий, а Уэллс и Сквайрес — своей. Удовлетворительного объяснения месячному отсутствию девушки так и не нашлось, дело навсегда осталось загадкой.

Детали в рассказе Каннинг — похищение в пустынном Мурфилдсе, бордель, отнятый корсет — создают прочную оправу исторического контекста для удивительно живых зарисовок лондонской жизни восемнадцатого века. Однако более широкие, но существенные моменты

— подвергшаяся насилию девушка, разъяренная толпа, взрывное столкновение противоречивых заявлений — болтаются в своих рамках, и оттого легко понять, чем они привлекли Тей, великолепную рассказчицу, проявлявшую особый интерес к судебным ошибкам. В своем самом знаменитом романе «Дочь времени» (1951) она пересматривает обстоятельства смерти принцев и выступает в защиту Ричарда III, обеляя невероятно искаженный исторический образ короля. Однако во «Франчайзском деле» писательница идет иным путем и радикально осовременивает свою героиню, приспосабливая ее под тогдашнюю британскую аудиторию. В ее послевоенном беллетристическом изложении Элизабет Каннинг становится Бетти Кейн, пятнадцатилетней девушкой из рабочего класса, жительницей одного из центральных графств, которая после загадочного месячного отсутствия возвращается домой: избитая и ошеломленная, она рассказывает невероятную историю о том, как ее похитили и мучили.

Бетти уверяет, что на остановке ждала автобуса, когда две приличные дамы — одна пожилая, миссис Шарп, и другая помоложе, ее дочь, старая дева Мэрион, — предложили ее подвезти. Они при-

везли ее в свой дом, накормили едой, в которую было подсыпано снотворное, и стали уговаривать поступить к ним служанкой. Бетти отказалась, и тогда женщины заперли ее в мансарде, где продолжали улещивать, запугивать и бить, но в один прекрасный день ей, вконец измученной, удалось бежать. Поскольку она слыла девушкой честной и, главное, подкрепляла свой рассказ детальным знанием планировки уединенной усадьбы Франчайз, полиция серьезно отнеслась к ее заявлению: мать и дочь Шарп обвинили в похищении человека. Обескураженные женщины обратились за помощью к местному адвокату — тихоне Роберту Блэру. В романе повествование ведется от его лица, сюжет следует за его неустанными попытками обелить семейство Шарп.

Как и дело Каннинг, история Бетти Кейн становится всенародной сенсацией. Ее подхватывает злобная утренняя газетенка, общественное мнение непоколебимо на стороне пострадавшей девицы, обедневших аристократок Шарп величают не иначе как зарвавшейся знатью. Стены усадьбы испещрены надписями «фашистки», оголтелая толпа бьет камнями окна. Роберт пытается опровергнуть показания девушки, чья репутация неуязвима. Лишь в самый последний

момент, когда дело доходит до суда, мы узнаем правду о ее исчезновении. Военная сирота, Бетти взревновала горячо любимого сводного брата, объявившего о своей помолвке. История о похищении и заточении была чистой воды выдумкой, предназначенной скрыть то, что в кафе Бетти «подцепила» коммивояжера, с которым под видом его жены укатила в Копенгаген. Отлупила девицу подлинная жена торговца, застукав ее в постели собственного мужа. Невероятно точное знание планировки Франчайза было почерпнуто весьма прозаическим способом: с верхней площадки омнибуса открывался великолепный обзор дома.

Что ж, пересказ истории Элизабет Каннинг кое в чем просто восхитителен. «Франчайзское дело» — изобретательный детективный роман, где есть преступление без трупа, где жертва — само правосудие, а главное оружие — невежество, предвзятость и легкомысленная журналистика. В книге великолепно создана необходимая загадочность, дело против Шарпов выстроено так, что не подкопаешься, а сами они вместе с их спасителем Робертом — любопытные, отделанные персонажи. Все это позволило роману завоевать популярность среди читателей детективной

литературы и любовь ее авторов. Он неизменно появляется в списке лучших детективных историй (скажем, в 1990 году роман занял одиннадцатое место среди ста лучших детективных произведений всех времен по версии Ассоциации писателей детективов, а первое место было отдано «Дочери времени»), его неоднократно экранизировали в кино и на телевидении, инсценировали для радио. Впервые я столкнулась с «Франчайзским делом» еще в детстве, когда в субботней телепрограмме увидела фильм, снятый в 1951 году. Много позже, когда память об этой истории поистерлась, моя приятельница, поклонница детективной литературы, дала мне прочесть книгу, которая была частью ее старинной коллекции: издания «Пингвина» с зелеными корешками и «Пана» в старинных суперобложках. Приятельница уверяла, что это лучший из когда-либо написанных детективов.

Книга, захватившая меня с первых страниц, понудила к размышлениям. Затворницы мать и дочь, девушка с невинным личиком и ее странная, но убедительная история о том, как ее заманили в уединенный дом, раздели до исподнего, заперли в мансарде, а потом высекли арапником, — в этом есть что-то весьма необыч-

ное, думала я, некий психологический выверт, который до последней страницы заставит теряться в догадках.

В романе почти сразу возникают странности. Шарпы — тяжелые, «неудобные» личности, которых в общине не очень-то любят. Мэрион обратилась за помощью к Роберту именно потому, что ей нужен совет, как она выражается, «человека нашего сорта», — и впрямь, адвокат быстро и уверенно принимает ее сторону благодаря проявлениям светскости, подмеченным в этих женщинах: невзирая на стесненность в средствах (обстановка в доме изящная, но потрепанная), они потчуют его «восхитительным» хересом. И наоборот, Бетти не получает ни единого шанса завоевать адвокатские или наши симпатии. Ее появление в романе в школьной накидке и туфельках на низком каблуке поначалу выглядит интригующим: «обычная девочка, какую не приметишь в строю учеников». Но далее с каждым абзацем возникают сомнения в ее характере. «Она девственница?» — в присутствии пятнадцатилетней героини прямо спрашивает миссис Шарп. А чуть позже нас вместе с Робертом встревожит «безудержное ликование», промелькнувшее на лице Бетти после того, как

подтвердилась какая-то мелочь в ее показаниях: «жестокая первобытная радость исказила лицо скромной школьницы, составлявшей гордость учителей и наставников».

Иными словами, если загадка истории восемнадцатого века лишь в том, кто говорит правду — Элизабет Каннинг или ее предполагаемые похитители, — то во «Франчайзском деле» сомнения рассказчика моментально рассеиваются. Здесь загадкой становится сама Бетти, а главными вопросами — зачем ей понадобились ложные обвинения и как она сумела их обосновать. Усилия Роберта добыть факты, скрытые за месячным отсутствием девушки, по мере расширения контекста лишь укрепляют уверенность в ее вине. Скажем, адвокат отправляется на родину Бетти, чтобы больше узнать о ее покойных родителях, и выясняет, что миссис Кейн слыла «плохой матерью и женой», любила «пошалить» с солдатами и в принудительную эвакуацию охотно сбыла дочку с рук. Он посещает дом в «захолустье» грязных улочек, где Бетти скрывалась во время своего исчезновения, и от ее тетки, шумно прихлебывающей чай, узнает, что на летних каникулах развлечения девочки состояли в катанье на автобусе и одиноких походах в кино.

Такие детали, как непутевая мать, нечистота, чай, автобусы, столь же определенно помещают Бетти в ряды рабочего класса, сколь обшарпанная мебель стиля Хепплуайт и великолепный херес относят Шарпов к категории обедневшего дворянства. Пожалуй, это неудивительно для произведения того времени и подобного жанра. В классических британских детективах сильна консервативная жилка, и во «Франчайзском деле» Тей ничуть не скрывает свою нелюбовь к целям, по которым ведет прицельный огонь: французские фильмы, беженцы, профсоюзы, либеральные газеты, ирландские республиканцы, беспечные собачники… Но от враждебности к Бетти, какой проникнут роман, даже оторопь берет. Первоначальная неприязнь Роберта переходит в затаенную ненависть, которую разделяют сочувствующие персонажи, и вскоре авторское отношение к героине приближается к садизму. Мэрион «смакует» мысль о том, что Бетти «измордовали до полусмерти». Невил, младший партнер Роберта, желает «поистязать» ее или хотя бы «раскровянить ей рожу». Сам Роберт намерен «в суде публично ее оголить, сорвав с нее тряпье притворства». Безусловно, это ему по силам. Развязка романа подтверждает циничную

правоту среднего класса: с Бетти сорвана личина школьницы, и она предстает маленькой злобной нимфоманкой, под стать своей матери. В финале она получает заслуженную порку, и даже исполнительница наказания инстинктивно чувствует к ней неприязнь: «от этой шлюшки прям с души воротит».

После первого прочтения книга смутила и озадачила. И вновь потрясла меня через несколько лет, когда я собирала материалы сороковых годов для своего романа «Ночной дозор». Однако теперь в жестокости книги замаячил какой-то смысл, она уже казалась менее странной и шальной, и я положила ее в стопку отобранных документов того времени. Я начала понимать, насколько точно Тей приспособила историю Каннинг к послевоенным тревогам консервативного среднего класса, как густо роман пропитан особым страхом перед «проблемой детской и подростковой преступности». Мало кто из его первых читателей слышал о деле Элизабет Каннинг. Однако история Бетти Кейн наверняка напомнила им о другой Элизабет — восемнадцатилетней официантке закусочной Элизабет Джонс, мечтавшей стать стриптизершей. В октябре 1944 года она познакомилась с американским дезертиром;

шесть дней они куролесили, воровали и грабили, а закончилось все убийством таксиста. Над этим делом, которое получило известность как «Убийство с ямочкой на подбородке» (у таксиста была такая ямочка), Джордж Оруэлл размышляет в эссе «Упадок английского убийства», написанном в 1946 году. На его взгляд, данное дело ясно отражает тенденцию к тому, что ныне убийство становится результатом морального распада и духовного убожества, тогда как в процветающие времена отравителей вроде доктора Криппена и миссис Мэйбрик оно было частью рассчитанного движения к респектабельности. «Да, — пишет Оруэлл, — вся эта бессмысленная история с ее атмосферой танцзалов, кинотеатров, дешевых духов, вымышленных имен и угнанных машин весьма типична для военного времени». Он также подмечает, что «оскотинивание как результат войны», видимо, добавило ярости в общественное негодование, выплеснувшееся после того, как Джонс получила тюремный срок, а ее подельника повесили. (Стены ее дома в Ните пестрели надписями «Вздернуть ее!» и рисунками виселицы с болтающейся человеческой фигурой.)

Мне кажется, распаленная войной жестокость в преступлениях Джонс и общественном отклике

на них нашла свое отражение во «Франчайзском деле». Подобно Элизабет Джонс, Бетти Кейн пребывает в лихорадочном возбуждении, ибо воплощает собой средоточие гендерных, сексуальных и классовых проблем, сильно взбаламученных войной. В романе пятнадцатилетняя Бетти представлена опасной пороговой личностью, способной сойти за школьницу, если на ней ученическая форма, и за шлюху, если подкрасится помадой. (Джонс производила подобное впечатление: «Она миловидна и в школе пользовалась успехом», — записала в своем дневнике удивленная Вера Ходжсон, после того как в газетах появилась статья о преступнице и ее фото.) Для Бетти время ее исчезновения тоже пороговое: она избавилась от надзора школы, но еще не подчинилась установлениям работы. Ее свобода чрезвычайно вредна хотя бы потому, что пока она бесцельно тратит время, катаясь в автобусах и шляясь по киношкам; отчаянно нуждающийся в слугах Франчайз буквально разваливается на части, а Мэрион недопустимо гробится в домашней работе. «Постыдно, когда такая женщина расходует свою жизненную энергию на рутину», — цедит Невил. Автор подразумевает, что рутина — полноправный удел Бетти, и лихо это использует в

ее выдумке: дескать, Шарпы улещивали ее на службу у них. В мнимом заточении в мансарде девица получает «кучу простыней», которые нужно подшить. «Нет работы — нет еды», — уведомляет злобная миссис Шарп. Но для этой послевоенной девицы служба домработницей сродни ужасу из сказки братьев Гримм и отвратительна ей, как целомудренной Элизабет Каннинг из восемнадцатого века мерзка проституция.

В сороковые годы внезапно возникла реальная проблема с наймом служанок: военные тяготы и общие перемены в женской занятости увели работниц из домов знати, ибо служба от сих до сих на фабриках и в конторах сулила большее жалованье и независимость. Франчайз являет собой макет обветшалых особняков вроде Аппарка в Суссексе, о котором в своих дневниках пишет историк архитектуры Джеймс Лиз-Милн: после войны там «не имелось слуг вообще» и его аристократические владельцы потчевали гостей обедами в цокольном этаже, а семидесятипятилетняя леди Мэссингберд, хозяйка Ганби-Холла в Линкольншире, по утрам, «стоя на четвереньках», собственноручно драила лестницу. Думаю, трудно недооценить воздействие подобного на людей, которые воспринимали слуг как должное

и чье ощущение собственного «я» было неразрывно связано с возможностью приказывать. Им, еще не оправившимся от послевоенных выборов, в результате которых правительство Черчилля было сброшено, а к власти пришли социалисты, Британия конца сороковых казалась непостижимой и враждебной. Лиз-Милн цитирует Иэна Анструтера, который в августе 1947 года вернулся из Вашингтона и был поражен тем, что «впервые в истории Британии высший класс никому не нужен»: «Нынче аристократом быть невыгодно». Популярные писатели, похоже, с ним согласились. В романе Барбары Нобл «Дорин» (1946) представитель среднего класса Джеффри Осборн говорит своей бездетной жене Хелен: «Наш вид вымирает, мы стерилизованные особи»; в «Частном предприятии» (1947) Анджелы Тиркелл некогда милые обитатели Барсетшира превращаются в «самодовольных невежественных уродов», новое лейбористское правительство замышляет «уморить верхушку среднего класса», а обнищавшие сквайры с тоской вспоминают об утраченных былых удобствах.

Вот на такой почти апокалипсической смеси из утрат, неистовой злобы и опасностей покоится консервативная программа «Франчайзского

дела». Для Тей — Бетти Кейн воплощает все самое плохое в послевоенной жизни, и неудивительно, что страсти, разожженные ею в романе, несоразмерны с ее авторским присутствием. Наверное, нет ничего странного и в том, что после прочтения книги Тей надолго засела в моей голове. Я поймала себя на том, что все еще думаю о ней, даже закончив «Ночной дозор», в котором затронула влияние войны на сексуальность и отношения полов. Я задумывала еще один роман о сороковых годах, в котором собиралась исследовать трансформацию классовых отношений за десять лет, и мне казалось, что история Бетти Кейн может послужить отправной точкой. Ведь если взглянуть беспристрастно, ее жизнь достойна сожаления: равнодушная мать, сиротское детство, «невероятный красавчик» сводный брат Лесли, чья помолвка ее так огорчает, а вдобавок ко всему раннее созревание, благодаря которому в пятнадцать лет она «снимает» женатого мужчину и выдает себя за его жену. Желчный взгляд нетерпимой Тей не желает признать эти горькие факты, но мне всегда было интересно, что сказала бы сама Бетти, если б ей позволили заговорить своим голосом. В какой-то момент я серьезно подумывала о том, чтобы написать

книгу, которая переплелась бы с «Франчайзским делом» и рассказала его предысторию. Потом я решила наново переписать этот роман. В конце концов, он и сам — пересказ древней истории, в которой автор весьма своевольно обошелся с прототипом из восемнадцатого века. Что, если Мэрион с матерью вправду похитили Бетти, раздели до исподнего и отходили арапником? — слегка неуемно фантазировала я. Какая книга из этого выйдет?

Однако я думала не столько о самой Бетти, сколько об угрозе, какую она, по воле Тей, олицетворяет. Роман «Франчайзское дело» являет собой сгусток фобий, в чем-то он даже истерическое произведение. Сейчас мне кажется, что где-то в этой истерии и скрывался зародыш моей очередной книги. Я бесконечно прокручивала в голове эту историю, и наконец в ее ткани протерлась дырочка, сквозь которую просочился новый, совершенно самостоятельный текст. Я увидела обветшалый сельский дом, роскошнее Франчайза, но такой же уединенный. В моем воображении возникло увядающее знатное семейство, которое в конце сороковых могло бы жить в таком доме: стареющая миссис Айрес, пленница ускользающего былого стиля жизни, ее почти безнадежно

незамужняя дочь и израненный на войне сын. Озорно подмигнув Тей, я снабдила их юной служанкой по имени Бетти и мягким другом — доктором Фарадеем, который запутается в хитросплетениях их истории, набравшей жути и преобразившей его. В довершение я подселила к ним нечто вроде призрака. Его присутствие в доме сомнений не вызывало, хоть я и сама еще не знала, как он себя проявит. Мне казалось, что лишь некое сверхъестественное существо сумеет нагнать такого же страху, каким пропитан роман Тей, и посеять панику в представителях среднего класса послевоенной Британии.

В результате «Маленький незнакомец» получился не таким, как я его задумывала, — это совсем иной роман, по-своему напряженный и будоражащий. Но мне кажется, что под гладью его слов всегда будет проскальзывать легкая тень «Франчайзского дела», как сквозь текст романа Тей маячит история Элизабет Каннинг.